БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра теории и истории государства и права
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКАЯ НОТАРИАЛЬНАЯ ПАЛАТА
ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ,
РАБОТНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ БГУ
ООО «ЮРСПЕКТР» (ПРОИЗВОДИТЕЛЬ СПРАВОЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС»
И ОНЛАЙН-СЕРВИСА ГОТОВЫХ ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ ILEX)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Степана Григорьевича Дробязко

Минск, 23–24 сентября 2022 г.

Минск
БГУ
2022

УДК 34(06)
ББК 67я431
З-19

Редакционная коллегия:
кандидат юридических наук, доцент *А. В. Шидловский* (гл. ред.);
доктор юридических наук, профессор *В. Н. Годунов*;
кандидат юридических наук, доцент *Л. Л. Голубева*;
доктор юридических наук, профессор *Т. И. Довнар*;
кандидат юридических наук, доцент *С. А. Калинин*;
кандидат юридических наук, доцент *Д. А. Лагун*;
кандидат юридических наук, доцент *С. К. Лещенко*;
кандидат юридических наук, доцент *Е. И. Орловская*;
Н. В. Борисенко; *А. А. Гаев*; *В. Д. Ипатов*; *А. Ф. Мательский*;
О. В. Сломенец; *В. М. Бичун*; *В. Ю. Вечорко*; *Т. В. Иванова*

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор *А. Г. Тиковенко*;
доктор юридических наук, профессор *С. А. Балашенко*

Закономерности развития государства и права в контексте современ-
З-19 ного правопонимания : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. С. Г. Дробязко, Минск, 23–24 сент. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 349 с.
ISBN 978-985-881-449-6.

Представлены доклады белорусских и зарубежных ученых. Показан вклад профессора С. Г. Дробязко в развитие белорусской юридической науки. Анализируются современные проблемы юридической науки во взаимосвязи с практической деятельностью.

УДК 34(06)
ББК 67я431

Издание подготовлено при информационной и финансовой поддержке Национального центра правовой информации Республики Беларусь, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь, Белорусской нотариальной палаты, Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, ООО «ЮрСпектр» (производитель справочных правовых систем «КонсультантПлюс» и онлайн-сервиса готовых правовых решений ILEX).

ISBN 978-985-881-449-6

© БГУ, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Становление и функционирование национальной общетеоретической правовой школы в советский и постсоветский период неразрывно связано с именем доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь, Почетного работника юстиции Беларуси, заслуженного работника Белорусского государственного университета, Лауреата высшей юридической премии «Фемида» в номинации «Юридическая наука» **Степана Григорьевича Дробязко**, которому 7 августа 2022 г. исполнилось бы 100 лет. Имя профессора С.Г. Дробязко неразрывно связано с Минским юридическим институтом и юридическим факультетом Белорусского государственного университета, поэтому столетнему юбилею Наставника кафедра теории и истории государства и права традиционно посвящает научное мероприятие, в рамках которого переосмысливаются его идеи, гипотезы и гениальные прозрения.

Степан Григорьевич – представитель того поколения фронтовиков, которые уже в 1945 году в гимнастерках пришли на студенческую скамью и достижениями в учебе, а затем и в научно-практической деятельности участвовали в восстановлении своей Родины. Поступив после демобилизации в Минский юридический институт С.Г. Дробязко потом никогда не менял место работы, постепенно поднимаясь по ступенькам научной, преподавательской и управленческой карьеры (1955 г. – защита кандидатской диссертации, 1969 г. – защита докторской диссертации, заместитель декана юридического факультета, исполняющий обязанности декана юридического факультета, 1972 – 1988 гг. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, 1988 – 2018 гг. – профессор кафедры теории и истории государства и права). Однако особенно научно-педагогический талант профессора проявился в деятельности созданной им в 1972 г. научной школы «Правовое законодательство и способы его усовершенствования», в рамках которой были подготовлены 1 доктор юридических наук и 6 кандидатов юридических наук.

Данная школа, признанная всеми ведущими юридическими школами СССР и постсоветского пространства, была ориентирована на осмысление наиболее концептуальных и сложных проблем в советской и постсоветской юриспруденции, посвященных трансформации пролетарского государства в общенародное, преодолению узконормативного подхода к пониманию права, конституционному строительству в Советском Союзе, БССР и Республике Беларусь системности права и т.д. Идеи Профессора неоднократно использовались при совершенствовании и систематизации законодательства, а он сам был членом нескольких научно-консультативных советов.

Родина всегда отмечала серьезный вклад Профессора в развитие юридической науки и образования (Орден Отечественной войны II степени, Почетная грамота Верховного Совета Белорусской ССР, Нагрудный знак «За отличие» II степени Министерства юстиции Республики Беларусь, Почетный знак юридического факультета «Залаты Статут», Нагрудный знак хозяйственных судов Республики Беларусь «За заслуги в осуществлении экономического правосудия», 13 медалей и т.д.).

Неоценим вклад Наставника в воспитание многих поколений юристов. Его коллег и учеников всегда поражала его широчайшая эрудиция, глубокие знания и безграничная жизненная мудрость. Степану Григорьевичу были свойственны такие качества как порядочность, скромность, интеллигентность, образованность, трудолюбие, постоянная работа по повышению своего профессионального уровня, простота в общении.

Помня, что все мы стоим на плечах великих Учителей, и отдавая дань памяти Профессору, кафедра теории и истории государства и права, юридический факультет и вся юридическая общественность провели международную научно-практической конференцию «**Закономерности развития государства и права в контексте современного правопонимания (к 100-летию со дня рождения профессора Степана Григорьевича Дробязко**»), материалы которой предлагаются вашему вниманию. В сборнике представлены научные изыскания, посвященные вкладу профессора С.Г. Дробязко в развитие советской и постсоветской научной школы теории права, историческому наследию белорусской научной школы теории права, современным концептуально-теоретическим проблемам сущности государства и права и иным актуальным вопросам осмысления правовой реальности. Мы надеемся на то, что данный сборник, в который вошли статьи его учеников и последователей, свидетельствует о том, что дело профессора С.Г. Дробязко продолжает жить и вносить свою лепту в успешное развитие Республики Беларусь и ее правовой системы.

Шидловский Андрей Викторович,
декан юридического факультета БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Калинин Сергей Артурович,
заместитель декана по научно-образовательной деятельности
юридического факультета БГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Голубева Людмила Леонидовна
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент

ВОСПОМИНАНИЯ

Дорогие друзья! Спасибо большое за вашу работу, за приглашение, за интерес к нашим воспоминаниям.

Конечно, для нас он был просто один из членов семьи, но как же он отличался от всех!

И сестра, и брат, и наши сыновья и его невестки, каждый вспомнил и отметил, во-первых, его суперспособность в любой ситуации быть внимательным и адекватным. В отличие от мам и бабушек, он выслушивал все без нервов, без обвинений. Ему можно было рассказать все, что угодно. И найти поддержку. Вот что прислал мой брат, внук Степана Григорьевича Дробязко, сын Георгия Степановича Дробязко – Дробязко Алексей Георгиевич, который родился в 1979 году:

“Лично для меня он был и Отец, и Учитель и Друг. Человек необычайной мудрости, которому можно было рассказать о любых проблемах. После диалога сложность любого характера превращалась в недоразумение. Его объективность и отзывчивость никем не были превзойдены. Это был Человек с уникальным чувством юмора, необычайной харизмой, способный любую критическую ситуацию перевести в шутку и разрешить её.

Практически о любом человеке можно сказать что-то плохое. О Дедушке на мой взгляд даже если очень постараться плохого сказать абсолютно нечего!!! Для меня он эталон всего!!!”

А вот чем поделился мой сын – Лагуновский Антон Сергеевич, правнук Степана Григорьевича Дробязко, родившийся в 1994 году: “Я хочу рассказать о теплоте и могуществе этого светлого Человека, которую нам посчастливилось прочувствовать на себе, будучи близкими для него людьми.

Вот я маленький мальчик, захожу к прадедушке, которого все очень уважают. В контексте разговоров всплывает слово “юриспруденция”, которое больше похоже на заклинание, чем на профессию. Потом оказывается, что Дедушка доктор наук и я думаю, что он лечит науки. В дом часто приходят незнакомые люди и серьезно о чем-то разговаривают.

Потом узнаю о событиях, которые Он пережил. Воображение рисует Его молодость и события войны, как они ремонтируют самолеты, потому что разбираются в них, как Он решает сложные жизненные вопросы и коммуницирует с невероятным количеством людей.

Я захожу в комнату и вижу, как Он сидит за столом и что-то пишет в обыкновении. Прадед откладывает ручку, чтобы поздороваться и поспрашивать о моих важнейших насущных делах, потому что Он мой большой Друг. Много шутит и улыбается.

Потом в школе после уроков я прибегал к ним покушать и сделать домашние задания, которые строго проверяла бабушка, а Дедушка всегда был защитником и приходил на помощь, когда что-то не получалось. Я подрос и начал уже сам интересоваться событиями из его жизни. А что это ты пишешь постоянно? А как ты познакомился с бабушкой? А где вы жили? А что ты об этом думаешь? Юношей я спешил похвастаться спортивными медалями и достижениями. И как-то потихоньку невольно перенял его привычки и позиции.

Я заходил к ним каждый день и во время учёбы в университете.

И сейчас я понял, как многое передалось. Я, как Он, люблю сливочное масло и мёд, иногда записываю свои сны, как Он учил черпать вдохновение в своем подсознании. Я пытаюсь структурировать и разобраться во всех аспектах жизни, веду ежедневник, как это делал Он. Подхожу с юмором к сложным ситуациям.

Обычный человек, который своим упорством и трудолюбием показал, что можно зайти очень далеко и постичь загадки. Он научил пониманию, что в каждом из нас есть индивидуальность и все мы являемся необычными и интересными личностями.

Я очень счастлив, что провел так много времени с ним. Это мое сокровище.”

Вот это поистине, Он был для нас ключ от всех дверей. Он что-то читал и учился на самом деле каждый день. Делал гимнастику, помогал на кухне бабушке, заботился о ней. Восточная философия отмечает, что у всех явлений в жизни есть три состояния: благость, страсть и невежество. Так вот Степан Григорьевич был человек в благости. До самого конца. Я работала в социальной сфере и видела разные семьи, разные характеры, разные закаты жизни.

Дедушка был каким-то бесконечно благородным, по-рыцарски спокойным, каким-то чистым. Откуда это берется в людях? Ведь он был простой парень из украинской деревни.

Ему удавалось всегда поддерживать интерес к этой жизни. Они с бабушкой постоянно снабжали нас какими-то пожелтевшими распечатками о той же йоге, народными приметами как вести хозяйство, рецептами, фактами международного опыта.

Одно время были заведены семейные обеды по воскресеньям. Где-то в начале двухтысячных, когда многие продукты покупались в складчину несколькими семьями, оптом. Иногда не хотелось идти, хотелось гулять,

но нельзя – все должны быть за столом. Четыре поколения. И трудно переоценить сейчас эту атмосферу, эти разговоры. Дети благодарят теперь, вспоминают. Имеют опыт. Может и в их семьях так будет.

И если монахи, военные, врачи служат на своих местах, Степан Григорьевич преданно служил Университету и науке. Идеи верховенства права и справедливости были сутью его мировоззрения. Он как-то транслировал, что человек, каждый из нас может соответствовать даже самым высоким стандартам.

А как он был щедр! За малейшую услугу одаривал так, что я легко могла решить любую местечковую проблему.

Дедушка как-то жил так, что стал обладателем главного богатства человека – уважением хороших людей. И в результате всюду витала и окружала благоприятная энергия – это когда твоя главная цель – приносить пользу обществу. Всё, что приносит благо человеку, сохраняет его и позволяет развиваться. Мы изо всех сил теперь стараемся хоть иногда действовать и мыслить так, как старался Он.

Воспоминания записала внучка Дробязко Алёна Александровна.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ДРОБЯЗКО СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ (1922-2019) – ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. Л. Голубева

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, lyudmila.golubeva@mail.ru

Рассмотрены основные вехи жизни основателя научной школы «Правовое законодательство и способы его усовершенствования», доктора юридических наук, Профессора, Заслуженного юриста Республики Беларусь С.Г Дробязко.

Ключевые слова: научная школа; право; правовая система; принципы права; государство.

DROBYAZKO STEPAN GRIGORYEVICH (1922-2019) – DOCTOR OF LEGAL SCIENCES, PROFESSOR, HONORED LAWYER OF THE REPUBLIC OF BELARUS

L. L. Golubeva

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, lyudmila.golubeva@mail.ru

The main milestones in the life of the founder of the scientific school "Legal legislation and ways to improve it", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus S.G. Drobyazko are considered.

Keywords: scientific school; law; legal system; principles of law; state.

Развитие юридической науки и образования в Беларуси неразрывно связано с Белорусским государственным университетом. Образованный в 1921 г. университет состоял из трех факультетов: рабочего, медицинского и общественных наук. На факультете общественных наук было создано четыре отделения: общественно-педагогическое, литературно-лингвистическое, экономическое и правовое.

На протяжении всего периода существования правового отделения факультета общественных наук Белорусского государственного университета, Минского юридического института, юридического факультета Белорусского государственного университета активно проводились научные исследования в области юриспруденции. Юридический факультет является ведущим центром

высшего образования и научных исследований, флагманом юридической науки в Беларуси.

Именно на юридическом факультете Белорусского государственного университета работали и продолжают работать выдающиеся ученые-юристы, были заложены основы юридических дисциплин, созданы и функционируют научные школы. Одним из известных ученых в области теории и истории государства и права является доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь Степан Григорьевич Дробязко (1922 – 2019), чье имя известно не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами.

Сегодня конференция «**Закономерности развития государства и права в контексте современного правопонимания»** посвящена 100-летию со дня рождения этого **выдающегося Ученого**!

Степан Григорьевич Дробязко родился 7 августа 1922 г. в д. Вьюнище Сосницкого района Черниговской области. Окончив школу с золотой медалью, Степан Григорьевич был призван в армию, получив направление в 224-й горнострелковый полк, дислоцировавшийся в 7 километрах от границы с Румынией.

В мае 1941 г. С.Г. Дробязко был направлен в Серпуховскую школу авиамехаников, по окончании которой служил авиамехаником в 722-м истребительном авиационном полку Противовоздушной обороны. Степан Григорьевич – участник Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., участвовал в освобождении Беларуси от немецко-фашистских захватчиков [7, с. 4 – 16].

Весть о Победе С.Г. Дробязко встретил в Минске. Не теряя времени даром он поступил на заочное отделение Минского юридического института. В октябре 1945 г. демобилизовался, перевелся на дневное отделение Минского юридического института.

Одновременно Степана Григорьевича зачислили лаборантом кабинета политэкономии, избрали в состав партбюро факультета и заместителем председателя вузовского профкома. Начались годы старательной учебы, активной общественной работы. Незабываемым событием явилась поездка в Москву с преподавателем латинского языка Мельцером для отбора литературы в четырех разрушенных войной библиотеках. В результате в Минск привезли вагон редчайших книг, которым не было цены.

Ближе к окончанию Юридического института С.Г. Дробязко пригласили на работу в республиканскую прокуратуру. Руководство института настояло на том, чтобы оставить его в аспирантуре. И Степан Григорьевич с честью оправдал оказанное доверие. Подготовил и в 1955 г. успешно защитил в Ленинградском государственном университете кандидатскую диссертацию на тему «Закон союзной республики (по материалам БССР)», научный руководитель – заведующий кафедрой теории Минского юридического института, кандидат юридических наук, доцент Василий Александрович Дорогин [7, с. 8].

С 1950 по 1970 гг. С.Г. Дробязко был преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры теории и истории государства и права Минского юридического института, юридического факультета Белорусского государственного университета.

В 1969 г. С.Г. Дробязко защитил докторскую диссертацию на тему «Эффективность законодательства в создании материально-технической базы коммунизма (по материалам законодательства союзных республик в области промышленности)». Ученая степень «доктор юридических наук» Степану Григорьевичу была присвоена 12 июня 1970 г., ученое звание «профессор» – 16 июня 1971 г. [7, с. 8].

Глубокие знания юриспруденции не остались незамеченными юридическим сообществом СССР и Степан Григорьевич с января 1982 г. был избран членом специализированного Совета Д 063 57 04 на соискание ученой степени Д 16 17 Ленинградского государственного университета и входил в его состав на протяжении двух созывов.

Последующая деятельность Степана Григорьевича связана с Белорусским государственным университетом. Работал профессором кафедры теории и истории государства и права (1970 – 1972 гг.), 17 лет заведовал кафедрой теории и истории государства и права (1972 – 1989 гг.). [7, с. 8 – 10].

С.Г. Дробязко исполнял обязанности декана юридического факультета, работал в должности заместителя декана. Однако именно в должности заведующего кафедрой наиболее полно проявились способности Степана Григорьевича как Ученого и Руководителя. С.Г. Дробязко принимал участие практически во всех научных дискуссиях 1970 – 1980 гг. о сущности и системе права, исследовал закономерности права, выступал с лекциями в Германской Демократической Республике и Болгарской Народной Республике, выступал с национальным докладом в качестве представителя Белорусской ССР на международном конгрессе ЮНЕСКО по преподаванию прав человека в Вене.

Профессор С.Г. Дробязко участвовал в разработке проектов Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. в качестве члена рабочей группы, а также проекта Конституции Республики Беларусь в 1994 г. в качестве члена Конституционной комиссии Верховного Совета БССР и ее рабочей группы [1, с. 405 – 406].

В 1972 г. Профессор С.Г. Дробязко основал научную школу «Правовое законодательство и способы его усовершенствования» и на протяжении 28 лет являлся ее руководителем (1972 – 1989 гг., 2008 – 2019 гг.) [2; 7].

Степан Григорьевич исследовал вопросы сущности права и государства, природы социального правового государства, принципов его формирования и функционирования, предмета, сферы, объекта правового регулирования, права как системы и его закономерности, соотношения права и законодательства, способы совершенствования правового законодательства, его кодификации.

Он определил право в русле интегративной юриспруденции как регулятор верховенствующий, общесоциальный, интегративный, охраняемый государством, выражающий политическую общесоциальную справедливость в системе принципов и формально-определенных норм, точно определяющих круг субъектов права и субъектов правовых отношений, их юридические права, их обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса [3, с. 53].

Ученый выдвинул идею о трех формах бытия права: законодательство (право в книгах), правоотношения (право в правоотношениях), правосознание (право в правосознании). Отстаивал и единое понятие права как системы в ее широком и узком смыслах [3, с. 55].

По его мнению, правовая система – это не подсистема в обществе, а надсистема, метасистема, суперсистема, интегрирующая в себе все закрепляемые правом системы: естественную, экономическую, политическую, нравственную и др. Правовая система состоит не только из отраслей права, регулирующих однородные общественные отношения, но и из отраслей законодательства, регулирующих комплексы разнородных общественных отношений определенных сфер [3, с. 57].

В правовом регулировании Ученый разграничил не только предмет правового регулирования, но и сферу, и объект правового упорядочения.

По мнению Профессора С.Г. Дробязко, принципы права – это исходные непререкаемые положения, наиболее характерно выражающие сущность права, непосредственно предопределяющие его содержание (нормы), юридически закрепляющие реальные устои регулируемых сфер общественных отношений [3, с. 56].

Государство – универсальная, постоянно совершенствуемая, самая мощная, располагающая аппаратом принуждения политическая организация, предназначенная для управления обществом с целью обеспечения социального прогресса. Социальное правовое государство – конституционная система правовых и политических институтов, реально обеспечивающих суверенные права народа и международно признанные права человека, баланс интересов всех социальных групп, личности и общества на основе господства права [3, с. 61].

С.Г. Дробязко является автором более 250 научных работ. В их числе 7 монографий, 13 брошюр, 3 учебника и учебных пособия с грифом Министерства образования Республики Беларусь.

Вклад С.Г. Дробязко в науку не ограничился только написанием научных работ. Профессор подготовил 1 доктора юридических наук (Новик Юрий Иосифович, «Психологические аспекты правового регулирования (Теоретическое исследование)» (12.00.01.). Защищена в 1990 г. в БГУ.), 6 кандидатов юридических наук (Козлов Михаил Кондратьевич, «Охрана здоровья – направление в деятельности социалистического государства» (12.00.01.). Защищена в 1974 г. в БГУ; Броновец Валентина Степановна «Охрана природы – функция Советского социалистического общенародного государства (Правовой аспект)») (12.00.01.). Защищена в 1980 г. в ЛГУ имени А.А. Жданова; Вербицкий Николай Петрович «Теоретические вопросы правового воспитания школьников» (12.00.01.). Защищена в 1987 г. в ВНИИ сов. Законодательства; Евдокимов Василий Петрович «Система законодательства союзной республики» (12.00.01.). Защищена в 1989 г. в Харьковском юридическом институте имени Ф.Э. Дзержинского; Шаршун Виктор Александрович «Нормотворческая деятельность органов вооруженных сил в системе правотворчества социального правового государства» (12.00.01.). Защищена в 2003 г. в БГУ; Дворецкая Анна Анатольевна «Становление теории

юридических фактов в римской юриспруденции и ее развитие» (12.00.01.). Защищена в 2007 г. в БГУ.) [7, с. 188 – 189].

Профессор С.Г. Дробязко являлся членом ученых советов по защите диссертаций при БГУ (Д 02 01 01) и при Национальном центре законодательства и правовых исследований (Д 07 02 01), заместителем председателя ученого совета БГУ по защите докторских диссертаций по экономическим и юридическим проблемам, заместителем председателя ученого совета АН БССР по защите докторских и кандидатских диссертаций по философским и юридическим проблемам, членом Научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Беларусь.

Являлся председателем Государственного экспертного Совета по социально-экономическим проблемам и проблемам развития государственности Республики Беларусь, председателем Республиканского научно-методического совета по пропаганде правовых знаний при Правлении общества «Знание», входил в состав Центральной избирательной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов.

Деятельность С.Г. Дробязко неоднократно отмечалась государством, Белорусским государственным университетом и юридическим сообществом. Степан Григорьевич награжден Орденом Отечественной войны II степени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля 1985 г.), Почетной грамотой Верховного Совета Белорусской ССР (Указ Президиума Верховного Совета БССР от 11 июля 1967 г.), Нагрудным знаком «За отличие» II степени Министерства юстиции Республики Беларусь (2009), 13 медалями.

Профессору С.Г. Дробязко присвоены звания: Заслуженный юрист Республики Беларусь (19 декабря 1996 г.), Почетный работник юстиции Беларуси (24 апреля 2005 г.), Заслуженный работник БГУ (октябрь 2010 г.).

Союз юристов Республики Беларусь отметил многогранную деятельность Ученого высшей юридической премией «Фемида» в номинации «Юридическая наука» (12 декабря 2007 г.).

На ежегодных научных и научно-практических конференциях, ставших традициями на юридическом факультете, поднимаются и обсуждаются важнейшие проблемы юридической науки, происходит обмен опытом с учеными других стран. Также проходят научные мероприятия, посвященные Юбилейным Датам выдающихся ученых-юристов. Так, 11-12 октября 2012 г. была проведена Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе», посвященная 90-летию профессора С.Г. Дробязко. По результатам работы конференции был издан сборник научных трудов, посвященный 90-летию профессора С.Г. Дробязко «Генетические закономерности права», в который включены труды белорусских и зарубежных ученых-юристов, посвященные наиболее актуальным теоретическим и методологическим проблемам юриспруденции, особенностям современных проявлений системности в праве [2], также в серии «Служение праву» – «Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения» [7]. Издание посвящено научной и педагогической деятельности С.Г. Дробязко. В книгу вошли

биография Ученого, отдельные его научные труды, библиография его публикаций, сведения о научной школе.

С.Г. Дробязко были вручены Почетный орден «Залаты Статут», Нагрудный знак хозяйственных судов Республики Беларусь «За заслуги в осуществлении экономического правосудия».

Конференция, которую мы проводим сегодня, будет иметь непосредственное научное значение, так как в ее рамках будут подведены определенные итоги развития общей теории права за последние десятилетия, обсуждены проблемы современного правопонимания и закономерности развития права как системы, предложены мероприятия по комплексному развитию и совершенствованию национальной правовой системы и государственности. Полученные выводы будут использованы в учебном процессе, дальнейших научных исследованиях, при совершенствовании законодательства, в процессе правового просвещения населения.

Профессор С.Г. Дробязко – признанный Ученый как в советское время так и на постсоветском пространстве, настоящий Профессор, замечательный и мудрый Человек, Педагог, Руководитель, который внес бесценный вклад в развитие белорусской юридической науки и чьи идеи находят отражение в работах нынешних исследователей!

Я искренне желаю всем участникам конференции успешной и плодотворной работы!

Библиографические ссылки

1. Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. Т. 1 / редкол.: С. А. Балашенко и др. Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. 600 с.

2. Генетические закономерности права: сборник научных трудов, посвященных 90-летию со дня рождения профессора С.Г. Дробязко / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. 584 с.

3. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права: учеб. пособие для вузов. 5-е изд. Минск : Амалфея, 2011. 416 с.

4. Дробязко С. Г. Право и система его генетических закономерностей // Генетические закономерности права: сборник научных трудов, посвященных 90-летию со дня рождения профессора С.Г. Дробязко / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 11–16.

5. Калинин С. А. Степану Григорьевичу Дробязко 95 лет [Электронный ресурс]. URL: http://uvrm.bsu.by/component/k2/item/141-stepan-grigorevich-drobyazko-95-let.html (дата обращения: 15.10.2022).

6. Общая теория права: пособие / под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ; изд-во «Четыре четверти», 2014. 416 с.

7. Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения С.Г. Дробязко / Белорус. гос. ун-т, юрид. факультет, юрид. колледж ; редкол.: С. А. Балашенко и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. 206 с.

РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, constlaw.bsu@tut.by

В статье анализируется динамика развития конституционных норм, закрепляющих правовой статус Конституционного Суда. Обращено внимание на новеллы, которые появились в Конституции по итогам референдума от 27 февраля 2022 года. Высказаны авторские суждения относительно возможных направлений реализации конституционных норм в текущем законодательстве.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль; Конституционный Суд.

EXPANSION OF THE POWERS OF THE CONSTITUTIONAL COURT AS A REFLECTION OF THE LEGAL CHARACTER OF THE BELARUSIAN STATE

G. A. Vasilevich

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, constlaw.bsu@tut.by

The article analyzes the dynamics of the development of constitutional norms, enshrining the legal status of the Constitutional Court. The attention is paid to the innovations which have appeared in the Constitution as a result of the referendum of February 27, 2022. Judgments of the author concerning possible directions of realization of constitutional norms in the current legislation are stated.

***Keywords*:** judicial constitutional control; Constitutional Court.

Одним из позитивных итогов референдума от 27 февраля 2022 года является значительное расширение полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь, что свидетельствует о стремлении белорусского государства укреплять конституционную законность, обеспечивать верховенство и прямое действие конституционных принципов и норм.

Общим, что объединяет всю канву корректив полномочий Конституционного Суда с момента создания в 1994 году, является его право осуществлять проверку всех нормативных правовых актов сверху донизу.

По результатам рассмотрения дела об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности Конституционный Суд принимает решение (ст. 160 Закона Республики Беларусь от

8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве»). Отметим, что другим актом, который принимает Конституционный Суд, является заключение. Различие между решением и заключением заключается в тех правовых последствиях, которые наступают в связи с их принятием.

Согласно ст. 80 указанного Закона не только заключение, но и решение Конституционного Суда вступают в силу со дня их принятия, если в этих актах не установлен иной срок. В ст. 85 Закона определена юридическая сила заключения, решения Конституционного Суда. Согласно частям первой и второй указанной статьи заключение, решение Конституционного Суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. Заключение, решение Конституционного Суда действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими государственными органами, иными организациями, должностными лицами.

С учетом отмеченного, подчеркнем, что решение обязательно для рассмотрения, но имеет консультативный характер. Такая ситуация сложилась в связи с некачественной подготовкой Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» в 1994 году.

Ранее в своих публикациях [2, с. 205–206] автор подчеркивал, что в Конституции была закреплена смешанная система судебного конституционного контроля: правом проверки конституционности актов обладал не только Конституционный Суд, но и суды общей юрисдикции (ранее – общие и хозяйственные). Различие заключается в том, что Конституционный Суд может осуществлять такую проверку в порядке абстрактного контроля (вне связи с конкретным делом), а суды общей юрисдикции – в рамках рассматриваемого конкретного спора с участием сторон и иных участников процесса. Сейчас произошли и в этой части некоторые конституционные изменения.

В этом отношении наше законодательство отличалось от законодательства ряда других стран, в том числе государств СНГ: предполагалось, что суд при выявлении расхождения между Конституцией и иным нормативным актом сразу выносит решение по делу, руководствуясь при этом Конституцией (см. ст. 112). Однако автором не исключалось право суда при рассмотрении конкретного дела приостановить производство по нему до вынесения вердикта Конституционным Судом по вопросу о конституционности нормативного акта. Ведь здесь на первое место по значимости выдвигается законность выносимого судом постановления. Фраза «выносит решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным», содержавшееся в ст. 112 Конституции, предполагает, в первую очередь, что в процессе судебного разбирательства по конкретному делу у суда общей юрисдикции возникают сомнения в конституционности нормативного правового акта, который следовало бы применить, разрешая правовой спор, однако необходим окончательный вердикт Конституционного Суда. Когда суд отдает предпочтение конституционной норме, могут быть различные ситуации: 1) противоречия между нормативным правовым актом и Конституцией очевидны; 2) явных противоречий не обнаруживается, но сомнения у суда в конституционности акта возникают; именно в этом случае мы не исключаем возможность

приостановления производства по делу с целью прояснения ситуации в Конституционном Суде. Такой подход является вполне разумным и юридически обоснованным: он более экономичен и рационален с точки зрения защиты прав и свобод граждан, обеспечения надлежащего выполнения ими обязанностей.

Разработчики текста Конституции ставили цель добиться прямого действия конституционных норм. В авангарде этой деятельности предполагались суды. Имелось в виду, что суды будут активно применять конституционные положения, ссылаясь на них в своих постановлениях, а при выявлении противоречий между Конституцией и нижестоящим (подконституционным) актом непосредственно обращаться в Конституционный Суд для того, чтобы исключить какие-либо разночтения в восприятии конституционной нормы и получить его авторитетное мнение в виде принятого заключения. Это необходимо и для того, чтобы созданный судебный прецедент был основой для вынесения судебных постановлений по аналогичным спорам (делам). Вынесение судом общей юрисдикции решения на основе Конституции и последующее обращение с запросом в Конституционный суд мыслилось именно в качестве средства подтверждения правильности позиции суда, принявшего решение, относительно понимания смысла конституционной нормы. Не имелось в виду, что Конституционный Суд будет вторгаться в существо разрешения конкретного спора. Предполагались именно непосредственные запросы судов в Конституционный Суд без обращения в какую-то промежуточную инстанцию (Верховный Суд или Высший Хозяйственный Суд). Эти высшие судебные инстанции в своих судебных подсистемах (в настоящее время – Верховный Суд) не были наделены Конституцией и законом правом предварительной проверки конституционности примененного в деле акта, если, на наш взгляд, только оно не было предметом рассмотрения в Верховном Суде в порядке первой инстанции. Однако на практике запросов судов не было, а Верховный Суд превратился в «фильтр», который исключал обращение судов в Конституционный Суд.

Дискуссионным является вопрос о субъекте, обладающем правом делать вывод о том, что должна напрямую действовать конституционная норма: могут ли принимать решения и действовать таким образом органы общей или специальной компетенции, граждане, субъекты хозяйственной деятельности (организации)?

Одни авторы, например, А.Б. Венгеров, относят к таким адресатам, которые вправе принимать решение о прямом действии конституционной нормы, не только органы власти, но и граждан [4, с.48–49]. Он считает, что Конституция в первую очередь обращена к гражданам, которые, обращаясь к нормам Конституции, используют их для защиты своих законных интересов, прав и свобод» [4, с. 48– 49].

Как было отмечено, даже при отсутствии решения Конституционного Суда граждане, должностные лица, субъекты хозяйственной деятельности, государственные органы, когда они полагают, что есть противоречие между Конституцией и иным актом, обязаны руководствоваться нормами Основного Закона. Однако здесь следует действовать весьма осторожно, чтобы не ошибиться и не нарушить закон или иной акт, полагая, что они противоречат Конституции. Ведь

сложно однозначно утверждать, что во всех случаях гражданин или организация могут игнорировать предписания закона или иного акта, самостоятельно посчитав, что в силу их расхождения с Конституцией, они будут руководствоваться конституционной нормой. Одно дело, когда есть явное расхождение, другое, когда появились сомнения, есть неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции подлежащий применению закон. В таком случае необходимо обращаться в Конституционный Суд с соответствующим запросом о конституционности этого закона либо в иные инстанции (например, органы прокуратуры, юстиции и др.) для устранения сомнений по поводу законности иного акта. Иначе граждане (организации) берут на себя риск отрицательных последствий, если не будет подтверждено расхождение между конституционными нормами и нормами иного акта. Решения Конституционного Суда снимают какие-либо сомнения на этот счет.

Весьма мощно выглядит ст. 116-1 Конституции. Согласно части первой этой статьи, среди прежних субъектов обращения в Конституционный Суд (Президент, Палата представителей, Совет Республики, Верховный Суд, Совет Министров) назван Президиум Всебелорусского народного собрания. На наш взгляд, не исключается право обращения в Конституционный Суд по решению всего Всебелорусского народного собрания.

По предложениям названных в ст. 116-1 субъектов Конституционный Суд дает заключения по следующим вопросам.

Полагаем, что толкование Конституции может осуществляться Конституционным Судом как в рамках абстрактного конституционного контроля, так и в рамках разрешения конкретного спора о конституционности того или иного акта. Согласно абз. третьему части первой ст.116-1 Конституционный Суд выносит заключения о соответствии Конституции не только законов, указов Президента, постановлений Совета Министров, но и нормативных правовых актов других государственных органов. Формально можно сделать вывод, что акты Всебелорусского народного собрания также могут являться предметом проверки, хотя на это прямо в Конституции и не указано.

Если постановка изложенных выше вопросов отнесена к компетенции шести названных субъектов власти, то в части второй ст. 116-1 назван лишь Глава государства, по предложениям которого Конституционный Суд дает заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; о соответствии Конституции законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом; о конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум; о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь. Полагаем, что эти направления деятельности Конституционного Суда очень важны для упреждения возможных разногласий юридического характера. Ранее нами обращалось внимание на то, что практика сплошного предварительного контроля за конституционностью законов, предлагаемых Президенту на подпись, себя исчерпала и более эффективным будет подход выборочного (по решению Президента) направления тех или иных законов в Конституционный Суд [2, с. 207–208]. В настоящее время эта идея реализована в Конституции. Процедура и последствия рассмотрения

вопроса о конституционности закона, представленного на подпись Президенту, хорошо изложена в ст. 100 Конституции. Может быть лишь некоторые сомнения вызывает установление для Конституционного Суда короткого (десятидневного) срока для вынесения заключения, особенно если это касается объемного акта. В Конституции Российской Федерации установлен более продолжительный срок.

Как следует из части третьей ст. 116-1 в случаях, предусмотренных Конституцией, Конституционный Суд в двухнедельный срок дает заключения:

по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания о наличии фактов систематического или грубого нарушения Президентом Конституции (было бы правильно также не позднее десяти дней до рассмотрения дела в Конституционном Суде направлять Президенту материалы, которые явились основой для инициирования дела в Конституционном Суде; в нашей практике в 1996 году были попытки рассмотреть дело в Конституционном Суде по вопросу об импичменте Президента в трехдневный срок со дня поступления материалов, хотя даже действовавшее тогда законодательство устанавливало обязанность дать возможность в течение десяти дней подготовиться Президенту или его представителям к процессу);

по предложению Президента о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции (если в законодательстве имеется определение систематического нарушения палатами Конституции, то этого нельзя сказать относительно определения грубого ее нарушения; в Законе «О Национальном собрании Республики Беларусь» это следует сделать; даже если не получится определить полный перечень таких нарушений, все равно это было бы важным ориентиром для деятельности Парламента; вариантом может быть толкование данной нормы Конституционным Судом).

Конституционный Суд по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания дает заключения о конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики.

В соответствии с частью пятой ст. 116-1 Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения:

по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты;

по запросам судов, проверяя конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел.

В процессе обсуждения проекта изменений Конституции автором предлагалось расширить перечень актов, конституционность которых может быть проверена по жалобам граждан в Конституционном Суде, не ограничиваясь только законами. Пока было решено остановиться на этих видах актов, что также можно оценить положительно.

Что касается запросов судов, то здесь найдена оптимальная редакция. Выражение во множественном числе – «по запросам судов» – означает, на наш взгляд, что сами суды, у которых возникла необходимость прояснить конституционность акта, будут обращаться в Конституционный Суд. Верховный Суд при такой редакции не может блокировать запрос суда в Конституционный Суд

таким образом, что только он вправе направлять обращение в Конституционный Суд. Конечно, в законодательстве можно предусмотреть некоторые организационные аспекты, не посягая на требования Конституции.

Часть пятую ст. 116-1 следует рассматривать во взаимосвязи со ст. 112. Согласно прежней редакции ст. 112 Конституции, если суд при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он принимает решение в соответствии с Конституцией и законом и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным [1].

В измененной после референдума 27 февраля 2022 года статье 112 Конституции предусмотрена более мягкая формула: если при рассмотрении конкретного дела у суда возникнут сомнения в конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению, суд до вынесения судебного постановления ставит в установленном порядке перед Конституционным Судом вопрос о проверке конституционности данного нормативного правового акта. Остается надеяться, что суды будут более тесно взаимодействовать с Конституционным Судом. Полагаем, что прежняя редакция ст. 112 Конституции более полно содействовала реализации принципа прямого действия Конституции, который в настоящее время прямо зафиксирован в ст. 7 Конституции [3].

Таким образом, анализ развития белорусского законодательства свидетельствует о существенном расширении компетенции Конституционного Суда Республики Беларусь. Это позволит ему оказывать позитивное воздействие на общественные отношения, укреплять законность и правопорядок, что является неотъемлемым атрибутом правового государства.

Библиографические ссылки

1. Василевич Г. А. Конституция как акт прямого действия и проблемы совершенствования законодательства // Гуманітарна-эканамічны веснік. 1998. № 1. С. 110–115.

2. Василевич Г. А. Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования : материалы Междунар. конф., посвященной 20-летию Конституционного Суда Респ. Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.) ; редкол.: О. Г. Сергеева и др. Минск : Белорусский Дом печати, 2014. 256 с.

3. Василевич Г. А. Принцип прямого (непосредственного) действия Конституции Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2022. № 7. С. 32–35.

4. Венгеров А. Б. Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 48–55.

5. Чудаков М. Ф. Конституционный контроль или конституционное правосудие? // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования : материалы Междунар. конф., посвященной 20-летию Конституционного Суда Респ. Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.) ; редкол.: О. Г. Сергеева и др. Минск : Белорусский Дом печати, 2014. 256 с.

СУВЕРЕНИТЕТ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ И ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В. Н. Ватыль

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, vatylvn@gmail.com

Устойчивое государственное развитие Беларуси в современных условиях напрямую связано и во многом зависит от состояния и перспектив суверенитета государства, его внутренней и внешней среды. Кризис неолиберальной модели глобального миропорядка, нарастающие катаклизмы в структурах обеспечения безопасности на европейском континенте, пандемия, специальная военная операция (СВО) России в Украине, развертывание информационной агрессии – те новые вызовы и угрозы, которые, с одной стороны – весомо свидетельствует о высокой реальной значимости обозначенных выше факторов в поддержании устойчивого статус-кво национального государства, с другой – о возрастании исследовательского интереса к их аналитике и оценке.

Ключевые слова: государство; суверенитет; геополитика; цифровизация; угрозы; вызовы.

SOVEREIGNTY OF THE BELARUSIAN STATE: GEOPOLITICAL THREATS AND DIGITAL CHALLENGES

V. N. Vatyl

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Street, 230023, Grodno, Belarus, vatylvn@gmail.com

The sustainable state development of Belarus in modern conditions is directly related and largely depends on the state and prospects of the sovereignty of the state, its internal and external environment. The crisis of the neoliberal model of the global world order, the growing cataclysms in the security structures on the European continent, the pandemic, the special military operation (SVO) of Russia in Ukraine, the deployment of information aggression - these are the new challenges and threats that, on the one hand, strongly indicate a high real significance the above factors in maintaining the stable status quo of the nation state, on the other hand, the growing research interest in their analysis and evaluation.

Keywords: state; sovereignty; geopolitics; digitalization; threats; challenges.

Геополитические угрозы и суверенитет государства – системные понятия, взаимосвязь между которыми представляет одну из устойчивых граней в характеристике этих сложных феноменов. Значимость этой грани связана с тем, что в ней пересекаются и отражаются как внутренние, так и внешние важнейшие экономические запросы, социальные интересы, политические цели и мировоззренческие идеалы социумов и государств. Противоречивое взаимодействие указанных компонентов, в котором переплетаются нарастающая кооперация и

угрожающая конкуренция, во многом определяют современную статику и динамику глобализационных процессов и государственного суверенитета.

Нарастающее противоречие между глобальным экономическим базисом и локальной национально-государственной надстройкой для нас становится исходным в характеристике содержательных аспектов геополитических угроз:

1. Резкое обострение взаимосвязи между нынешней экосферой и техносферой. Оно ведет к подрыву фундаментальных основ, императивов устойчивого развития, в том числе и государственного. Сошлемся на один пример. Скорость вымирания видов живых существ уже многократно превысила темпы естественного процесса вымирания видов. Каждый день планета лишается в среднем 72 видов. Если взять самую верхнюю оценку количества видов живых существ на Земле – 100 миллионов, – то в год вымирает 263 вида на каждый миллион, при естественном темпе вымирания в один вид на каждый миллион в год [1, с.24].

2. Нарастание циклического спада в мировой экономике. Он вызревал не один год, приобретая в последние времена, под влиянием последних текущих форс-мажорных обстоятельств, угрожающий характер. Остановка многих предприятий и фирм в силу падения платёжеспособного спроса, ограничения либо даже прекращения мобильности товаров и рабочей силы, изъятия капиталов из инвестиционной сферы, резко возросшие издержки на нужды санитарии, здравоохранения, социальной инфраструктуры – все это умножило деструктивный эффект в функционировании национальных экономик, переводя разрастающийся глобальный кризис в разряд экстраординарных [5, с. 11].

3. Явный экономический кризис влечет и очевидные социальные последствия. Структурные издержки с учетом эффекта пандемии и развернувшихся военных действий между Россией и Украиной оказываются намного тяжелее того, что сулил ординарный циклический спад. По многим направлениям хозяйственная деятельность и общественная жизнь государственных социумов оказались просто блокированы. Чем продолжительнее форс-мажорные проявления кризиса глобализации, тем больше и болезненнее ущерб, наносимый преобладающей массе населения. Ширятся зоны бедности, несмотря на все усилия компенсационного порядка. В постбиполярное время повсеместно усилилось имущественное расслоение социума [2, с.184].

4. Релятивизация принципа суверенитета. Суверенитет государства, как известно, представляет собой верховенство государственной власти внутри страны и ее независимости на международной арене. В условиях глобализации, когда ускоренными темпами происходит транснационализация политической элиты, этот принцип подвергается воздействию и пересмотру. Глобальная космополитическая элита обладает огромными финансовыми, технологическими, информационными, материальными и иными возможностями, а также определенной социальной поддержкой внутри государства в лице космополитического сегмента местной элиты. В определённые, чаще всего, конфликтные моменты времени космополитическая элита может на непродолжительные периоды расширять свою социальную базу за счет заинтересованных в ней слоев населения, консолидируя их вокруг информационно-привлекательных смыслов, истинное содержание которых тщательно скрывается. Впоследствии, при благоприятных условиях, эти смыслы трансформируются нередко в технологии «цветных» революций.

5. Опасность сепаратизма. Суверенитет имеет территориальный характер, а сам суверенитет связан с территориальной целостностью. Распад государства или отделение его территориальной части означает либо полное исчезновение его суверенитета, либо уменьшение пространства, охватываемого им. Сам факт нарушения территориальной целостности ставит вопрос о способности современного государства контролировать свою территорию, что лежит в основе суверенитета. Как показывает современная практика, в условиях глобализации политика, проводимая глобальной элитой, нередко направлена на поддержание сепаратизма в различных регионах мира.

6. Рост количества и влияния негосударственных субъектов. К ним относятся ТНК, неправительственные организации, террористические и организованные преступные группировки, а также ряд других, тесно связанных с глобальной элитой. Хотя глобальная элита по-прежнему уделяет большое внимание удержанию под своим контролем государств, в последнее время наблюдается тенденция к выходу за национально-государственные границы и укрепления их связи с вышеозначенными структурами, что представляет явную угрозу суверенитету государств.

Охарактеризованные угрозы наглядно свидетельствуют, что неолиберальный вариант глобализации, навязываемый рядом крупных западных стран и региональных объединений, не «срабатывает», буксует, создает тупиковые пути и варианты функционирования и движения для всего мира. Кризис текущего этапа глобализации и его либеральной модели обоснования говорят о необходимости возращения в число приоритетов устойчивого социального развития такого компонента, как суверенитет государства.

Наряду с геополитическими угрозами проблему для сохранения государственного суверенитета создают и цифровые вызовы. Нарастающая цифровизация как мейнстрим очередной трансформации мира ощутимо влияет на традиционные институты взаимодействия власти и общества. Попадая под ее воздействие, привычные политические практики меняют свой информационно-коммуникативный облик, что, как следствие, вызывает изменение характера устоявшихся политических структур и организаций. Прежде всего – государства. Усиление процессов геополитической турбулентности, конкуренции за глобальное информационное доминирование принципиально изменяют как сам миропорядок, так и обычные методы контроля и регуляции информационно-коммуникативного пространства. Вышеперечисленные процессы несут реальную угрозу для реализации информационного суверенитета государства [4, с.197].

Набирающие силу информационно-цифровые изменения поставили государственную власть перед фактом трансграничного влияния глобальных цифровых корпораций, которые уже не просто занимаются сбором и анализом данных граждан в своих интересах, но и пытаются монополизировать за собой само предоставление права на коммуникацию. А это уже прямая угроза информационной безопасности для граждан и государства, непосредственный вызов для информационного суверенитета как принципа цифровой политики страны.

Трансграничные цифровые корпорации все в большей мере претендуют на политическую субъектность. Они являются не просто организациями, а сосредоточением власти, обусловленным концентрацией капитала и привилегированным доступом представителей бизнеса к государственным служащим и

политикам. Фронтальные цифровые трансформации начинают влиять на политику и благодаря такому корпоративному феномену, как капитализм платформ, основанному на деятельности цифровых платформ, принадлежащих технологическим корпорациям.

Именно цифровые платформы инициируют процесс платформизации – проникновение цифровых инфраструктур в социально-политическую сферу жизнедеятельности общества, а также формируют условия для реализации модели капитализма платформ и связанных с ним неоднозначных сетевых эффектов [3, с. 41–46]. К таковым, в частности, относятся феномены деплатформинга и деплатформизации [6]. Деплатформинг в политическом аспекте связан с ограничением (и даже блокировкой) со стороны владельцев цифровых платформ учетных записей и аккаунтов пользователей по политическим причинам. Деплатформизация связана с более масштабной деятельностью цифровых корпораций-монополистов (Google, Amazon, Apple, Facebook, Microsoft и др.) по вытеснению цифровых корпораций-конкурентов с альтернативной политической идеологией на периферию глобальной цифровой экосистемы.

Глобальные цифровые корпорации начинают обретать политическую субъектность и в том, что они становятся прямыми конкурентами государства в процессах формирования цифровых идентичностей. Различные формы цифрового мониторинга, онлайн-маркетинга, алгоритмического поиска получают в литературе название «новой алгоритмической идентичности». Такая «плавающая», постоянно адаптирующаяся к внешней цифровой среде идентичность в виде цифровых аватаров (аккаунтов) создается не самими гражданами, а от их имени посредством корпоративных действий, полностью завися от алгоритмов. В итоге, подобная практика цифровых платформ становится угрожающим вызовом для информационного суверенитета государства.

Библиографические ссылки

1. Бодрунов С. Д. От хомо экономикус – к хомосапиенс // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 18–31.

2. Левчук М. Н. Инновационная безопасность Республики Беларусь: информационно-политические и техно-социальные основания : монограф. Мн. : РИФШ, 2020. 308 с.

3. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2020. 106 с.

4. Терентьева Л. В. Концепты суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200.

5. Шамахов В. А., Межевич М. М. Суверенитет vs развитие. Экономика Беларуси в контексте актуальных тенденций мирового развития // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 10–20.

6. Volodenkov S. Digital human rights: risks, challenges, and threats of global socio political trans-formations // Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana de Derecho Constitucionales. 2022. № 46. P. 279–316.

СИСТЕМНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ КОМПЛЕКСНОСТИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Т. И. Макарова

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, tamaramakarava@gmail.com

Исследуются факторы формирования и поддержания устойчивости системы права. Доказывается, что системность современного права опирается на такие свойства как комплексность, посредством которой создаются внутренние связи, и междисциплинарность, опосредующая взаимодействие юридической науки с иными отраслями научных знаний.

Ключевые слова: системность; система права; принципы права; комплексность; междисциплинарность.

SYSTEMICITY OF MODERN LAW: A VIEW FROM THE POSITION OF COMPLEXITY AND INTERDISCIPLINARITY

T. I. Makarova

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, tamaramakarava@gmail.com

The factors of formation and stability of the law system are investigated. It is proved that the consistency of modern law is based on such properties as complexity, through which internal connections are created, and interdisciplinarity, which mediates the interaction of legal science with other branches of scientific knowledge.

Keywords: systemicity; system of law; principles of law; complexity; interdisciplinarity.

Системность в философском понимании рассматривается как универсальная категория и всеобщий принцип, согласно которым «все предметы и явления мира представляют собой системы той или иной степени целостности и сложности» [1]. В прикладном значении системность означает признание взаимосвязанности объектов материального мира либо сфер общественной жизни на основе анализа причинно-следственных и функционально обусловленных прямых и обратных связей с целью понимания перспектив развития. Итак, системность — неотъемлемое свойство материи, проявляющееся в следующих признаках: связь объектов материального мира, процессов и явлений при понимании их относительной обособленности, в силу наличия количественных и качественных различий между ними; взаимодействие друг с другом относительно обособленных предметов, вещей, явлений [2, с. 39–49].

Продемонстрированный философский взгляд позволяет оценить системность такого общественного явления как право с точки зрения его

непосредственного объекта — социальных отношений, выступающих первоосновой и источником правообразования и объективно нуждающихся в том, что принято называть социальной нормативностью. Сложившиеся связи развитого общества имеют непосредственное влияние на понимание права как явления социальной жизни и соответственно построение системы права и законодательства, что, в свою очередь, требует своей собственной научной основы в виде методологии, сочетающей в себе общие приемы, характерные для юридической науки в целом, и специальные признаки, позволяющие отличать одни группы общественных отношений от других с целью дальнейшего грамотного юридического оформления.

На первый взгляд, при сформированности правовой системы вопросов отнесения определенных отношений к предмету конкретной отрасли права (законодательства) возникать не должно, но общество, развиваясь, порождает новые связи, которые подлежат правовому регулированию и включению в сложившуюся систему без ущерба для целостности последней. Профессор С. Г. Дробязко обращает внимание на такое качество общественных отношений, как то, что они не составляют изолированные, обособленные группы, а «взаимосвязаны, переплетаются, комплексуются». И законодатель вынужден упорядочивать такие комплексы значительно чаще, чем однородные отношения, что и обусловливает появление соответствующих норм, «не вписывающихся» только в одну отрасль права. Это, по мысли профессора С. Г. Дробязко, и есть комплексные отрасли права, «… представляющие системы норм, регулирующих комплекс разнородных взаимосвязанных между собой общественных отношений, объединенных определенной сферой» [3, с. 11–12]. Таким образом, комплексность как одно из состояний правовой системы как бы испытывает саму эту систему на прочность, однако, понимая значение термина «комплекс» (лат. complexus) как «связь, сочетание, полный набор элементов системы или свойств по какому-либо определенному признаку, охватывающий целую совокупность предметов, явлений или процессов» [4, с. 337], мы видим, что это свойство также влияет на построение права как системы.

Формированию системности в праве способствует и иной юридический фактор, на основе и посредством которого создаются не только внутренние связи, но также взаимодействие права с иными отраслями науки. Таким свойством обладает междисциплинарность — понятие, которым принято определять особый научный подход, позволяющий, четко понимая границы исследуемого объекта, выйти за рамки его предмета и метода и тем самым расширить мировоззренческую позицию исследователя.

Для юридической науки видение междисциплинарных связей, существующих и формирующихся вокруг нее и внутри ее самой, есть инструмент для уяснения: а) места юридической науки среди иных наук (не только гуманитарных и социальных, но также и естественных); б) места права в системе социальных регуляторов; в) внутри самой юридической науки — для понимания права как системы, что, безусловно, имеет фундаментальное значение. Последний тезис может быть разъяснен мыслью профессора С. Г. Дробязко: «В системе права имеется столько ее отраслей, сколько реально существует в обществе родов общественных отношений, упорядочиваемых правом» [5, с.12], что, в свою очередь,

указывает на такой признак системы «юридическая наука — право — законодательство», как единство и дифференциация правовых норм как элементов этой системы.

Основой же для пребывания системы права одновременно в состояниях комплексности как диалектической цельности и междисциплинарности, в основе которой размежевание отраслей права по предмету и методу правового регулирования, является выявление связей и различий. Единство и цельность такого рода вытекает из теории систем [2], с помощью которой это единство объясняется как «неотъемлемое свойство права как системы» [5], а вот дифференциация указывает на усложнение этой системы, итогом этих двух процессов станет комплексность и междисциплинарность как имманентные свойства системности права и факторы, формирующие закономерности, познаваемые юридической наукой.

Теория подтверждается практикой. Несколько слов об отрасли права, комплексный характер которой не вызывает сомнения, — о праве экологическом. Общеизвестно, что основу экономики всех социально-экономических формаций, ее материальный базис составляет использование природных ресурсов, что, собственно говоря, и порождает все экологические проблемы. Понимание этого обстоятельства привело к разработке мер противодействия загрязнению окружающей среды, вследствие чего сформировалось современное содержание науки экологии, в числе прикладных задач которой прогнозирование и оценка потенциальных отрицательных последствий экономической деятельности, а также обоснование соответствующих природоохранных мер, которые для того, чтобы их можно было применять в практической деятельности, должны быть оптимально закреплены в законодательстве.

Таким образом, существенным фактором формирования экологического права является внешне обусловленный (зависимый в первую очередь от науки экологии) характер. В данном случае мы вправе говорить о наличии междисциплинарных связей между отраслями науки, лежащими в различных областях научного познания – естественнонаучного (экология) и социально-гуманитарного (юридическая наука). Это первый уровень междисциплинарных связей, на который мы обращаем внимание.

При этом есть еще и внутреннее наполнение междисциплинарности юридической науки, отражающее интегративный связи, которые ей присущи. Речь идет о междисциплинарности, существующей внутри правовой науки. И здесь она также предстает в виде фактора, влияющего на построение сложноорганизованной системности. Она, юридическая наука, на различных исторических этапах ее становления и развития проходит через процессы дифференциации, т. е. распадения однородной, «единой и целостной» системы на ряд относительно автономных областей и последующей интеграции ранее самостоятельных предметных сфер, с возникновением комплексных или синтетических дисциплин.

Так, в первые годы советской власти установление права исключительной государственной собственности на природные ресурсы и исключение вследствие этого их из гражданского оборота повлекло формирование новых отраслей, в рамках которых осуществлялось регулирование земельных, лесных, горных, водных отношений (соответственно — земельное, горное, водное, лесное право).

Возврат овеществленных компонентов природной среды в гражданский оборот в 90-е годы XX века, произошел уже в новом, обогащенном экологическим наполнением содержании. При этом правовой режим перечисленных компонентов природной среды может рассматриваться (да и рассматривается) как отдельная отрасль природоресурсного законодательства. Но уже неоднократно было доказано, что попытки отдельного изучения природоресурсной части экологического права от ее природоохранной составляющей, а также отдельно правового режима компонентов природной среды, не дают объективного результата [5]. Таким образом, этот следующий уровень междисциплинарных связей существует внутри самого экологического права.

Кроме того, в правовой науке мы не можем не видеть особую взаимосвязь, существующую между, на первый взгляд, противостоящими друг другу отраслями, противостоящими в силу предмета, целей и задач, которые они решают – предпринимательское и экологическое право. Предпринимательская деятельность в своей основной цели направлена на систематическое получение прибыли лицами, ее осуществляющими, в том числе путем использования природных ресурсов и внесения загрязняющих веществ в окружающую среду. Последняя есть общее благо, сохраняемое в соответствии со статьей 46 Конституции Республики Беларусь в интересах каждого. Охрана окружающей среды возлагается, в первую очередь, на тех, кто осуществляет хозяйственную деятельность, опасную для природы. Именно в отношении такой деятельности установлены нормативы допустимого воздействия, ей адресованы экологические требования. Соединение этих противоположных, на первый взгляд, обстоятельств способствовало появлению такой предпринимательской деятельности, которая объективно служит делу охраны окружающей среды, – экологическому предпринимательству. Связь, существующая между хозяйственной деятельностью и комплексом природоохранных мероприятий оказала влияние на формирование особых междисциплинарных природоохранных инструментов, таких как экологическое страхование, экологический аудит, экологическая сертификация. Это третий уровень междисциплинарных связей.

Подводя итог, обращаем внимание на позитивное влияние комплексности и междисциплинарности на развитие права и правовой системы, а значит выступающих факторами, которые формируют закономерности современного права. Остается вопрос о грамотном понимании данных научных инструментов, влияющих на устойчивость правовой системы и их сопряжении с практикой нормотворчества.

Библиографические ссылки

1. Системности принцип [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/ (дата обращения: 02.09.2022).

2. Блауберг И. В, Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 271 с.

3. Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование // Нац. центр законодательства и

правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) и др. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 5. С. 11–22.

4. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Изд-во «Аделант», 2014. 800 с.

5. Дробязко С. Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия : сб. науч. тр. ; редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) и др. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3–24.

6. Макарова Т. И., Кузьмич И. П., Лизгаро В. Е., Шахрай И. С. Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства в свете принятия нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» // Pravo.by. 2019. № 3 (59). С. 76–84.

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Т. И. Довнар

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, dovnar-taisa@rambler.ru

Статья посвящена истории развития научных школ на кафедре теории и истории государства и права БГУ. Отмечено, что они формировались на основе длительного исторического развития правовой науки Беларуси, а ее участники вносили и вносят существенный вклад в науку права и правоприменительную практику.

Ключевые слова: правовая наука; кафедра теории и истории государства и права; научные школы; достижения.

SCIENTIFIC SCHOOLS OF THE DEPARTMENT OF THEORY ANDHISTORY OF STATE AND LAW

T. I. Dovnar

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, dovnar-taisa@rambler.ru

The article deals with the history of the development of scientific schools at the Department of Theory and History of State and Law of the Belarusian State University. It is noted that they were formed on the basis of a long historical development of the legal science of Belarus, and its participants have made and are making a significant contribution to the science of law and law enforcement practice.

Keywords: legal science; Department of Theory and History of State and Law; the Belarusian State University; scientific schools; achievements.

Правовая наука Беларуси, как и сама белорусская государственность, прошла определенные исторические этапы развития, каждому из которых были свойственны характерные черты и особенности, достижения и недостатки. Истоки науки находятся в далекой древности, когда с возникновением древних белорусских княжеств (Полоцкого, Турово-Пинского и др.) появилась и группа людей – хранителей и толкователей народных обычаев, а также мыслителей, рассуждающих о сущности и предназначении государства и права.

На протяжении столетий развитию отечественной правовой науки способствовала политико-правовая мысль, вызванная практическими потребностями развития государственности. Именно она послужила теоретико-идеологической базой возникновения нового, более прогрессивного общественного правосознания. Например, XVI в. ряд выдающихся белорусских мыслителей (Франциск Скорина, Михалон Литвин, Сымон Будный, Андрей Волан, Николай Радзивилл Черный, Астафий Волович, Лев Сапега и др.), исследуя проблемные теоретико-правовые вопросы, активно вносили существенные предложения по улучшению государственной деятельности [1, с.359]. Именно результатом их деятельности стало создание Статутов 1529, 1566, 1588 гг. – первых в Европе сводов законов весьма высокого для того времени уровня.

Многие белорусские мыслители в последующие столетия разрабатывали теоретико-правовые и исторические вопросы, вносили предложения по совершенствованию государства и права. Так, в конце XX в. М. В. Довнар-Запольский в своем исследовании «Белорусское прошлое» (1888) впервые создал ядро концепции исторического развития белорусского народа и поставил проблему национального возрождения Беларуси. Итогом теоретических наработок и национально-освободительного движения стало провозглашение 1 января 1919 года Белорусской Советской Республики.

Возобновление развития белорусской юриспруденции напрямую связано с открытием в 1921 г. Белорусского государственного университета, преподаватели и студенты которого во главе с ректором В. И. Пичетой активно занимались научной деятельностью. Активизации научной деятельности в сфере права способствовало создание в 1922 г. Института белорусской культуры, а также образование в БГУ научного общества, в котором имелась и юридическая секция. К 1930 г. было опубликовано 25 выпусков научных статей. Среди авторов выделялись профессора В. И. Пичета, М. О. Гредингер, В. Н. Ширяев и др. Ученые (Ф. И. Гавзе, Н. М. Гутковский и др.) занимались и практическими проблемами, в том числе упорядочением законодательства, его систематизацией и др. [2, с.14-15].

После Великой Отечественной войны в Белорусской ССР закладывается новое направление историко-правовой науки – история государства и права БССР. В 1958 г. вышел коллективный труд ученых «Очерки истории государства и права БССР». Вторая часть была опубликована в 1969 г. В 1970–1976 гг., благодаря сотрудничеству ученых БГУ, Академии наук БССР и Минской высшей школы МВД СССР, было издано два значительных тома: «История государства и права Белорусской ССР» (авторы С. П. Маргунский, И. И. Потеружа, В. М. Артемов, Ю. П. Бровка, М. В. Сторожев, В. И. Семенков, В. И. Шабайлов, И. А. Юхо и др.). Все это способствовало активизации научных исследований.

В этот период на кафедре теории и истории государства и права БГУ значительно расширяются исследования по всем направлениям правовой науки, в том числе по теории государства и права (В. А. Дорогин, С. Г. Дробязко), истории государство и права России (Б. Е. Бабицкий, А. С. Фарфель, Э. А. Калинина, В. П. Серебренников). Сложным и дискуссионным вопросам советского государственного строительства и права посвятил свои труды С. Г. Дробязко («Право и материально-техническая база коммунизма», 1967 г. и др.). В сфере истории государства и права были опубликованы работы И. И. Мартинович («История суда в БССР», 1961 г., «Авокатура в БССР», 1973 г.); И. А. Юхо («Правовое положение населения Беларуси в XVI в.», 1978 г.) и др. Несколько позже появляются работы А. М. Абрамовича «Госстрой СССР» (1982 г.), А. Г. Тиковенко «Начальник и подчиненный. Правовые аспекты служебных отношений», (1984 г.) и др.

Таким образом, в 1960-1980 гг. на основе разработки учеными юридического факультета всех направлений правовых исследований закладывались основы отечественных научных школ. Первой научной школой на юридическом факультете явилась «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», основателем которой стал кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права И. А. Юхо. Особо важная его заслуга в том, что в 1963 году впервые он стал читать новый учебный курс «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», что имело следствием не только повышение интереса к историко-правовым исследованиям, но и уважение к истории белорусского народа. На кафедре был образован научный кружок, ряд студентов которого стали последователями ученого. В последующем уже доктор юридических наук, профессор И. А. Юхо подготовил два доктора и десять кандидатов юридических наук. Он опубликовал свыше 20 монографий и 60 научных статей, 25 учебных и учебно-методических пособий и др. При этом научной заслугой И. А. Юхо является не только разработка, но и постановка многих проблемных вопросов истории белорусского государства и права, что стало основанием все большей активизации научных исследований в сфере истории государства и права.

Следует отметить, что в указанный период сотрудники кафедры теории и истории государства и рава преподавали учебную дисциплину «Международное право» и занимались научной деятельностью в этой сфере. Так, международная деятельность Белорусской ССР освещалась в трудах М. М. Авакова, Ю. П. Бровки, Л. В. Павловой. Значительным достижением в этой области стали монографии Ю. П. Бровки «Международная правосубъектность БССР» (1967 г.) и «Белорусская ССР – суверенный участник международного общения» (1974 г.). Таким образом, именно на кафедре теории и истории государства и права началось зарождение отечественной научной школы международного права.

В этот же период на юридическом факультете БГУ зарождаются другие правовые научные школы, основателями которых являлись знаменитые профессора, участники Великой Отечественной войны А. А. Головко, С. Г. Дробязко, А. В. Дулов, В. Ф. Чигир, Н. Г. Юркевич. В том числе впервые в 1972 году под руководством доктора юридических наук, профессора С. Г. Дробязко зарождается на кафедре теории и истории государства и права научная школы в сфере теории государства и права под названием «Правовое законодательство и его закономерности». Ученый руководил теоретико-правовой школой по 2019 год. Им были

подготовлены 6 кандидатов наук и один доктор юридических наук, опубликовано более 250 научных работ. Его труды способствовали развитию отечественной теоретико-правовой науки. К ученому обращались многие ученые-юристы по проблемным вопросам теории государства и права. Отдельное внимание он уделял консультациям молодых ученых, предостерегая их от поспешных и необоснованных выводов. Особой научной заслугой ученого явилось участие в рабочих группах по разработке проектов Конституции СССР 1977 г., Конституции БССР 1978 г., Конституции Республики Беларусь 1994 г.

Ученые кафедры принимали участие в подготовке энциклопедических изданий, в том числе Белорусской советской энциклопедии. По их инициативе был издан на белорусском языке «Юрыдычны слоўнік» (1989 г.). Юристы-историки (И. А. Юхо, Т. И. Довнар, Л. В. Павлова и др.) участвовали в 1989 г. в переиздании известного памятника права – Статута Великого княжества Литовского 1588 г., подготовке ряда энциклопедических изданий: «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» в 6-ти томах (1994–2003 гг.), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыклапедычны даведнік» (1995 г.), «Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя» у 2-х т. (2005–2006 гг.) и др.

В связи с тем, что юридический факультет БГУ с момента своего возникновения и на протяжении всего существования являлся флагманом юридической науки, указанные выше и появившиеся несколько позже научные школы по существу функционировали как научные правовые школы всей Белорусской республики.

С обретением республикой реального суверенитета было положено начало качественно нового этапа в развитии белорусской юриспруденции, что проявилось во всех ее отраслях и научных направлениях. Провозглашение Конституцией Республики Беларусь основной целью – построение социального демократического правового государства, потребовало комплексного подхода к изучению правовых, экономических, социальных и политических направлений реформирования государства и общества. При разработке правовых вопросов ученые основывались на принципах научности и преемственности в развитии государства и права. Так, большинство научных работ И. А. Юхо были посвящены вопросам исторического развития государственности Беларуси, в том числе происхождению названия «Беларусь», формированию территории Беларуси, сущности и значению памятников права, правовым взглядам белорусских мыслителей, значению правовой науки в жизни государства и общества и др. [3]. Особо важным было то, что в своих трудах ученый доказывал, что беларусы – самостоятельная нация, которая уже в далёкой древности имела свою государственность, высокую материальную и духовную культуру.

В 1988 году на кафедре появилась еще одна научная школа в сфере теории государства и права – «Проблемы теории и методологии государства и права», основателем которой являлся доктор юридических наук, профессор А. М. Абрамович – Председатель Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь, заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь (1996–2004 гг.), заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (2004–2008 гг.), координатор правовой реформы в Республике Беларусь (1996-2003 гг.), автор более 200 работ. Ученый

подготовил 2 докторов и 5 кандидатов юридических наук. В своих трудах он уделял значительное внимание развитию отечественного государства и права. Отдельные научные работы были посвящены правовому статусу советского гражданина (1988 г.) организационным основам правовой интеграции Беларуси и России (2001 г.), перспективам государственного развития Республики Беларусь (2003 г.) и др.

В начале XXI ст. необходимость более успешного и эффективного функционирования государства и общества, потребности законотворческой и правоприменительной деятельности стимулировали дальнейшее развитие науки в области права. В этот период научную школу «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» возглавила ученица И. А. Юхо – доктор юридических наук, профессор Довнар Т.И., которая имеет более 400 публикаций, из них: 10 монографий, свыше 150 научных статей, около 20 учебных и учебно-методических пособий, 2 учебника с грифом Министерства образования Республики Беларусь и др. Под ее руководством защищены одна докторская и девять кандидатских диссертаций. В течение ряда лет она являлась членом двух советов по защите диссертаций; членом экспертного совета Министерства образования по экспертизе научно-исследовательских работ докторантов, аспирантов и студентов конкурса грантов по направлению «Социально-экономическое и духовно-культурное развитие Республики Беларусь», членом УМО ВУЗов по гуманитарному образованию и ряда редакционных советов научных журналов («Юстиция Беларуси», «Право и демократия», «Иппокрена», «Новая экономика», «Законность и правопорядок», «Беларускі гістарычны часопіс», «Аннали юридичної історії»). Она осуществляла координацию научных исследований, оппонирование диссертаций, рецензирование монографий, учебных пособий, типовых программ и т.д., а также являлась руководителем НИР: 4.11 «История возникновения и развития государственности и национальной правовой системы Беларуси» № 006 1145, 2006-2010гг., №822/92 (ГКПНИ «Экономика и общество», № гос. регистрации 20061145).

В контексте развития научных школ на кафедре разрабатывались направления дальнейших научных исследований, которые соответствовали Приоритетным направлениям и Перечню государственных программ научных исследований Республики Беларусь, осуществлялась подготовка научных кадров, взаимодействие с научным сообществом Беларуси и зарубежными учеными. Члены научной историко-правовой школы (Л. Л. Голубева, Е. И. Орловская, Д. М. Щербик, В. В. Сажина, В. Н. Сатолин, С. А. Гурьев, Е. А. Гурьева, Д. С. Жук) участвовали в научной экспертизе проектов нормативных правовых актов, подготовке энциклопедических изданий, во многих научных и научно-практических конференциях, круглых столах (свыше 30-и за последние 5 лет), публиковали монографии, научные статьи, учебные и учебно-методические пособия, занимались переизданием памятников права Беларуси, пропагандой правовых знаний и т.д. Публикации участников научной школы соответствовали Приоритетным направлениям и Перечню государственных программ научных исследований Республики Беларусь на 2016-2020 гг. и осуществлялись по ГПНИ, № 483 («Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества»; подпрограмма Право»). Кроме того, в 2018-2020 гг. Д. С. Жук осуществлял отдельную НИР

«Уплыў рэфармацыйнага руху на развіццё палітыка-прававой думкі і заканадаўства ВКЛ другой паловы XVI ст.» (гос. регистрация № 20180470).

С 2019 г. на кафедре научной теоретико-правовой школой «Концептуальные теоретические закономерности развития и функционирования государства и права: правовое законодательство и закономерности его совершенствования» руководит кандидат юридических наук, доцент С. А. Калинин – автор более 250 работ. Ученый подготовил двух кандидатов наук. Публикации участников научной школы теории государства и права (И. Л. Вершок, Д. А. Лагуна, В. Н. Матараса, Е. И. Орловской, Д. М. Щербика, В. Н. Сатолина и др.) соответствовали Приоритетным направлениям и Перечню государственных программ научных исследований Республики Беларусь на 2016-2020 гг.

В настоящее время под научным руководством доцента С. А. Калинина разрабатывается ряд тем научных исследований, в том числе НИР «Белорусская государственность и право в условиях глобальной неопределенности и трансформации: концептуально-методологические, теоретические и исторические закономерности и предпосылки успешного функционирования» (№ ГР_20211577) в рамках задания «Теоретико-методологические основы сохранения государственной идентичности и повышения эффективности правотворчества и правореализации в современных социально-экономических условиях» подпрограммы «Право» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 годы.

Систематически выполняя масштабные научные исследования в рамках тем ГПНИ для научных сообществ социально-гуманитарного направления, некоторые члены научных школ участвуют в выполнении договоров на научно-исследовательские и опытно-технологические работы с предприятиями и организациями. Ряд положений и выводов НИР был внедрен в нормотворческую деятельность и учебный процесс. Так, представители научных школ вносили предложения по законопроектам в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, государственные органы, участвовали в рабочих группах по разработке нормативных правовых актов, научной экспертизе проектов нормативных правовых актов и др. Ряд идей и предложений был реализован в законодательстве, в том числе в проекте изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь, вынесенных на республиканский референдум 27 февраля 2022 года.

Члены научных школ кафедры проводили масштабные научные исследования не только в рамках тем ГПНИ, но и при подготовке коллективных и индивидуальных монографий, статей и иных публикаций, посвященных становлению Республики Беларусь в качестве правового социального демократического государства. За истекшие 5 лет учеными кафедры было публиковано: 6 монографий, около 40 научных статей в изданиях, рекомендованных ВАК Республики Беларусь, более 120 иных статей, 2 учебника, 3 уч. пособия и др.; а также подготовлен 1 доктор и 3 кандидата юридических наук.

Активно занимаясь научно-исследовательской деятельностью, представители научных школ кафедры продолжают участвовать в подготовке научных кадров высшей квалификации не только для БГУ, но и для других научных и учебных заведений Республики Беларусь, успешно руководят аспирантами и

соискателями ученых степеней, принимают участие в обсуждении, экспертизе и оппонировании диссертационных исследований. При БГУ действуют два совета по защите диссертаций по юридическим специальностям, в состав которых входят руководители научных школ кафедры теории и истории государства и права (профессор Т. И. Довнар, доцент С. А. Калинин).

Особое внимание ученые уделяют подготовке молодой смены. Так, на кафедре функционируют три научных кружка по теории и истории государства и права, почти ежегодно проводятся студенческие научные конференции. Под руководством ученых кафедры студенты участвуют в международных научных конференциях, активно публикуют результаты своих исследований.

Важной традицией юридического факультета стало чествование тех ученых, которые внесли наиболее значимый вклад в развитие правовой науки. Так, в последние годы состоялся ряд научных конференций, посвященных руководителям научных школ кафедры, – профессорам А. М. Абрамовичу, С. Г. Дробязко, Т. И. Довнар, И. А. Юхо.

Участники научных школ активно занимаются общественной деятельностью, являются участниками ряда экспертно-консультативных советов, членами редколлегий научных журналов, преподают в Институте повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ, сотрудничают с Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и др.

За научные достижения многие руководители и члены научных школ награждены почетными грамотами и благодарностями БГУ, различных государственных органов. Ряд из них имеет государственные награды.

В начале 2022 г. в БГУ проходил очередной этап отчета и организационного оформления деятельности научных школ. Свою состоятельность и научные достижения подтвердили и две научные школы кафедры теории и истории государства и права. Ученые кафедры продолжают успешно разрабатывать многие актуальные и проблемные правовые вопросы, в том числе касающиеся дальнейшего развития юридической науки, совершенствования законодательства и правоприменительной практики, гарантий обеспечения суверенитета Республики Беларусь в правовой, экономической, социальной сферах, белорусско-российской интеграции, имплементации международно-правовых норм и международных обязательств в национальное право и т. д.

Таким образом, участники научных школ кафедры теории и истории государства и права вносят существенный вклад не только в развитие теоретико-правовой и историко-правовой науки, но и в практику правоприменения, в том числе в процесс кодификации законодательства, совершенствования деятельности государственного аппарата, а также в разработку новых форм и средств обеспечения законности как необходимого условия формирования правового государства и гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Доўнар Т. І. Прававыя пытанні ў тэарэтычнай распрацоўцы беларускіх мысліцеляў XVI стагоддзя // Генетические зкономерности права : сборник науч. трудов, посвящ.

90-летию со дня рождения С.Г. Дробязко ; редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 357–368.

2. Доўнар Т. І., Балашэнка С. А. Гісторыя і сучаснасць універсітэцкай юрыдычнай навукі і адукацыі // Юрыдычны факультэт. Гісторыя. Сучаснасць. Імёны ; рэдкал. С. А. Балашэнка (адк.рэд.), А. В. Шыдлоўскі (нам. адк. рэд.) і інш. Мінск : БДУ, 2015. С. 5–36.

3. Юхо Я. А. Паходжанне дзяржавы на Беларусі // Спадчына. 1990. № 4. С. 11–13; Яго ж. Фармаванне тэрыторыі беларусаў // Спадчына. 1991. № 6. С. 2–11; Яго ж. Скарбніца правовай культуры: аб Статутах Вялікага княства Літоўскага // Полымя. 1988. № 12. С. 166-179; Яго ж. Крыніцы беларуска-літоўскага права / пад рэд. Т. Ф. Есіпенкі. Мінск : Беларусь, 1991. 238 с.; Яго ж. Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке. Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. 144 с. и др.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ С. Г. ДРОБЯЗКО О ПРАВОВОМ СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. Н. Горбачев, Л. К. Жолнерова

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036, г. Брянск, Российская Федерация, angorbachev@rambler.ru
Департамент семьи, социальной и демографической политики Брянской области, пр. Станке Димитрова, 88, 241033, г. Брянск, Российская Федерация, angorbachev@rambler.ru

В статье рассматриваются взгляды С. Г. Дробязко на содержание понятия «правовое социальное государство». Особое внимание уделяется социальным аспектам соответствующей проблематики. Исследуется роль частной собственности в формировании правового социального государства.

Ключевые слова: государство; правовое государство; социальное государство; правовое социальное государство.

DEVELOPMENT OF S. G. DROBYAZKO'S IDEAS ON THE LAW-GOVERNED WELFARE STATE IN MODERN CONDITIONS

A. N. Gorbachev, L. K. Zholnerova

Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky, 14 Bezhitskaya Street, 241036, Bryansk, Russian Federation, angorbachev@rambler.ru
Department of family, social and demographic policy of the Bryansk region, Stanke Dimitrov Av., 88, 241033, Bryansk, Russian Federation, angorbachev@rambler.ru

The article deals with the views of S.G. Drobyazko on the content of the concept of «law-governed welfare state». Particular attention is paid to the social aspects of the relevant

issues. The role of private property in the formation of the law-governed welfare state is investigated.

Keywords: state; law-governed state; welfare state; law-governed welfare state.

Научное наследие Степана Григорьевича Дробязко очень велико по объему и многогранно по содержанию. В то же время, одной из базовых его категорий следует считать юридическую конструкцию «правовое социальное государство», которая используется в статье 1 Конституции Республики Беларусь для определения белорусского государства на уровне основ конституционного строя (в совокупности с категориями «унитарное государство» и «демократическое государство»). К содержанию данного понятия С. Г. Дробязко обращался неоднократно. При этом проблематика социального правового государства затрагивалась им как в работах, специально посвященных различным аспектам содержания рассматриваемого понятия [4, 5 и др.], так и в работах более общего плана [1, 2, 3, 6 и др.].

Здесь следует отметить, что каждая из составных частей исследуемого в настоящей работе термина (правовое государство, социальное государство), в свою очередь, представляет собой вполне устоявшийся термин. Правовое государство, кроме того, обозначает многогранное понятие, широко используемое не только в юриспруденции, но и в других отраслях обществознания, прежде всего – в политологии. Отдельные аспекты этого понятия по-прежнему дискутируются, но понимание его сущности в современных условиях можно считать общепризнанным, чего не скажешь о понятии социального государства, имеющем гораздо менее долгую и насыщенную историю.

Заслуги С. Г. Дробязко в рассматриваемой сфере, прежде всего, состоят в том, что он приложил немало усилий к наполнению понятия «правовое социальное государство» содержанием. Кроме того, данный автор не просто разрабатывал категорию «правовое социальное государство», он систематически использовал ее во взаимосвязи с другой основополагающей категорией – «правовое гражданское общество» [2, 3, 4, 6 и др.]. В то же время, следует подчеркнуть, что проблематика правового гражданского общества выходит за рамки настоящего исследования, и вновь обратиться к титульной его категории.

Социальное правовое государство определяется в одной их первых работ С. Г. Дробязко, специально посвященных соответствующей проблематике, как «конституционная система правовых и политических институтов, реально обеспечивающих суверенные права народа и международно-признанные права человека, баланс интересов всех социальных групп, личности и общества на основе господства права» [5, с. 47]. В дальнейшем аналогичное определение используется и в других его работах [4, с. 369]. Следует подчеркнуть, что данный автор указывал на необходимость формулировки определений рассматриваемых исследователем понятий, несмотря на то, что «всякое определение уязвимо из-за неполноты отражаемых в нем сторон, признаков, свойств, присущих определяемому объекту исследования» [5, с. 45].

При этом С. Г. Дробязко в контексте рассматриваемой проблематики использует также термин «социальная справедливость», составные части которого соответствуют определению государства в качестве одновременно социального

и правового. Более того, данный автор рассматривает справедливость как общесоциальную, т.е. «справедливость для всех», определяя ее как «главное в праве, его стержень, его сущность, его субстанцию», причем «начиная с возникновения права» [1, с. 9]. Применительно к современному (постсоветскому) этапу развития общества он отмечал, что «общесоциальная справедливость выражается посредством государства как политическая справедливость путем установления правового законодательства, его постоянного совершенствования» [1, с. 10]. Кроме того, еще в одной его работе, посвященной проблематике социального правового государства, говорится о том, что в таком государстве одним из атрибутов правового регулирования как упорядочения поведения людей наряду с объективной обусловленностью, системностью и др. является то, что оно должно быть социально–справедливым [3, с. 12].

Особый интерес в рассматриваемом ключе вызывает использование С. Г. Дробязко в своих работах термина «социальный» применительно к основополагающим принципам права. Так, в статье, посвященной различным аспектам правового регулирования, он выделяет, наряду с экономико-правовыми, нравственно-правовые принципы, к которым относит, в числе прочего, защиту социально-слабых [3, с. 23]. В более поздней статье, посвященной различным аспектам правовой культуры, данный автор не только разделяет собственно-правовые (законность, правопорядок и др.) и социально-правовые принципы, но и классифицирует последние, выделяя среди них нравственно-правовые, к которым опять-таки относит защиту социально-слабых [2, с.12]. Наконец, в работе об особенностях правового регулирования в контексте формирования социального государства он не только воспроизводит данную ранее классификацию, но и обращается к понятию социально-правовых принципов права, предлагая следующее определение: «принципы, отражающие, закрепляющие устои социума, общества в целом, его важнейших явлений и процессов» [6, с. 8]. Как видно, защита социально-слабых относится тем самым к числу устоев современного общества.

В то же время, необходимо обратить особое внимание на еще один тезис, сформулированный С. Г. Дробязко в своих работах, посвященных правовому социальному государству, только уже применительно не к нравственно-правовым, а к экономико-правовым аспектам его формирования. Так, в работе, посвященной соотношению правового государства и правового гражданского общества, он пишет: «Свободная воля индивида реально возможна только у частного собственника… Вся история цивилизации свидетельствует о том, что в основе экономического прогресса, а значит и общества, лежит частная собственность» [4, с. 389]. Аналогичную по сути мысль высказывает данный автор и в более поздней работе, посвященной различным аспектам правового регулирования: «Частная собственность доказала свои преимущества перед общественной по пути социального прогресса» [3, с. 22]. Разумеется, категоричность подобных высказываний смягчается непосредственно самим их автором: «Частная собственность … влечет чрезмерное обогащение кучки немногих и, как правило, обнищание большинства людей. Не случайно, конечно, существует в настоящее время так называемое антимонопольное законодательство» [4, с. 389]. Тем не менее, в итоге С. Г. Дробязко приходит к следующему выводу: «Главной задачей и великой целью формирующего социального правового государства является создание среднего

класса собственников, образующих социальную, экономическую и политическую основы реального гражданского общества» [4, с. 390].

Очевидно, что защита социально-слабых и частная собственность являются категориями если не взаимоисключающими, то, как минимум, не связанными друг с другом напрямую. Однако подобное «противоречие» применительно к работам С. Г. Дробязко в действительности только кажется таковым. Разъяснение ситуации требует обратиться к тому периоду, когда писались соответствующие работы. На постсоветском пространстве это был период перехода в том числе от монополии государства во многих сферах, включая обладание собственностью на многие виды имущества, к плюрализму форм собственности (в Российской Федерации) или, как минимум, к его дуализму (в Республике Беларусь). При этом в Российской Федерации конституционно закрепленный перечень форм собственности возглавила именно частная собственность, а Конституция Республики Беларусь исходит из того, что «собственность может быть государственной и частной». Необходимостью надлежащего теоретического обоснования в глазах общества такого «нововведения», как частная собственность, и была продиктована определенная упрощенность различных суждений о ней, принадлежащих не только С. Г. Дробязко, но и множеству других авторов того периода.

В настоящее время соответствующий переходный период можно считать в целом завершенным. Как следствие, необходимо исходить из того обстоятельства, что вектор общественно-политического развития на значительной части постсоветского пространства во многом изменился. Периоду своеобразной абсолютизации частной собственности, рыночной экономики и других подобных атрибутов демократии западного толка пришел на смену период гораздо более взвешенного отношения к таким атрибутам, безоговорочного признания не только позитивных, но и негативных последствий их неограниченного использования. Своеобразным подтверждением справедливости данного тезиса является указание в одной из статей С. Г. Дробязко на то, что «с конца 70-х гг. 20 в. в русскоязычной литературе … наблюдается устойчивая тенденция признания в праве социальной справедливости» [1, с. 4]. Кроме того, следует напомнить, что, хотя именно постсоветский (переходный) этап развития общества был современным для написания рассматриваемых работ данного автора, в его понимании защита социально-слабых является неотъемлемым атрибутом правового социального государства не в меньшей степени, чем частная собственность.

Если же говорить о том периоде, в который предпринято настоящее исследование научного наследия С. Г. Дробязко, сегодня следует еще раз признать не только несомненную справедливость, но и сохраняющуюся актуальность сделанных им более четверти века назад выводов. Во-первых, это относится к следующему суждению: «Невзирая на различные дистанции у современных народов в приближении к социальному правовому государству, есть веские основания утверждать, что такой процесс идет» [5, с. 47]. Во-вторых, сложно возразить автору в том, что «становление и развитие социальных правовых государств в современном мире представляет собой объективно обусловленную и объективно необходимую тенденцию, закономерность общечеловеческого прогресса» [5, с. 47].

В связи с вышеизложенным можно утверждать, что в современных условиях юридическая конструкция «правовое социальное государство»

представляет несомненный интерес для исследования независимо от того, закреплена ли она в конституции государства прямо, как в Республике Беларусь, или в двух различных статьях, как в Российской Федерации. При этом важнейшей составляющей дальнейших исследований в рассматриваемой сфере является научное наследие Степана Григорьевича Дробязко.

Библиографические ссылки

1. Дробязко С. Г. Политическая общесоциальная справедливость в праве как сущностная основа совершенствования правового законодательства // Право и демократия: сб. науч. трудов. ; отв. ред. В. Н. Бибило. Мн. : Изд-во БГУ, 2001. Вып. 11. С. 3–17.

2. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола (Минск, 3–5 февраля 2005 г. Минск : МИТСО, 2005. С. 10–15.

3. Дробязко С. Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Выбр. навук. пр. Беларус. дзярж. ун-та: у 7 т. Минск : БДУ, 2001. Т. 3. С. 9–24.

4. Дробязко С. Г. Соотношение правового государства и правового гражданского общества // Конституционно-правовые проблемы формирования социального правового государства : материалы Межд. науч.-практ. конф. (Минск, 30–31 марта 2000 г.). Минск, 2000. С. 386–390.

5. Дробязко С. Г. Социальное правовое государство и государство вообще (к вопросу об определении) // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. 1996. Сер. 3. № 2. С. 45–48.

6. Дробязко С. Г. Что и как регулирует право в контексте формирования социального государства и гражданского общества // Право и демократия: сб. науч. тр. ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и др. Минск : БГУ, 2007. Вып. 18. С. 3–11.

ПРИНЦИП СТАБИЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В. В. Седельник, В. В. Скитович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, v.sedelnik58@mail.ru
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Б. Черемушкинская, 34, 117218, г. Москва, Российская Федерация, v.skit@mail.ru

Рассматривается новый для белорусского законодательства принцип стабильности правового регулирования. Анализируются положения Закона о нормативных правовых актах 2018 года, в котором закреплено широкое понимание этого принципа. Предлагается включить в его содержание предсказуемость, которая заключается в необходимости учета законодателем объективных свойств права и присущих ему правовых ценностей.

***Ключевые слова**:* принципы права; стабильность правового регулирования; нормативный правовой акт; предсказуемость; правовые ценности.

THE PRINCIPLE OF STABILITY OF LEGAL REGULATION: DOCTRINAL AND LEGISLATIVE ASPECTS

V. V. Sedelnik, V. V. Skitovich

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Street, 230023, Grodno, Belarus, v.sedelnik58@mail.ru
The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 B. Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation, v.skit@mail.ru

The new for the Belarusian legislation principle of stability of legal regulation is considered. The provisions of the Law on normative legal acts of 2018, which enshrines a broad understanding of this principle, are analyzed. It is proposed to include predictability in its content, which lies in the need for the legislator to take into account the objective properties of the law and its inherent legal values.

***Keywords**:* principles of law; stability of legal regulation; normative legal act; predictability; legal values.

В большинстве современных государств правотворческую деятельность осуществляют различные субъекты: парламент, правительство, министерства, ведомства и т.д. Это не может не приводить к увеличению законодательного массива, развитию юридического инструментария, юридических технологий, с помощью которых происходит воздействие права на социальные отношения. Объективное усложнение «правовой материи» во многом объясняет устойчивый интерес исследователей к ведущим принципам права, поскольку именно они выступают своего рода основой, на которой строятся его нормы, институты, подотрасли и отрасли. Исследование глубинных, сущностных характеристик правовых принципов позволяет предложить новое прочтение их содержания, структуры и классификации. Наряду с классическими постулатами, имеющими богатую доктринальную и законодательную историю, в последнее время наблюдается тенденция к закреплению в законодательстве некоторых новых правовых начал. Показательным примером в этом смысле выступает стабильность права и правового регулирования.

Впервые на законодательном уровне такое требование было упомянуто в белорусском Законе 2000 г. «О нормативных правовых актах», статья 35 которого называлась «Стабильность правовой системы». Здесь следует заметить, что с теоретической точки зрения формулировка данной статьи была неудачной, поскольку сводила правовую систему к нормативным источникам. В юридической науке термином «правовая система» обозначается гораздо более широкий круг правовых явлений, в числе которых находятся не только нормативные правовые

акты различной юридической силы, но и правоприменительная практика, а также доктрина и правовое сознание народа.

Нужны ли какие-то дополнительные аргументы для доказательства того, что правовая система все же явление подвижное? Подвижность ее предопределена самой природой права, правоприменительной практики и правового сознания. При этом динамика правовой системы отнюдь не исключает того, что различные ее элементы развиваются, так сказать, с неодинаковой скоростью.

Слово «стабильный» имеет латинское происхождение и в переводе на русский язык означает «устойчивый», «постоянный», «утвердившийся на определенном уровне», «не меняющийся». Право с самых древних времен тяготело к организации общества на таких началах как определенность, ясность, точность в наиболее значимых его сферах, связанных с устройством власти, статусом человека и имущественных отношений. Понятные правила дают возможность самым разным социальным субъектам придерживаться определенной жизненной стратегии, пусть и далеко не всегда добровольно.

Мы можем без труда найти примеры законодательных актов – долгожителей, сохраняющих свой регулятивный потенциал, несмотря на весьма почтенный возраст в несколько столетий. Например, Гражданский кодекс Наполеона 1804г. и в настоящее время остается основным кодифицированным актом, регламентирующим имущественные отношения во Франции. Однако современные французские юристы аргументировано утверждают, что доктрина и судебная практика пришли на помощь гражданскому праву, чтобы обогатить его и приспособить к запросам развивающегося общества [2, с.36].

Но возможно ли стабильное законодательство в наше нестабильное время? Темпы общественных изменений резко ускорились, и ускорение это связано с глобальными процессами усиления взаимозависимости государств и их экономик. А это, в свою очередь, привело к значительному росту числа нормативных предписаний различной юридической силы. Статистические данные показывают, что, например, в Республике Беларусь ежегодно принимается порядка десяти тысяч таких актов, среди них 5-8% являются законами, около 10% – постановлениями Правительства, остальные – решениями республиканских и местных органов. Весьма частым изменениям подвергаются также кодексы и даже конституция [1, с.5].

В 2018 году был принят новый Закон «О нормативных правовых актах», который тоже говорит о стабильности, но устанавливает ее в качестве принципа нормотворческой деятельности с весьма широким содержанием.

Статья 6 этого Закона гласит, что стабильность правового регулирования общественных отношений обеспечивается, в том числе, принятием мер по ограничению «частых корректировок» нормативных правовых актов. Статья 35 эту норму конкретизирует, указывая, что изменение нормативного акта «ранее чем через год после его принятия (издания), внесения в него последних изменений» допускается, как правило, на основании требований акта большей юридической силы, если иное не предусмотрено законами или актами Президента Республики Беларусь.

Это положение отражает традиционные представления о стабильности как неизменности (длительности действия) правовых предписаний, которые, надо признать, уже не отвечают современным правовым реалиям. В условиях высокой динамики социальных процессов установление в законе каких бы то ни было конкретных сроков, в течение которых не допускается изменение принятых актов, представляет собой своего рода догму. Очевидным доказательством низкой эффективности такой нормы выступает тот факт, что спустя короткое время Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», был установлен уже другой подобный срок; согласно данному Указу, корректировка законодательных актов и постановлений Правительства допускается «не чаще одного раза в два года».

Стоит ли вообще отказываться от такого «догматического» подхода к стабильности права? Конечно же, нет. В определенных случаях введение конкретных сроков, в течение которых запрещено изменять принятый акт, не только целесообразно, но и необходимо. Возьмем, к примеру, законодательство о налогообложении хозяйствующих субъектов. Деятельность таких субъектов построена, как правило, на основе долговременных связей контрагентов. Частые и неоправданные изменения законодательства в этой сфере могут крайне отрицательно сказаться на таких связях и нанести существенный ущерб отечественной экономике.

Традиционную характеристику принципа стабильности законодатель развивает, указывая в ст. 6 Закона о нормативных правовых актах на целый ряд новых значимых моментов, в частности, определяет, что стабильность нормотворчества обеспечивается принятием мер по обеспечению надлежащего качества законодательных актов, полноты и эффективности правового регулирования общественных отношений. Тем самым установлены важнейшие содержательные требования, предъявляемые к нормативным актам и правовому регулированию в целом.

Поскольку в настоящее время социальная жизнь существенно усложнилась, появляются принципиально новые, неизвестные прежним историческим эпохам формы общественных связей практически во всех областях: политической, экономической, культурной и других, подобный подход представляется вполне оправданным. В связи с этим, на наш взгляд, следует пойти еще дальше и дополнить содержание принципа стабильности предсказуемостью правового регулирования.

В узком смысле слова предсказуемость можно рассматривать как планирование текущего законодательства. В соответствии со ст.37 Закона о нормативных правовых актах, планирование правотворческой деятельности включает разработку государственных программ, ежегодных планов подготовки законопроектов, а также прогнозирование последствий издания таких актов. Но, конечно, предсказуемость нельзя сводить к тому, что мы называем прогнозом, это достаточно сложное и многогранное понятие.

Смысл предсказуемости заключается не в том, какой именно акт будет принят в будущем, что он будет регулировать, и каков будет его социальный

результат, а в учёте объективных свойств права как общественного регулятора и содержащихся в нем правовых ценностей. Каким бы оригинальным ни был предмет правового воздействия, какие бы новые явления ни возникали в обществе, основные начала такого регулирования должны оставаться неизменными, в том числе на будущее время. Предсказуемость характеризует правотворческий процесс не с формальной, а с содержательной стороны и представляет собой ту грань правового регулирования, которая отражает внутреннюю логику последнего с точки зрения развития его во времени. Если стабильность правового регулирования в традиционном понимании характеризует главным образом статическую сторону правовой действительности, то предсказуемость – это вектор развития права.

Каково же соотношение этих двух характеристик правового регулирования? Не будет большим преувеличением утверждение, что, если для права прошлых эпох преобладающим моментом была стабильность в её традиционном понимании, то в современных условиях на первый план выходит именно предсказуемость права.

Изменения в правовой ткани современного общества неизбежны, самый искусный законодатель не способен их предвидеть и детально предусмотреть в своих предписаниях. Но при этом нельзя преувеличивать регулятивный потенциал нормативных правовых актов. Увлечение ими приводит к законодательному волюнтаризму, не менее опасному, чем правовой нигилизм. Следует в полной мере использовать иные известные источники права – нормативный договор, правовой обычай в виде деловых обыкновений, наконец, возможности индивидуального правового регулирования.

Именно предсказуемость позволяет праву оперативно реагировать на изменения социальных процессов и отвечать ожиданиям общества, которое требует от законодателя четких, имеющих внутреннюю логику правил, регулирующих социальные связи [3, с.35]. Законодатель не должен допускать кардинальных изменений, нарушающих правовые максимы, которые отражают общепризнанные правовые ценности, такие, например, как приоритет прав и свобод человека, запрет придания закону обратной силы, недопустимость двойного наказания за одно и то же преступление и ряд других. Только при соблюдении этого непременного условия мы может говорить о стабильности правового регулирования общественных отношений в точном смысле этого важнейшего правового понятия.

Библиографические ссылки

1. Коваленко Е. И. Планово, оперативно, качественно – новое в законодательстве о нормотворческой деятельности // Право.by. Научно-практический журнал. 2021. № 1. С. 5–8.

2. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд., перераб. М.: Волтерс Клувер, 2010. 592 с.

3. Скитович В. В., Седельник В. В. Предсказуемость правового регулирования: постановка проблемы // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. «Правоведение». 2015. № 5. С. 33–40.

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИКОВ И УЧЕНЫХ

И. А. Иванников

Сочинский институт (филиал) РУДН, ул. ул. Куйбышева, 32,
354341, г. Сочи, Российская Федерация, freiheit2061@gmail.com

В статье представлен авторский взгляд на практику федеративного государственно-территориального устройства России с конца XX до первой четверти XXI веков и его оценку со стороны политиков и известных представителей в отечественной политико-правовой мысли. Ценность представляют суждения не только о прошлом и настоящем, но и будущем государственно-территориальном устройстве России.

Ключевые слова: СССР; Российская Федерация; государственно-территориальное устройство; федерализм; империя.

RUSSIAN FEDERALISM IN THE ASSESSMENT OF POLITICS AND SCIENTISTS

I. A. Ivannikov

Sochi Institute of RUDN University, 32 Kuibyshev Street,
354341, Sochi, Russian Federation, freiheit2061@gmail.com

The article presents the author's view on the practice of the federal state-territorial structure of Russia from the end of the 20th to the first quarter of the 21st centuries and its assessment by politicians and well-known representatives in the domestic political and legal thought. Judgments are of value not only about the past and present, but also about the future state-territorial structure of Russia.

Keywords: USSR; Russian Federation; state-territorial structure; federalism; empire.

После развала СССР многие политики и ученые поняли истинные цели перестройки, оценили ее последствия. В условиях системного кризиса, проявившегося на большей части бывшего СССР, появились исследования по его преодолению. Обсуждались вопросы: о воссоединении территории бывшего СССР, возобновлении союзнических отношений со странами Восточной Европы, включении в новый евразийский стратегический блок государств Западной Европы и освобождении их от опеки США, развитии отношений со странами Востока (Иран, Индия, Япония), построении правового и социального государства. Интересные идеи о создании евразийского государства высказывались А. Г. Дугиным. Трудность реализации его плана состояла в том, что многие из европейских государств являются членами НАТО, а Япония претендует на пересмотр итогов Второй мировой войны не в пользу России. Российская Федерация, по мнению А. Г. Дугина, не является Россией, полноценным Русским Государством. «Это

переходное образование», которое может стать в перспективе Русским Государством. Далее цель автора завуалирована. По его мнению, Русское государство может и состояться, а также «…не очевидно, следует ли к этому стремиться» [3, с. 183]. Не является Русским Государством, с точки зрения А. Г. Дугина, и СНГ, хотя почти все его территории входили в состав Российской империи, так как субъекты СНГ автономны и, де-юре, являются государствами. Конечно, то, что Российская Федерация и СНГ – это еще не вся Россия, понятно всем, но не всем выгодно восстановление России в прежних исторических границах. В качестве плана реанимации России А. Г. Дугин предлагал опираться на русский народ, который должен создать «…свою новую государственную структуру – ни ее идеологию, ни ее территориальные пределы, ни ее социально-политическое устройство» [3, с. 189], признать империю как российскую государственно-правовую ценность [3, с. 197]. Он наделял русский народ цивилизационной и геополитической миссией быть «...преградой для повсеместного распространения на планете сугубо либеральной модели западного образца» [3, с. 199]. Эту роль русский народ выполнял, по мнению Дугина, в период Российской империи и в бытность СССР. Но Россия 1990-х гг. – это региональная держава, которая не имеет прямого влияния на планетарную цивилизацию, глобальные геополитические процессы и подчинена в основных стратегических линиях более мощным империям [3, с. 199]. А. Г. Дугин правильно отмечал, что главная опасность на пути возрождения Российской империи – это национализм, угроза роста межнациональных конфликтов. Если «...Россия постепенно втянется в бесконечную цепь внутренних конфликтов и войн, и, в конце концов, распадется» [3, с. 201], то, стало быть, произойдет утрата русскими своей имперской миссии, что приведет к полному уничтожению «русской нации как исторического, геополитического и цивилизационного субъекта» [3, с. 201]. Будущую Российскую империю А. Г. Дугин представлял как Новую Евразийскую империю, которая по территории должна быть больше бывшего СССР, а в перспективе стать Мировой империей. «Битва за мировое господство русских не закончилась», – делал вывод А. Дугин [3, с. 213]. Однако это утверждение чем-то напоминает большевистскую идею о мировой революции и вряд ли реально.

Проблема возрождения России была предметом исследования и С. Н. Бабурина. Он, в частности, писал, что «оптимальной формой соединения достоинств и Российской империи, и Советского Союза может быть лишь Российский Союз как государственно-территориальная федерация» [2, с. 486]. Возникал еще тогда вопрос: будут ли вступать в эту федерацию бывшие республики СССР, а ныне суверенные государства?

С приходом к власти В. В. Путина государственно-территориальное устройство Российской Федерации стало претерпевать изменения. Не всегда цели этой политики были понятны даже специалистам в сфере формы Российского государства. Это касается не только создания федеральных округов.

Федеральный Конституционный Закон Российской Федерации от 17.12.2001 № 6-ФКЗ в редакции от 31.10.2005 года в части 1 статьи 5 разрешает образование новых субъектов в составе Российской Федерации только при объединении двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации. В соответствии с пунктом 1 и подпунктом «д» пункта 2 статьи 10 этого закона, инициатива образования новых субъектов Федерации принадлежит самим

субъектам Российской Федерации. Их предложения должны быть одобрены Президентом России и выносятся на референдум в заинтересованных субъектах Российской Федерации. На основании пункта 1 статьи 12 данного закона Президент Российской Федерации мог внести в Государственную Думу проект Федерального конституционного закона (ФКЗ) об образовании в составе России нового субъекта Федерации [1]. В силу того, что данный ФКЗ был принят в условиях наличия кризисных явлений в государственном устройстве Российской Федерации, то он вполне себя оправдывал. Желание создавать отдельные республики в процессе разделения Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и других субъектов Российской Федерации есть до сих пор у некоторых региональных политиков, но в условиях политических процессов 2022 года эта процедура представляется нецелесообразной.

В 2008 году Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил, что «неизменен наш курс на развитие реального федерализма, сильного и влиятельного гражданского общества» [7]. В 2013 году Президент России В. В. Путин на встрече с заведующими кафедрами конституционно-правовых дисциплин отметил, что любые попытки отторгнуть российские территории «…антиконституционны, незаконны и должны преследоваться по действующему закону» [6]. Это заявление свидетельствует о решительных действиях главы государства в отношении сепаратистов.

Современное состояние Российской Федерации в вопросе государственно-территориального устройства требует пристального внимания политиков и ученых. Это касается и подготовки указов Президента, которые касаются исторических событий и могут создать излишнюю социально-политическую напряженность. Указом Президента Российской Федерации от 16.10.2018 г. намечено празднование в 2022 г. 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики (далее КБР). Этот Указ вызвал негативную реакцию балкарского народа. В «Обращении к Президенту Российской Федерации…» старейшины балкарского народа отметили, что балкарский народ в недоумении от такого странного, исторически необоснованного юбилея, так как Кабардино-Балкарская Республика образована 5 декабря 1936 года. «Как это «праздновать», когда балкарский народ с 1944–1957 гг. находился в ссылке? Тринадцать лет Кабардино-Балкария называлась Кабардинской Республикой. Проведение такого юбилея – это очередной шабаш кабардинских правителей за счет федеральных средств. Балкарскому народу такой юбилей не нужен» [8, с. 1].

Публичная власть в России, особенно федеральная, не должна породить подозрительность и недоверие населения к своим субъектам, что приведёт к росту сепаратизма и социальным конфликтам. Это особенно опасно в то время, когда Россия втянута в продолжительную военную специальную операцию на территории Украины, межнациональные и межконфессиональные конфликты.

К российскому федерализму отношение граждан и коренных народов самое разное. Одних существующая система государственно-территориального устройства, в целом, устраивает, другие хотят её модернизировать, а третьи – ликвидировать. Мудро заметил один из ингушских политиков: «Не было и нет национальной политики, направленной на укрепление российского государства. Все то, что ею именуется, является привлекательными декларациями, а практика все еще исходит из политической конъюнктуры, зачастую недальновидной и

пагубной» [4, с. 3]. Интересно и мнение старейшин балкарского народа. Опираясь на документ, датированный 11 января 1827 года, они доказали факт добровольного вхождения в состав Российской империи балкарцев и дигорцев. Они просили принять их в состав России и готовы были служить императору, если будет нужно. «В своем Прошении о вступлении в состав России балкарцы и дигорцы ставили условие, чтобы русским правительством были сохранены все их древние права на владение землей и народные обычаи, свободное исповедание магометанской веры и разбирательство дел по шариату, получение владельцами издавна установленной с подданных дани и освобождение их от обязательного рекрутского набора» [5, с. 16]. Эта специфическая особенность, отличает российское государственно-территориальное устройство от других стран.

Национальные проблемы возникли в годы руководства страной И. В. Сталиным. Так, недовольство вызывала сталинская национальная политика по высылке некоторых народов в годы Великой Отечественной войны. Балкарцы недовольны тем, что их включили в состав коммунальной республики, в которой права балкарцев часто нарушаются. Старейшины балкарского народа отмечают: «У балкарской общественности создаётся впечатление, что местная «кабардино-черкесская» элита подменяет и законы России, и функции её МИДа. Ранее изданный Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав России» подвергся ревизии президентом КБР Каноковым, заявившим во всеуслышание на «торжествах» в Нальчике с участием С. Нарышкина и Д. Козака: «Военно-политический союз не предполагал включения в состав Российского государства и был своеобразной формой протектората» («Газета Юга», № 37, 2007 г.), т. е. Кабарда не входила в состав России добровольно, а заключила с ней военно-политический союз». Правительство РФ своими постановлениями и распоряжениями (№ 858-р от 6 августа 1991 г» № 546 от 10 июня 1993 г. и др.) выделяло многомиллиардные денежные средства на развитие балкарских населённых пунктов, возрождение и социально – экономическую поддержку балкарского народа, как и по Указу Президента Российской Федерации № 448 от 3 марта 1994 г. «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития», Постановлению Правительства Российской Федерации от 3 апреля 1996 г. «О Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие и национально-культурное возрождение балкарского народа в 1996–2000 гг.». Миллиарды федеральных бюджетных средств, направленных из Москвы на возрождение и развитие Балкарии кабардинская властная элита использовала «не по назначению». Так, по данным Прокуратуры КБР (письмо с исх. № 7-265 от 18 декабря 2000 г.) в Министерство сельского хозяйства и продовольствия КБР и его Управление капитального строительства в 1992–1996 гг. из федерального бюджета поступило 26 млрд. 900 млн руб. Из них 3 млрд 301,7 млн Кабинетом министров КБР и 208,6 млн Минсельхозпродом КБР затрачены на мероприятия, не предусмотренные Распоряжением Правительства Российской Федерации № 858-р от 6 августа 1991 г. По результатам проверки прокуратура возбудила 9 уголовных дел, ещё по 10 материалам были назначены проверки. Однако должных мер не было принято» [8, с. 4].

Эти беззакония продолжаются и будут продолжаться до тех пор, пока на её территории игнорируются нормы Конституции Российской Федерации, её федеральные законы и правовые акты, вплоть до их невыполнения.

Далее старейшины балкарского народа отмечают, что в среде кабардинской элиты есть проявления сепаратизма. «При поддержке зарубежных неправительственных организаций в республике широко используется популярный антироссийский лозунг о «геноциде Россией адыгского народа в XIX в.». Представителями этих структур активно муссируется тезис о необходимости создания на территории КБР, КЧР, Республики Адыгея и Краснодарского края единой «Черкесской Республики» с перспективой её последующего выхода из состава России. Эскалация межрегиональных противоречий в регионе, в контексте роста адыгского сепаратизма носит целенаправленный характер и координируется из-за рубежа». В Обращении старейшин балкарского народа к руководству Российской Федерации в 2022 году отмечается: «Балкарский народ, как и население русских городов и сёл, казачьих станиц в КБР, категорически против быть заложниками в реализации замыслов о создании какой-то «суверенной Великой Черкесии». Он просит, требует восстановить автономию Балкарии в составе России, но отдельно от Кабарды, в свете решений I балкарского съезда о провозглашении Республики Балкария в составе РФ и признании результатов всенародного референдума. Прецедент решения проблемы имеется – восстановление прав ингушского и чеченского народов образованием в мае 1992 г. Республики Ингушетия и Чеченской Республики, как регионов Российской Федерации» [8, с. 4].

Раздел Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской Республики может произойти, если в Российской Федерации сохранится национально-территориальная федерация. Вопрос о разделении Балкарии и Кабарды активно обсуждался на первом съезде балкарского народа 17 ноября 1991 года и тогда же была провозглашена Республика Балкария в составе Российской Федерации, а 10 января 1992 года на первом съезде кабардинского народа было принято решение воссоздать Кабардинскую Республику.

Много политических событий в конце XX – начале XXI века связаны с Чеченской Республикой и чеченцами. Историческим событием для Чеченской Республики было принятие на референдуме 23 марта 2003 года республиканской Конституции, которое названо в научной литературе «классическом примером народного суверенитета» [9, с. 149]. Чеченский и ингушский народы, как казалось, мирно разделили территорию республики в 1991 году. Однако этот раздел лишь казался состоявшимся навсегда.

Итак, к федерализму отношение коренных народов России в целом положительное, но их не совсем устраивает та его форма, которая сложилась в СССР и Российской Федерации. Для оптимальной формы государственно-территориального устройства России еще многое следует сделать. Национально-территориальное строительство в России должно осуществляться на договорных началах и принципах демократизма и мирного решения территориальных споров.

Библиографические ссылки

1. Федеральный Конституционный Закон «О порядке принятия в российскую федерацию и образования в ее составе нового субъекта российской федерации»

[Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/law/federalnyi-konstitutsionnyi-zakon-ot-17122001-n-6-fkz (дата обращения: 19.08.2022).

2. Бабурин С. И. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997. 486 с.

3. Дугин А. Основы геополитики. М. : Арктогея, 1997. 183 с.

4. Плиев Р. С. Национальная политика и мир на Кавказе. Назрань, 1999. С. 3.

5. Прошение о вступлении балкарии и дигории в состав российской империи // Вестник Балкарского Народа (информационный орган Совета старейшин балкарского народа). 2022. № 1–4 (117–120). С. 16.

6. В.В. Путин о борьбе с сепаратистами [Электронный ресурс]. URL: https://stovan3.livejournal.com/98141.html (дата обращения: 19.08.2022).

7. Путин заявляет о неизменности курса России на развитие реального федерализма и сильного гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20040612/611002.html (дата обращения: 19.08.2022).

8. Сабанчиев И., Созаев Б., Беппаев С. Обращение к Президенту Российской Федерации Путину В. В., Матвиенко В. И., Воловину В. В., Краснову И. В. // Вестник Балкарского Народа (информационный орган Совета старейшин балкарского народа). 2022. № 1–4 (117–120). С. 4.

9. Сайдумов Д. Х. Зарождение идей суверенитета в Чечено-Ингушетии и нормативно-правовые процессы их реализации (конец 80-х гг. – начало 90-х гг. XX столетия) // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2018. № 4. С. 149.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА

Н. Л. Бондаренко

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, 2iu@tut.by

Научно-технический прогресс существенным образом трансформировал систему права, инициировав закрепление в ней целого комплекса неизвестных прежде общественных отношений, которые не могут быть отнесены к признанным наукой теории права отраслям права. Большинство этих отношений имеют хозяйственно-правовую природу, следовательно, относятся к предмету хозяйственного права как самостоятельной профильной отрасли права.

Ключевые слова: хозяйственное право; отрасль права; предмет правового регулирования; методология правового регулирования; принципы права.

ECONOMIC LAW AND ITS PLACE IN THE LEGAL SYSTEM

N. L. Bondarenko

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, 2iu@tut.by

Scientific and technological progress has significantly transformed the system of law, initiating the consolidation in it a whole set of previously unknown public relations, which cannot be attributed to the branches of law recognized by the science of law theory. Most of these relations have an economic-legal nature, therefore, belong to the subject of economic law as an independent specialized branch of law.

Keywords: commercial law; branch of law; subject of legal regulation; methodology of legal regulation; principles of law.

Мир меняется под влиянием совокупности факторов: смены технологических укладов и развития высоких технологий, порождающих новые условия функционирования индивида и социума; социальной, экономической, технологической и ментальной глобализации явлений, институтов и процессов; размывания грани между публичным и частным, сопровождающимся существенной трансформацией частного интереса в интерес публичный [1, с. 34]. Это порождает формирование совершенно иной институциональной среды общественных отношений. Появляются новые виды и целые комплексы общественных отношений, по своему содержанию зачастую не вписывающиеся в предметы известных отраслей права и «одобренную» теоретиками права систему права; существующие же общественные отношения трансформируются и изменяют свою природу.

Только за последние несколько десятилетий в нашей стране возродились институты частной собственности, частной хозяйственной и частной предпринимательской деятельности; финансовая, банковская и инвестиционная деятельность перестали быть исключительной прерогативой государства; появились целые комплексы правовых норм, регулирующих отношения, складывающихся по поводу установления и обеспечения соблюдения нормативов, стандартов и условий производства материальных и нематериальных благ (кондиционные правоотношения) [2], а также отношения, складывающиеся по поводу осуществления государственного предпринимательства (фискальные правоотношения) и пр. Как следствие, возросло количество правовых норм и принципов, регулирующих такие отношения. Неслучайно, «непрерывность совершенствования правовых систем и дифференциацию правовых систем на отрасли права» С. Г. Дробязко справедливо выделял в числе закономерностей развития права [3].

Вопрос о необходимости корректировки привычного и отчасти одностороннего взгляда на систему современного права, перестал быть исключительно предметом научной дискуссии, а приобрел очевидную практическую значимость. Следуя утверждению С. Г. Дробязко о том, что «важно иметь истинное, достоверное, глубоко системное понимание природы отрасли права и отрасли законодательства, их миссию в эффективном упорядочении все усложняющихся общественных отношений по пути социального прогресса» [4, с. 11], мы выдвигаем тезис об особой миссии хозяйственного права в упорядочении новых видов общественных отношений в сфере экономики. К сожалению, существование хозяйственного права белорусские ученые-теоретики права продолжают упорно не замечать: ни в одном из авторитетных белорусских учебников по теории права нам не удалось обнаружить упоминание о хозяйственном праве как самостоятельной отрасли права [5; 6, с. 127; 7, с. 228]. Еще большее сожаление вызывает

тот факт, что даже авторы учебных пособий по хозяйственному праву не готовы признать самостоятельность хозяйственного права [8, с. 8; 9, с. 12].

По нашему мнению, хозяйственное право – самостоятельная отрасль права, регулирующая общественные отношения преимущественно публичного характера, складывающиеся по поводу осуществления публичной и частной хозяйственной деятельности (в отдельных случаях – творческой и хозяйственно-трудовой деятельности). Более того, профилирующая отрасль права, образующая хозяйственный цикл отраслей права, объединяющий такие специальные и комплексные отрасли права, как предпринимательское право, право непредпринимательской хозяйственной деятельности, корпоративное, промышленное, торговое, градостроительное, строительное, транспортное, транспортно-коммуникационное право и др. [10].

Доказывая тезис о самостоятельности хозяйственного права, можно идти двумя путями: привычным – последовательно обосновывая наличие критериев выделения самостоятельной отрасли права, таких как предмет правового регулирования, методология правового воздействия, принципы права и др. Или же следовать от обратного: аргументируя невозможность отнесения тех или иных правовых институтов к ведению существующих отраслей права. В своих предыдущих публикациях мы преимущественно шли первым путем [11; 12; 13]. Поэтому изменим подход.

Непризнание хозяйственного права привело к тому, что хозяйственная деятельность (в том числе предпринимательская), были включены в предмет гражданского права (ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь) (далее – ГК)). Принимая во внимание методологию гражданского права, можно сделать вывод о том, что предпринимательская деятельность носит преимущественно частноправовой характер. Однако это не так. Такие институты как легальные барьеры (государственная регистрация субъектов хозяйствования, лицензирование, квотирование, аттестация, аккредитация и т.д.), техническое нормирование и стандартизация, учет и отчетность, меры государственной поддержки субъектов хозяйственной деятельности, экономическая несостоятельность и банкротство и др. не имеют никакого отношения к гражданскому праву, являясь по своей природе публичными институтами. Хозяйственно-правовую природу имеют также институты государственного предпринимательства (фискальной хозяйственной деятельности) [1] и социального предпринимательства [14].

Понятие предпринимательской деятельности, закрепленное в ст. 1 ГК, не содержит четких критериев, позволяющих отграничить предпринимательскую деятельность от иных видов хозяйственной деятельности. В результате ст. 1 ГК, являющаяся «лицом» кодекса, представляет собой печальное зрелище, ее содержание не соответствует названию, перегружено и бессистемно. Неужели в ст. 1 ГК должно содержаться указание на то, что предоставление услуг по дроблению зерна, выпасу скота, сборке мебели и пр. не относятся к предпринимательской деятельности? Напомним, что гражданское право не регулирует деятельность, оно регулирует отношения (имущественные и личные неимущественные) с участием предпринимателей. Предпринимательская и иные виды хозяйственной (экономической) деятельности являются предметом хозяйственного права. Полагаем, что все эти вопросы следует регулировать специальным Законом вплоть до принятия Хозяйственного кодекса Республики Беларусь.

Какой отраслью права (если не хозяйственным правом) должны регулироваться отношения, возникающие из хозяйственно-правовых договоров, предметом которых выступают функции и исключительные права государства в рамках концессионных отношений и отношений публично-частного партнерства? Хозяйственно-правовые договоры содержат больше нецивилистических положений (финансовых, пруденциальных, инвестиционных, монетарных или административных), и все чаще обретают форму нормативного договора (инвестиционный договор с государством; соглашение о государственно-частном партнерстве; концессионный договор).

К какой отрасли права (если не к хозяйственному праву) следует относить лицензирование и меры государственной поддержки субъектов хозяйственной деятельности? Логично предположить, что лицензирование и субсидии относятся к административному праву. Но тогда предпринимательская деятельность не может относиться к предмету гражданского права (ст. 1 ГК).

К какой отрасли права (если не к хозяйственному праву) следует относить инвестиционные правоотношения? Инвестиционные правоотношения по своей правовой природе не являются имущественными или личными неимущественными. Это институциональные отношения с элементом организационных, поскольку в основе идеи существования института инвестиций находится процесс создания чего-то нового. Такие институты как инвестиционная деятельность и являющаяся ее частью инновационная деятельность, венчурные инвестиции и осуществление высокорисковых (венчурных) инвестиций, маркетинг и маркетинговая деятельность, финансовые инвестиции и инвестиции в человеческий капитал являются сферой инвестиционно-правового регулирования – сферой государственно-правового воздействия, наиболее тесно связанной с хозяйственным правом, но имеющей тенденцию к выделению в самостоятельную отрасль права.

К какой отрасли права (если не к хозяйственному праву) следует относить такие институты, как конкуренция и антимонопольное регулирование, техническое нормирование и стандартизацию, экономическую несостоятельность и банкротство? Очевидно, что отношения, которые возникают в процессе их функционирования не являются имущественными или личными неимущественными. Названные институты входят в конструкцию национальной экономической безопасности и в перспективе будут отнесены к пруденциальному праву, но в настоящее время они входят в предмет хозяйственного права.

Таким образом, в настоящее время миссия хозяйственного права состоит в том, чтобы охватить те общественные отношения, правовые институты и обусловленные ими социальные явления, которые оставались «за бортом» отраслей права в их традиционном понимании.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. Фискальное право и перспективы его институционализации в системе права // Российский правовой журнал. 2021. № 4 (9). С. 34–49.

2. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Хилинская Ю. А. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 60–77.

3. Дробязко С. Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3–16. URL: https://law.bsu.by/pub/31/Drobyazko_27.pdf?ysclid=l6gswae9wt810442337 (дата обращения: 19.08.2022).

4. Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование // Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) и др. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 5. С. 11–22.

5. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович и др. ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ ; изд-во «Четыре четверти», 2014. 416 с.

6. Бибило В. Н. Теория государства и права. Минск : Право и экономика, 2015. 206 с.

7. Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под общ. ред. В. А. Кучинского. Минск : Интегралполиграф, 2009. 552 с.

8. Реуцкая Е. А. Хозяйственное право. Курс лекций. Минск. Академия управления. 2002. 211 с.

9. Сидорчук В. К. Хозяйственное право : учеб. пособие. Минск : РИПО, 2015. 316 с.

10. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Шкут О. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки // Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей ; отв. ред. О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2022. С. 12–28.

11. Бондаренко Н. Л. Хозяйственное право: новое или хорошо забытое старое // Право в современном белорусском обществе. 2021. № 16. С. 319–327.

12. Бондаренко Н. Л. Белорусская наука хозяйственного права: проблемы и перспективы развития // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) и др. Гродно : ГрГУ, 2021. Вып. 6. С. 39–47.

13. Бандарэнка Н. Л. Канстытуцыйная прырода прынцыпаў заканадаўства Рэспублікі Беларусь, рэгулюючага ажыццяўленне гаспадарчай дзейнасці // Веснік Канстытуцыйнага суда Рэспублікі Беларусь. 2021. № 1. С. 191–202.

14. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Бондаренко М. С. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации // Юстиция Беларуси. 2022. № 6. С. 54–62.

ИННОВАЦИОННОЕ ПРАВО: ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ, ПРИНЦИПЫ

Д. М. Демичев

Научно-консультативный совет при Конституционном Суде Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 4,
220016, г. Минск, Беларусь, ddm65@mail.ru

В конце XX – начале XXI вв. человечество вступило в новую стадию своего развития – стадию построения постиндустриального информационного общества, для

которого характерны информационные технологии и компьютеризированные системы, высокие наукоемкие технологии, являющиеся результатом новых физико-технических и химико-биологических открытий, и основанные на них инновационные технологии, инновационные системы и инновационная организация различных сфер человеческой деятельности. Коренные изменения в политике и экономике Республики Беларусь повлекли за собой появление новых отношений, связанных с развитием новых технологий, цифровизацией и информатизацией современного общества. Инновационные отношения имеют как экономический, так и правовой аспект. Эти отношения требуют правового регулирования и закрепления в действующем законодательстве. В этой связи в теории и юридической практике появилось новое понятие «инновационное право».

Ключевые слова: инновационное право; информационное общество; цифровизация; предмет; метод; принципы инновационного права; инновация; новшество; инновационная деятельность.

INNOVATION LAW: SUBJECT, METHODS, PRINCIPLES

D. M. Demichev

Scientific Advisory Council under the Constitutional Court of the Republic of Belarus,
4 Krasnoarmeyskaya Street,
220016, Minsk, Belarus, ddm65@mail.ru

At the end of the XX – beginning of the XXI centuries, humanity entered a new stage of its development – the stage of building a post-industrial information society, which is characterized by information technologies and computerized systems, high science-intensive technologies that are the result of new physico-technical and chemical-biological discoveries, and innovative technologies based on them, innovative systems and innovative organization of various spheres human activity. Fundamental changes in the politics and economy of the Republic of Belarus have led to the emergence of new relations related to the development of new technologies, digitalization and informatization of modern society. Innovation relations have both an economic and a legal aspect. These relations require legal regulation and consolidation in the current legislation. In this regard, a new concept of «innovative law» has appeared in theory and legal practice.

Keywords: innovation law; information society; digitalization; subject; method; principles of innovation law; innovation; innovation; innovation activity.

Инновационное право появилось на рубеже XX-XXI вв. как ответ на те коренные изменения, которые с неизбежной необходимостью возникли в связи с компьютеризацией, разработкой и внедрением передовых технологий и инноваций в экономическую деятельность.

В теории права еще не до конца решен вопрос об отраслевой принадлежности инновационного права. Далеко не все ученые признают существование этого самостоятельного правого комплекса. Вместе с тем отдельные из них считают инновационное право частью гражданского, предпринимательского или коммерческого права.

Определение инновационного права можно сформулировать после выявления основных критериев того или иного правового образования (отрасли, подотрасли, института), в качестве которых обычно выступают предмет, метод и принципы.

Под предметом той или иной отрасли права обычно понимается круг общественных отношений, регулируемых нормами определенного правового комплекса. Для определения предмета инновационного права необходимо установить, какие нормы и возникающие на основе их применения общественные отношения являются инновационно-правовыми, найти основу, которая объединяет эти нормы и отношения в единый институт права. Наконец, необходимо установить характерные черты инновационно-правовых норм и отношений, отличающие их от норм и отношений других институтов права.

В то же время определить предмет инновационного права невозможно без выявления главных категорий, составляющих сущность этого предмета: понятий «инновация» и «инновационная деятельность».

Термин «инновация» (от лат. *novatio*) означает какое-либо обновление, а приставка *in* (лат.) – действовать «в направлении». Таким образом, innovatio переводится с латинского как организация деятельности «в направлении изменений». Основателем теории управления инновациями является австрийский и американский экономист, историк экономической мысли Йозеф Шумпетер (1883-1950 гг.), который в работе «Теория экономического развития», впервые опубликованной в 1911 г., представил инновации в качестве инструмента для преодоления и ликвидации экономических кризисов путем внедрения новых продуктов, новых технологий и новых форм организации производств и фактически первым выявил значение инноваций в деятельности предприятий и организаций [5]. Впоследствии Й. Шумпетер в своей фундаментальной работе «Экономические циклы» (1939 г.) предположил, что толчком к развитию становятся новые комбинации факторов производства, в том числе: использование новой техники, новых технологических процессов; внедрение продукции с новыми свойствами; использование нового сырья; изменения организации производства и его материально-технического обеспечения; появление новых рынков сбыта. Новые комбинации факторов производства получили название нововведений (инноваций) [6].

За последние 250 лет волны крупных нововведений регулярно возникали в мире примерно с пятидесятилетним циклом. С момента Промышленной революции[1] можно выделить следующие исторические волны интенсивных технологических изменений, характеризуемых возможностями быстрого экономического роста и радикальными социальными преобразованиями:

- первая волна (1790-1840 гг.), в основе которой лежали новые технологии в текстильной промышленности, использовавшие возможностей угля и пара;

[1] *Промышленная революция* (industrial revolution) – революционные изменения в орудиях и в организации производства, массовый переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, от преимущественно аграрной экономики к промышленному производству, которые привели к переходу от доиндустриального к индустриальному обществу в середине XVIII - XIX вв.

- вторая волна (1841-1890 гг.) непосредственно связана с развитием железнодорожного транспорта и механизацией производства;
- третья волна (1891-1940 гг.) связана с развитием электроэнергетики и химии;
- четвертая волна (1941-1990 гг.) связана с бурным развитием электроники и вычислительной техники;
- пятая волна технологических изменений (после 1990 г.) связана с бурным развитием информационных и телекоммуникационных технологий, важной составляющей которой являются также биотехнологии.

Термин «инновация» рассматривается в узком и широком смысле. В узком смысле инновация – это первое использование изобретения, за которым следует его распространение; в широком смысле инновация – нововведение (преобразование) в экономической, технической, социальной и иных сферах, основанное на новых идеях, изобретениях, открытиях и т.п.

Учитывая множественность трактовок понятия «инновация» как экономической категории, рассмотрим данное понятие с юридической точки зрения. В Республике Беларусь законодательное определение понятию «инновация» впервые было закреплено в Законе от 10 июля 2012 г. «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь». В нем инновации определялись как введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера. Сама же инновационная деятельность в указанном Законе определялась как деятельность по преобразованию новшества в инновацию. Кроме того, в Законе давалось определение понятию «новшество», которое сформулировано как результат интеллектуальной деятельности (новое знание, техническое или иное решение, экспериментальный или опытный образец и др., обладающий признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка) [3].

Инновационная деятельность в соответствии с указанным Законом может включать в себя: выполнение научно-исследовательских работ, необходимых для преобразования новшества в инновацию; разработку новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, создание новых услуг, новых организационно-технических решений; выполнение работ по подготовке и освоению производства новой или усовершенствованной продукции, освоению новой или усовершенствованной технологии, подготовке применения новых организационно-технических решений; производство новой или усовершенствованной продукции, производство продукции на основе новой или усовершенствованной технологии; введение в гражданский оборот или использование для собственных нужд новой или усовершенствованной продукции, новой или усовершенствованной технологии, новых услуг, новых организационно-технических решений; иную деятельность, направленную на преобразование новшества в инновацию [3].

Таким образом, исходя из изложенного в данном контексте, можно констатировать, что предметом инновационного права являются три группы

общественных отношений, составляющих определенное единство: это инновационные отношения; иные отношения, связанные с инновационными; отношения по государственному воздействию на инновационную деятельность. А в целом же предметом инновационного права являются общественные отношения в сфере инновационной деятельности.

Наряду с предметом у каждой науки есть свой, самостоятельный метод исследования. Если предмет отвечает на вопрос, что изучает соответствующая наука, то метод отвечает на вопрос − как, с помощью каких принципов и способов познается предмет. Методология юридической науки − это учение о том, как, какими путями и способами, с помощью каких философских начал необходимо изучать государственно-правовые явления. Понятие «метод» ввели в научный оборот древние греки. Именно они первыми обратили внимание на зависимость результата от метода познания. Древние греки подчеркивали особую значимость исследования Вселенной, Космоса, природы и общества.

В строгом смысле слова, метод – это теория, которая дает объективное и всестороннее знание о предмете. Метод науки − это способ изучения, выражающий общие исходные позиции и подход к данным явлениям. Метод науки характеризует ее философскую, мировоззренческую основу, т.е. ту философскую систему, на которой построена наука. Еще английский историк и философ Ф. Бэкон, на рубеже Нового времени в работе «Новый органон», сравнивал метод с фонарем, утверждая, что даже хромой, идущий по дороге с фонарем, опередит того, кто бежит без дороги [1]. Именно метод освещает путь к истине. Метод должен исходить, прежде всего, из предмета изучения, отражать объективные законы общественной жизни, вытекать из достижений практики, быть научным, проверенным, истинным.

Метод (от греческого *«methodos»* − путь исследования или познания, теория, учение) − это способ познания, исследования явлений природы и общественной жизни; прием, способ или образ действия [4, с. 307].

Под методом правового регулирования отрасли или института права понимается набор способов и приемов регулирования отношений между субъектами, складывающийся вследствие особых свойств предмета правового воздействия. Что касается метода правового регулирования инновационных отношений, то здесь следует обратить внимание на комплексный характер метода инновационного права: в нем используется, с одной стороны, императивный метод власти-подчинения, характерный для публичных отраслей права (в отношениях по управлению и государственному регулированию инновационных отношений); с другой – диспозитивный метод равенства сторон, характерный для частных отраслей права (в отношении договоров, созданию объектов интеллектуальной деятельности). Он характеризуется сложным сочетанием двух способов воздействия на поведение субъектов: с одной стороны, предоставление широкой свободы субъектам при осуществлении ими инновационной деятельности и, с другой стороны, государственное властное воздействие в виде обязательных предписаний там, где это диктуется интересами общества и государства.

Важнейшим критерием для выявления инновационного права как правового образования являются принципы.

Принцип – это исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат); внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь).

Поиски таким образом понимаемого понятия принципа начинаются еще в античной философии, где в качестве исходного принципа бытия древние мыслители рассматривали ту или иную субстанцию.

Для правотворческого и правореализационного процессов важную роль играют принципы права, как основополагающие, стержневые идеи, исходные и руководящие начала, отражающие социальную природу, обусловленность и сущность права, закономерности его развития. Они отличаются универсальностью, особой значимостью, наивысшей императивностью, определяют общую направленность и содержание правового регулирования. Безусловно, принципы права относятся к числу его основных и несущих конструкций и охватывают всю правовую материю – идеи, нормы, общественные отношения – и придают ей логичность и последовательность. Они выполняют роль ориентиров в формировании права, поскольку эволюция права идет от идей к нормам, а через реализацию норм, – к общественной практике. Принципы права имеют объективный характер, поскольку отражают объективно существующие общественные отношения. Они более стабильны, чем конкретные нормы права и выступают критерием правомерности поведения и деятельности участников регулируемых правом общественных отношений. Принципы права лежат в основе права, пронизывают все правовые нормы и, как правило, закрепляются в нормативных правовых актах. Вместе с тем, не будучи закрепленными в них, принципы права могут логически последовательно вытекать из совокупности норм права.

В докторской диссертации «Место инновационного права в системе отраслей российского права» Т. В. Ефимцева выявила наличие семи принципов, которые фактически присущи инновационному праву как подотрасли предпринимательского права: принцип гармоничного сочетания публичного и частного в правовом регулировании общественных отношений, возникающих в инновационной сфере деятельности; принцип государственной поддержки инновационной деятельности; принцип разграничения предметов ведения между федеральными, региональными и местными органами власти в области правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет инновационного права; принцип свободного коммерческого использования результатов интеллектуальной (творческой) деятельности; принцип взаимодействия и взаимосвязи творческих и предпринимательских начал в процессе осуществления инновационной деятельности; принцип минимизации инновационного риска, возникающего в процессе инновационной деятельности; принцип информационной безопасности инновационной деятельности [2].

Соглашаясь в целом с классификацией принципов инновационного права, предложенных Т. В. Ефимцевой, полагаю необходимым дополнить данную классификацию еще, как минимум, тремя принципами: принципом законности; принципом народовластия; принципом гласности.

Таким образом, исходя из предмета, метода и принципов правового регулирования инновационных отношений, инновационное право можно определить как систему (комплекс) правовых норм, опосредующих стратегически-

инновационную функцию государства, регулирующих общественные отношения по созданию и использованию инноваций и защите прав и законных интересов субъектов инновационной деятельности; как совокупность правовых норм, регулирующих инновационные отношения, а также отношения по государственному воздействию на инновационную деятельность путем предоставления широкой свободы субъектам инновационной деятельности.

Кроме того, данное право можно представить и как отрасль научного знания – систему идей, знаний и концепций в развитии инновационного права.

Библиографические ссылки

1. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html# (дата обращения: 21.02.2022).

2. Ефимцева Т. В. Место инновационного права в системе отраслей российского права : дис… д-ра юрид. наук: 12.00.03. М. : Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. 322 л.

3. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 425-) : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Словарь иностранных слов. 12-е изд. М.: Русс. яз, 1985. 607 с.

5. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Директ-Медиа, 2007. 400 с.

6. Шумпетер Й. А. Экономические циклы. М.: Неон, 1996. 768 с.

НОРМЫ-ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В. Н. Бибило

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, krym_praces@bsu.by

Уголовно-процессуальные нормы предназначены для правового регулирования деятельности по расследованию и рассмотрению уголовного дела. Они разделяются на общие и конкретные нормы. Общие нормы являются исходными. В их пределах формулируются конкретные нормы. Среди общих норм уголовно-процессуального права наиболее существенное значение имеют нормы-принципы. Они обеспечивают фиксацию целых блоков общественных отношений. Такие правоотношения являются общими. В их пределах реализуются конкретные правоотношения участников уголовного процесса. В УПК размещены нормы-принципы, осуществляющиеся во всех стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право; нормы права; нормы-принципы; правоотношения; стадии уголовного процесса.

NORMS-PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW

V. N. Bibilo

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, krym_praces@bsu.by

Criminal procedural norms are intended for the legal regulation of the investigation and consideration of a criminal case. They are divided into general and specific rules. General norms are initial. Within them, specific rules are formulated. Among the general norms of criminal procedural law, the norms-principles are of the most significant importance. They provide fixation of entire blocks of social relations. Such relationships are general. Within their limits, specific legal relations of participants in the criminal process are implemented. The Code of Criminal Procedure contains norms-principles that are implemented at all stages of the criminal process.

Keywords: criminal procedural law; norms of law; norms-principles; legal relations; stages of the criminal process.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) заложена модель уголовного процесса как социальной системы, которая должна быть реализуемой, работающей и исходить из уровня современной культуры, проявляющейся в виде взаимосвязанного единства социальных норм, идей, материальных условий. Главная ценность УПК в том, что сам его текст выполняет три основные функции: 1) передача буквальной информации как неизменного смысла УПК, что выражается в существовании норм, носящих абсолютно определенный характер; 2) наличие простора для интерпретации норм права, что является генератором их нового смысла; 3) проникнутость УПК единым контекстом, своего рода «духом», обеспечивающим его смысловой потенциал [1, с. 124-127].

Наиболее важная роль в производстве по уголовному делу принадлежит уголовно-процессуальным нормам. Как и любые правовые нормы, их можно разделить на общие и конкретные.

Общие нормы фиксируют общественные отношения в обобщенном виде. С их помощью отражаются задачи, принципы, презумпции, дефиниции, функции, статус участников процесса. Они присущи общей части УПК и распространяются на все или на большую часть институтов данной отрасли права. Общие нормы являются исходными, занимают высшую ступень в иерархии норм. Регулирующее воздействие общих норм довольно велико. Оно проявляется прежде всего в том, что эти нормы служат правовым материалом для создания конкретных норм. Именно в пределах их действия должны осуществляться более конкретные нормы. Кроме того, общие нормы обладают и собственными регулятивными возможностями, особенно в случаях наличия пробелов в компетенционных нормах. Суды ссылаются на общие нормы уголовно-процессуального права при

решении конкретных дел, особенно в тех случаях, когда в судебном акте надо обосновать незыблемость положений закона, действий тех или иных принципов.

В УПК Республики Беларусь, принятом в 1999 г., в первой части «Общие положения» сформулированы общие нормы, и как исключение, в этом же разделе имеются и конкретные нормы. В свою очередь, во второй части «Досудебное производство» и третьей части «Судебное производство» в развитие общих норм содержатся конкретные нормы.

Общие нормы уголовно-процессуального права различны по своему содержанию и целевому назначению. Среди них наиболее важное место занимают нормы-задачи, нормы-принципы, нормы-презумпции, нормы-дефиниции, нормы-статусы. Внутри общих норм также можно проследить иерархичность. Иерархически высшая норма очерчивает содержание норм низшего уровня.

Существует мнение, что нормы, определяющие принципы, занимают самое высокое положение в системе норм права, что они носят более общий характер, чем нормы-задачи [3, с. 222]. С этим нельзя согласиться. Нормы-принципы и нормы-задачи отражают разные стороны в регуляции общественных отношений. Главное отличие их в том, что нормы-принципы носят более юридический характер. Нормы-задачи определяют конечный итог деятельности, поэтому они в большей мере идеализированы. Понятие задачи отражает необходимость осуществить определенную деятельность. Механизм же осуществления задач обеспечивается, в первую очередь, принципами, которые направляют процесс регулирования общественных отношений. Сам закон не дает основания отождествлять нормы-принципы и нормы-задачи. Так, например, в ст. 7 УПК 1999 г. закреплены задачи уголовного процесса, а в ст. 10 они конкретизированы. Нормы-принципы являются как бы цементирующим материалом для множества других норм. В них отражаются глубинные, устойчивые, закономерные связи, благодаря которым функция правосудия существует как самостоятельное явление. Указывая на широкое использование принципов в различных сферах деятельности, С. Г. Дробязко пишет: «Принципы присущи абсолютно всем явлениям и процессам. Значимость для человечества тех или иных явлений и процессов как таковых непосредственно и представляется важностью именно их принципов, поскольку они олицетворяют динамическое, а значит, главное проявление их сущности. От правильного, истинно теоретического понимания принципов напрямую зависит и их претворение в жизнь» [4, с. 27].

Нормы-принципы отличаются от других норм уголовно-процессуального права содержанием и регулирующими свойствами, а также способами реализации. Они воздействуют не на единичные общественные отношения, а на их систему в целом, задавая ей направленность движения. Определяя перспективы развития уголовно-процессуальной деятельности, они обладают опережающим отражением социальной действительности. Благодаря нормам-принципам получают фиксацию целые блоки общественных отношений, в рамках которых находятся уголовно-процессуальные правоотношения. Границы регулирующего воздействия норм-принципов настолько широки, что, как правило, они полностью не заполняются нормами, призванными регулировать конкретные правоотношения. Всегда остается место для новых норм.

Предложенная Н. И. Матузовым конструкция общих правоотношений позволяет наглядно показать непосредственное регулирующее воздействие норм-принципов на сферу общественных отношений [6, с. 23-33]. Правоотношениями в широком смысле слова могут выступать не только строго определенные связи между отдельными субъектами, но и более общие, не столь детализированные, относительно стабильные. Их возникновение связано главным образом с наличием конституционных норм, которые регулируют наиболее важные общественные отношения, а также с наличием в отраслях права, в частности, уголовно-процессуальном, норм-принципов.

Правоотношения, порождаемые нормами-принципами, являются общими. Общие уголовно-процессуальные правоотношения – первичная форма опосредования общественных отношений. В рамках их находятся конкретные уголовно-процессуальные отношения. Общие уголовно-процессуальные отношения возникают во взаимосвязи «государство – участник уголовного процесса». Что касается процессуальных правоотношений, детализирующих общие, то там имеется непосредственная связь между участниками уголовного процесса: «обвиняемый – следователь», «осужденный – суд» и т. д. Значит, специфика общих уголовно-процессуальных правоотношений, урегулированных нормами-принципами, состоит в том, что они возникают на основе норм-принципов, носят общий характер и являются исходными, первичными для возникновения конкретных отношений.

Высокая правовая культура общества предполагает широкое использование норм-принципов уголовно-процессуального права для регулирования общественных отношений, посредством которых обеспечиваются общие рамки поведения субъектов правоотношений. Нормы-принципы создают базовые общественные отношения (или абстрактные их образы), которые имеются независимо от того, участвуют ли в них конкретные лица. Вместе с тем роль норм-принципов нельзя преувеличивать. Принципы абстрактны и нуждаются в уточнениях (допущении, ограничении, запрете, требовании). Это объясняется тем, что в принципах в готовом виде не представлено знание о содержании правосудия.

В УПК размещены нормы-принципы, пронизывающие все стадии уголовного процесса. Принятые в начале XXI в. УПК современных государств повысили интерес к исследованию принципов уголовного процесса.

В УПК формулируются нормы-принципы, по своей природе являющиеся «чистым» правом. При этом законодательные органы не создают принципов. Главным является отыскать их в закономерностях конкретного общества и отобразить в законодательстве. Разумеется, при этом велика роль науки. Т.В. Кашанина правильно заметила, что «в качестве принципов отрасли могут выступать лишь такие положения, которые характеризуют наиболее устойчивые и необходимые свойства предмета правового регулирования либо необходимые и устойчивые связи его компонентов и имеют всеобщее значение в пределах всей отрасли права, для каждой ее нормы. Принципы отрасли права должны отражать также свойства, связи, присущие ее методу. Поэтому процесс выведения и обоснования принципов отрасли права представляет собой главную познавательную задачу» [5, с. 291].

Ввиду системности, присущей УПК, все нормы-принципы должны быть размещены в его отдельном самостоятельном разделе. Поскольку уголовный процесс состоит из ряда стадий со своей структурой, процессуальными особенностями, не обязательно или даже невозможно, чтобы в каждой из стадий реализовывались все нормы-принципы. Важно, чтобы они охватывали весь уголовный процесс. С учетом специфики конкретных стадий и по мере необходимости нормы-принципы будут реализовываться в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела.

Уголовный процесс представляет собой деятельность его участников с их уровнем профессиональной и правовой культуры, индивидуальным правосознанием. В связи с этим при реализации норм-принципов путем осуществления деятельности они определенным образом трансформируются. Это происходит потому, что кроме правовых норм, правосудие регулируется иными социальными нормами: нравственными, экономическими, политическими, идеологическими и др. [2, с. 100-145].

Надо учитывать, что полная реализация норм-принципов происходит в судебном процессе, особенно в стадии судебного разбирательства, где осуществляется непосредственное исследование доказательств. На досудебных стадиях принципы лишь зарождаются. Это объясняется тем, что при расследовании преступлений наряду с УПК применяется законодательство об оперативно-розыскной деятельности, предусматривающее не только гласные, но и негласные формы работы. С учетом того, что правосудие – функция суда, а судопроизводство – ее последовательная реализация, которая в конечном счете образует форму правосудия, принципы, как наиболее общие положения, определяющие направление судебной деятельности, отражают существо именно правосудия. Они рассчитаны прежде всего на те отношения, в которых одной из сторон выступает суд или, по крайней мере, он является посредником в отношениях других участников судебного процесса.

Библиографические ссылки

1. Бибило В. Н. Нормативная структура деятельности в уголовном процессе // Эффективность уголовной юстиции в контексте верховенства права : материалы междунар. науч. конф. (Минск, 17 окт. 2003 г.). Минск : БГУ, 2003. С. 124–127.

2. Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Минск: Право и экономика, 2001. 210 с.

3. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

4. Дробязко С. Г. Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики: сб. науч. тр. Минск: БГУ, 2005. С. 27–32.

5. Кашанина Т. В. Структура права. М.: Проспект, 2020. 584 с.

6. Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3. С. 23–33.

ПОНЯТИЕ «СУДОПРОИЗВОДСТВО» И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Д. В. Азаров

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036, г. Брянск, Российская Федерация,azarov-dv@mail.ru

В статье исследуется содержание понятия «судопроизводство»; делается вывод об отсутствии научного смысла и практического значения в использовании понятия «арбитражное судопроизводство» в конституционном и процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: судопроизводство; правосудие; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; судопроизводство в арбитражных судах.

THE CONCEPT CONTENT «LEGAL PROCEEDINGS» AND IT`S USING IN INDUSTRY LEGISLATION

D. V. Azarov

Bryansk State University named after Acad. I.G. Petrovsky, 14 Bezhitskaya Street, 241036, Bryansk, Russian Federation, azarov-dv@mail.ru

In this article the concept content «proceedings» investigated; it made a conclusion of the absence of scientific sense and practical meaning in it is using the concept content «arbitration proceedings» in constitution and procedural legislation.

Keywords: legal proceedings; justice; civil proceedings; arbitration proceedings; proceedings in arbitration courts.

Понятия и обозначающие их слова (термины) являются необходимой составляющей любой сферы информационного обмена в человеческом обществе (социуме). Правовые нормы являются по своей физической природе информацией, следовательно, правовое регулирование можно рассматривать как «движение информации, облеченной в языковую (знаковую) форму» [13]. Соответственно эффективность правового регулирования во многом зависит от терминологической определенности. Т.е. для каждого понятия должно быть свое присущее только ему обозначение – термин. Такие качества языка как синонимия (использование нескольких терминов для обозначения одного понятия) и дуплетность (использование одного термина для обозначения нескольких понятий) в той или иной степени вредны для языка юриспруденции. Обоснование данного вывода и составляет цель настоящей работы. В качестве материала для исследования взято понятие «судопроизводство» с обозначающим его термином, а также производные от них понятия и термины.

Термин «судопроизводство» используется в конструкции нормы части второй статьи 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства [1]. В такой редакции норма появилась в 2020 году. До этого начиная с 1993 года Конституция провозглашала, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Нетрудно заметить, что в 2020 году виды судопроизводства пополнились за счет арбитражного. Насколько же юридически корректным и оправданным с точки зрения эффективности правового регулирования является такое законодательное решение? Ведь более четверти века в правовой системе России было только четыре вида судопроизводства; и к моменту принятия Конституции (декабрь 1993 года) арбитражные суды уже существовали и достаточно активно осуществляли правосудие. Однако арбитражного судопроизводства выделено не было. Почему?

Ответ на этот вопрос находим в одном из интервью, данных агентству ТПП-Информ основателем системы арбитражных судов – первым в истории Председателем Высшего арбитражного суда доктором юридических наук В.Ф. Яковлевым: «Статья сто восемнадцатая закрепляет четыре линии судопроизводства – конституционную, гражданскую, административную и уголовную. Когда завершалась работа над проектом Конституции, возник вопрос: а где арбитражные суды? Это было резонно, ведь они существовали с 1992 года. Если бы я тогда сказал, что в статью нужно записать и арбитражное судопроизводство, то оно там бы и находилось. Но я прекрасно знал, что арбитражное судопроизводство записывать не надо, потому что вид судопроизводства определяется не устройством и не названием судов, а характером отношения и характером применяемого права» [14]. Такая же позиция высказывается в одном из первых комментариев к Конституции, подготовленном коллективом авторов под руководством академика Б. Н. Топорнина. Комментируя норму пункта 2 статьи 118 Конституции авторы комментария, среди которых видные российские ученые Т. Е. Абова, М. М. Богуславский, В. П. Мозолин, Р. О. Халфина, В. Е. Чиркин и другие, поясняют, что реализация судебной власти (осуществление правосудия) происходит в установленном законом процессуальном порядке, который в целом универсален и базируется на общеправовых принципах, таких как равенство, открытость, состязательность, однако «в зависимости от характера рассматриваемых правоотношений, т.е. от того, нормы какой отрасли материального права оказались нарушенными, судопроизводство приобретает некоторые особенности» [11, с. 501]. Очевидно, что критерием, по которому судопроизводство до 2020 года делилось на виды, являлось материальное право, нормы которого нарушены, из которого возник спор (спор в широком смысле, включая разногласия относительно конституционно-правового смысла той или иной правовой нормы и споры между государственным обвинителем и обвиняемым в уголовном процессе). Несмотря на большое количество отраслей в системе права, законодателем было принято грамотное решение выбрать из них только те, специфика которых накладывает отпечаток на порядок рассмотрения и разрешения споров – порядок

судопроизводства; это конституционное, гражданское, административное и уголовное право, соответственно: конституционное гражданское, административное и уголовное судопроизводство.

По идее, согласно простой житейской логике для каждого вида судопроизводства должен быть свой суд и свой процессуальный закон. Однако в силу исторически сложившихся реалий судебная система России состоит из трех ветвей: Конституционный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции и арбитражные суды; поэтому свой суд и свой процесс достался только конституционному праву и вытекающему из него судопроизводству. Уголовное право получило свой процесс, но, увы, общий суд (суды общей юрисдикции), а вот гражданское и административное право поделили между собой суды общей юрисдикции и арбитражные суды по критерию характера спора и субъектного состава участников. Именно об этом критерии идет речь в ст. 1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК): «Правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами …» [5]. Развивая сформулированную в этой норме мысль можно добавить: «… в рамках гражданского и административного судопроизводства …», и закончить той же нормой: «… по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах».

Следует заметить, что, говоря о судопроизводстве, АПК последовательно не называет его арбитражным. В статьях 1, 2, 3 АПК говорится о судопроизводстве в арбитражных судах. Это логично, так как речь идет о гражданском и административном судопроизводстве, осуществляемом (реализуемом) арбитражными судами (наряду с судами общей юрисдикции).

Справедливости ради следует заметить, что в российском законодательстве термин «арбитражное судопроизводство» встречался и до 2020 года, например, в федеральном законе «О внесении изменений в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 30.12.2008 № 296-ФЗ: «абзац шестой дополнить словами «, за исключением арестов и иных ограничений, налагаемых в арбитражном судопроизводстве или исполнительном производстве в отношении взыскания задолженности по текущим платежам …» [6]. В правовой доктрине термин использовался весьма активно. Возникает вопрос: почему несмотря на «отсутствие прописки» термин продолжал жить в правовой системе и, наконец, добился своего официального признания? Есть и еще более актуальный вопрос: каковы правовые последствия такого признания? Ответы на эти вопросы следует искать в науке, очень близкой к юриспруденции – логике.

Дело в том, что любое сложное понятие многоаспектно и может быть рассмотрено с разных ракурсов. Так, например, авторы учебного пособия «История российского правосудия», рассматривая понятие «судебная власть», замечают следующее: «Если под «судебной властью» понимать только власть суда – конкретного государственного учреждения, а любой суд, как элемент государственного аппарата, определенной властью, безусловно, обладает, то понятие «власть суда» легко спутать с понятием «судебная власть», хотя понятия «власть суда» и «судебная власть» … разительно отличаются друг от друга …» [10, с. 28].

Похожая история и с понятием «арбитражное судопроизводство»: его можно рассматривать как с функциональной, так и со структурной точек зрения. Ввиду того, что термин, обозначающий это понятие, состоит из слов, указывающих на структурный аспект («арбитражное судопроизводство» - значит судопроизводство, реализуемое арбитражными судами), в сознании юристов, и тем более в массовом сознании, этот термин ассоциируется с судопроизводством в арбитражных судах (как отмечалось выше, последнее понятие и обозначающий его термин активно использовался и используется в арбитражном процессуальном праве).

Изменение подхода к пониманию судопроизводства с функционального на структурный предполагает, что количество видов судопроизводства в российской правовой системе должно соответствовать количеству ветвей судебной власти. В России с ее трехзвенной судебной системой это: конституционное, арбитражное и … (термина еще нет, но, как варианты: «общеюрисдикционное» или «общегражданское»). Однако в таком случае необходимо было более радикально менять содержание нормы части 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации. В противном случае мы сталкиваемся с логической ошибкой – смешением понятийных рядов, с вытекающими отсюда последствиями. Т.е., если до 2020 года арбитражные суды осуществляли (реализовывали) гражданское и административное судопроизводства, то теперь получается, что гражданское, административное и арбитражное?! Или только арбитражное, а гражданское и административное - нет? Если принять последнее утверждение, то как быть с тем обстоятельством, что раздел II АПК посвящен исковому производству, а III – производству по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений?

Следует также обратить внимание на возможность существования еще одного подхода к формированию понятия «судопроизводство», который является производным структурного, и который в качестве критерия деления судопроизводства на виды предполагает применяемое процессуальное право. Такой подход можно часто встретить в учебной литературе. Так авторы одного из учебников по арбитражному процессу указывают: «Защита гражданских прав арбитражным судом осуществляется в форме судопроизводства, что является процессуальной деятельностью суда, эта деятельность арбитражного суда урегулирована нормами арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» [9, с. 14]. Конечно, если рассматривать судопроизводство в этом аспекте (как процессуальную деятельность суда), то арбитражного судопроизводства не может не быть, так как при таком подходе количество видов судопроизводства определяется количеством отраслей процессуального права: административное процессуальное право – административное судопроизводство, арбитражное процессуальное право – арбитражное судопроизводство, гражданское процессуальное право – гражданское судопроизводство, уголовное процессуальное – уголовное судопроизводство, конституционное процессуальное право – конституционное судопроизводство. Правда, последняя связка не совсем очевидна, так как конституционного процессуального кодекса не существует, а идея выделения конституционного процессуального права в самостоятельную отрасль права поддерживается

далеко не всеми. Кроме того, при таком подходе к уже существующим синонимам «арбитражный процесс» и «судопроизводство в арбитражных судах» добавляется еще один – «арбитражное судопроизводство», а, как уже отмечалось в начале статьи, синонимия не свойственна юридическому языку.

Отмеченные логико-правовые несоответствия явно не на пользу правовой системе с учетом того, что речь идет о системообразующих правовых нормах, изменение которых требует ревизии всего правового массива, вытекающего из них, т.е. о той большой и рутинной работе, которая именуется «приведением в соответствие». А между тем п. 3 ст. 1 федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [4], воспроизводящий содержание п. 2 ст. 118 российской Конституции, изменения так не претерпел, и в нем по-прежнему судебная власть осуществляется «посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Давая научную оценку ситуации с изменением подходов к понятию «судопроизводство» и критериев деления судопроизводства на виды, следует отметить, что все они имеют право на существование (что называется – вопрос выбора и дело вкуса). Смущает то, что правовые подходы, существующие десятилетиями, меняются вдруг без веских причин и серьезного научного обоснования. Хотя, справедливости ради, следует отметить одно событие, которое спровоцировало появление в российской правовой системе понятия «арбитражное судопроизводство». Речь идет о принятом в 2015 году Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, который почему-то исключил из предмета своего регулирования дела, возникающие из публичных правоотношений, отнесенные законом к компетенции арбитражных судов. Дальше логика простая: если на арбитражные суды Кодекс административного судопроизводства не распространяется, значит, как такового административного судопроизводства они и не осуществляют. Поэтому, получите арбитражное.

Что ж, арбитражное, так арбитражное … Только изменение видов судопроизводства порождает еще один насущный вопрос: как быть с идеей создания единого гражданского процессуального кодекса [12], обсуждаемой в последние годы и положительно воспринятой юридическим сообществом? Ведь конституционно-правовой основой для этой разумной идеи была как раз норма п. 2 ст. 118 Конституции в ее прежней редакции: раз арбитражные суды, как и суды общей юрисдикции, осуществляют (реализуют) гражданское и административное судопроизводство, то их (судопроизводств) реализация должна основываться на общих подходах и основных правилах. Эта идея нашла свое воплощение в процессуальной реформе 2018-2019 гг., в результате которой была осуществлена унификация ряда норм, регламентирующих порядок гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Ожидаемо было продолжение начатой работы, однако теперь, похоже, с реализацией идеи унификации гражданского процессуального права возникли дополнительные трудности теперь уже не только организационного, но правового характера.

В завершение разговора о понятии «судопроизводство», реализуя такой метод юридической науки как сравнительное правоведение, хотелось бы обратить

внимание на то, как складывается ситуация относительно содержания понятия «судопроизводство» и его использования в белорусском праве.

Статья 112[1] Конституции Республики Беларусь содержит норму о том, что Верховный Суд осуществляет правосудие посредством гражданского, уголовного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом [2]. Норму следует охарактеризовать как частично отсылочную, а перечень – как неисчерпывающий. Такой подход законодателя видится разумным, так как в случае изменения доктринальных подходов к содержанию понятия «судопроизводство» и (или) критериям деления судопроизводства на виды (формы) не потребуется вносить изменения (дополнения) в Основной Закон.

Статья 116 Конституции Республики Беларусь формулирует норму большей степени определенности и говорит в том числе о том, что Конституционный Суд осуществляет контроль за конституционностью нормативных правовых актов в государстве посредством конституционного судопроизводства [2]. Такое законодательное решение в конструкции нормы также оправдано ввиду того, что, как отмечалось в настоящей статье, термин «конституционное судопроизводство» может использоваться при разных подходах к определению содержания обозначаемого им понятия.

Исчерпывающий перечень форм судопроизводства находим в статье 2 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам» [8]. Данная норма очень напоминает норму статьи 118 Конституции Российской Федерации. Мы также находим в ней пять форм судопроизводства. Но, если применительно к российскому праву ответ на вопрос: какой критерий положен в основу деления судопроизводства на формы (виды) вполне очевиден (вариант с логической ошибкой в норме исключаем как неполиткорректный), то применительно к белорусскому праву, что называется, возможны варианты. Учитывая, что в белорусской правовой доктрине активно отстаивается идея выделения хозяйственного права в самостоятельную отрасль материального права (Бондаренко Н. Л., Чернецкая Н. А.), то понятие «судопроизводство по экономическим делам» может означать судопроизводство по спорам, вытекающим из экономических (хозяйственных) правоотношений (материально-правовой критерий классификации, а не экономические суды и хозяйственно-процессуальное право). Остается вопрос: насколько хозяйственное право специфично для того, чтобы оправдывать процессуально-отраслевое обособление регулирования хозяйственных споров? С одной стороны, сам факт существования Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь подводит к положительному ответу. С другой – слишком много общего в хозяйственном и гражданском процессуальных кодексах. А с учетом того, что судебная система Республики Беларусь в отличие от российской не выделяет экономические суды в отдельную ветвь судебной системы, рассматривая их как специализированные суды в составе судов общей юрисдикции, то может быть есть смысл подумать над преимуществами, которые дает унификация законодательства? Дробление отраслей права и умножение законов вряд ли соответствует интересам общества. Следовательно,

необходимо по возможности стремиться к унификации, не боясь пересматривать ставшие привычными представления и убеждения, но и не забывая при этом обеспечивать новым правовым идеям прочный теоретико-правовой фундамент, одним из блоков которого являются правовые понятия.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2022. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 22.09.2022).
2. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс] : // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ // «Российская газета». 1995. № 93.
4. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ // «Российская газета». 1997. № 3.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // «Российская газета». 2002. № 137.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 30 декабря 2008 № 296-ФЗ // «Российская газета». 2008.
7. Кодекс административного судопроизводства от 08 марта 2015 № 21-ФЗ // «Российская газета». 2015. № 49.
8. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей Нац. собр. Респ. Беларусь 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. Арбитражный процесс : учебник / П. М. Филиппов, С. Ю. Семенова. М., 2020.
10. История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2013.
11. Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994.
12. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1) / СПП Консультант Плюс.
13. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – М., 2015.
14. Яковлев В. Ф. Много проблем предстоит решить в судебной системе России [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analitic_journal/4021.html (дата обращения: 02.12.2014).

ОБ ИСХОДНЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ (ПРЕЗУМПЦИЯХ) ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. А. Калинин

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kalinin@bsu.by

В статье осмысливается проблема изучения закономерностей государства и права, обосновывается идея о том, что выявление закономерностей в теоретической юриспруденции следует предварять рассмотрением исходных детерминант (презумпций), предзадающих процессы осмысления правовой реальности. Применительно к теоретической юриспруденции в качестве важнейшей детерминанты (презумпции) изучения государства и права предлагается рассматривать понимание государства, холистически взятое в конкретно-исторической форме и в описывающем его теоретическом концепте.

Ключевые слова: методология теоретической юриспруденции; методологические презумпции; детерминанты познания в теоретической юриспруденции; понятие и сущность государства; закономерности государства и права; правопонимание С.Г. Дробязко.

ON THE INITIAL DETERMINANTS (PRESUMPTIONS) IN THE STUDY OF THE REGULARITIES OF THE STATE AND LAW

S. A. Kalinin

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, kalinin@bsu.by

The article conceptualizes the issue of studying the regularities of the state and law, substantiates the idea that the understanding of regularities in theoretical jurisprudence should be preceded by consideration of the initial determinants (presumptions) that presuppose the processes of understanding of legal reality. In relation to theoretical jurisprudence, it is proposed to consider the understanding of the state, holistically taken in a specific historical form and theoretical concept describing it, as the most important determinant (presumption) of the study of the state and law.

Keywords: methodology of theoretical jurisprudence; methodological presumptions; determinants of cognition in theoretical jurisprudence; the concept and essence of the state; regularities of the state and law; legal understanding of S.G. Drobyazko.

Важное место в сфере интересов профессора С.Г. Дробязко занимала проблематика закономерностей права, понимаемых как «объективно обусловленные и объективно необходимые тенденции, выражающие сущность права в процессе его становления, развития и функционирования» [5, с. 156]. В таком контексте главной закономерностью функционирования правовой системы признавалось

стимулирование правовыми средствами социально-полезной активности субъектов права путем обеспечения гармоничного сочетания интересов личности и общества [5, с. 160]. В глобальном понимании закономерности – это наиболее общие тенденции, характеризующие бытие любого феномена. Однако изучение юриспруденцией закономерностей требует предварительного выявления и осмысления исходных параметров, предзадающих процесс познания и выступающих в таком контексте методологическими презумпциями. На наш взгляд, такими параметрами следует считать:

1. Двойственность объекта (предмета) теоретической юриспруденции, которая проявляется, с одной стороны, в холистическом и взаимодополняемом охвате государства (частично) и права (полностью), а также, с другой стороны, в волевой (субъектной, целеполагающей) и формально-процедурной (объективно-алгоритмизированной) природе.

Это указывает на:

а) необходимость изучения юриспруденцией как закономерностей права, так и закономерностей государства, которые (в зависимости от целей познания) могут рассматриваться как отдельно, так и во взаимосвязи;

б) существование объективных закономерностей (даже если они не выявлены либо конвенционально игнорируются) и волевой целеполагающий характер реагирования на них.

В результате закономерность может быть усилена, замедлена либо перенаправлена волевыми субъектными действиями.

2. Изначальное предопределение параметров объекта (предмета) познания используемым исследователем либо школой правопонимания соотношением первичности / вторичности государства и права.

3. Зависимость закономерностей в социально-гуманитарных науках в целом и теоретической юриспруденции в частности от избранного масштаба объекта (предмета) исследования. Так, расширение объекта будет придавать отдельным закономерностям частный либо малозначительный характер, сужение – глобальную либо избыточную роль.

4. Сложная природа взаимодействия закономерностей, в том числе с внешними и иноприродными динамическими и статическими феноменами, осмысливаемая при помощи принципов открытой / закрытой системности. Закрытость позволяет рассматривать государство и право в качестве замкнутых, как правило, формализованных структур, игнорирующих влияние иных явлений. Открытость – в качестве элементов более общих феноменов. Например, как правило, игнорируемые в правоведении географический и биологический факторы являются весьма значимыми для государства и права (Юстинианова чума, COVID-19, малый ледниковый период XIV-XIX вв., вулканическая активность и т.д.).

5. Необходимость описания *современности* как совокупности внешних условий бытия человечества и форм его социальной организации, в которой существует изучаемое явление и которая в темпоральном измерении может быть описана как Прошлое, Настоящее и Будущее, а также необходимость понимания, что текущая современность, как Настоящее, представляет терминальную фазу капиталистической мир-системы, проявляющуюся в утрате США статуса

мирового гегемона, упадке идей либеральной геокультуры (демократия, права человека, правовое государство т.д.), усилении глобальной нестабильности и т.д.

На наш взгляд, одной из важнейших детерминант и презумпций, предопределяющих сущность закономерностей в теоретической юриспруденции, выступает понимание государства как *исторического феномена* и *теоретического концепта*, относительно (в интересах) которого проводятся исследования («субъектная потребность») [1; 2]. По сути, такое использование двойного понимания государства соответствует постнеклассическому методологическому принципу включенности наблюдателя в объект познания.

В этом контексте следует указать на множественность разноприродных феноменов, описываемых как «государство». С одной стороны, государство – это обобщающее явление, охватывающее отделенную от населения профессиональную публичную территориальную власть, опирающуюся на общеобязательные формальные нормы. С другой стороны, государство всегда имеет цивилизационную, формационную, историческую и иную привязку. Поэтому в современном правоведении под государством обычно понимают публичной власти, сложившуюся в Западной Европе в период Нового Времени и признаваемую (навязанную) в качестве эталонной и универсальной (новоевропейское государство), характеризуемую наличием отделенной от населения профессионально реализуемой, а также обладающей монополией на насилие суверенной публичной власти, населением, и территорией. Отметим, что новоевропейское понимание государства выхолащивает понимание сути иных форм публичной власти, игнорирует наличие реальных детерминант государственности и может породить впечатление о возможности искусственного создания державы. При этом в современной западной социально-гуманитарной науке уже долгое время обсуждается вопрос о кризисе и отмирании государства в силу «ненужности» и неспособности выполнять обязательства перед населением, отмечается необходимость формирования надгосударственных структур и т.д. [3, с. 413-508], [4, с. 279-304].

Новоевропейская государственность неразрывно проявилась в национальном государстве (государстве-нации), легитимировав себя обращением к представленной третьим сословием и проживающей на определенной территории нации граждан. При этом детерминированная генезисом сущность национальных государств требует различать:

1) «новые монархии» (Испания, Франция, Англия и т.д.), сочетавшие двухуровневую имперскую систему, включавшую метрополию, представленную образом национального демократического государства для граждан, и бесправные заморские колонии;

2) государства, порожденные Великой Французской Революцией, Наполеоновскими войнами и «Весной народов»;

3) государства, возникшие в ходе распада континентальных империй после Первой Мировой войны;

4) государства, возникшие после распада социалистической системы.

Такая классификация позволяет указать на две закономерности: ложную, но конвенционально признаваемую, и реальную. С одной стороны, создается впечатление, что распад империй на национальные государства – это объективный

процесс. С другой стороны, чем «моложе» национальное государство, тем меньшим суверенитетом оно обладает. Следовательно, этническая легитимация государства приводит к его архаизации и попаданию в зависимость от иных субъектов. Таким образом, в распаде (кризисе) имперских (сложных) государственностей присутствует и целеполагающая деятельность других, часто скрытых структур.

С учетом вышесказанного, важно различать *историческое государство* и *описывающий его концепт*, относительно которых теоретическая юриспруденция выявляет и изучает соответствующие закономерности. Например, Российская Империя, СССР и современная Россия сущностно не являются и не могут являться новоевропейским государством. Это качественно иные способы организации территориальной публичной власти, которые испытали различные формы западного влияния. Одновременно СССР – это уникальная, исключительно идеологическая, рационалистическая («научная») и прогрессистская («прогрессорская») государственность, порожденная Октябрьской Революцией для решения основных чаяний населения («мир – народам, фабрики – рабочим, земля – крестьянам») и оформленная первоначально как инструмент мировой революции, а затем, в ходе построения социализма в отдельно взятом государстве, направленная на противодействие реальным вызовам. Также новоевропейским государством не была и Речь Посполитая (1569-1795 гг.), которая, отказавшись от построения рационалистического абсолютизма в пользу новомодерного шляхетского национализма (сарматизма), а не национализма третьего сословия, перешла от полупериферийного государства к колониальной периферии, а затем была разделена построившими абсолютизм соседними державами. Напротив, Республика Беларусь в принципе может быть отнесена к данному типу государственности, но с известными оговорками, отражающими особенности ее генезиса и развития (именно в советскую эпоху белорусский народ обрел субъектность и суверенность, перешел от аграрного к индустриальному типу развития, сохранился в истории в результате Великой Победы над нацизмом и т.д.).

Сочетание вышеназванных требований к изучению закономерностей государства и права нуждается в поиске релевантных методологических феноменов, одним из которых, на наш взгляд, является мир-системный анализ, выступающий открытой макросоциологической и политэкономической марксистской концепцией (И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Дж. Арриги, А.В. Коротаев, Л.Н. Гринин и т.д.). Данный подход отказывается от единого универсального понимания государства и, указывая на детерминированность его местом в глобальной экономике, выделяет три типа государственности: ядро (во главе с гегемоном), периферию и полупериферию. Ядро за счет внеэкономических факторов и неэквивалентного обмена локализует у себя наиболее прибыльные виды деятельности, что позволяет использовать либерально-демократические формы правления, сочетающиеся с реальным расизмом и нарушением прав человека (по отношению к *не-своим*). Для периферии характерны силовые компрадорские и коррумпированные режимы, обеспечивающие удобный для ядра «доступ» к ресурсам. Полупериферия, которая в силу размера территории, военной мощи, наличия ключевых ресурсов и т.д. не может быть полностью переведена в режим колонии, но

также эксплуатирует периферию, жестко регламентирует экономику для предотвращения сползания в периферию. При этом лишь существование СССР заставило ядро реализовывать концепцию государства всеобщего благоденствия. Это стало ненужным после распада данной державы и повлекло снижение связи публичной власти, все больше отражающей интересы анонимизированных наднациональных структур, с населением и территорией.

Таким образом, изучение государства в широком понимании всегда нуждается в осмыслении его историко-динамической сущности, преломленной на конкретно-исторические условия и вызовы. Только корректное понимание факторов, порождающих конкретный тип государственности и его историческую форму, позволяет сформулировать его базовые характеристики, которые могут быть недостаточно релевантными для иных исторических периодов. Сформулированное таким образом понимание государства предзадает (презюмирует) способ описания и осмысления правовой реальности, выявления существующих в ней закономерностей, которые, имея подчиненную инструментальную сущность, отражают, как отмечает СГ. Дробязко, «стимулирование правовыми средствами социально-полезной активности субъектов права путем обеспечения гармоничного сочетания интересов личности и общества». Именно конкретность исторического государства и описывающего его концепта позволяет наполнить реальным содержание оценочную категории «социально-полезная активность» и «гармоничное сочетание интересов».

Библиографические ссылки

1. Калинин С.А. Об исходных принципах преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции // Право.by. 2017. № 5. С. 17–23.

2. Калинин С.А. Об основных направлениях преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: парадигмально-субъектное измерение // Право.by. 2018. № 1. С. 5–12.

3. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М. : ИРИСЭН, 2006. 544 с.

4. Лахман Р. Государства и власть. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 352 с.

5. Общая теория права: пособие / В.А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ, 2013. 416 с.

РАЗДЕЛ I

ВКЛАД ПРОФЕССОРА С.Г. ДРОБЯЗКО В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ ПРАВА

ПЕРШЫЯ КРОКІ Ў НАВУКУ ПРАВА

І. А. Саракавік

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, вул. Маскоўская, 17, 220007, г. Мінск, Беларусь, i.sorokovik@yandex.by

Артыкул прысвечаны першым крокам у навуку вядомейшага беларускага тэарэтыка права прафесара С.Р. Драбязка. Паказаны яго імкненне са студэнцкіх гадоў і аспірантуры авалодаць гэту навуку, і першыя поспехі.

Ключавыя словы: Драбязка С.Р.; юрыспрудэнцыя; студэнт; аспірант; артыкул.

THE FIRST STEPS IN THE SCIENCE OF LAW

I. A. Sarakavik

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 17 Moskovskaya Street, 220007, Minsk, Belarus, i.sorokovik@yandex.by

The article is devoted to the first steps in the science of the most famous Belarusian legal theorist Professor S. G. Drobyazko. His desire to master this science from his student years and postgraduate studies, and his first successes are shown.

Keywords: Drobyazko; law; student; graduate student; article.

Шлях у вялікую навуку тэорыя права Сцяпана Рыгоравіча Драбязка быў не простым, хоць юнаку з Чарнігаўшчыны, які скончыў сярэднюю агульнаадукацыйную школу на выдатна, адкрываўся выдатны шлях да свайго будучага. Аднак геапалітычнае становішча ў Еўропе рэзка змяніла яго планы. Набліжалася Вялікая Айчынная вайна. І будучы доктар юрыдычных навук, прафесар, Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь стаў на абарону сваёй Радзімы. Скончыўшы Серпухоўскую школу авіцыйных механікаў, камандаванне накіравала яго ў 722-гі знішчальны авіцыйны полк, які мужна змагаўся з нацысцкімі захопнікамі. У гады вайны ён спазнаў шмат ліха, і ў той жа час у яго умацавалася сіла волі, загартаваўся характар. Для сябе ён вызначыў, чым павінен займацца пасля вайны, якой галіне навукі павінен прысвяціць сябе.

Так сталася, што яшчэ працягвалася Вялікая Айчынная вайна, а 10 кастрычніка 1944 г. Беларускі (Мінскі) юрыдычны інстытут згодна рашэння дырэктыўных органаў абвясціў прыём студэнтаў на 1944/1945 навучальны год на I – III курсы. Тэрмін навучання ўстанаўліваўся ў 4 гады [1, арк. 9] (з 1946 г. уведзены пяцігадовы тэрмін навучання).

З-за вайны, разрухі, асабліва ў Мінску, аб'ектыўна існавала праблема з прафесарска-выкладчыцкім складам. На студзень 1945 г. працвала толькі 2 загадчыка кафедр, 2 дацэнта кафедры, 5 старшых выкладчыкаў [2, арк. 1]. З даваеннай матэрыяльна-тэхнічнай базы інстытута нічога не засталося. Тэрмінова патрэбны былі вучэбны корпус, інтэрнат на 150 чалавек; жыллёвыя баракі для мінімум 5 кватэр для выкладчыкаў і жыллё для 80 студэнтаў; аўтатранспарт [2, арк. 28].

Бібліятэчнага фонду не мелася. Было толькі 5 экз. кароткага курса гісторыі ВКП(б), 2 экз. вучэбніка па тэорыі дзяржавы і права, 12 – па гісторыі дзяржавы і права СССР, 3 – па грамадзянскаму праву. І ўсё гэта на 188 студэнтаў, якія пачалі вучобу пры адсутнасці ў многіх агульных і вучнёўскіх сшыткаў. Веды прыходзілася атрымоўваць толькі непасрэдна на лекцыях і семінарскіх занятках.

У такіх умовах, як і многія іншыя, у тым ліку і ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны, распачаў вучобу ў МЮІ студэнт Сцяпан Драбязка. Патрэбна было прымаць удзел у аднаўленні інстытута, працаваць па ўпарадкаванню Мінска, уладкоўваць сваё асабістае жыццё юнаку з вёскі і адначасова авалодваць юрыдычнымі ведамі. Сказаць так, нічога не сказаць, бо рэальнасць была намнога складаней.

Дзякуючы Мінскай папраўча-працоўнай калоніі ўдалося набыць 50 прымітыўных сталоў на крэставінах і 150 звычайных табурэтак. Вучэбныя аўдыторыі і інтэрнаты цэнтралізавана не ацяпляліся, бо не існавала паліва. Таму з наступленнем маразоў у ход пайшлі сталы і табурэткі. Да сакавіка 1945 г. іх ужо не стала і студэнты слухалі лекцыі стоячы. Але выкладчыкі і студэнты не падалі духам. Жыхарам Мінска не было лягчэй. Многія сем'і жылі ў зямлянках і паўзямлянках, дашчатых хлеўчыках. Адной з невялікіх перамог студэнтаў і выкладчыкаў стала аднаўленне разбуранага будынка гаража інстытута і пераабсталяванне яго пад інтэрнат на 85 чалавек [2, арк. 28].

Негледзячы на цяжкія ўмовы працы і вучобы адразу пасля вайны жыццё ў інстытуце паступова наладжвалася. Павялічыўся штат выкладчыкаў. Сярод іх былі дацэнты І. С. Андрэйчык, М. Ц. Баран, В. П. Юдзін, а таксама Р. А. Левін, Г. М. Ліўшыц, П. І. Гаўзе, Г. А. Павецьеў, П. У. Грышановіч і інш. [2, арк. 78].

Для развіцця юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі гэтага часу важнае значэнне мела пастанова ЦК ВКП(б) ад 5 кастрычніка 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». Пастанова адзначала запушчанасць навукова-даследчай працы ў галіне юрыспрудэнцыі, і асабліва па тэорыі дзяржавы і права, савецкаму дзяржаўнаму праву, міжнароднаму праву, гісторыі савецкай дзяржавы. У апошнія гады не выдаваліся вучэбнікі па тэорыі дзяржавы і права, савецкаму дзяржаўнаму праву, усеагульнай гісторыі дзяржавы і права навейшага часу, гісторыі дзяржавы і права СССР, гісторыі палітычных вучэнняў. Падкрэслівалася, што ў галіне юрыспрудэнцыі адсутнічае навуковая крытыка. Навуковыя кадры рыхтуюцца марудна і недастаткова. Колькасць аспірантаў-юрыстаў у параўнанні з 1940 г. зменшылася ў тры разы. Пастанова абавязвала

Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР неадкладна выправіць такое становішча [3, с. 1].

Выконваючы пастанову ЦК ВКП(б) ад 5 кастрычніка 1946 г., Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР у гэтым жа годзе выдала загад № 630, які прадугледжваў шэраг мер па яе выкананню, у тым ліку быў адноўлены пяцігадовы тэрмін навучання на юрыдычных факультэтах універсітэтаў краіны [4, с. 117].

З улікам патрабаванняў гэтай пастановы ўжо на другі семестр 1945/1946 н. г. у Мінскім юрыдычным інстытуце быў распрацаваны і прыняты план навукова-даследчай працы. Рэгулярна сталі праводзіцца пасяджэнні кафедр, Саветы інстытута. Вялікае значэнне надавалася выкананню студэнтамі курсавых прац, конкурсу студэнцкіх навуковых прац.

Кіраўніцтва інстытута, кафедры сталі больш увагі надаваць рэальнай актывізацыі самастойнай працы студэнтаў, прыцягненню іх да навукова-даследчай работы, без якой цяжка стаць сапраўдным прафесіяналам. Уведзены былі і меры заахвочвання. За першае месца ў конкурсе на лепшую студэнцкую навуковую працу, які праводзіўся штогод да 1 красавіка, устанаўлівалася прэмія ў 500 руб., дзве другія прэміі – па 250 руб. і пяць трэціх прэмій – па 200 руб. кожная (ў цэнах 1946 г.).

У той жа час інстытут папоўніла плеяда кандыдатаў юрыдычных навук. Гэта Я. І. Вельдзін, І. І. Гарэлік, В. А. Дарогін, Е. М. Кульберг, Е. М. Семерыхін. Г. А. Павецьеў абараніў кандыдацкую дысертацыю па працоўнаму праву на тэму: «Правовые вопросы подготовки кадров для социалистической промышленности» [5, арк. 3, 4, 27].

Наяўнасць высокакваліфікаваных навуковых кадраў юрыстаў у інстытуце дазволіла яму скарыстацца правам, атрыманым яшчэ ў 1945/1946 навучальным годзе, мець сваю аспірантуру. У 1949/ 1950 н. г. у яе было прынята 5 чалавек, а ўсяго мелася 7 аспірантаў: па кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права гэта былі Зімяніна, С. Р. Драбязка, Н. А. Кудзінаў; па кафедры крымінальнага права – І. С. Тышкевіч і П. К. Еўдакімаў, па кафедры крымінальнага працэсу – І. І. Марціновіч, па кафедры грамадзянскага права – В. Ф. Чыгір [5, арк. 95]. Цэлая плеяда будучых вядучых юрыстаў рэспублікі, па сутнасці, кіраўнікоў навуковых школ па пэўных галінах права.

Да гэтага часу Сцяпан Рыгоравіч Драбязка працаваў пад навуковым кіраўніцтвам кандыдата юрыдычных навук, дацэнта, загадчыка кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права МЮІ Васіля Аляксандравіча Дарогіна. Адзін і другі былі актыўнымі ўдзельнікамі Вялікай Айчыннай вайны, і яны, дзякуючы і гэтай абставіне, хутка знайшлі ўзаемапаразуменне наконт будучай тэмы кандыдацкай працы С. Р. Драбязка.

Стараннасць, аналітычны склад мыслення, імкненне спазнаць больш, чым былі магчымасці інстытута, самаадданасць працы, дысцыплінаванасць, даводзіць пачатае да канца – ўсе гэтыя якасці прывялі Сцяпана Рыгоравіча да таго, што яго старанні былі ацэнены кіраўніцтвам МЮІ, і ён быў астаўлены для працы ў роднай alma mater. 1 лістапада 1952 г. С. Р. Драбязка быў залічаны на пасаду старшага выкладчыка для выкладання тэорыі дзяржавы і права. Да слова, на стаўку асістэнта па гісторыі дзяржавы і права СССР быў прызначаны Н. А. Кудзінаў, на стаўку асістэнта па савецкаму грамадзянскаму праву В. Ф. Чыгір, на стаўку асістэнта па савецкаму крымінальнаму праву П. К. Еўдакімаў, з 15 снежня

1952 г. – на стаўку асістэнта па савецкаму крымінальнаму працэсу І. І. Марціновіч.

З цягам часу былыя аспіранты, маладыя выкладчыкі Мінскага юрыдычнага інстытута паспяхова падрыхтавалі дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата юрыдычных навук: В. Ф. Чыгір – на тэму «Договор строительного подряда», Н. А. Кудзінаў – на тэму «Советский депутат – слуга народа». Завяршыла працу І. І. Марціновіч – на тэму «Принцип гласности в советском уголовном процессе», а таксама С. Р. Драбязка на тэму «Закон союзной республики (по материалам БССР)» [6, арк. 208–210].

Так, былі зроблены першыя крокі С. Р. Драбязка ў навуку права. У 1955 г. у Ленінградскім дзяржаўным універсітэце ён абараніў кандыдацкую дысертацыю, а праз 14 гадоў у гэтым жа ўніверсітэце і доктарскую на тэму «Эффективность законодательства в создании материально-технической базы общества».

Семнаццаць гадоў С. Р. Драбязка загадваў кафедрай тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ; апублікаваў больш за 200 навуковых і вучэбна-метадычных прац, у тым ліку 7 манаграфій; ўдзельнічаў у распрацоўцы праектаў трох Канстытуцый (СССР 1977 г., БССР 1978 г., Рэспублікі Беларусь 1994 г.). Вялізная яго заслуга і ў тым, што ён заклаў асновы тэорыі ўдасканалення заканадаўства Беларусі. Падрыхтаваў аднаго доктара навук і 6 кандыдатаў навук. Яго цярністы шлях у навуку – прыклад для маладых даследчыкаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 5.

2. НАРБ. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 2.

3. Выше качество юридического образования // Социалистическая законность. 1949. № 9. С. 1–3.

4. Мовшович М. И. Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции (по материалам на 1-е июля 1947 г.). М. : Советская наука, 1948. 616 с.

5. НАРБ. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 28.

6. НАРБ. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 63.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БЕЛАРУСИ)

В. И. Ермолович

Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, hermolovith@gmail.com

В представленном научном докладе «Права и свободы личности в контексте развития социально-экономических процессов» рассмотрено развитие крепостного права в средневековой Сербии и Беларуси в XI–XVI вв. в контексте эволюции частной и

государственной феодальной собственности. Важнейшим вопросом нашего исследования является вопрос влияния средневековых социально-экономических процессов на состояние прав и свобод личности из числа феодально-зависимых категорий населения.

Ключевые слова: права и свободы личности; частная собственность; государственная собственность; Сербия; Беларусь; Средние века.

INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES(BASED ON THE MATERIALS OF MEDIEVAL SERBIA AND BELARUS)

V. I. Ermolovich

Belarusian State Economic University, Partizanski Av., 26,
220070, Minsk, Belarus, hermolovith@gmail.com

The presented scientific report "Individual rights and freedoms in the context of the development of socio-economic processes" examines the process of serfdom development in medieval Serbia and Belarus in the XI-XVI centuries in the context of the evolution of private and state feudal property. The most important issue of our research is the question of the influence of medieval socio-economic processes on the state of the rights and freedoms of individuals from among the feudal-dependent categories of the population.

Keywords: individual rights and freedoms; private property; state property; Serbia; Belarus; Middle Ages.

В XIV веке в средневековой Сербии наблюдается процесс становления универсального института частной собственности характерного для феодального общества. Проявлением данного процесса является во-первых, стирание граней различий между баштиной (вотчиной) и условной формой собственности (прониией); во-вторых, завершается процесс закрепощения всех категорий сербского крестьянства. О чем свидетельствуют нормы «Законника Стефана Душана» 1349 г. В частности, ст.66 «Об отроке и меропхе» Призренского списка «Законника Стефана Душана» гласит: «Отроки и меропхи, которые сидят вместе в одном селе, всякую плату, которая приходит, да платят вместе (по числу душ). Как плату платят и работу работают, так и землю да держат» [5, с.116]. Из указанной статьи следует, что отроки, как и основная категория зависимых крестьян средневековой Сербии – меропхи в «Законнике Стефана Душана» уже были наделены единой правоспособностью и дееспособностью. Ст.67 «О меропхе» указанного Законника уточняет статус всех категорий крепостных крестьян Сербии. В частности в ней сообщается: «Меропхам закон по всей земле. В неделю да работают два дня помещику и дают ему в год царский перпер и безвозмездно да косят ему сено один день и (обрабатывают) виноградник один день, а кто не имеет виноградника, да выполняют они ему другие работы один день. И что наработает меропх, то все приобретает, а иного сверх закона ничего у него да не отымется» [5, с.116].

Закрепощение крестьян в Сербии сопровождалось не только ограничением их личных прав и свобод, но и установлением системы уголовных наказаний для зависимых категорий населения. Они налагались не только органами государственной власти, но светскими и церковными феодалами. За побег крепостного крестьянина, в соответствии со ст. 205 «Законника Стефана Душана», предусматривалось тяжкое телесное наказание – клеймение и обезображивание лица: «Если меропх убежит от своего господина в другую страну или землю царя (земли находящиеся в государственной собственности – прим. автора), где его найдет господин, пусть поставит ему клеймо и распорет ему нос» [7, с.115].

Уголовные наказания в средневековой Сербии также свидетельствуют в пользу того, что в феодальном законодательстве прослеживается классовый характер. Например, ст. 94 Призренского списка «Законника Стефана Душана» гласит, если властель убьет себра (своего зависимого крестьянина – прим. автора), он должен заплатить 1000 перперов. Если же себр убьет властеля, он должен заплатить 300 перперов штрафа и ему отсекали обе руки [5, с.124].

О наличии в рассматриваемый исторический период значительной по своим размерам феодальной государственной собственности в средневековой Сербии, свидетельствуют обширные земельные пожалования королей (царей) своим вассалам и монастырям православной церкви. Основу данных пожалований составляли многочисленные общинные земельные угодья, которые являлись собственностью сербского государства. Процесс формирования феодальной частной собственности в Сербии, в т. ч. и за счет государственных (королевских) пожалований начинается задолго до воцарения первых Неманичей на сербском престоле и продолжался до утверждения турецкого владычества во второй половине XV в. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные юридические документы. Так, великий жупан Сербии Стефан Немань основал монастырь Хиландарь на святой Горе в 1198 г. и подарил ему села Непробишта, Момуша, Ретивль, Ретивштица, Сламодрава, Тернии, Тарновац, Хоча и гору Богач, а также 2 виноградника, 4 пчелиные пасеки, 170 влахов с кобыльими стадами и 30 пудов соли [8, с.13-14]. При этом не следует забывать, что сербские короли в рассматриваемый исторический период располагали возможностью жаловать своих подданных владениями как за счет государственного земельного фонда (казны), так и из своих личных владений – королевского домена. И зачастую, весьма непросто для современных исследователей установить грань данного различия. Для примера ознакомимся с очередным юридическим фактом. Королевская грамота Стефана Душана изданная в феврале 1340 г. предписывала передать тому же Хиландарскому монастырю право собственности на села Полошко и Драгожелье, а также на поля, виноградники и другие угодья, которые их окружают [1, с.1-5]. В данном случае у нас есть все основания считать, что данное пожалование сербского короля Стефана было произведено за счет государственного земельного фонда, а не королевского домена, т.к. эти земли вошли в состав Сербии только в 1334 г., незадолго до указанного выше события [10, с.56-58].

8 декабря 1400 г. от имени короля Сербии Стефана Остойи была издана грамота, на основании которой воевода Хервой получил город и жупу Хлевно в качестве баштины с последующим правом её передачи своему сыну князю Баошу

[12, с.186.]. Определенную ясность в отношении данного юридического факта вносит ст. 135 «О баштине» Призренского списка «Законника Стефана Душана», которая гласит: «Когда жалует царь грамоту на баштину. Кому запишет село, да будет логофету 30 перперов за хрисовул, а кому жупу – от всякого села 30 перперов, а дьяку за написание (грамоты) – 6 перперов» [5, с.136]. На первый взгляд, здесь мы имеем дело с обычной пошлиной в пользу государства. Однако если посмотреть на величину пожалованного владения и требуемую сумму оплаты за него исходя из постановления ст. 135 Законника, то вполне данный юридический факт можно квалифицировать в виде завуалированной сделки – купли-продажи земельных владений названного в указанном акте вельможи у средневекового сербского государства.

Баштина обладала исключительным иммунитетным правом, ее можно было отнять у владельца только за совершенную им государственную измену. Так, в грамоте царя Уроша от 1357 г. юридически закреплено положение о том, что баштина не отнимается «ни за едино, ни за кое съгрешение», исключая государственную измену.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов о королевских пожалованиях в средневековой Сербии за счет владений королевского домена показывает, что почти все пожалования светским лицам осуществлялись на правах пронии и размеры подобных земельных пожалований были сравнительно невелики. Следовательно, вышеуказанный пример, также нельзя причислять к числу земельных пожалований из фонда королевского домена. Во-первых, потому, что данная баштина слишком велика по территории земельного владения; и во-вторых, королевская семья практически утрачивала право собственности на это владение. Оно перешло бы в полную собственность к воеводе Хервою и его семье. Возврат же пожалований подобного рода был делом почти нереальным. Хотя на практике, примеры конфискации баштин за государственную измену встречаются достаточно часто в юридических документах конца XIV в. Так, деспот Иован Драгош и его брат Константин отняли два села у властеля Тодора, одно село у властеля Дабажева, одно село у властеля Новока и все указанные владения передали русскому монастырю святого Пантелеймона на святой Горе [9, с.39-40]. Деспот Стефан за измену отнял баштину у обрата Драгоплалика и передал ее властелину Мому в пронию [9, с.40].

Вышерассмотренные примеры позволяют считать, что конфискованные владения переходили в казну, которая, в свою очередь, являлась источником для пожалований светским феодалам и монастырям. В пользу нашего довода свидетельствует и ст. 144 Призренского списка «Законника Стефана Душана», которая гласит: «Если властелин или властеличич будет уличен как перебежчик или как другой какой преступник моего царства и если окрестные села и жупа восстанут на грабеже его дома и его имущества, что он оставлен, те которые сделают это, да будет наказаны, как изменники моего царства» [5, с.140]. В выше процитированной статье разговор идет о наказании тех лиц, кто примет участие в грабеже имущества перебежчика. Естественно, что сербский законодатель в данном случае не ведет речь о защите имущества государственного изменника. Мы склонны согласиться с мнением С. П. Бобровой, которое изложено в ее диссертации

«Феодальное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV вв.», что имущество перебежчика становится государственной собственностью [3, с.223.]. Следовательно, закон в данном случае уже защищает собственность сербского государства.

В пользу того, что пожалования сербских государей светским и духовным феодалам велись за счет государственной собственности, а не королевского домена свидетельствует и тот факт, что по средневековой традиции собственность государева домена оставалась неотчуждаемой, она должна была увеличиваться, а не уменьшаться. Да и члены королевской фамилии не были заинтересованы в дроблении собственности домена и всячески сопротивлялись данному явлению. Убедительно в пользу нашего довода свидетельствует следующий факт. В 1348 г. специальным Хрисовулом царь Стефан Душан пожаловал Корейскому монастырю Святого Саввы иерусалимского в г. Прилепы село Косорич в Метохии и 4 деревни Днеполье, Дольяны, Чешково и Челопецы, которые приносили царскому домену доход в 100 венецианских перперов (золотых монет) [2, л.1-2].

После смерти царя, его вдова, царица Елена потребовала в настоятельной форме вернуть ей эти владения. Случай для эпохи средневековья беспрецедентный. В связи с этим 1 сентября 1358 г. собирался церковный собор в Хиландаре, который принял соломоново решение: вернуть эти земли царице под предлогом того, что она может пользоваться садами монахини Елизаветы для своих нужд [2, л.1]. Следовательно, маловероятным мог быть факт передачи владений царского домена в руки светских феодалов на правах баштины, если представители правящего дома по данному вопросу пошли на конфликт даже с церковью.

Также весьма спорным является факт, что владения королевского домена находились в приграничных районах сербского государства и время от времени превращались в предмет купли-продажи с целью получения средств для государственной казны. А примерами такого рода мы располагаем. В марте 1323 г. Малое вече Дубровника было извещено о прибытии короля Сербии Уроша Стефана Дечанского в приморские города Бар, Ульцин и Аламату. С этой целью правительства республики направило 4 нобелей для приветствия короля и поднесения ему от имени Дубровника даров на сумму 400 перперов. Кроме того послы республики были уполномочены провести с королем Сербии – Урошем Стефаном Дечанским переговоры о покупке, за 2000 перперов деньгами или оружием на такую же сумму, земель и виноградников в окрестностях Жупы, Шумета и Затона [14, с.242].

По имеющимся в нашем распоряжении данным, король Сербии принял предложения Дубровника и прислал своего представителя Марка Лукарича для ведения переговоров и заключения договора купли-продажи вышеуказанных земель и виноградников [14, с.242].

С вышеназванным явлением мы столкнулись и в более поздний период истории сербского государства. Спустя десять лет, 22 января 1333 г. сербский король Стефан Душан пожаловал нескольких нобелей Дубровника баштиной Стонская Рать и окрестными ей землями, которая являлась составной частью территории средневековой Сербии. Детальное изучение содержания данного Хрисовула позволило сделать вывод, что указанное пожалование – это

завуалированный по своему содержанию договор купли-продажи вышеназванных территорий в пользу Дубровника. Стоимость данного пожалования составила 8000 перперов, которые были выплачены правительством города – государства Дубровника в пользу сербского монарха [12, с.119-120]. Значит, и в данном случае мы сталкиваемся с примером использования государственной собственности средневековой Сербии в обмен на деньги, которые были необходимы для поддержания функций государства.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что права и свободы крестьян, проживавших на землях, являвшихся собственностью средневекового сербского государства, по существу не отличались от положения крепостных крестьян, проживавших в частных феодальных владениях. Например, оскорбление, которое наносил свободный крестьянин феодалу, по «Закону Стефана Душана» каралось членовредительным наказанием – клеймением и денежным штрафом. Ст. 47 «О властельском поношении» Ходошского списка «Законника Стефана Душана» предписывает: «И если себр выбранит властеля, да платит 100 перперов и да заклеймится. Если же властель и властеличич выбранит себра, да платит 100 перперов» [6, с.124]. Из рассмотренной правовой нормы следует, что оскорбление, которое феодал наносил свободному крестьянину, наказывалось только денежным штрафом. Кроме того, нормы, заложенные в постановлениях «Законника Стефана Душана», под оскорблением понимают не только произнесение обидных слов, ругательств, но и совершение действий, унижающих потерпевшего. Так, из содержания ст. 97 «О властельской бороде» Призренского списка Законника следует: «Кто вырвет волосы из бороды властеля или доброго человека, то отрубить ему обе руки» [5, с.126]. Эта норма направлена на подавление всяческого возмущения представителей сербского крестьянства поведением лиц господствующего класса. Учитывая тот факт, что за подобное оскорбление себе равных лиц по статусу полагался только денежный штраф в 6 перперов [4, с.66].

В средневековой Беларуси государство также являлось крупнейшим феодалом, которое в лице великого князя было собственником всех государственных земель или «господарских» владений. Фонд этих владений формировался различными путями. В период активной территориальной экспансии литовских феодалов в Беларуси в руки великого князя литовского перешли владения ряда удельных князей Рюриковичей и их вассалов, которые не подчинились его власти или по другим причинам исчезли с политической арены [13, с.33]. Господарские владения расширялись и за счёт конфискованных, подаренных, завещанных ивыморочных («спадковых») имений. Так складывался обширный комплекс господарских владений, состоявший из городов, местечек и многочисленных сел [13, с.34]. При этом следует отметить, что многие из них недолго находились в собственности господаря, поскольку жаловались феодалам-вассалам за службу, а также католической и реже православной церкви.

Владения великого князя на территории Беларуси достаточно детально перечислены в тексте Уставы на волоки 1557 г. Исходя из чего, нами сделан вывод, что государева юрисдикция распространялась на следующий объем собственности: в Берестейском повете – Берестье (Брест) и Каменец, в Браславском -–

Браслав и Опса, в Волковыйском – Волковыйск (Волковыск), Волпа, Зельва, Лысково, Межиреч (Мижеричи) и Мстибогов, в Городенском – Ожа, Перевалка (Привалка) и Перелом, в Лидском – Белица, Василишки, Лида, Острина и Радунь, в Менском – Гайна, Красное Село и Менск (Минск), в Новогородском – Ляховичи, Новогородок (Новогрудок) и Церин (Цырин), в Ошменском – Воложин, Гераноины, или Гераноины Мурованые (Геранены), Дуниловичи, Крево, Лебедево, Марково, Мядель, Ошмена (Ошмяны) и Трабы, в Полоцком воеводстве – Дисна, в Слонимском повете – Байкевичи, Лососиная и Слоним; а также «волости Русские» в разных воеводствах и поветах восточной Беларуси: Бобруйск, Борисов, Глуск, или Глуск Погорелый (Городок), Гомей (Гомель), Любошаны, Могилев, Мозыр, Мстиславль, Орша, Полоцк, Пропойск (Славгород), Речица, Свислоч и Чечерск [11, с.562-565]. Из изложенного следует, что значительная часть доходов великих князей литовских, т.е. доходов государства, поступала с господарских владений, которые находились на территории Беларуси.

Население господарских владений – государственные крестьяне – обладали рядом прав и льгот, которые были закреплены в областных и волостных привилеях. Например, в привилее великого князя, изданного в 1511 г. для крестьян поднепровских и задвинских волостей, запрещалось представителям великокняжеской администрации въезжать в эти волости и взимать с крестьян подати, которые они сами должны были в определенные доставлять в казну [15, с.176]. Однако со II половины XVI в. положение крестьян Беларуси изменилось. В 1557 г. была принята и введена в действие «Устава на волоки», которая знаменовала собой проведение аграрной реформы в государстве и четко сформулировала нормы феодального права собственности, которые сводились к следующему положению изложенному в данном правовом акте: «кметь (крестьянин – прим. автора) и вся его маётность наша есть» [11, с.570]. Таким образом, аграрная реформа в Беларуси во II пол. XVI века, юридически оформленная в правовом акте как «Устава на волоки» (1557 г.) завершила длительный процесс закрепощения крестьян Беларуси. Результатом аграрной реформы стало создание новых фольварков и приписка к ним бывших ранее свободных крестьян-данников, а также пожалование целых деревень и волостей отдельным феодалам – это привело к значительному сокращению числа крестьян-данников в XVI в. и количественному росту тяглых крестьян, обязанных отбывать барщину, т.е. крепостных.

Для того чтобы заставить крестьян своевременно выполнять все повинности, устанавливались различные имущественные взыскания и телесные наказания. Например, в законе о волоках 1557 г. предусматривалось наказание для государственных и великокняжеских крестьян за невыход на барщину без уважительных причин: за первый день – штраф в один грош, за второй – отдать барана, за третий – телесные наказания плетью [15, с.171].

Анализ законодательства средневековой Сербии и Беларуси показал, что юридическое оформление социально-экономических изменений в общественной жизни этих стран привели к росту и укреплению феодальной собственности, следствием которой стало усиление угнетения и окончательное закрепощение крестьянства. При этом обращает на себя внимание факт некоторой двойственности норм в правовых актах средневековой Сербии и Беларуси, где наряду с

нормами, закреплявшими социальное неравенство людей, были включены и прогрессивные для своего времени нормы права, отражающие идеи эпохи Возрождения и Реформации, характерные для ряда стран Европы в рассматриваемый исторический период. К их числу относятся, принцип равенства всех перед законом, ограничение власти государей и феодальной знати. Например, правовые нормы, изложенные в ст. 140 Призренского списка «Законника царя Душана», гарантировали судебную защиту меропхам (зависимым крестьянам) в отношении их господ, нарушивших закон [5, с. 138]. Ст. 181 указанного списка Законника предписывала судьям защищать интересы убогих, т. е. обездоленных слоев сербского общества; а ст. 186 запрещала арестовывать и помещать в темницу (тюрьму) людей без царской грамоты, т. е. ограничивала самоуправство феодалов и представителей царской администрации [5, с.152,154]. Аналогичное явление находит отражение и в нормах права Статутов Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529, 1566 и 1588 гг., где Беларусь в рассматриваемый исторический период была государственно-образующей основой. Однако и сегодня, спустя почти 700 лет, мы видим, что наличие прогрессивных и полезных для широких слоев населения юридических норм далеко не всегда гарантирует их должное применение на практике.

Библиографические ссылки

1. Архив Српске Академије наука и уметности у Београду (АСАНУ). Број. 7903 / А. 24. Л. 1–5.

2. АСАНУ. Број. 8876 / И. 88. Л.1–3.

3. Боброва С. П. Феодальное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV вв. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03. Воронеж, 1956. 380 л.

4. Ермолович В. И. Основные институты уголовного права средневековой Сербии и Киевской Руси // Веснік БДЭУ. 2019. № 2. С. 61–68.

5. Законик цара Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис / Уредници академици М. Пешикан, И. Грицкат-Радуловић, М. Јовичић. Београд : Српска Академија наука и уметности, 1997. Књ. III. 499 с.

6. Бгович М. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник академик М. Беговић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. Књ. II. 300 с.

7. Зигель Ф. Законникъ благовѣрнаго царя Стефана. Санктпетербургъ: Общественная польза, 1872. 220 с.

8. Богданович Д. Косово у повељама српских владара. Београд, 2000. 207 с.

9. Нюркаева А. З. Положение крестьянства в Сербии XIII-XIV вв. : дис. … канд. ист. Наук : 07.00.03. М., 1955. 434 л.

10. Повеља краља Стефана Душана о поклону Хиландару цркве Св. Ђорђа и села Полошко. – Фебруар 1340 г. // Стари српски архив / Одговорни уредник: Р. Михаљчић. Књ.6. Београд: Ун-т у Београду, 2007. С. 56–58.

11. Русская историчѣская библіотека в 39 т. (1872 – 1927 гг.) : Т. 30. / А. П. Барсуковъ, С. А. Белокуровъ, И. А. Бычковъ и др. Юрьевъ: Изданіе Археографической комиссіи, 1914. 588 с.

12. Соловјев А. Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд: Издавачка књижарница Г.Кона, 1926. 234 с.
13. Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / под ред. А. Л. Хорошкевич. Минск: Навука і тэхніка, 1993. 223 с.
14. Флоринскій Т. Д. Критико-библиографическій обзоръ й новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію // Университетска извѣстія. Кіевъ, 1898. № 11. С. 232– 244.
15. Юхо И. А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке : дис … доктора юр. еаук : 12.00.01. Киев, 1980. 399 л.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ СЕЙМИКИ

Е. И. Орловская

Белорусский государственный университет, ул. Ленингрдская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, mr.rubis@gmail.com

В работе рассматриваются вопросы истории создания и деятельности генеральных сеймиков, эволюция их правового статуса в системе государственных органов Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Генеральные сеймики; Статут; шляхта.

GENERAL SEYMIKS

E. I. Orlovskaya

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, mr.rubis@gmail.com

The paper deals with the issues of the history of the creation and activities of the general seymiks, the evolution of their legal status in the system of state bodies of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: General seymiks; Statute; nobility.

Правовой статус сеймиков впервые был закреплен в Нешавских статутах 1454 г., пожалованных шляхте королём Казимиром IV Ягеллоном. Их основной функцией было упорядочение работы сейма. В первой трети XV века впервые появились генеральные сеймики, которые часто назывались провинциальными либо главными сеймиками, с 1493 года они стали отправлять своих представителей на Сейм.

Генеральный сеймик Великого Княжества Литовского был утвержден Конституцией королевского сейма Стефана Батория 1576 г. Но в ней еще не употреблялся этот термин, а только говорилось, что сеймик должен собираться перед вальным сеймом. На практике же сфера действия данного закона была

распространена на сеймы конвокационные, элекционные и королевские. Кроме того, в тексте не содержалось подробного юридического урегулирования вопросов функционирования сеймиков - продолжительность, процедура, порядок заседания и т.д. [2, с. 25]

Правовой статус генеральных сеймиков был закреплен в Статуте ВКЛ 1588 г. По инициативе подканцлера Великого Княжества Литовского Льва Сапеги место их заседания было перенесено из Волковыска в Слоним, который был центром поветового старостата. Первый генеральный сеймик прошел 22-24 февраля 1589 г. С этого времени большинство заседаний сеймиков проходило именно в Слониме.

Согласно арт. 8 р. III Статута 1588 г. сеймик или главный съезд должен был проходить за две недели до каждого вального сейма для согласования дел, которые касались земских вопросов, также учета посольских инструкций и формулирования общей программы. Очередным сеймам обыкновенно предшествовали предсеймовые (инструкционные) сеймики, созывавшиеся за шесть недель до сейма. Здесь выбирались послы, выдавались им инструкции. Все предсеймовые сеймики собирались в один день. Выбранные сеймиками целой провинции послы съезжались в определенное место, чтобы договориться относительно своих действий на сейме. Такие съезды назывались "генеральными сеймами". Согласно идее генерального сеймика, он должен был улучшить и ускорить работу вального сейма. Принимать в нем участие имели права паны радные и послы от поветов, а время его проведения согласовывалось с возможностью принять затем участие в открытии вального сейма.

В королевском универсале, которым должен был созываться сейм, сначала, как правило, давалось понятие генерального сеймика. Хоть согласно законодательству, он должен был работать постоянно, но без ясного распоряжения о его созыве сеймик собираться не мог. Например, после смерти Стефана Батория примас Польши, великий секретарь коронный Станислав Карнковский созвал конвокационный сейм и ни словом не упомянул про генеральный сеймик [1, с. 55].

Созывая генеральный сеймик, король в своих посланиях к сенаторам специально указывал на то, чтобы они присутствовали на них. Однако, на практике ни одно подобное распоряжение не имело обязательной силы, по крайней мере ничего не известно о санкциях за неучастие, а поскольку и на сеймиках существовало liberum veto, то очень многие из них срывались. Число послов от сеймиков не всегда соответствовало величине воеводства. Разные воеводства высылали разное количество послов, но общее число всегда было одинаково. Выборы послов на сейм решались большинством голосов.

Заседание проходило в двух палатах – сенаторской и посольской, согласно принципам, принятым на сеймах. Маршалка посольской палаты по возможности выбирали в первый день. После выбора маршалка все знакомились с легацией, привезенной королевским послом, в которой король подчеркивал важность каких-либо проблем. Затем выражалась официальная благодарность послу, за ней следовало ознакомление с остальными листами, направленными от чиновников, различных общественных институтов и частных особ. Их могло быть довольно много, например, в 1607 г. целых 12. Затем шло голосование, от наивысшего

ранга сенаторов и до послов, согласно иерархии поветов. На практике, тема голосования иногда далеко отходила от королевского предложения, и это касалось дел как государственных, так и местных, как внешней, так и внутренней политики. Однако, в большинстве случаев обсуждения на сеймиках, в которых принимали участие тысячи польских шляхтичей, сосредоточивались главным образом на вопросах, предложенных королем. Таких сеймиков только в Польше проходило более 60 в год, а поскольку в каждом из них в среднем участвовало около 40 человек, то можно считать, что более 3 тысяч шляхтичей занималось выработкой определенных позиций в отношении этих предложений [4].

Время работы сеймиков не было точно определено и зависело от различных факторов: объема вопросов, количества участников и атмосферы работы. Таким образом, были однодневные съезды, двухдневные, пятидневные, а некоторые длились больше недели.

Слабой стороной сейма было, несомненно, то, что, созываемый, как правило, через два года, он каждый раз собирался в принципе в другом составе, поскольку сеймики каждый раз выбирали новых послов на сессию сейма. В связи с этим в заседаниях и обсуждениях принимали участие люди в большинстве своем неопытные, часто непосвященные в государственные дела. Однако во временем шляхта, стараясь преодолеть этот недостаток, стала выбирать на сеймиках послами уже опытных лиц, которые прежде не раз и не два сидели на посольских скамьях. Поэтому в первой половине XVII в. в посольской избе мы встречаем людей опытных, с большим парламентским стажем, можно сказать, ветеранов парламента [4].

Хотя сеймики быстро вошли в парламентскую практику, но собирались они не долго и в конце концов количество их сошло на нет. Это, скорее всего связано, с ослаблением роли вального сейма и ростом значимости магнатов. Из различных источников мы видим уменьшение количества участников генеральных сеймиков. Это можно объяснить потерей интереса к ним со стороны сенаторов. Остальные участники это замечали и просили от сенаторов более серьезного отношения к обязанности участия в их работе. Так, например, в 1957 г. в Слониме из 44 сенаторов голосовали 19, а в 1615 их всего приехало 14 [3, с. 167].

В этот же период время зародилась новая консультационная форма - провинциальные сессии, которые проходили во время работы вального сейма. Именно они приняли на себя большую часть функций генерального сеймика. Важно заметить, что прекращение деятельности генеральных сеймиков было прямым нарушением норм Статута, которые должны были неукоснительно соблюдаться в политической жизни Великого Княжества Литовского.

Решения, которые ранее окончательно принимались генеральными сеймиками, постепенно начинают приниматься провинциальными сессиями. Первое время они существовали параллельно, но затем вытеснили первых. Институт провинциальных сессий служил для принятия компромиссных решений по финансовым, военным вопросам, вопросам внешней политики и т.д., которые должны были обсуждаться на сейме. Чаще всего инициатива проведения провинциальных сессий исходила со стороны Великого Княжества Литовского, что

объяснялось особенностями его права, государственного устройства и общественных отношений [4].

Время от времени их возобновления требовали различные сеймики и шляхетские съезды. Считается, что их возобновления главным образом требовала шляхта, которая в них видела защиту своих интересов от различного магнатского доминирования. Таким образом, генеральные сеймікі, на наш взгляд, в определенной степени имели своей целью объединение Великого Княжества Литовского в защите закона и ограничение власти монарха.

Стоит, однако, отметить, что с течением времени данной возможностью и сама шляхта ВКЛ пользовалась все реже, а институт генеральных сеймиков стал отмирать. Впрочем, он никогда не отличался многочисленностью членов, несмотря на повеления со стороны сеймиков. Последнее сообщение о нем встречается в 1632 г. В некоторой степени данный институт был заменен собиравшимися уже во время сейма для обсуждения представителями данной провинции различных вопросов «сессиями наций».

Библиографические ссылки

1. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.1 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал.рэд.) і інш. Мн. : БелЭн, 2005. 688 с.

2. Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. 850 с.

3. Рахуба А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг. / навук. рэд. Г. Сагановіч. Мінск : Медысонт, 2008. 423 с.

4. Чаплиньский В. Органы государственной власти в Польше XVI-XVII веков [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/Polska-Czaplinski.pdf (дата обращения: 09.09.2022).

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ

Д. В. Щербик

Белорусский государственный университет, ул. Ленингрдская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, ShcherbikDV@bsu.by

В статье рассматриваются существующие подходы к периодизации истории политической и правовой мысли. Делается оценка возможности их применения к истории политической и правовой мысли Беларуси, выявляются трудности такого применения. Автор приходит к выводу о необходимости использования периодизации основанной на сочетании ряда универсальных подходов, а также проблемного подхода, т.к. только в данном случае периодизация отражает специфику отечественной политико-правовой мысли.

Ключевые слова: политическая и правовая мысль; периодизация; история.

ISSUES OF PERIODIZATION OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF BELARUS

D. V. Shcherbyk

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, ShcherbikDV@bsu.by

The article discusses the existing approaches to the periodization of the history of political and legal thought. An assessment is made of the possibility of their application to the history of political and legal thought in Belarus, and the difficulties of such an application are identified. The author comes to the conclusion that it is necessary to use periodization based on a combination of a number of universal approaches, as well as a problematic approach, because only in this case, periodization reflects the specifics of domestic political and legal thought.

Keywords: political and legal thought; periodization; history.

Для периодизации всеобщей истории политической и правовой мысли принято использовать один из классических подходов: формационный (рабовладельческая, феодальная, буржуазная политико-правовая мысль и политико-правовая мысль после возникновения марксизма) [1, с.17; 2, с.25-26], цивилизационный (в зависимости от количества выделяемых цивилизаций – древнеегипетская, древнекитайская, западноевропейская, православная и др. политико-правовая мысль), историко-культурный (политические и правовые учения Древнего Востока и Античности, Средних веков, Нового и Новейшего времени) [3, с.19], социкультурный (политико-правовая идеология сословно-кастового общества; политические и правовые доктрины периода перехода к гражданскому обществу; политико-правовая идеология гражданского общества) [4, с.5-6], методологический (в зависимости от господствующей эпистемы знаний, лежащей в основе формирования соответствующих политических и правовых учений: древний и античный космизм, дедуктивность знания эпохи Средневековье, индуктивный эмпиризм и рационализм Нового времени, диалектика сер.XVIII - сер. XIX вв., позитивизм сер. XIX - сер. XX вв., системный подход сер. – конец XX вв., постмодернизм конца XX- нач. XXI вв.) [3, с.20; 5, с.6; 11-14].

При некритическом их использовании для периодизации локальной традиции политико-правовой мысли данные подходы вызывают множество затруднений. В целом, как отмечают исследователи методологии, одной из распространённых ошибок, допускаемых при использовании метода периодизации, как раз и является навязывание стадий одного исторического процесса другому, в результате чего происходит перенесение на все исторические процессы во всех сферах общественной жизни стандартного поэтапного деления исторического прошлого заложенного избранной «универсальной» моделью [6, с.98].

Применительно к рассматриваемому вопросу, трудности вызваны прежде всего тем, что все вышеперечисленные подходы сформированы для изучения и

описания иных сфер общественной жизни (социально-экономического развития, уровня и особенностей классовой борьбы, особенностей развития культуры, философии), но не политической и правовой мысли. Они во многом отражают философскую (мировоззренческую, методологическую) структурную часть политико-правового учения, однако такая направленность более подходит для периодизации истории философии, а не истории политических и правовых учений. Последняя требует большего акцентирования на содержательной части политико-правовых учений. В особенности это касается локальной истории политико-правовой мысли, в том числе истории политической и правовой мысли Беларуси.

Соответственно полное восприятие их для периодизации истории политических и правовых учений невозможно. Так, выделение в советской науке домарксистского и марксистского этапов становления философской и общественно-политической мысли, наложенное на историю восточнославянских народов фактически приводило к выделению следующих этапов: дооктябрьской общественно-политической мысли, которая подразделялась на мысль эпохи феодализма и период распространения марксизма, и советскую (марксистско-ленинскую) мысль [7, с.7-13]. Очевидно, что данный поход исходил из исключительности марксизма в истории политической философии, приводил к нивеллизации особенностей становления мысли славянских народов.

Кроме того, всплески развития политических и правовых учений зачастую связаны с кризисными или переходными периодами между формациями, что не в полной мере отражается подходом. Также можно отметить, что христианская политическая мысль пережила расцвет и падение Римской империи и без кардинальных изменений продолжила существование в эпоху феодализма. Данные обстоятельства затрудняют использование данного подхода, прежде всего к периодизации локальной традиции политической мысли.

Подход, который опирается на классическое выделение культурно-хронологических периодов, ввиду специфики становления феодальных и капиталистических отношений в Восточной Европе, в свою очередь, приводит к распространению периода Средневековья при описании отечественной политической мысли с IX века до середины XVIII века, т.е. до периода проникновения в регион идей эпохи Просвещения. Очевидно, что в единый блок в данном случае происходит объединение как подлинно средневековых идей, так и, при сохранении неизменности государственного и правового устройства, и идей, соответствующих дискуссиям Нового времени, при этом не реализовавшихся в политической практике, не вызвавших кардинальных изменений общественного устройства (напр., в Речи Посполитой в XVI-XVIII вв.).

Специфика славянских народов влечет за собой попытки сформировать самостоятельную периодизацию истории политической и правовой мысли. В дореволюционной России был сформирован Русь-центричный подход, который позволял историю России и, соответственно, историю ее философской и общественно-политической мысли подразделять на первобытный период (до принятия христианства), древнюю Русь (до конца XVII в.) и Новую историю, начало которой привязывалось до реформ Петра I, в результате которых Россия пошла

по европейскому пути развития [8, с.29-30]. Очевидно, однако, что если данная типология и подходит для периодизации политико-правовой мысли России, то при ее переносе на Беларусь игнорируется специфика Ренессанса, Реформации и Контрреформации, которые имели в отечественной истории в связи с включением белорусских земель в рамках ВКЛ и Речи Посполитой в сферу политического и культурного влияния европейской цивилизации.

Модификацией подхода можно считать периодизацию современных российских авторов, которые историю политической и правовой мысли России привязывают к формам развития российской государственности: Киевской Руси (X-XIII или X-XIV вв.), Московского государства (XIV-XVI вв.), укрепления российского централизованного государства (XVII в.), период просвещённого абсолютизма и образования российской империи (XVIII в.), период кризиса самодержавия и перехода к буржуазной монархии (XIX в.), Новейшего времени (XX в.) [9, с.5-10; 10, с.9-10]. Однако такой подход при восприятии его для периодизации отечественной политико-правовой мысли опять же страдает из-за неполного соответствия хронологического развития хоть и связанных, но автономных явлений – форм государственности и политической мысли. Политическая мысль ВКЛ с момента его возникновения и до Кревской унии 1385 г. в данном случае, в связи с почти полным отсутствием писаных источников того времени, а также специфики, ничем бы кардинально не отличалась от политической мысли периода восточнославянских княжеств на территории Беларуси, а политическая мысль Речи Посполитой также объединяла бы довольно разноплановые идеи, сформированные на протяжении двух веков (от 1569 г. до конца XVIII века).

Представляется, что при проведении периодизации национальной истории политической и правовой мысли следует использовать сочетание хронологического и тематического (нарративного, проблемного) подхода, с учетом периодов существования форм государственности на землях Беларуси, важнейших переломных событий в истории Беларуси. Выделенные таким образом основные этапы ее развития будут отражать обсуждаемый на каждом из них круг проблем, обусловленных спецификой преломившихся в данную эпоху отечественной истории политических, экономических и культурных факторов и событий. Такой подход в более полной мере позволит представить особенности локальной истории политических и правовых учений, сделает ее, а также историю отечественной государственности, более наглядной, в том числе при преподавании соответствующей учебной дисциплины.

Библиографические ссылки

1. История политических и правовых учений / П. С. Грацианский, В. Д. Зорькин, Л. С . Мамут и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1988. 814 с.

2. История политических учений / под ред. проф. К. А. Мокичева. М. : Высш. школа, 1965. 470 с.

3. Корнев А. В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8 (117). С. 12–21.

4. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. М. : Издательство "Зерцало", 2006. 568 с.

5. История политических и правовых учений : учебное пособие / под ред. проф. И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 88 с.

6. Бочаров А. В. Основные научные методы в историческом исследовании : учебное пособие. Томск, 2006. 190 с.

7. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 590 с.

8. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі і інш. ; рэдкал.: В. Б. Евароўскі і інш.; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. Мінск : Беларус. навука, 2008. 575 с.

9. Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли, X-XVIII века. М. : Зерцало-М, 2015. 255 с.

10. Фролова Н. А. История российской политической и правовой мысли. М. : Отбита-М, 2007. 190 с.

РОЛЬ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ МОДЕЛЕЙ ВЛАСТЕОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (XIV-XVI ВВ.)

В. М. Бичун

Белорусский государственный университет, ул. Ленингрдская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, ShcherbikDV@bsu.by

Статья посвящена анализу влияния Королевства Польского на модели государственного устройства Великого княжества Литовского в XIV-XVI веках. Союз Великого княжества Литовского и Королевства Польского внес коренные изменения в государственное устройство обоих государств и оказал существенное влияние на развитие экономических, политических связей народов Беларуси, Украины, Литвы и Польши. Вся история этих народов на протяжении 400 лет находилась под воздействием этого союза, начало которому было положено в 1385 г.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Королевство Польское; Кревская уния; Великий князь; сейм.

THE KINGDOM OF POLAND ROLE IN THE FORMATION OF POWER RELATIONS MODELS IN THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA (XIV-XVI CENTURIES)

V. M. Bichun

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, ShcherbikDV@bsu.by

The article deals with the influence analysis of the Kingdom of Poland on the state structure of the Grand Duchy of Lithuania in the XIV-XVI centuries. The United Commonwealth of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland made fundamental changes in the state structure of both states and had a significant impact on the development of economic and political ties between the peoples of Belarus, Ukraine, Lithuania and Poland. The entire history of these nations for 400 years was under the influence of this union, which began in 1385.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania; Kingdom of Poland; the Union of Kreva; Grand Duke; the Sejm.

Значимую роль в истории белорусской государственности играло взаимодействие с Королевством Польским, с которым Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) после заключения Кревской унии (1385 г.) находилось в унииональных отношениях. В итоге данные отношения трансформировались в Люблинскую унию (1569 г.) и попытку создания единого государства – Речи Посполитой (1569-1795 гг.). В данный период ВКЛ, как одна из исторических форм белорусской государственности, испытывала преимущественно влияние польских моделей государственного и социального устройства.

Польша и ВКЛ в доуниальный период (до 1385 г.) имели разные модели государственного и сословного строя. В Польше король постепенно посредством привилеев передавал власть другим сословиям, а в ВКЛ династия Гедиминовичей обладала очень широкими полномочиями. Это не требовало, до определенного времени, создания коллегиальных представительных органов управления, вместо которых существовала дворцово-вотчинная система высших дворных и местных должностей, основанных на принципах назначения и единоначалия.

Союз ВКЛ и Польши под властью одного монарха внес радикальные изменения в государственное устройство обоих государств. Великий князь Ягайло вступил в 1386 г. на польский престол и стал королем Польши как муж польской королевы Ядвиги.

Кревская уния 1385 г. обусловила объективную трансформацию статуса Великого князя, который, с одной стороны, традиционно оставался владыкой государства и имел всю полноту власти, а, с другой стороны, постепенно приобретал статус должностного лица, обязанного совершать решения рады и сейма, действовать в полном соответствии с законом. Такой «двойственный» статус отражал несколько противоречивых тенденций. Во-первых, стремление Ягеллонов использовать свои патриархальные права на ВКЛ для достижения династических целей за его пределами. Во-вторых, стремление панов-рады, как первоначально совещательного органа и коллективного представителя Великого князя в государстве в период его отсутствия, отстаивать интересы ВКЛ, что можно характеризовать как попытку создания определенной системы сдержек и противовесов, так как рада не была уверена в искреннем исполнении князем своих обязанностей в отношении Литвы [1, с. 88].

При осуществлении государственной власти первоначально Великий князь опирался на органы центрального и местного управления и должностных лиц. В

том числе крупных землевладельцев, которые были его ближайшими советниками и составляли раду. Рада (паны-рада) в XIII-XIV вв. была основным совещательным органом при князе, однако в дальнейшем она все больше стала играть главную, решающую роль в государственных делах. Так, с согласия рады после смерти князя Ольгерда на великокняжеский престол вступил Ягайло. В конце 40-х гг. XV в. Казимир Ягайлович говорил, что в государственных делах он ничего не мог решить без рады [2, с. 59].

Одной из причин создания органов, которые представляли широкие круги феодалов, надо признать конфликт Короля (Великого князя) с магнатами, при котором Глава государства был вынужден обратиться к другим сословиям, и в первую очередь к знати. Это привело к созыву более широких совещаний феодалов – расширенного заседания рады – сеймов, которые в XIV-XV столетиях имели более значение органа совещательного, но постепенно приобрели законодательные функции. В конце XVI столетия сейм приобретает определённые черты феодального парламента. В этот период в него входили Великий князь и паны-радные – как высшая палата сейма, а также представители от местной знати – как низшая палата [2, с. 60]. При этом конфликт монарха и магнатов в Польше и ВКЛ первоначально имел разные причины. Если в Польше король постепенно терял свои полномочия, то в Литве рада стремилась ограничить власть Великого князя в интересах государства.

После занятия Ягайлом польского трона Великим князем ВКЛ стал его брат Скиргайло, права которого на управление государством были закреплены выданной Ягайло в 1387 г. специальной грамотой (привилеем). Привилей подтверждал государственную обособленность ВКЛ от Польши. Ягайло признал и закрепил права Скиргайлы на великокняжеский престол и обещал «крепко блюсти его княженья и державы». Вместе с тем, вступив на польский престол, Ягайло не сложил с себя полномочий господина Великого Княжества. Он стал наивысшим князем ВКЛ и одновременно являлся руководителем двух государств [3, с. 115].

При этом элита ВКЛ стремилась законодательно закрепить собственный статус. Виленско-Радомская уния 1401 г. подтвердила обособленность и суверенитет ВКЛ, а также права Великого князя как самостоятельного владыку государства. Этот договор ясно определил суть государственно-правового союза ВКЛ с Польшей как персональную унию двух государств под главенством одного монарха. В договоре предпринималась попытка юридически обосновать наследственный характер великокняжеской власти по отношению к Ягайло и его наследникам, хотя феодалы, которые составляли руководящие верхи ВКЛ, выступали за сохранение древней практики избрания Великого князя.

Городельская уния 1413 г. представляла собой договор двух монархов о более тесном союзе государств. Однако этот документ имел противоречивые положения. Так, в первой статье констатировалось, что все земли, объединенные в ВКЛ, Ягайло и Витовт «до королевства Польского сильно инкорпорировали, объединили, соединили в единый союз». Это утверждение противоречило статье 11, где говорилось, что феодалы ВКЛ не будут выбирать себе нового князя без согласия короля Ягайло и польских панов, а также после смерти польского

короля без наследников поляки не должны выбирать себе нового короля без согласия Великого князя и панов-рады ВКЛ. Тем самым эта статья сводила на нет первую статью, так как сохраняла обособленность ВКЛ и юридически закрепляла характер выборности должности Великого князя.

Великий князь Казимир был сторонником сильной монархической власти и, укрепляя власть, он вынужден был опираться на шляхту как в Польше, так и ВКЛ. 27 июня 1447 г. Казимир стал королем Польши. Принимая польскую корону, он должен был убедить социальную элиту общества, что ее интересы не потерпят потери. Казимир стремился заручиться поддержкой всей знати и поэтому дальновидно выбрал политику маневрирования между православными и католиками.

Не обращая внимания на религиозную принадлежность, он наделял знать широкими привилегиями и должностями. Существенное значение для ВКЛ имеют статьи привилея Казимира 1447 г., в которых законодательно закреплялась территориальная целостность государства, его суверенные права и одновременно запрещалось раздавать чужеземцам государственное имущество и должности [4, с. 23].

Привилей Александра 1492 г. юридически оформил возросшую роль пановрады в государстве. Все государственные вопросы и судебные постановления, которые были решены с панами-радой, Великий князь не мог «изменять, исправлять». Князь даже обязался не гневаться на панов-раду в случае возникновения разногласий при обсуждении государственных дел и выполнять то, что советовала рада [4, с. 85].

Причиной возвышения рады в отношении Великого князя являлась личная уния Польши и Литвы. В этом понимании привилей Александра 1492 г. выступил попыткой магнатов отстоять национальные интересы, которыми могли пожертвовать Ягеллоны. Рада создавала определенную систему сдержек и противовесов, так как не была уверена в искреннем исполнении владыкой своих обязанностей в отношении Литвы. Одновременно в Польше происходила тенденция повышения роли мелкой шляхты и упадка центральной власти, что, без сомнения, подстегнуло интересы соответствующих кругов в ВКЛ. Великий князь имел в Литве больше власти, чем король в Польше, где он чувствовал давление со стороны магнатов и шляхты и, чтобы удовлетворить их, а также реализовать династические интересы, пожертвовал интересами Княжества в пользу Польши и Ягеллонов.

В октябре 1501 г. при избрании на польский престол Великого князя Александра в г. Мельнике была подписана новая государственная уния между ВКЛ и Польшей. Мельницкий акт предусматривал пожизненное избрание общего монарха на общем сейме, проведение общей внутренней и внешней политики, введение единой денежной системы и др. В Княжестве оставались отдельные государственные должности, однако должностные лица должны были присягнуть на верность королю. Фактически уния, которую подписали вместе с Александром 27 представителей Княжества с условием утверждения ее сеймом ВКЛ, вела к ликвидации его самостоятельности. 25 октября 1501 г. Александр издал

Мельницкий привилей, которым была значительно увеличена роль сената, без согласия которого все действия короля не имели юридической силы. В результате широкой оппозиции шляхты привилей, большинство статей которого не действовали, был отменен в 1505 г. Также сейм ВКЛ не утвердил Мельницкий акт [2, с. 83].

Люблинская уния 1569 г. была предрешена всем предыдущим ходом событий и особенно теми отношениями с Польшей, которые сложились в действительности. Корона стремилась к союзу с княжеством, чтобы увеличить свою силу и тем самым оградить себя от возможных нападений со стороны турок. В период пребывания на великокняжеской и королевской должностях Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа сохранялся персональный характер унии. Правящая элита ВКЛ вела переговоры с представителями Польши о более тесном союзе обоих государств, но при условии соблюдения равноправия и «братства». ВКЛ необходим был союзник, чтобы успешно вести Ливонскую войну. Особенно ярко идея равенства государств была обнаружена в постановлении Виленского сейма 1563 г. В этом документе господин обязывался не нарушать предыдущих законов («перших привилеев»), а делегатам поручалось строго блюсти честь и достоинство ВКЛ, следить за тем, чтобы права всего населения державы не нарушались и не были унижены Польшей. Было признано допустимым существование одного монарха для обоих государств и созыв совместных сеймов для решения общих дел, но при этом должны были сохраниться в каждом государстве самостоятельные органы власти, собственная казна, вооруженные силы и законодательство. Такие условия подтверждались и поддерживались знатью на всех последующих сеймах ВКЛ [5, с. 37–39]. В Статуте 1588 года также было закреплено положение о территориальной целостности государства и его неприкосновенности (р.3, ст.1), тем самым Статут объявил суверенитет ВКЛ вопреки Люблинской унии. Закон вообще обязывал владыку вернуть все то (имелись в виду земли), что было когда-то «разобрано» и «упрошено» другими государствами [6, с. 54; 7].

В XIV-XVI вв. ВКЛ характеризовалась сосредоточением в руках Великого князя довольно широких властных полномочий. Однако в соответствии с законодательством Великий князь не признался собственником государства, а был только пожизненно выбранной служебным лицом, владыкой государства, права и обязанности которого определялись законами государства. Во второй половине XVI века с заключением Люблинской унии компетенция королевской власти в Речи Посполитой была также большой. Однако в 1572 г. умер король Сигизмунд II Август, погасла династия Ягеллонов и после этого происходит значительное ослабление королевской власти. Кроме того, после его смерти в государстве было установлено свободное избрание короля без обращения внимания на династическую принадлежность.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что Великое княжество Литовское, в состав которого входили земли современной Беларуси, в унинональный период взаимоотношений с Королевством Польским испытывало влияние польских моделей государственного и социального устройства.

Библиографические ссылки

1. Калинин С. А. Аб тэарэтыка-метадалагічных праблемах вывучэння беларускай дзяржаўнасці // Гісторыя і сучаснасць: Беларуская дзяржаўнасць на ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навук. прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо / рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і інш. Мінск : Бизнесофсет, 2012. С. 88.

2. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Адукацыя и выхаванне, 2014. 416 с.

3. Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с.

4. Васілевіч Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо. Мінск : ВТАА “Права і эканоміка”, 2001. 363 с.

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал.: Т. І. Доўнар і інш. Мінск : Тэсей, 2003. – С. 37–39.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 54.

7. Тымовский М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. Москва : Издательство «Весь Мир», 2004. 544 с.

ІДЭАЛАГІЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ РЭФОРМ 1760-Х ГГ. У РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

А. В. Валеўка

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай, вул. Блахіна, 29, 211440, г. Наваполацк, Беларусь, a.valevko@psu.by

Пытанні рэформ дзяржаўнага ладу ў Рэчы Паспалітай у айчыннай гісторыка-прававой навуцы пакуль не зусім падрабязна даследаваны. Вельмі важным з’яўляецца вывучэнне ідэалагічнага падмурку працэсу рэфармавання дзяржаўных установаў. У артыкуле разгледжаны асноўныя тэорыі і праграмы рэфармавання дзяржаўнага ладу, якія сфармаваліся ў першай палове XVIII ст.

Ключавыя словы: Рэч Паспалітая; парламентаризм; рэфармаванне.

IDEOLOGICAL BACKGROUND OF THE REFORMS OF THE 1760S. IN RZECHPOSPOLITA

A. V. Valevka

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, 29 Blokhin Street, 211440, Novopolotsk, Belarus, a.valevko@psu.by

The issues of state reforms in the Polish-Lithuanian Commonwealth have not yet been studied in detail in our historical and legal science. It is very important to study the ideological basis of the process of reforming state institutions. The article examines the main theories and programs of reforming the state system, formed in the first half of the 18th century.

Keywords: Rzech Pospolitaya; parliamentary; reform.

Першая палова XVIII ст. у гісторыі Рэчы Паспалітай адзначана паглыбленнем крызісу дзяржавы. Своеасаблівы дзяржаўны лад у сукупнасці з пануючай сярод кіруючай эліты ідэалогіі, а таксама шэрагам знешнепалітычных фактараў завёў грамадства і дзяржаўныя ўстановы ў тупіковую сітуацыю. Шматлікія войны на тэрыторыі дзяржавы, сярод якіх асабліва цяжкія наступствы мела Паўночная вайна, знішчалі гаспадарку і не давалі нават магчымасці яе аднавіць і развіваць далей. Барацьба паміж буйнымі магнацкімі родамі за дамінаванне ў Рэчы Паспалітай набыла небывалы размах. Не лічачыся з дзяржаўнымі інтарэсамі, развязваючы сапраўдныя войны паміж сабою, магнацкія групоўкі імкнуліся ажыццяўляць уласныя палітычныя праграмы.

Дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай, які шляхта лічыла ідэальным, не даваў магчымасці не толькі праводзіць рэформы, але і, часцей за ўсё, вырашаць бягучыя дзяржаўныя пытанні. Сойм, будучы вышэйшым органам дзяржаўнай улады, проста не дзейнічаў, бо цалкам кантраляваўся гэтымі самымі магнацкімі родамі. Сітуацыя, калі кожны прадстаўнік шляхты мог блакаваць любое рашэнне сойма, рабіла вельмі праблематычным вырашэнне многіх важных пытанняў. Акрамя таго, унясенне зменаў у палітычны лад магло расцэньвацца як парушэнне правоў шляхты і было падставай для непадпарадкавання дзяржаўнай уладзе.

Паступова ў грамадстве Рэчы Паспалітай пачалі ўзнікаць ідэі аб неабходнасці змянення існуючага парадку. У творах такіх палітыкаў і публіцыстаў як: Ляшчынскі, Карвіцкі, Канарскі, Сташыц і Калантай – выказваюцца прапановы аб зменах у дзяржаўным ладзе Рэчы Паспалітай, ідалагічнай падставай якім з'яўляліся ідэі Асветніцтва [3, с.178]. У гэты час вельмі развіваецца палітычная і памфлетычная літаратура. У самым пачатку XVIII ст. з'явіліся «Віленская пастанова» (1700), «Зацямненне Польшчы» падканцлера ВКЛ С.Шчукі (1709). Пераломным момантам у развіцці палітычнай думкі саксонскіх часоў сталі 40-я гг. Тады з'явіліся ў друку «Вольны голас, які волю абяцае» Станіслава Ляшчынскага, «Лісты зямяніна» ваяводы мазавецкага Станіслава Панятоўскага і «Анатомія Рэчы Паспалітай» С. Гарчынскага (1751) [1, с. 210]. Аб рэфарматарскіх памкненнях сведчаць дэбаты на соймах і соймiках, асабліва тыя, якія тычыліся рэформаў скарбу (фінансаў) і войска [1, с. 210]. Такім чынам, пачалося фармаванне ідэалагічнай асновы для ажыццяўлення рэформ у Рэчы Паспалітай.

У Рэчы Паспалітай пачалі распаўсюджвацца ідэі фізіякратыі. Зямля, згодна з гэтым вучэннем разглядалася як галоўная крыніца багацця краіны, а сельская гаспадарка павінна забяспечваць пастаянны прыток гэтых багацяў [2, с.229]. Прадстаўнікі фізіякратаў падымалі таксама пытанне аб вызваленні сялян з-пад

феадальнага ўціску і забеспячэнні іх правоў. Але такія погляды не заўсёды знаходзілі падтрымку сярод шляхты.

У палітычнай сферы прадстаўнікі фізіякратыі таксама бачылі негатыўны ўплыў права “liberum veto”. Адной з найбольшых праблем бычылася становішча дробнай шляхты, якая таксама валодала правам вета, але часта магла прадаваць свой голас, бо не была дастаткова матэрыяльна забяспечаны [2, с.227]. З пункту гледжання фізіякратаў, палітычнае грамадства павінна ўяўляць сабой аб’яднанне ўласнікаў зямлі, такім чынам, беззямельная шляхта павінна быць выключана з удзелу ў кіраванні дзяржавай [2, с.227]. Адносна сістэмы галасавання ў сойме прапаноўвалася адмовіцца ад колькаснага крытэрыю. На думку Мерс’ера дэла Рыўера, «меркаванне большасці не заўсёды з’яўляецца слушным, таму неабхона стварыць сістэму кааліцый, дзе меншасць праз саступкі і кампрамісы можа пераканаць першапачатковых апанентаў» [2, с.227].

Увогуле, погляды фізіякратаў былі даволі гнуткімі адносна палітычнага ладу. Таму прыхільнікаў ідэяў фізіякратызму можна было знайсці як сярод кансерватыўных, так і сярод прагрэсіўных колаў шляхты.

Я. А. Юхо адзначаў, што ў першай палове XVIII ст. разгарнулася барацьба паміж прагрэсіўным колам шляхты, якія выступалі за шырокія рэформы, і рэакцыйнай магнатэрыяй, якая імкнулася да захавання састарэлага ладу Рэчы Паспалітай [4, с. 283].

Упершыню ідэю аб неабходнасці пераўтварэнняў парадку правядзення соймікаў выказаў яшчэ ў часы Аўгуста III Ф. Раджэўскі − падкаморы познаньскі. Шмат ідэяў для рэформ сойма Рэчы Паспалітай было адлюстравана яшчэ ў працы С. Канарскага «Oskutecznym rad sposobie» [5]. Менавіта там была прадстаўлена тэарэтычная праграма пераадолення крызісу ў дзейнасці вышэйшай прадстаўнічай установы дзяржавы. Ён прапаноўваў, па-першае, упарадкаваць лік паслоў ад ваяводстваў і паветаў, так як раней адны абіралі на сойм шматлікія пасольскія дэлегацыі, а іншыя − толькі па два амбасадара. Для гэтага, паводле задумы Канарскага, вынікала павялічыць лік соймікаў, або каб кожны павет выбіраў бы сваіх прадстаўнікоў на асаблівым з'ездзе. Дзякуючы гэтаму лік паслоў на сойм значна б узрасла перш за ўсё за кошт ваяводстваў Вялікай і Малой Польшчы, у якіх меліся шматлікія паветы. Каб не ўшчаміць такім чынам правы літоўскай шляхты, Канарскі прапаноўваў падзяліць буйныя паветы ў Літве. Новыя павятовыя соймікі павінны былі абіраць на два гады чатырох паслоў і іх двух намеснікаў, г.з. званне пасла ўсталёўвалася на ўвесь перыяд да наступных выбараў, а не толькі на час працы сойма. Прапаноўвалася складанне рэестра выбаршчыкаў, у які ўключаліся б шляхцічы, якія жывуць у ваяводстве і якія мелі там маёнткі [5, l. 23].

Такім чынам, на пачатку XVIII ст. у Рэчы Паспалітай пачалі складацца тэарэтычныя і ідэалагічныя перадумовы рэфармавання дзяржаўнага ладу. Менавіта гэтыя фактары далі магчымасць ажыццяўлення першапачатковых рэформ на сойме 1764 г.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст.) / Ю. Бохан і інш. ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск : Экаперспектыва, 2007. 344 с.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 4. Асветніцтва / І. М. Бабкоў і інш. ; рэдкал.: В. Б. Евароўскі і інш. // Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. Мінск : Беларус. навука, 2017. 431 с.
3. Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / пер. с польского и вступ. статья Н. В. Ястребов. С.-Петербург, изд-во А. С. Суворина, 1907. 231 с.
4. Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам : у 2 ч. / Я. А. Юхо. Мінск : РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с.
5. Konarski S. O skutecznym rad sposobie i inne pisma polityczne / Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo ; Warszawa : we swpółpr. z De Agostini Polska, cop. 2005. 347 l.

СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ ДРОБЯЗКО О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ И ДЕТЕРМИНАНТАХ В ПРАВЕ

Т. В. Иванова

Белорусский государственный университет, ул. Ленингрдская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, faiza.faroukh@gmail.com

В статье анализируются применительно к современности идеи выдающегося белорусского ученого С.Г. Дробязко о правообразовании, правотворчестве и закономерностях в праве.

Ключевые слова: С.Г. Дробязко; закономерности в праве; правообразование; детерминанты в праве.

STEPAN GRIGORIEVICH DROBYAZKO ON THE REGULARITIES AND DETERMINANTS IN LAW

T. V. Ivanova

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, faiza.faroukh@gmail.com

The article analyzes the ideas of the outstanding Belarusian scientist S.G. Drobyazko on lawformation, lawmaking and regularities in law relating to modern times.

Keywords: S.G. Drobyazko; regularities in law; lawformation; determinants in law.

Степан Григорьевич Дробязко, выдающийся советский и постсоветский белорусский ученый, Заслуженный юрист Республики Беларусь, внес значительный вклад в формирование теории правообразования и правотворчества, уделив особое внимание основным закономерностям и детерминантам данных процессов, указав на концептуальность и важность исследования в понимании множественности факторов и феноменов, предопределяющих воздействие на государство и право, наличии связи между ними, и т.д.

Под детерминантами правообразования, на наш взгляд, следует понимать основные факторы и явления, феномены и взаимосвязи, комплексно воздействующие на все социальные системы и предопределяющие государственно-правовые формы реагирования общества на вызовы и угрозы. Важность осмысления детерминант правообразования обусловлена взаимосвязью элементов механизма правового регулирования, где норма права занимает ключевую позицию, а четко регламентированный процесс ее создания с учетом всех социальных факторов обеспечивает эффективность как правотворчества, так и правоприменения, и правоохранительной деятельности в последующем. Особенности правообразования заключаются в ассоциировании данного феномена с формированием именно норм права, а не норм морали, религии и др., представлении его как постоянного процесса, в ходе которого участвуют различные социальные факторы (детерминанты) и создаются предпосылки и условия для возникновения норм права.

Право необходимо рассматривать в качестве следствий ряда внешних и внутренних факторов и детерминант, поэтому их изучение целесообразно предварять выявлением таких феноменов. Изучение правообразования как процесса формирования нормы права требует учета таких относимых к постнеклассической научной и управленческой рациональности методологических принципов, как детерминированность свойств познаваемого предмета качествами и ценностно-мировоззренческими стереотипами наблюдателя, включенность наблюдателя в познаваемую реальность [3, с.111]. Детерминанты правообразования лежат в плоскости современной социально-экономической парадигмы, связаны с рациональным началом в формировании норм права, с ценностно-мировоззренческой и аксиологической составляющей нормообразования.

Соотношение феноменов правообразования, правотворчества и нормотворчества, по мнению С.Г. Дробязко, может быть представлено следующим образом. Правообразование является начальным процессом формирования нормы права, обусловленным изменяющимися в настоящее время детерминантами. На этапе осознания необходимости создания определенной формы права имеет место правотворчество. Правотворчество охватывает деятельность уполномоченных субъектов по созданию различных форм права (нормативный правовой акт, нормативный договор, правовой обычай, юридическая доктрина и др.) и включает в себя определенные стадии. Нормотворчество – это государственно-властная деятельность, касающаяся такой формы права как нормативный правовой акт, это деятельность по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов,

нормотворческого процесса как процедуры осуществления нормотворческой деятельности [4].

Анализ детерминант правообразования показывает, что наиболее значимыми из них являются те социальные факторы, которые порождают необходимость создания той или иной нормы права. То есть эта некая совокупность факторов, которые образуют закономерности.

С.Г. Дробязко отмечал, что закономерность, как философская категория, используется во всех науках и означает объективно обусловленную устойчивую тенденцию, являющуюся результатом проявления многократно повторяющихся связей между сущностями. В русскоязычной литературе понятие «закономерность» обычно отождествляется с понятием «объективный закон». Истинной является так сформулированная, в частности правовая закономерность, которая устойчиво подтверждается практикой бытия права, его движением, его реализацией [2, с.6]. Закономерности права как одного из явлений общества имеют общесоциальную специфику в сравнении с естественными законами. Она состоит в том, что правовые закономерности не могут реализовываться без активного участия людей, деятельность которых может быть осознанной и стихийной, соответствующей механизму функционирования объективных законов и противоречащей им. Это ведет к изменению условий, в которых действуют объективные законы права. Изменения же условий могут быть эволюционными и скачкообразными, незначительными и существенными, относительно устойчивыми и частоменяющимися. Все это приводит к тому, что закономерность права проявляется не абсолютно (как в природе), а лишь как необходимая для общества тенденция, реально являющаяся импульсивной: то усиливающейся по мере создания благоприятных условий, то ослабевающей при нарастании неблагоприятных обстоятельств. Закономерности права специфичны и в том отношении, что они непосредственно определяются объективными законами общества, как системы более высокого уровня, а в конечном счете - закономерностями природы. Главная же особенность правовых закономерностей вытекает из специфики самого права, его сущности, его движения [2, с.6-7].

Закономерности правообразования – это объективно обусловленные и объективно необходимые тенденции, выражающие сущность норм права в процессе их формирования. Закономерности права – это объективно обусловленные и объективно необходимые тенденции, выражающие сущность права в процессе его становления, развития и функционирования [2, с.6-7].

В юридической научной и учебной литературе закономерности правовой системы характеризуются и классифицируются неоднозначно. С точки зрения С.С. Алексеева действуют общие закономерности права как явления цивилизации и культуры и они сводятся к тому, что имеет место:

1) во-первых, переход регулирования, характеризующегося в основном запретительно-предписывающими чертами, к преимущественно дозволительному регулированию для граждан, их объединений, при котором центр тяжести переносится на юридические дозволения, субъективные права;

2) во-вторых, все более твердое обретение автономной личностью устойчивого правового статуса;

3) в-третьих, становление и совершенствование развитой системы правовых средств (в том числе процессуальных), основанных на идеалах свободы и гуманизма [1, с.70].

Некоторые авторы рассматривают закономерности в плане основных фаз развития правовых систем: фазу зарождения в связи со становлением производственной экономики; становление системы правил (норм); письменную кодификацию права раннегосударственных образований.

С.Г. Дробязко классифицировал закономерности права по следующим критериям:

1) по системному «месторасположению» в социальном пространстве – на внутренние и внешние;

2) по историческим пределам действия - на всеобщие, общие, особенные;

3) по объему сферы действия - на общие и частные;

4) по типу связи - на закономерности возникновения и развития (генетические) и функциональные (структурно-функциональные);

5) по форме осуществления - на динамические и статические;

6) вычленяются также законы количественные и качественные, основные и не основные, первичные и вторичные [2, с.8].

В юридической науке правовые закономерности осмысливаются в различных аспектах. Одни авторы ведут речь о закономерностях развития, другие – возникновения и развития, третьи – возникновения, развития и функционирования. Наиболее значимые объективные правовые законы именуются «главными», «основными», «фундаментальными», «глобальными», «общими», «наиболее общими». Подход к праву как многоуровневой системе, как системе систем, предполагает необходимость вычленения закономерностей общих (общесистемных, общеправовых, т.е. закономерностей нормообразования) – возникновения, развития, функционирования и специфических (специфически-системных), присущих системе соответствующего уровня (национальной правовой системе, правовой семье, международной правовой системе). У той или иной национальной правовой системы кроме общеправовых закономерностей могут, при наличии своеобразных социальных и природных условий, проявиться свои, частные закономерности и становления, и развития, и функционирования права. В числе объективных законов правовой системы при делении ее на отрасли существуют отраслевые и межотраслевые закономерности [2, с.8].

С.Г. Дробязко, в развитие идеи о сущности права, указывал на различие закономерностей развития и функционирования права. Закономерности развития и функционирования права могут рассматриваться на различных уровнях правовых систем в условиях определенной общественно-экономической формации (при формационном подходе) или соответствующего этапа цивилизации (при цивилизационном подходе) [2, с. 8]. В число общеправовых закономерностей возникновения права включались:

1) эволюционное становление особой группы наиболее значимых обычаев для индивида и общества, служащих защите их безопасности, осуществлению производства, распределения, потребления, которым придается авторитет

абсолютной непререкаемости, общеобязательности, обеспечиваемой всеми членами рода (неписаное право, «социальное» право, «предправо», «мононормы» и т.д.);

2) возникновение по взаимной договоренности между племенами общих для них обязательных правил, соблюдение которых гарантировало бы нормальные межплеменные отношения по использованию природных богатств, обмену продукцией, удовлетворению других интересов и их мирное сосуществование;

3) придание с появлением государства соответствующим обычаям силы закона, превращение обычного права в юридический обычай, становление юридического права в силу объективной необходимости надежнее обеспечивать обязательное их исполнение всеми членами общества;

4) установление государством новых, вызываемых объективными потребностями развивающегося общества норм путем издания государственных нормативно-правовых актов;

5) формирование юридического права в многообразных источниках (юридических обычаях, нормативных договорах, нормативных актах, священных писаниях) [2, с.8-9].

Закономерностями развития права, по мнению С.Г. Дробязко, являются:

1) возрастание количества правовых норм и принципов по мере усложнения отношений в обществе в процессе его поступательного прогрессивного движения;

2) непрерывность совершенствования правовых систем;

3) преемственность в развитии правовых систем;

4) дифференциация правовых систем на отрасли права;

5) интеграция правовых норм в отраслях законодательства в пределах национальных правовых систем;

6) сближение основных правовых систем мира;

7) юридическое взаимообогащение, взаимопроникновение национальных правовых систем и системы международного права [2, с.9].

Правовая система активно воздействует на регулируемые ею системы отношений в плане соотношения ее функциональных закономерностей с закономерностями упорядочиваемых правом систем через человеческую поведенческую систему, которая не ограничивается лишь сферой психологической, но и включает в себя систему интересов, ценностей, идеологических, мировоззренческих, нравственных установок, биологических, экологических и других факторов, всего того, что формирует личность, которая выступает как субъект права. Следовательно, внешнесистемные правовые связи, выражающиеся в функциональных закономерностях, являются доминантными по отношению к внутрисистемным (генетическим).

Генетические и функциональные объективные законы правовой системы во взаимодействии с закономерностями поведения человека и регулируемых правом общественных отношений образуют механизм правового регулирования в качестве генерализирующего фактора [2, с.10]. Это заложило основы в

понимании процесса правообразования и основных его закономерностей и послужило источником для дальнейших исследований данного процесса.

Таким образом, в качестве значимых детерминант правообразования С.Г. Дробязко признавал сближение и взаимодействие правовых систем, заимствование норм права, привязка закономерностей развития и функционирования права к определенной общественно-экономической формации. Однако, современный глобальный кризис, изменяющий всю суть социально-экономической формации, скорректировал эту позицию относительно системы детерминант. На первый план вышли такие детерминанты нормообразования, как обособленность правовых систем, формирование норм права с учетом ценностно-мировоззренческой и аксиологической составляющей (учет национальных ценностей и интересов), пространственно-субъектный подход к праву, сближение же правовых систем отходит на второй план, при этом данные идеи нуждаются в развитии применительно к современным условиям.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С. С. Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1995. 320 с.

2. Дробязко С. Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3–16.

3. Калинин С. А. Уникальное и закономерное в современном понимании государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 110–128.

4. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

РЭВАЛЮЦЫЙНА-ДЭМАКРАТЫЧНЫЯ ІДЭІ Ў БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.СТ.

Дз. А. Праневіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Беларусь, pronevich_dima@mail.ru

У артыкуле разгледжаны ідэі беларускага мысліцеля Ф. Багушэвіча. Прааналізаваны асноўныя плыні ў развіцці палітыка-прававой думкі Беларусі другой паловы XIX-пачатку XX стст.: ліберальна-буржуазная, кансерватыўна-манархічная, рэвалюцыйна-дэмакратычная. Акцэнт зроблены на дзейнасць і палітыка-прававыя погляды К. Каліноўскага.

Ключавыя словы: ідэі; рэвалюцыйна-дэмакратычная ідэі; нацыянальная ідэя; ліберальна-буржуазная плынь; кансерватыўна-манархічная плынь; рэвалюцыйна-дэмакратычная плынь.

REVOLUTIONARY-DEMOCRATIC IDEAS IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY XX ST.ST.

Dz. A. Pranevich

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, pronevich_dima@mail.ru

The article examines the ideas of the Belarusian thinker F. Bagushevich. The main currents in the development of political and legal thought of Belarus in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries are analyzed: liberal-bourgeois, conservative-monarchical, revolutionary-democratic. Emphasis is placed on the activity and political and legal views of K. Kalinowski.

Keywords: ideas; revolutionary-democratic ideas; national idea; liberal-bourgeois current; conservative-monarchical current; revolutionary-democratic current.

У канцы XIX ст. ішлі пошукі самавызначэння нацыянальнай ідэі, надання ёй адпаведнай формы, а таксама вобразнага выражэння. Гэтыя пошукі характэрны для грамадскай і літаратурнай дзейнасці Ф. Багушэвіча, А. Гурыновіча і іншых прадстаўнікоў беларускай прагрэсіўнай інтэлігенцыі.

У творах Ф. Багушэвіча – рэвалюцыянера-дэмакрата па палітычных перакананнях – нацыянальная ідэя выяўлялася праз ідэю «бацькавай спрадвечнай ад бога дадзенай мовы». Гаротны лёс беларускага народа паэт звязваў з адсутнасцю асабістага нацыянальнага гонару: «Гора, гора ж над намі. А ўсяму вінаваты мы самі, бо мову прыродную забываем, апратку, звычаі на чужыя мяняем" [6]. Ф. Багушэвіч упершыню звязаў заняпад духоўнасці, перш за ўсё мовы беларускага народа, з яго гібеллю. «Не пакідайце мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі» [6], – заклікаў паэт.

Ф. Багушэвіч дзяліў грамадства на «панства» і «народ». Паны-прыгнятальнікі «ходзяць у золаце з плеч да ног», «маюць хатаў многа», дзесяткі слуг зарабляюць ім «сотні сот...» А народ – людзі працы – прыкрываюцца анучаю, жывуць у хатах з дзіркамі, дзе вецер, снег ходзяць, працуюць дзень і ноч, льюць свой пот. Такім чынам, падзел грамадства паэт і мысліцель робіць на аснове зразумелай сялянам фіксацыі канкрэтных абставін іх рэальнага жыццёвага існавання.

Ф. Багушэвіч паступова прыводзіць сялян да высновы аб адкрытым паразітызме пануючых класаў, якія цягнуць жылы з простага чалавека:

Паняцце «народ» у Ф. Багушэвіча носіць лакальны характар. Гэта не проста «мужыкі», але і беларусы, «беларускі народ». Паэт – грамадзянін, ён адчувае арганічную еднасць са сваім беларускім народам: «Каб за край быў умерці гатоў, каб не прагнуў айчызны чужых»[6].

Гістарычнае прызначэнне народа Ф. Багушэвіч бачыў у дасягненні свабоды. Свабоду ён усведамляў як пабудову новага грамадскага жыцця без падначалення адных другім, панавання нямногіх над масамі.

Ён рабіў акцэнт не толькі на сацыяльных і грамадска-палітычных патрабаваннях, але і на цацыянальна-вызваленчых задачах. Ф. Багушэвіч стаў першым сапраўды народным выразнікам тыповых рыс і асаблівасцей нацыянальнай |свядомасці, духоўным пачынальнікам і натхняльнікам працэсу нацыянальнага самаўсведамлення і адраджэння прыгнечанага народа. Услед за разважаннямі аб неабходнасці бараніць і адраджаць беларускую мову мысліцель звярнуўся да тэмы аб гістарычным мінулым Беларусі. Ён падкрэсліваў, што мова існавала на працягу стагоддзяў, існуе і цяпер. Беларусь там, «гдзе наша мова жывець: яна ад Вільні да Мозыра, ад Віцебска за малым не да Чарнігава, дзе Гродна, Мінск, Магілёў і шмат мястэчкаў і вёсак...» [6].

Увесь наступны працэс фарміравання нацыянальнай дэмакратычнай ідэалогіі, грамадска-палітычнай думкі, новай беларускай літаратуры адзначаны ўплывам яго спадчаны. Аб гэтым сведчыць творчая дзейнасць А. Гурыновіча, А. Пашкевіч (Цёткі), Я. Купалы, Я. Коласа і інш.

У выніку падзелаў Рэчы Паспалітай у 1772, 1793, 1795 гг., галоўным пытаннем нацыянальнай грамадска-палітычнай думкі стала адраджэнне дзяржаўнасці, пошук шляхоў да нацыянальнай самастойнасці.

У грамадскім жыцці Расіі ў XIX ст. вялася вострая ідэйна-палітычная барацьба, у якой вылучыліся 3 асноўныя плыні: ліберальна-буржуазная, кансерватыўна-манархічная, рэвалюцыйна-народная або рэвалюцыйна-дэмакратычная [15, с. 178 – 179].

Рэвалюцыйна-дэмакратычны напрамак у грамадскай думцы Беларусі выразна акрэсліўся ў канцы 50-х гг. XIX ст., калі ў Расіі пачаўся новы рэвалюцыйна-дэмакратычны этап вызваленчага руху. Яго ідэолагі А. Герцэн, М. Чарнышэўскі, М. Бакунін, М. Агараў, М. Дабралюбаў абгрунтоўвалі неабходнасць звяржэння царскага самадзяржаў'я, ліквідацыі памешчыцкага землеўладання, перадачы зямлі і ўсіх срокаў вытворчасці народу, усталявання народаўладдзя са свабодным нацыянальна-палітычным самавызначэннем народаў і інш. Рэвалюцыйны дэмакратызм прадстаўляў сабой адзінства прынцыпаў і ідэй светапогляднага характару, сістэму палітычных каштоўнасцей, у аснове якой ляжала ідэя гістарычнага прадвызначэння працоўнага народа, тэндэнцый сялянскага сацыялізма, якія мелі пэўнае распаўсюджанне ў грамадска-палітычнай самасвядомасці насельніцтва [13, с. 193 – 213].

Прадстаўніком рэвалюцыйна-дэмакратычнага напрамку з'яўляўся К Каліноўскі (1838-1864). Яго спадчына: 7 нумароў газеты "Мужыцкая праўда", шэраг рэвалюцыйных інструкцый, заклікаў, загадаў, а таксама некалькі лістоў: "Пісьмы з-пад шыбеніцы" і інш. "Пісьмы з-пад Шыбеніцы" былі пазней надрукавана пад назвай: "Да беларускага народа. Пісьмо з-пад шыбеніцы Канстанціна Каліноўскага". У ім крытыкавалася палітыка царызму ў Беларусі, выкрывалася гвалтоўная русіфікацыя, з гневам гаварылася аб забароне вучобы ў школах на рускай мове.

У развіцці палітыка-прававой думкі Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX стст. вылучылася такая плынь як рэвалюцыйна-дэмакратычная. Яна сфарміравалася пад уздзеяннем рускай рэвалюцыйнай публіцыстыкі – часопісаў

«Полярная звезда», «Колокол», «Современник». Яе ідэолагі В. Бялінскі (1811 – 1848), А. Герцэн (1812 – 1870), М. Чарнышэўскі (1828 – 1889), Т. Шаўчэнка (1814 – 1861), М. Бакунін (1814 – 1876) і інш. абгрунтоўвалі неабходнасць звяржэння царскага самадзяржўя, ліквідацыі памешчыцкага землеўладання, усталявання народаўладдзя са свабодным нацыянальна-палітычным самавызначэннем народаў, пабудовы сацыялістычнага грамадскага ладу на аснове рэфармаванай сялянскай абшчыны і ўраўняльнага землекарыстання, вырашэння грамадскіх і дзяржаўных спраў самім працоўным народам [3, с. 539].

Рэвалюцыйны дэмакратызм прадстаўляў сабой адзінства прынцыпаў і ідэй светапогляднага характару, сістэму палітычных каштоўнасцей, у аснове якой ляжала ідэя гістарычнага прадвызначэння працоўнага народа, тэндэнцый наіўна-ўраўняльнага сялянскага сацыялізма, якія мелі пэўнае распаўсюджанне ў грамадска-палітычнай самасвядомасці насельніцтва [7, с. 188]. Прадстаўнікі рэвалюцыйна-дэмакратычнага напрамку ставілі задачу карэннага пераўтварэння грамадскага ладу ў інтарэсах працоўных, пабудовы сацыяльна справядлівага грамадства. Як правільна адзначае І.У. Вішнеўская “упершыню ў палітычнай думцы Беларусі менавіта рэвалюцыйныя дэмакраты выказалі ідэю аб гістарычным прадвызначэнні працоўнага народа – стаць разбуральнікам старога грамадства несправядлівасці і рухаючай сілы грамадскага прагрэсу” [4, с. 158].

У 1836 г. у асяроддзі віленскіх студэнтаў было створана “Дэмакратычнае таварыства”, арганізатарам якога быў Ф. Савіч (1815 – 1846). Ім быў напісаны статут “Дэмакратычнага таварыства” пад назвай “Прынцыпы дэмакратызму”. Каб лепш падрыхтавацца да барацьбы, статут таварыства прадпісваў сваім членам выхоўваць сябе ў духу сумленнасці, грамадскай карысці і спачування абяздоленым, жыць сціпла, змагацца з асабістымі недахопамі, весці здаровы лад жыцця, набываць грунтоўныя веды, авалодваць рамяством [2, с. 362 – 365; 19, с. 159 – 162].

У 1862 г. ён распачаў выданне першай у гісторыі Беларусі нелегальнай рэвалюцыйна-дэмакратычнай газеты “Мужыцкая праўда”. На працягу 1862 – 1863 гг. удалося выдаць 7 нумароў газеты, аўтарам і рэдактарам большасці з якіх быў К. Каліноўскі. Газета ўпершыню на беларускай мове несла рэвалюцыйна-дэмакратычныя ідэі ў асяроддзе сялянства, рыхтавала яго да паўстання. Ён быў прыхільнікам ідэі рэвалюцыйнага саюзу ўсіх народаў у барацьбе з самадзяржаўем. [11, с. 111]. У “Мужыцкай праўдзе” рэвалюцыянер-дэмакрат выступаў з патрабаваннямі зямлі і свабоды, пераўтварэння грамадскага ладу ў інтарэсах сялян шляхам знішчэння памешчыцкага землеўладання і перадачы ім зямлі, знішчэння царскай бюракратыі і стварэння дзяржавы, дзе народ прымаў бы актыўны ўдзел у кіраванні краінай [1, с. 249]. Урад і яго прызначэнне ў грамадстве, К. Каліноўскі характарызаваў наступным чынам: “Для таго, каб была справядлівасць і праўда на свеце, а злыя людзі не свавольнічалі і крыўды не рабілі, ёсць урад, які збірае падаткі, будуе школы, вучыць кожнага жыць па праўдзе, устанаўлівае суд, а калі гэта не дапамагае і робіцца несправядлівасць, тады наймае войска і такім шляхам абараняе кожнага ад гора і збяднення. Вось для чаго патрэбны ўрад. І як добры служка глядзіць за дабром гаспадарскім і слухаецца свайго гаспадара, так і добры

ўрад павінен клапаціцца аб шчасці людзей” [8]. Прадугледжвалася стварэнне такога ўрада, які павінен “клапаціцца аб шчасці людзей, слухацца народа і рабіць так, як народу лепш”. Адносіны паміж урадам і народам былі сфармуляваны К. Каліноўскім у яго тэзісе “Не народ для ўрада, а ўрад для народа”[5, с. 36].

У пачатку XX ст. рэвалюцыянеры-дэмакраты абгрунтоўвалі нацыянальнае самавызначэнне беларускага народа. Менавіта ў гэты час пачалася хваля абуджэння беларускай свядомасці, названага яго ідэолагамі беларускім адраджэннем. Дзякуючы іх намаганням сцвярджаліся карэнныя прынцыпы нацыянальнай свядомасці: разуменне ўласнага гістарычнага шляху беларускага народа, адрозненне ад лёсу і інтарэсаў суседніх народаў.

Такім чынам, рэвалюцыйна-дэмакратычныя ідэі ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стст., якія выказывліся рэвалюцыянерамі-дэмакратамі М. Валовічам, Ф. Савічам, К. Каліноўскім, Ф. Багушэвічам, А. Гурыновічам, Я. Купалам, Я Коласам, Цёткай, І. Луцкевічам і інш. паўплывалі на адраджэнне беларускай дзяржаўнасці.

Библиографические ссылки

1. Александровіч М. А. Святло ў цемры: З гісторыі свабодамыснасці і атэізму ў Беларусі. Мінск: Вышэйшая школа, 1960. 237 с.

2. Асветнікі зямлі Беларускай: Энцыкл. Даведнік / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск : БелЭн, 2001. 496 с.

3. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. Мінск : БелЭн, 1996–2004. Т. 13. 2001. 576 с.

4. Вішнеўская І. У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск: Тэсей, 2004. 271 с.

5. Восстание 1863 г. и русско-польская революционная связь 60-х гг. Сборник статей и материалов / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М.: АН СССР, 1960. 732 с.

6. Багушэвіч Ф. Выбраныя творы. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1952. 133 с.

7. Голубева Л. Л. Асноўныя этапы станаўлення і развіцця палітычнай і прававой думкі Беларусі // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і інш. Мінск: Бизнесофсет, 2012. С. 179–189.

8. Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия [Электронный ресурс] // Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. URL: file:///C:/Users/Ludmila/Downloads/26634-1.pdf. (дата обращения: 05.10.2021).

9. Падокшын С. А. Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры. Мінск : Бел. навука, 2003. 316 с.

10. Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005. 179 с.

11. Сокал С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычная і прававой думкі Беларусі. Магілеў: Абласная друкарня, 1999. 142 с.

12. Сокол С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук : 12.00.01. Киев, 1987. 32 с.

13. Чыгрынаў П. Г. Грамадская думка ў Беларусі: палітыка-гістарычны аспект. X – пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік. Мінск: Акадэмія МУС РБ, 1996. 228 с.

14. Шалькевіч В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі Навучальны дапаможнік. Мінск, 1999. 200 с.

15. Шалькевіч В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск: Маладзежнае навуковае суполніцтва, 2002. 248 с.

ЖЫЦЦЯДЗЕЙНАСЦЬ ПРАФЕСАРА ДРАБЯЗКІ СЦЯПАНА РЫГОРАВІЧА ЎКЛАД У РАЗВІЦЦЁ НАВУКОВАЙ ШКОЛЫ ТЭОРЫІ ПРАВА

Ю. І. Міхнавец

Аддзел унутраных спраў Салігорскага райвыканкама, вул. Казлова, 64, 223710, г. Салігорск, Беларусь, ymihnovec@mail.ru

У артыкуле разглядаюцца аспекты жыццядзейнасці, ўклад у развіццё навуковай школы тэорыі права, фарміраванне грамадзянскай пазіцыі, а таксама грамадскай дзейнасці С.Р. Драбязкі.

Ключавыя словы: уклад; развіццё; тэорыя права; класік беларускага права.

VITAL ACTIVITY OF PROFESSOR DROBIAZKO STEPAN GRIGORYEVICH CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF THE THEORY OF LAW

Y. I. Michnavets

Department of Internal Affairs Saligorsk District Executive Committee, 64 Kozlov Street, 223710, Saligorsk, Belarus, ymihnovec@mail.ru

The article discusses aspects of life, contribution to the development of the scientific school of the theory of law, the formation of a civic position, as well as social activities of S.G. Drobyazko.

Keywords: contribution; development; theory of law; classic of Belarusian law.

Драбязка Сцяпан Рыгоравіч – ураджэнец вескі Ўюнішча Сасніцкага раёна Чарнігаўскай вобласці Ўкраінскай ССР (гады жыцця 1922-2019 гг.).

Нарадзіўся Сцяпан Рыгоравіч 07 лютага 1922 года, выхоўваўся ў звычайнай сям'і, сярэднюю школу скончыў з адзнакай, і адразу ж пасля яе заканчэння ў 1940

годзе быў прызваны ў Чырвоную армію, служыў на мяжы з Румыніяй, сяло Карапчу ў 224-м горна-стралковым палку, салдатам.

Але ў пяхоце малады чалавек прабыў нядоўга, ў полк прыехалі з падмаскоўнага г. Серпухава агітаваць салдат на паступленне ў школу авіяцыйных механікаў. Так, за непрацяглы тэрмін Сцяпан Драбязка з пяхотніка стаў авіятарам [1].

На той час архітэктарам лёсаў многіх яго аднагодкаў была Вялікая Айчынная вайна і Сцяпан Рыгоравіч не стаў выключэннем, яе сустрэў быўшы салдатам. Абараняць маладому авіятару давялося стратэгічны аб'ект – Горкаўскі рэгіён (цяпер Ніжагародская вобласць Расійскай Федэрацыі). Задача, якая стаяла перад Сцяпанам Рыгоравічам, не дапусціць бамбёжкі прадпрыемстваў горада, ён самаадцана змагаўся і справіўся з пастаўленай задачай [2].

Па меры вызвалення гарадоў полк Сцяпана Рыгоравіча перакінулі на тэрыторыю Беларусі. Спачатку ён прымаў удзел у вызваленні Віцебска, потым Магілёва, і, нарэшце, нашай сталіцы – горада Мінска. Тут і сустрэў Драбязка С. Р. Вялікую Перамогу [3, с. 121]. За ратныя подзвігі і гераізм у Вялікай Айчыннай Вайне Сцяпан Рыгоравіч удастоены ордэна Айчыннай вайны, і узнагароджаны трынаццаццю медалямі.

Пасля дэмабілізацыі С. Р. Драбязка паступае на першы курс Мінскага юрыдычнага інстытута, з адзнакай заканчвае ў 1949 годзе.

З дадзенага перыяду ўсё сваё астатняе жыццё Сцяпан Рыгоравіч прысвяціў навуцы, развіццю навуковай школы тэорыі права.

Так, у 1953 годзе Драбязка С. Р. скончыў Ленінградскі дзяржаўны універсітэт у якім паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Закон саюзнай рэспублікі». А ўжо ў 1969 годзе ў гэтым жа навучальнай установе бліскуча абараняе доктарскую дысертацыю на тэму «Эфектыўнасць заканадаўства ў стварэнні матэрыяльна-тэхнічнай базы грамадства».

З 1950 года Сцяпан Рыгоравіч працаваў у Беларускім дзяржаўным універсітэце (далей - БДУ) у якасці выкладчыка, старшага выкладчыка, дацэнта, прафесара кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. А з 1972 па 1989 года быў загадчыкам дадзенай кафедры.

Пасля выхаду на заслужаны адпачынак Драбязка С. Р. працягнуў працу на кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ на пасадзе прафесара [4], доўгі час з'яўляўся членам савета па абароне дысертацый, таго самага савета, які і даў яму пуцёўку ў жыццё.

С. Р. Драбязка карыстаўся велізарным аўтарытэтам як сярод калег, так і сярод студэнтаў, таксама заўсёды быў патрабавальны да сябе, калег і да працы.

У перыяд выкладання ён чытаў курсы лекцый «Гісторыя прававых і палітычных вучэнняў», «Сучасныя праблемы», «Гісторыя і метадалогія юрыдычнай навукі». Асаблівую ўвагу надаваў пытанням сутнасці дзяржавы і права, прыроды сацыяльнай прававой дзяржавы, прынцыпам яго фарміравання і функцыянавання; суадносінам права і заканадаўства, спосабам удасканалення заканадаўства [5].

Дакранаючыся прамоўніцкай творчасці Сцяпана Рыгоравіча, варта адзначыць яго сапраўды энцыклапедычныя веды, якія былі яго магутным зброяй.

Яго лекцыі адрозніваліся багаццем мовы і глыбінёй думкі, умелым выкарыстаннем параўнанняў, у яго прамовах ніколі не сустрэнеш напышлівых фраз, а стыль іх просты, даходлівы.

Сцяпан Рыгоравіч выяўляў стрыманасць, карэктнасць і добразычлівасць у любых спрэчках, што выклікала ў яго апанентаў глыбокую павагу. Варта адзначыць, выслухоўваючы крытычныя заўвагі ў свой адрас, ён заўсёды – спрачаўся ці ён са студэнтамі або з масцітымі аўтарамі – заставаўся верны сваім прынцыповым перакананням, аргументавана абвяргаў довады сваіх суразмоўцаў. Менавіта гэтыя перакананні і дазволілі яму знайсці правільны падыход да фарміравання яго погляду на прадмет тэорыі права, да вызначэння яго новых сутнасных характарыстык.

Акрамя навуковай працы Сцяпан Рыгоравіч праявіў сябе як таленавіты арганізатар навучальнага і навуковага працэсу, выконваў абавязкі дэкана юрыдычнага факультэта, працаваў на пасадзе намесніка дэкана. Аднак сапраўдныя таленты С. Р. Драбязка як вучонага і арганізатара выявіліся на пасадзе загадчыка кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, якую ён нязменна займаў з 1972 г. па 1989 г., аддаючы ўсе свае веды і вопыт выхаванню высакакласных спецыялістаў і годных грамадзян сваёй краіны.

Сцяпан Рыгоравіч на пасадзе загадчыка кафедры прымаў удзел амаль ва ўсіх навуковых дыскусіях аб сутнасці і сістэме права, даследаваў заканамернасці права, выступаў з лекцыямі ў Германскай Дэмакратычнай Рэспубліцы і Балгарскай Народнай Рэспубліцы, выступаў на кангрэсе ЮНЕСКА ў Вене і г.д. [6].

Доказам таго, што Сцяпан Рыгоравіч з'яўляўся чалавекам велізарнай эрудыцыі, глыбокім знаўцам тэорыі і гісторыі дзяржавы і права служаць яго шматлікія працы.

С. Р. Драбязка ўнёс вялікі ўклад у распрацоўку Канстытуцыі БССР 1978 года, а гэтак жа Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 года, шэрагу законаў, Канцэпцыі ўдасканалення заканадаўства.

Сцяпана Рыгоравіча Драбязка можна па праве назваць унікальным чалавекам, жывым класікам беларускага права. Ен, як і яго пакаленне, абараняў сваю Радзіму, але не пакідаў імкнення да вучобы, ен будаваў сваю краіну. Менавіта ён заклаў асновы беларускай тэарэтычнай юрыдычнай навукі, а яго дасягненні, аказалі вялікі ўплыў на развіццё нацыянальнай прававой сістэмы, атрымалі прызнанне як у Беларусі, далека за яе межамі [7, С.120].

Дзякуючы вучэбнаму дапаможніку Сцяпана Рыгоравіча Драбязкі вучні вышэйшых навучальных устаноў могуць паўнавартасна і шырока вывучаць такую дысцыпліну, як «агульная тэорыя права». Кніга стала сапраўды настольнай для будучых юрыстаў [3].

Складана пераацаніць уклад прафесара ў развіццё беларускай навукі: ен з'яўляецца аўтарам больш за дзвесце навуковых і навукова-папулярных работ, у тым ліку сямі манаграфій і мноства навучальных дапаможнікаў, па якіх навучалася, навучаецца і яшчэ будзе навучацца не адно пакаленне беларускіх юрыстаў.

Усе навуковыя працы С. Р. Драбязкі вылучаюцца грунтоўнасцю, навуковай добрасумленнасцю і яснасцю мовы, ён пазбягае вычварнасці стылю, не з'яўляецца прыхільнікам навамоднай тэрміналогіі, яго гаворка вылучаецца лагічнасцю і лаканізмам. Законы і пастулаты логікі не з'яўляюцца для Сцяпана Рыгоравіча мёртвымі схемамі з падручнікаў, а манерай мыслення. Уласна логіка яго мыслення, энцыклапедычнасць ведаў, глыбокі і грунтоўны аналіз далі яму вывесці айчынную тэорыю дзяржавы і права на новы якасны ўзровень [8].

Уклад у навуку С. Р. Драбязка не абмяжоўваецца выключна асабістымі навуковымі даследаваннямі. Прафесар заснаваў і з'яўляўся кіраўніком навуковай школы агульнай тэорыі права, самастойна падрыхтаваўшы аднаго доктара і шэсць кандыдатаў юрыдычных навук.

Працы вучонага не аднойчы адзначалася дзяржавай, Беларускім дзяржаўным універсітэтам і юрыдычнай супольнасцю. Сцяпан Рыгоравіч удастоены ордэна Айчыннай вайны, узнагароджаны шматлікімі медалямі, Нагрудным знакам «За адзнаку» II ступені Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь.

За вялікі асабісты ўклад у распрацоўку заканадаўчых актаў, падрыхтоўку высокакваліфікаваных юрыдычных кадраў прафесару кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Дробязка Сцяпану Рыгоравічу прысвоена ганаровае званне «Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь» [9].

Гэтак жа Сцяпану Рыгоравічу прысвоены званні Ганаровага работніка юстыцыі Беларусі, заслужанага работніка БДУ. Таксама навуковец быў адзначаны Саюзам юрыстаў Рэспублікі Беларусь за шматгранную дзейнасць і быў удастоены вышэйшай юрыдычнай прэміі «Феміда» [10].

Аддаючы належнае ўкладу вучонага ў развіццё беларускай тэорыі права, яго шматлікім працам па самым разнастайным, але заўсёды актуальных праблемах навукі, яго навуковай школе, мы можам з поўнай падставай казаць пра эпоху Сцяпана Рыгоравіча Драбязка ў асноватворнай юрыдычнай навуцы – у айчыннай агульнай тэорыі права.

Библиографические ссылки

1. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. URL: https://www.sb.by/articles/tri-urovnya-lyubvi.html (дата обращения: 03.09.2022).

2. Драбязка Сцяпан Рыгоравіч // Беларуская Юрыдычная энцыклапедыя: У 4 т. Т. 1 ; рэдкал. С. А. Балашэнка і інш. Мн. : ДІКСТ БДУ, 2007. С. 405–406.

3. Зборнік тэзісаў дакладаў па матэрыялах Рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў (Мінск, 3–4 лістапада 2016 г.) / Беларус. дзярж. эканам. ун-т ; пад рэд. І. У. Вішнеўскай, І. П. Манкевіч. Мінск : БДЭУ, 2016. 286 с.

4. Драбязку Сцяпану Рыгоравічу – 85 гадоў // Веснік Канстытуцыйнага суда Рэспублікі Беларусь. 2007. № 3. С. 115–116.

5. Упраўленне выхаваўчай працы з моладдзю Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта [Электронны рэсурс]. URL: http://uvrm.bsu.by/component/k2/item/141-stepan-grigorevich-drobyazko-95 let.html (дата звароту: 03.09.2022).

6. Юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта [Электронны рэсурс]. URL: https://law.bsu.by/novosti/novosti-kafedry-teorii-i-istorii-gosudarstva-i-prava/6713-2013-04-08%2010-54-27.html (дата звароту: 03.09.2022).

7. Расійская акадэмія навук, Інстытут дзяржавы і права РАН [Электронны рэсурс]. URL: https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33762012&selid=18106922 (дата звароту: 03.09.2022).

8. Драбязка Сцяпану Рыгоравічу — 90 гадоў // Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь. 2012. № 3. С. 113.

9. Аб прысваенні С.Г. Драбязка ганаровага звання «Заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь» : Указ Прэзідэнта Рэсп. Беларусь, 9 снежня 1996 г., № 560 // ІПС «Эталон 6.1». URL: http://www.ncpi.gov.by (дата звароту: 03.09.2022).

10. «Феміда» ў ўзнагароду // Рэспубліка. 2007. № 235 (14 снежня). С. 3.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПА СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА НАД СВОИМ ВОЗДУШНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

И. В. Гринев

Белорусский государственный университет, ул. Ленингрдская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, givru922@mail.ru

С возникновением воздушных полетов ученые размышляли об их безопасности, и постепенно формировались принципы международного воздушного права – уважения суверенитета государства над его воздушным пространством, обеспечения безопасности международных воздушных сообщений и др., которые закреплялись в нормативных актах.

Ключевые слова: международное воздушное право; принципы; суверенитет государства над своим воздушным пространством.

THE HISTORICAL ASPECT OF THE FORMATION OF THE PRINCIPLE OF STATE SOVEREIGNTY OVER ITS AIRSPACE

I. V. Grinev

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, givru922@mail.ru

With the advent of air flights, scientists thought about their safety. The principles of international air law were gradually formed: respect for the sovereignty of a state over its airspace, ensuring the safety of international air communications, etc. The principles were enshrined in regulations.

Keywords: international air law; principles; state sovereignty over its airspace.

Правовой режим воздушного пространства и правовое регулирование отношений, возникающих в связи с использованием авиации при международных полетах, основываются как на принципах и нормах международного (публичного) права, так и на нормах национального (внутригосударственного) права, что создает значительные трудности при исследовании понятия и предмета международного воздушного права.

Поскольку государства представляют собой суверенные образования, над которыми не существует высшей законодательной или исполнительной власти, то нормы международного права создаются путем соглашения в форме договора или обычая между государствами. Как считают юристы-специалисты по международному частному праву (И. С. Перетерский, М. М. Богуславский, О. Н. Садиков и др.), совокупность коллизионных норм, а также норм национального законодательства, регулирующих гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом, имеет название международного частного права.

При этом, если международное частное право является составной частью национального, внутригосударственного права, то, следовательно, международное воздушное право состоит из двух частей – международного публичного воздушного права и международного частного права, т. е. представляет собой комплексную отрасль права. А поскольку международное воздушное право – составная часть международного права, то на область международно-правового регулирования воздушных сообщений между государствами распространяют свое действие все общепризнанные принципы современного международного права. Все эти принципы занимают исходное место в системе международно-правовых норм, определяющих режим воздушного пространства и регулирующих взаимоотношения государств по осуществлению международных воздушных сообщений и обеспечению их безопасности.

Как подчеркивает большинство ученых (А. Г. Ляхов, Ю. Н. Малеев, М. Н. Марченко и др.), к становлению основных принципов международного воздушного права привела международно-правовая практика в области воздушных сообщений между государствами. В первую очередь, к таким принципам относятся – принцип уважения суверенитета государства над его воздушным пространством, принцип обеспечения безопасности международных воздушных сообщений, принцип свободы полетов в международном воздушном пространстве [1, с.36].

Принцип полного и исключительного суверенитета государства над воздушным пространством над его территорией занимает центральное место в международном воздушном праве, исходя из его глубокого содержания и широкого значения. Этот принцип определяет содержание многих других принципов и норм международного воздушного права [1, с.36]. При этом данный принцип не являлся некоей вечной и постоянной категорией. Длительное время многие ученые дискуссируют по данной проблеме.

Родоначальники теории суверенитета воздушного пространства (Р. Грюнвальд и др.) обосновывали свою теорию, опираясь на принципы,

заимствованные в гражданском праве, в частности на принципы «cujus est solum, ejus est summitas usque ad coelum» (кому принадлежит земля, тому принадлежит и столб воздуха вплоть до небес) [2, с.35-38]. На этой основе ими был сделан вывод, что каждое государство обладает суверенитетом в воздушном пространстве над его сухопутной и водной территорией до высоты, которую оно само определяет. Вышедшая по этой проблеме в 1910 г. первая в мировой литературе работа Лайкламы Найхольт (Lycklama a Nyholt. Air Sovereignity. Leiden), посвященная обоснованию суверенитета государств над воздушным пространством, вызвала новые научные дискуссии.

Существенный вклад в обоснование принципа государственного суверенитета в воздушном пространстве внесло создание в 1909 году Международного юридического комитета авиации (МЮКА) и проведение им трех международных юридических конгрессов (в 1911 году в Париже, в 1912 году в Женеве и в 1913 году во Франкфурте-на-Майне). Результатом этого стало разработка Международного воздушного кодекса, который внес значительное упорядочение в вопросы воздушных сообщений.

Следует подчеркнуть, что в число первых нормативных актов и заявлений в данной сфере входит Приказ парижской полиции 1784 года о запрете полетов воздушных шаров без специального на то разрешения; распоряжение о порядке полетов иностранных воздушных аппаратов, изданное во Франции в 1909 году; распоряжение о запрещении полетов иностранных воздушных судов над запретными зонами, вышедшее в 1910 году в Пруссии, затем в 1911 году в Баварии; Акт о воздушной навигации 1911 года с дополнениями, внесенными в 1913 году, а также правила о воздушных передвижениях, о воздушной обороне, о режиме полетов иностранных воздушных судов 1913 года, принятые в Англии; распоряжение о мерах по обеспечению государственной безопасности в связи с полетами воздушных судов, изданное в 1912 году в Австрии; соответствующие положения воздушных кодексов ряда штатов США, принятые в 1911, 1912 и 1913 годах; Закон о праве установления запретных воздушных зон и постановление о запрете иностранным воздушным судам осуществлять полеты через западную границу, принятые Россией в 1912 году, и распоряжение о запрещении всех видов полетов через западную границу 1914 года; Декларация о нейтралитете, принятая Швейцарией 4 августа 1914 года, в которой воздушное пространство Швейцарии объявлялось нейтральным и запрещались полеты в нем всех иностранных воздушных судов». К этому следует добавить протест Голландии, направленный 8 января 1915 года Германии, в котором говорилось, что «полет над территорией государства без его согласия несовместим с уважением его суверенитета»; последующие протесты подобного рода со стороны Норвегии, Швеции и других стран» [1, с.28-29].

По окончании первой мировой войны была созвана Парижская конференция 1919 года, на которой были рассмотрены вопросы, касающиеся правового режима национального воздушного пространства и правил полетов воздушных судов над иностранной территорией. На конференции была принята Международная конвенция о воздушных передвижениях – первый международно-правовой документ, установивший основы международного воздушного права. Его

исходным началом был признан принцип суверенитета государства над своим воздушным пространством (ст.1 Конвенции). Наряду с этим в ст.2 признавалось право «мирного пролета» иностранных воздушных судов над территорией других стран.

Кроме того, на основании ст.34 Парижской конвенции была создана Международная комиссия по воздушному передвижению, которая была уполномочена решать вопросы применения Конвенции, изменения и дополнения ее приложений.

Следует подчеркнуть, что признанию принципа государственного суверенитета над своим воздушным пространством способствовали соображения оборонного характера, поскольку быстрое техническое совершенствование авиации превращало ее в грозное оружие. Кроме того, бесконтрольные полеты иностранных воздушных судов над территорией государств, а также неконтролируемое осуществление ими на этой территории коммерческой деятельности (воздушные перевозки пассажиров, багажа, почты и грузов) могли привести к созданию благоприятных условий для экономической экспансии. В связи с этим отстаивание государствами принципа государственного суверенитета позволило им сохранять свою экономическую независимость, так как он позволял осуществлять контроль над деятельностью иностранных авиакомпаний, служащих интересам крупного промышленно-финансового капитала.

Все это приобрело особую актуальность в период начала Второй мировой войны и после ее окончания. Однако споры о государственном суверенитете над воздушным пространством после Второй мировой войны снова обострились. Некоторые ученые (например, Я. Шенкман) считают, что государственный суверенитет над воздушным пространством стал тормозом для технического прогресса, т. к., если с точки зрения техники мы с состоянии летать повсюду, то политически мы этого не можем, что приводит к абсурдному положению, когда быстрые полеты не ускоряют путешествия. Особое развитие подобные взгляды получили в связи с появлением сверхзвуковых транспортных самолетов.

Ряд зарубежных авторов отмечает, что с вводом в строй таких самолетов «территориальный суверенитет становится все в меньшей и меньшей степени логической основой распределения воздушного пространства между государствами, ибо сама основа принципа суверенитета над воздушным пространством испытывает глубокое влияние со стороны новых технических возможностей» [3, с. 42].

Одна из наиболее распространенных в западной правовой доктрине – теория, согласно которой воздушное пространство не входит в состав государственной территории, представителем которой является С.М. Бересфорд [4], основывается на ст.2 Чикагской конвенции 1944 года. Согласно этой статье территорией государства считается сухопутная территория и примыкающие к ней территориальные воды, находящиеся под суверенитетом, сюзеренитетом, протекторатом или мандатом данного государства [5]. Из этого следует, что воздушное пространство, расположенное над государством, не является частью

его территории и, следовательно, не подпадает под его суверенитет, за исключением случаев, предусмотренных особыми соглашениями.

Хотя Чикагская конвенция прямо не утверждает, что воздушное пространство входит в понятие государственная территория, однако, ее ст.1 гласит: «Договаривающиеся Государства признают, что каждое государство имеет полный и исключительный суверенитет над воздушным пространством, расположенным над его территорией» [5]. Наличие или отсутствие подобной статьи не может повлиять на правовую природу юрисдикции государства на свое воздушное пространство, ибо «суверенитет государства на воздушное пространство над ним, не может быть производным от какого-либо международного соглашения или конвенции [3, с.41]. Государственный суверенитет над воздушным пространством существует независимо от участия государства в Чикагской конвенции 1944 года или ином международном договоре. По всеобщему признанию, государство обладает суверенитетом в силу факта своего существования.

Современное понятие государственного суверенитета над своим воздушным пространством представляет собой совокупность прав, условно разделяемых на три группы: 1) права, относящиеся к регулированию воздушных передвижений в пределах территории государства; 2) права, относящиеся к регулированию коммерческой деятельности; 3) права, относящиеся к осуществлению административной, гражданской, уголовной и иной юрисдикции государства по отношению к воздушным судам, их экипажам и находящимся на этих судах пассажирам, грузам и почте.

Установленный международным правом принцип государственного суверенитета над своим воздушным пространством, относящийся к основным принципам международного воздушного права, неразрывно связан с принципом свободы полетов в международном воздушном пространстве [6, с.19-33]. В соответствии с этим принципом объявляется свободным для полетов всех воздушных судов воздушное пространство, не находящееся над суверенной территорией и территориальным морем, а также воздушное пространство над международными проливами. При этом свобода полетов означает признание государствами не только прав, но и определенных обязанностей, поэтому они должны воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы неблагоприятно отразиться на использовании права свободы полетов над открытым морем другими государствами.

Библиографические ссылки

1. Малеев Ю. Н. Международное воздушное право: вопросы теории и практики. М. : Международные отношения, 1986. 240 с.

2. Перетерский И. С. Воздушное право. М.: Вестник воздушного флота, 1923. 76 с.

3. Международное воздушное право / В. Д. Бордунов, А. Н. Верещагин, В. С. Грязнов и др. / отв. ред. А. П. Мовчан. М. : Наука. Кн. 1, 1980. 365 с.

4. Beresford S. M. Surveillence Aircraft and Sattelites – Problem of International Law // Journal of Air Law and Commerce. 1960. V. 27. № 2.

5. Конвенция о международной гражданской авиации. Doc. 7300 // подписана в Чикаго 7 декабря 1944 г. ИКАО, Монреаль, 1999. 49 с.

6. Бараболя П. Д. Проблема международных проливов // Советское государство и международное морское право. 1977. С. 19–33.

ПЕРАДУМОВЫ АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ ЖЫГІМОНТА АЎГУСТА 1557 ГОДА

Е. В. Кожар

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8,
220030, г. Мінск, Беларусь, lobuzova@mail.ru

У артыкуле аналізуецца знешнее і ўнутраннае становішча ВКЛ ў першай пал. XVI ст., выяўляюцца прычыны, якія выклікалі неабходнасць правядзення аграрнай рэформы ў ВКЛ. Даецца аналіз першых нарматыўных актаў, якімі рэфармавалася землекарыстанне ў дзяржаўных маёнтках ВКЛ.

Ключавыя словы: аграрная палітыка; сяляне; Устаў 1514 г.; Устаў 1529 г.

PREREQUISITES FOR THE AGRARIAN REFORM OF SIGISMUND AUGUST 1557

E.V. Kozhar

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, lobuzova@mail.ru

The article analyzes the external and internal situation of the Grand Duchy of Lithuania in the first part of the XVI century, the reasons that caused the need for agrarian reform in the Grand Duchy of Lithuania. The analysis of the first normative acts, which reformed land use of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: agrarian policy; peasants; ordinance of 1514; ordinance of 1529.

У пачатку XVI ст. на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага панавала падсечна-пераложная сістэма сельскай гаспадаркі. Прымітыўная тэхніка сельскай гаспадаркі і няразвітасць рыначных адносін не дазвалялі павялічваць памеры засевак. У сярэднім адзін двор засяваў 50–60 бочак збожжа. Пры гэтым адной бочкай можно было засеяць прыкладна 2/3 га. Двары, якія засявалі па 100–200 бочак, былі выключэннямі і звычайна належалі багацейшым магнацкім радам. Сенажаці ў сярэднім складалі прыкладна 100 вазоў сена. Агароды таксама займалі вельмі невялікія плошчы [4, с. 193].

З канца XV ст. значна паскорылася развіццё рыначных зносін як у Еўропе, так і ў Вялікім княстве Літоўскім. Заходняя Еўропа знаходзілася ў стане бурнага развіцця гарадоў, мануфактур, прамысловасці, рамёсел. Геаграфічныя адкрыцці дазволілі пашырыць геаграфію экспарту тавараў. Насельніцтва гарадоў хутка павялічвалася. Знешнепалітычная сітуацыя з заходнімі суседямі (перамога над

Тэўтонскім отдэнам, даговоры аб свабодным гандле 1424 года, Тарунскі дагавор 1466 года) спрыяла ўстанаўленню трывалых эканамічных сувязяў заходніх краін з Вялікім княствам Літоўскім. У XVI ст. з Вялікага княства Літоўскага ў Англію, Іспанію і Партугалію вывозілі футр, мёд, воск, скуры жывёл, лес, хлеб і іншыя тавары [5, с. 131–137].

Пры гэтым у Еўропе значна вырас попыт на збожжа і хлеб. Кошт збожжа з канца XV ст. да сярэдзіны XVI ст. вырас у Гданьску ў 5 разоў, а на тэррыторыі Вялікага княства Літоўскага ў 2 разы [5, с. 150]. Зразумела рост цэн стымуляваў феадалаў вывозіць збожжа для павялічэння ўласных даходаў. А гэта патрабавала павелічэння панскай запашкі, што было немагчыма без прыцягнення сялян да працы на панскім двары.

Аграрная палітыка ўрада ў гэты час у адносінах да сялян была не паслядоўна. З аднаго боку, вялікі князь жадаў павышэння даходнасці ад сваіх валасцей і двароў, з іншага боку, даруючы землі і сялян феадалам, ён губляў даходы ад гэтых зямель.

У гэты час было вельмі распаўсюджана падараванне князем зямель з сялянамі феадалам за ваенную ці іншую службу, а таксама дарэнне зямель царкве. Акрамя таго, Жыгімонт I быў вымушан аддаваць свае двары і воласці ў дзяржанне ці пажыццёвае валоданне ваяводам, старастам і іншым службовым асобам, каб атрымаць грошы для папаўнення казны. Атрымаўшы ў валоданне гаспадарскі двор, дзяржаўцы, з-за адсутнасці рэгламентацыі правоў і абавязкаў, як іх саміх, так і сялян, злоўжывалі сваімі паўнамоцтвамі, павялічвалі паборы і эксплуатацыю сялян, што вяло да шматлікіх скарг насельніцтва вялікаму князю на парушэнне старыны.

Вялікакняжацкі ўрад разумеў, што вырашэнне сялянскіх скарг не зменіць сітуацыю карэнным чынам, бо часта кіраўнікі дзяржаўных маёнткаў ігнаравалі лісты вялікага князя з патрабаваннямі прытрымлівацца старыны і не ўводзіць новых павіннасцей і пабораў, што вымушала яго выдаваць новы прывілей. Таму, відавочна, наспела неабходнасць заканадаўчага рэгулявання ў кіраванні вялікакняжацкімі дварамі і валасцямі.

Знешнепалітычная сітуацыя, якая склалася вакол Вялікага княства Літоўскага ў гэты час, таксама значна ўплывала на аграрную палітыку дзяржавы. У пач. XVI ст. Вялікае княства Літоўскае зняходзілася ў вельмі цяжкім становішчы. Шматлікія войны з суседнімі дзяржавамі і выплата ардыншчыны крымскаму хану спусташалі дзяржаўную казну. У 1513 годзе Вялікае княства Літоўскае і Польшча падпісалі пагадненне з перакопскім ханам аб выплаце 6000 коп грошаў ардыншчыны. Але не гледзячы на выплату дані хану, якая спынілася толькі ў канцы XVI ст., татарскія набегі на мяжуючыя землі працягваліся [1, с. 5]. Для абароны межаў Жыгімонт I Стары трымаў армію наймітаў з 5 000 чалавек, якія за год абыходзіліся яму ў 1,5-3 млн. руб. (1 р. – 100 грошаў срэбрам) [2, с. 77]. Усё гэта вяло да спусташэння казны, таму вялікі князь быў вымушаны шукаць спосабы павелічэння даходаў для яе папаўнення.

Цяжкае фінансавае становішча Жыгімонт I спрабаваў выправіць зборам сярэбшчыны, якую ўсхваліў Віленскі сойм 1522 года. Але гэтая мера не дапамагла вялікакняжацкаму скарбу, таму ў 1529 годзе быў уведзены новы

экстраардынарны падатак, які павінен быў ісці на выплаты служылым людзям і выкуп велікакняжацкіх валасцей і двароў з заклада. Жыгімонт I разлічваў, што вяртанне закладзенных двароў і павелічэнне іх прадукцыйнасці будзе адзіным рацыянальным сродкам для папаўнення скарбу.

Разлічваць на павелічэнне даходнасці без рэфармавання землекарыстання не было падставы, бо сама арганізацыя сельскай гаспадаркі на велікакняжацкіх землях была бессістэмнай і фактычна зводзілася да выканання пэўных работ і збору падаткаў з сялян. Пры гэтым нормы падаткаабкладання не былі вызначаны, а рэгуляваліся толькі старыной. Акрамя таго, дзяржаўцы велікакняжацкіх двароў не перадавалі даходы ў казну, а накіроўвалі іх да свайго набытка.

Першай спробай увесці пэўныя правілы і нормы ў кіраванні дзяржаўнай гаспадаркай была Ўстава 1514 года. Гэтая ўстава была выдадзена ўсім дварам Віленскага і Троцкага паветаў, яна рэгламентавала пэўныя правілы кіравання дзяржаўнымі маёнткамі і была накіравана на абмежаванне самавольства дзяржаўцаў і старост.

У першую чаргу, Устава 1514 года замацоўвала патрабаванне падымаць вялікага князя стацыямі пры наведванні ім пэўнага двара. Калі ж князь не прыязджаў да двара, стацыя павінна была перадавацца ў Вільню, а ў выпадку ваенных дзеянняў ураднік павінен быў везці яе да таго месца, дзе знаходзіцца вялікі князь [3, с. XIX].

Далей устава замацоўвала за пэўнымі групамі сялян іх павіннасці і вызначала ўмовы для пераводу іх на іншыя формы феадальнай рэнты. Але ўстава не пералічвала ўсе катэгорыі сялян, а згадвала толькі цяглых, салянікаў, кавалёў і баброўнікаў. Аб іншых катэгорыях сялян устава ўвогуле не ўспамінала.

Адным з новаўвядзенняў было тое, што для арганізацыі вялікакняжацкай гаспадаркі князь даваў даручэнне зрабіць княжацкую запашку і захаваць на цяглай службе неабходную для яе апрацоўкі колькасць сялян. Усіх астатніх сялян згодна з уставай неабходна было “на пенязѣх осадити”. Сяляне, пераведзенныя на асаду, павінны былі выплочваць па 1 капе грошаў у год з чалавека. Акрамя таго, гэтыя сяляне павінны былі даваць дзякла гараднічаму, хадзіць на талаку і плаціць у казну “иншіи всякіи доходы” [3, с. XIX].

Усе прыбыткі пасля выплаты дзесяціны царкве і выдзялення месячыны для чэлядзі нявольнай падзяляліся на тры часткі. Дзве з іх ішлі вялікаму князю, а трэць ішла ў даход дзяржаўцы. Таксама князь атрымліваў усё, што не запісана ў уставе, але давалася яму па старадаўнему звычаю. Для кантролю за дзейнасцю дзяржаўцаў вялікі князь усталёўваў, што да двара будзе прыязджаць пісар для перапісу ўсяго, што належыць князю, а дзяржаўца павінен усё справядліва паведаць пісару.

Расплывістасць фармулёвак і адсутнасць канкрэтызацыі ў вызначэнні відаў і памераў падаткаў у тэксце ўставы прыводзіла да магчымасці дзяржаўцам ігнараваць патрабаванні ўставы і уводзіць насуперак ёй новыя паборы. Гэта ўсё таксама вяло да таго, што сяляне звярталіся са скаргамі да вялікага князя. Значная колькасць зваротаў ад сялян падштурхоўвала ўрад да наебходнасці далейшага, больш дасканалага рэфармавання кіравання дзяржаўнымі дварамі і валасцямі.

Новы крок да больш дыталёвай рэгламентацыі кіравання сельскай гаспадаркай быў зроблены прыняццем Устаўной граматы дзяржаўцам і ўраднікам каралеўскіх валасцей, прыпісаных да Віленскага і Троцкага замкаў. Гэта ўстава складалася з 37 артыкулаў, што ў два разы больш, чым Устава 1514 года. Па зместу Ўстава 1529 года была падобна да папярэдняй, але ў ёй адразу бачна больш дэталевая распрацоўка закранутых пытанняў.

Устава 1529 года больш глыбока закранала пытанні падаткаабкладання, вызначаючы памеры і парадак збору стацый, дзякла, мезліва, мядовай, кунічнай, бабровай дані, а таксама розных мыт і іншых пошлін. Усе падаткі, якія была магчымасць не збіраць у натуры, пераводзіліся на грошы. Усе даходы павінны былі збіраць дзяржаўцы, дзейнасць якіх кантраляваў пісар, і перадаваць іх да гаспадарскага скарбу.

Устава 1529 года таксама больш дэталёва рэгулюе абавязкі сялян, не толькі цяглых і асадных, але і баяр путных, асочнікаў і ўсіх падданых, якія выконваюць пэўныя службы.

Негледзячы на тое, што Ўстава 1529 года рабіла значны крок наперад у рэгуляванні сельскай гаспадаркай, яна не адпавядала ўзроўню рыначных адносін у дзяржаве, а новыя нормы, замацаваныя ў ёй, пярэчылі старыне, выклікалі незадавальненне ў сялян. Такім чынам, мэты павышэння даходнасці велікакняжацкіх двароў і валасцей прыняццем гэтых актаў не былі дасягнуты.

Усё гэта выклікала неабходнасць кардынальных змен аграрнага ладу Вялікага княства Літоўскага і стварэння адзінай сістэмы павіннасных адносін і падаткаабкладання сялян, што прывяло да правядзення аграрнай рэформы 1557 года.

Такім чынам, перадумовы і прычыны, якія прывялі да рэфармавання сельскай гаспадаркі ў сяр. XVI ст. падзяляліся на знешнія і ўнутранныя. Да знешніх адносіліся шматлікія войны з суседнімі дзяржавамі, выплата дані крымскаму хану, развіццё гандлю з Еўропай, павышэнне кошту сельскагаспадарчай прадукцыі на еўрапейскіх рынках. Да унутранных прычын можна аднесці развіццё таварна-грашовых адносін у самой дзяржаве, недахоп грошаў у дзяржаўнай казне, павелічэнне расходаў дзяржавы на абарону межаў, нізкі ўзровень даходнасці дзяржаўных валасцей і двароў, адсутнасць адзінства ў выкананні павіннасцей і падаткаабкладанні насельніцтва.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. З гісторыі эканамічных рэформаў на Беларусі: Вуч.-метад. Зб. Вып. 2 / Г. П. Бушчык, У. А. Сосна, А. М. Сасім і інш. ; пад агульн. рэд. В. І. Галубовіча. Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1997. 104 с.

2. История Литовской ССР: (С древнейших времен до наших дней) / А. Таутавичюс, Ю. Юргинис, М. Ючас и др. Вильнюс : Мокслас, 1978. 676 с.

3. Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута: исторические очерки. М : Университетская типография, 1892. 884 с.

4. Похилевич Д. Л. Движение феодальной земельной ренты в великом княжестве Литовском в 15 – 16 вв. Исторические записки, 1951. Т. 31. С. 191–223.

5. Kutrzeba St. Gdańsk : przeszłość i teraźniejszość : pod red. Stanisława Kutrzeby. Lwów, 1928. XIII, 490 c.

САВЕЦКІ ВОПЫТ ПРЫЦЯГНЕННЯ ГРАМАДСКАСЦІ ДА ЗДЗЯЙСНЕННЯ КРЫМІНАЛЬНАГА АБВІНАВАЧВАННЯ (1917 – 1991 гг.)

Г. А. Корабава

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Беларусь, theory-law@bsu.by

У артыкуле аўтарам праводзіцца комплексны гістарычны аналіз савецкага вопыту прыцягнення прадстаўнікоў грамадскасці да ўдзелу ў крымінальным працэсе для выканання функцыі абвінавачвання. Вылучаюцца гістарычныя ўмовы ўзнікнення інстытута грамадскага абвінавачвання і зменаў, якія адбываліся на працягу ўсяго яго існавання. Аўтарам вызначаюцца асаблівасці працэсуальнага становішча грамадскіх абвінаваўцаў у розныя перыяды існавання інстытута грамадскага абвінавачвання. У артыкуле таксама аналізуюцца прычыны знікнення інстытута грамадскага абвінавачвання.

Ключавыя словы: савецкі крымінальны працэс; удзельнікі крымінальнага працэсу; судовы разбор; абвінавачванне; грамадскае абвінавачванне.

THE SOVIET EXPERIENCE OF INVOLVING COMMUNITY IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL CHARGES (1917 – 1991)

G. A. Korabava

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, theory-law@bsu.by

In the article, the author conducts a comprehensive historical analysis of the Soviet experience of attracting members of the community to participate in criminal proceedings to perform the function of the prosecution. The historical conditions of the emergence of the institution of public prosecution and the changes that occurred throughout its existence are highlighted. The author defines the features of the procedural position of public prosecutors in various periods of the existence of the institute of community prosecution. The article also analyzes reasons for the disappearance of the Institute of community prosecution.

Keywords: soviet criminal procedure; criminal proceedings participants; court proceedings; prosecution; community prosecution.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі пачалося паступовае ўмацаванне савецкай улады і новай савецкай ідэалогіі, паводле якой найважнейшым накірункам дзяржаўнага, у тым ліку і судовага, будаўніцтва стала ідэя ўдзелу працоўных у кіраўніцтве дзяржавай. Скасаванне ўсіх органаў царскай юстыцыі, у тым ліку і

пракуратуры, актывізацыя крымінальнай дзейнасці зрынутых класаў выклікалі неабходнасць належнай арганізацыі крымінальнага абвінавачвання ў судзе для садзейнічання вынясенню законнага прысуду.

Паводле ідэй, прапанаваных У. І. Леніным, меркавалася, што ганенне злачыннасці павінна было тычыцца ўсяго грамадства [2, с. 405], што і вызначыла асноўныя накірункі арганізацыі крымінальнага судаводства. Было вырашана цалкам ускласці функцыю падтрымання абвінавачвання ў судзе па крымінальных справах на працоўных. Такім шляхам новая савецкая ўлада планавала вырашыць адразу два пытанні: здзейсніць палажэнні аб далучэнні працоўных да кіравання дзяржавай і не стварыць інстытута пракуратуры, які падчас сваёй дзейнасці скампраметаваў сябе перад працоўнымі, і сама назва якога не выклікала даверу насельніцтва.

Судовай практыкай агульнаграмадскае абвінавачванне было выпрацавана яшчэ да яго нарматыўнага замацавання. Усе справы ў судах вырашаліся пры актыўным удзеле публікі, прадстаўнікі якой пасля прачытання пратакола следчай камісіі маглі задаваць свае пытанні па сутнасці справы і выступаць як абвінаваўцы ці абаронцы падсудных [13, с. 65].

Дэкрэт Савета Народных Камісараў № 1 “Аб судзе” ад 24 лістапада 1917 года аб’явіў скасаванне царскай пракуратуры і вызначыў, што да здзяйснення функцыі крымінальнага абвінавачвання, пачынаючы са стадыі папярэдняга следства, маглі прыцягвацца ўсе беззаганныя грамадзяне мужчынскага і жаночага полу, якія валодалі грамадзянскімі правамі [8].

Пры Рэвалюцыйным Трыбунале як для абвінавачвання, так і для абароны былі створаны калегіі праваабаронцаў, якія складаліся з грамадзян, што былі добраахвотна запісаны ў такія калегіі па рэкамендацыі Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў (далей – Саветы дэпутатаў). Са складу калегіі праваабаронцаў Рэвалюцыйны Трыбунал для кожнай справы мог запрасіць грамадскага абвінаваўцу і абаронцу, захоўвалася таксама права прадстаўніка з публікі выступіць у судовых спрэчках з абвінаваўчай прамовай [6].

Такі падыход праводзіў шырокі дэмакратызм, што было недазвольным у абставінах жорсткай класавай барацьбы, якая з цягам часу перайшла ў грамадзянскую вайну. Нельга было дазваляць на той момант выступленне асобы з публікі ў судовых спрэчках, бо гэта дазваляла пэўнай плыні грамадства ўплываць на прысуд. Ва ўмовах грамадзянскай вайны грамадскае абвінавачванне павінна было атрымаць афармленне ў выглядзе падбору кандыдатаў менавіта з ліку праверaных у рэвалюцыйнай дзейнасці асоб, таму адбылося далейшае ўдасканаленне інстытута грамадскага абвінавачвання.

Паводле другога дэкрэта УЦВК аб судзе ад 7 сакавіка 1918 года адбыліся значныя змены ў арганізацыі абвінавачвання ў судах. Пры Саветах дэпутатаў засноўваліся асобныя калегіі асоб, што прысвячалі сябе правазаступніцтву як у форме грамадскага абвінавачвання, так і ў форме грамадскай абароны з правам уваходжання ў такія калегіі асоб, выбіраемых і адзываемых Саветамі дэпутатаў [9]. Дэкрэт Савета Народных Камісараў “Аб Рэвалюцыйных Трыбуналах” ад 4 мая 1918 года вызначыў, што пры кожным Рэвалюцыйным Трыбунале адначасова са следчай камісіяй павінна была існаваць калегія абвінаваўцаў у складзе не

менш за трох асоб, якія выбіраліся мясцовымі Саветамі дэпутатаў непасрэдна ці па рэкамендацыі Рэвалюцыйных Трыбуналаў або Наркамата юстыцыі [7].

Такім чынам адбылася замена вольнага грамадскага абвінавачвання на вызначаны кадр пастаянных асоб, што здзяйснялі функцыю абвінавачвання ў судовым пасяджэнні. Грамадскае абвінавачванне пачало "адзяржаўляцца", але менавіта гэтых мер патрабаваў рэвалюцыйны час.

Далейшыя змены ў інстытуце грамадскага абвінавачвання адбыліся ў сувязі з выданнем дэкрэта УЦВК ад 30 лістапада 1918 года "Аб Народным Судзе РСФСР". Калегіі абаронцаў, абвінаваўцаў і прадстаўнікоў бакоў у грамадзянскім працэсе засноўваліся пры павятовых і губернскіх выканкамах Саветаў дэпутатаў для садзейнічання суду ў найбольш поўным асвятленні ўсіх абставін спраў, разглядаемых у судах. Члены такіх калегій выбіраліся выканкамамі Саветаў на агульных з усімі астатнімі службовымі асобамі падставах са складу асоб, якія адпавядалі патрабаванням да грамадзян, што мелі права выбіраць і быць выбранымі паводле арт. 64 Канстытуцыі РСФСР 1918 года. Такія асобы лічыліся службовымі і суадносна з гэтым атрымлівалі аклад таксама як і народныя суддзі [4]. Згодна з дэкрэтам УЦВК ад 21 кастрычніка 1920 года "Аб Народным Судзе РСФСР", абвінаваўцы знаходзіліся ўжо пры аддзелах юстыцыі і прызначаліся губернскімі выканкамамі Саветаў па прадстаўленні аддзелаў юстыцыі. Грамадскія абвінаваўцы былі павінны адпавядаць аднолькавым з народнымі суддзямі патрабаванням. Таксама права выступаць у якасці абвінаваўцы ў Народным Судзе мелі ўстановы і прафесійныя арганізацыі, якія ўзбудзілі справу, праз сваіх прадстаўнікоў. Абвінаваўцы як і абвінавачваныя мелі рацыю заяўляць як аб адводзе народных суддзяў, так і народных засядацеляў [12]. Такім чынам было скасавана прадстаўніцтва інтарэсаў грамадства пры падтрыманні крымінальнага абвінавачвання ў судзе, а грамадскія абвінаваўцы набылі статус службовых асоб, што стала своеасаблівым падмуркам для аднаўлення інстытута пракуратуры, якое адбылося ў 1922 годзе.

Маладая савецкая пракуратура даволі добра ўсведамляла карысць інстытута грамадскага абвінавачвання для сваёй дзейнасці. Адразу пасля таго, як узнікла пракуратура, намецілася тэндэнцыя прыцягвання грамадскіх абвінаваўцаў як пазаштатных супрацоўнікаў пракуратуры для падтрымання абвінавачвання ў судзе. Такім чынам, грамадскае абвінавачванне захавалася, але стала выконваць дадатковую ролю. Спачатку грамадскія абвінаваўцы прыцягваліся для здзяйснення функцыі абвінавачвання як прадстаўнікі грамадскага інтарэсу, але пад кантролем пракуратуры, што абумоўлівала іх несамастойнасць. Варта адзначыць, што інстытут грамадскага абвінавачвання не прадугледжваўся крымінальна-працэсуальным заканадаўствам СССР і саюзных рэспублік, а толькі ўскосна ўзгадваўся ў КПК РСФСР 1922 года, КПК БССР 1923 года. Непасрэдна грамадскае абвінавачванне рэгулявалася цыркулярамі Народнага камісарыята юстыцыі. Па працэсуальным становішчы ў судовым пасяджэнні грамадскія абвінаваўцы, якія прыцягваліся па ордэры пракурора цалкам прыраўноўваліся да пракурора. З цягам часу інстытут грамадскага абвінавачвання ўсё мацней набываў залежнасць ад пракуратуры і страчваў самастойнасць і элемент прадстаўніцтва інтарэсаў

грамадскасці. Да 1929 г. грамадскія абвінаваўцы сталі звычайнымі пазаштатнымі памочнікамі пракурораў.

Ідэя прыцягнення прадстаўнікоў грамадскасці да работы органаў пракуратуры і следства пашыралася, таму пачаў складацца грамадскі актыў пракуратуры і следчых органаў, з пашырэннем якога павялічылася колькасць выпадкаў, у якіх грамадскі абвінаваўца прыцягваўся да ўдзелу ў крымінальным працэсе. З пачатку 1930-х гг. былі створаны групы садзейнічання пракуратуры, з'явіўся інстытут сацыялістычнага сумяшчальніцтва. Грамадскі абвінаваўца замест удзельніка крымінальнага судаводства стаў звычайным удзельнікам грамадскага актыву праваахоўных органаў, які акрамя здзяйснення абвінавачвання выконваў шмат дадатковых абавязкаў, якія тычыліся іншых участкаў пракурорскай і следчай работы. Такім чынам, грамадскае абвінавачванне як самастойны інстытут скончыла сваё існаванне, пачынаючы з 1930 года, бо была згублена прырода інстытута, якая зводзілася да прадстаўлення інтарэсаў грамадства. У канцы 1930-х гг. з прычыны ўзмацнення і распаўсюджвання культу асобы І. В. Сталіна і недапушчальнасці антаганізму паміж грамадствам і дзяржавай былі спынены ўсе формы прыцягнення грамадскасці да ўдзелу ў крымінальным працэсе.

Пасля смерці І. В. Сталіна ў 1953 годзе і паступовага знікнення культу яго асобы, у 1958 годзе ідэя ўдзелу грамадскасці ў крымінальным працэсе нанова набыла важнае значэнне. Паводле пастановы XX з'езда КПСС "Аб кульце асобы і яго наступствах" ад 30 чэрвеня 1956 года, было вырашана пераадолець далёкі ад марксізму-ленінізму культ асобы, ліквідаваць яго наступствы ва ўсіх сферах партыйнай, дзяржаўнай і ідэалагічнай работы, і звярнуцца да нормаў партыйнага жыцця і прынцыпаў калектыўнасці партыйнага кіраўніцтва, выпрацаваных У. І. Леніным. Дадзеная пастанова таксама вызначыла курс на пашырэнне функцый грамадства ў кіраванні дзяржавай, у тым ліку і ў сферы садзейнічання правасуддзю [5].

У 15 артыкуле Закона СССР "Аб зацверджанні асноў заканадаўства аб судаўладкаванні Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік" ад 25 снежня 1958 года адзначалася, што грамадскае абвінавачванне ў судзе могуць ажыццяўляць прадстаўнікі грамадскіх арганізацый [10].

Артыкулам 41 Закона СССР "Аб зацверджанні асноў крымінальнага судаводства Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік" ад 25 снежня 1958 года было вызначана, што ў судаводстве па крымінальных справах дапускаліся да ўдзелу прадстаўнікі грамадскіх арганізацый і калектываў працоўных, якія па пастанове суда маглі быць дапушчаны да ўдзелу ў судовым разглядзе крымінальных спраў у якасці грамадскіх абвінаваўцаў або грамадскіх абаронцаў. У далейшым працэсуальны парадак удзелу грамадскіх абвінаваўцаў і іх працэсуальнае становішча як удзельнікаў крымінальнага працэсу вызначаліся у крымінальна-працэсуальных кодэксах саюзных рэспублік [11].

Такім чынам, грамадскае абвінавачванне было адноўлена як самастойны інстытут у крымінальна-працэсуальным заканадаўстве СССР і ўсіх саюзных рэспублік. Грамадскі абвінаваўца набыў статус самастойнага ўдзельніка крымінальнага працэсу, які ад імя калектыву, што яго вылучыў, ганьбаваў і выкрываў злачынства, здзейсненае падсудным, падкрэсліваў небяспеку дадзенага

злачынства для грамадства. Паводле арт. 239 КПК БССР 1960 г., грамадскі абвінаваўца набываў даволі вялікі шэраг правоў, якія дазвалялі яму абараняць інтарэсы грамадскасці ў судовым разборы і садзейнічаць адпраўленню правасуддзя і вынясенню справядлівага прысуду [1]. Дадзеная форма грамадскага абвінавачвання, на нашу думку, з'яўляецца самай дасканалай формай развіцця інстытута грамадскага абвінівачвання, якая цалкам суадносілася з самой ідэяй і сутнасцю прадстаўніцтва грамадскіх інтарэсаў у крымінальным судаводстве.

Адміністрацыйныя метады здзяйснення ўлады, адсутнасць самастойнай ініцыятывы вылучэння грамадскіх абвінаваўцаў калектывамі працоўных і грамадскімі арганізацыямі, бюракратызм, парушэнне правоў грамадскіх абвінаваўцаў, адсутнасць зацікаўленасці судоў і пракуроў у прыцягненні прадстаўнікоў грамадскасці да здзяйснення абвінавачвання, неналежнае вылучэнне грамадскіх абвінаваўцаў і адсутнасць зацікаўленасці прадстаўнікоў калектываў і арганізацый у належным выкананні сваёй функцыі і прадстаўніцтве інтарэсаў грамадства прывялі да таго, што інстытут грамадскага абвінавачвання паступова страціў сваю актуальнасць і з пачатку 1990-х гг. перастаў выкарыстоўвацца на практыцы. З гэтай прычыны ў крымінальна-працэсуальным заканадаўстве постсавецкіх краін такі ўдзельнік крымінальнага працэсу як грамадскі абвінаваўца адсутнічаў. Выключэннем стала толькі Рэспубліка Узбекістан.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Крымінальна-працэсуальны кодэкс Беларускай ССР. Мінск : Дзярж. Выд-ва БССР, 1961. 364 с.

2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1967. Т. 4. 565 с.

3. О задачах прокуратуры и правилах допущения общественных обвинителей к выступлениям на суде : циркуляр НКЮ РСФСР : 3 января 1923 г. // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 21. С. 24–25.

4. О Народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс] : Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета : 30 ноября 1918 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi /online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18812#7CQlh4T8MnDwSAy62 (дата обращения: 21.08.2022).

5. О преодолении культа личности и его последствий [Электронный ресурс] : Постановление Центрального Комитета КПСС : 30 июня 1956 г. URL: http://www.agitclub.ru/spezhran/hrus/hrpost.htm (дата обращения: 21.08.2022).

6. О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний [Электронный ресурс] : Инструкция народного комиссара юстиции Революционному Трибуналу : 19 декабря 1917 г. URL: https://istmat.org/node/28274 (дата обращения: 21.08.2022).

7. О революционных трибуналах [Электронный ресурс] : Декрет Совета Народных Комиссаров : 4 мая 1918 г. URL: http://www. consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req =doc;base=ESU;n=16940;dst=100008#HVDjh4Tj3WJti4vE (дата обращения: 21.08.2022).

8. О суде [Электронный ресурс] : Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР : 24 ноября 1917 г., № 1. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base =ESU&n=4029 (дата обращения: 21.08.2022).

9. О суде [Электронный ресурс] : Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета : 7 марта 1918 г., № 2. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=447#WJUih4TCKV5 QSG86 (дата обращения: 21.08.2022).

10. Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР : 25 декабря 1958 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4837#fc1Bl4Tu9QMgHMP91 (дата обращения: 21.08.2022).

11. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР : 25 декабря 1958 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4905#sYbBl4T4MlVEH3a61 (дата обращения: 18.08.2022).

12. Положение о Народном суде Российской Социалистической Федеративной Республики [Электронный ресурс] : Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета : 21 октября 1920 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18782#wywlh4T2eVvUu43U (дата обращения: 21.08.2022).

13. Полянский Н. Н. Общественное обвинение в советском законодательстве // Социалистическая законность. 1937. № 11. С. 57–66.

РАЗДЕЛ II

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

А. С. Бакун

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, bakun@bsu.by

Статья посвящена ценностному значению свободы вероисповедания в процессе современного развития цивилизации. Автор указывает, что на современном этапе свобода вероисповедания понимается не только как одна из фундаментальных свобод в системе прав и свобод личности, но и как основополагающая конституционная ценность для государств евразийской формации.

Ключевые слова: конституционные ценности; свобода вероисповедания; религиозные убеждения; цивилизационные процессы; аксиологическое значение.

AXIOLOGICAL SIGNIFICANCE OF RELIGIOUS FREEDOM IN A CIVILIZATIONAL CONTEXT

A. S. Bakun

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, bakun@bsu.by

The article is devoted to the value of freedom of religion in the process of modern development of civilization. The author points out that at the present stage, freedom of religion is understood not only as one of the fundamental freedoms in the system of rights and freedoms of the individual, but also as a fundamental constitutional value for the states of the Eurasian formation.

Keywords: constitutional values; freedom of religion; religious beliefs; civilizational processes; axiological significance.

В последнее время в гуманитарных науках, в том числе и юридической, активно используется понятие цивилизации, а для обоснования развития государственных и правовых институтов применяется цивилизационный подход. Современное понимание цивилизации основывается на трудах М. Вебера, О. Шпенглера, П. Сорокина, С. Хантингтона и др.

В конституции любого государства закреплены опорные ценности, достоверно представляющие соответствующую национально-культурную традицию.

Ядром традиционализма, в том числе и традиционализма восточнославянской цивилизации, является определенная религия, которую белорусский ученый Е.В. Перепелица определяет, как «ведущее культурообразование, оказывающее значительное влияние на становление и развитие национальной государственности» [9, с. 54]. В конституциях большинства государств закрепляется свобода вероисповедания как правовая форма закрепления религиозных ценностей [3; 4; 6; 7], отражение религиозных потребностей и приоритетов населения, проживающего на территории данного государства, продолжения цивилизации (например, христианской или исламской).

Существуют множество философских и правовых подходов к пониманию свободы вероисповедания, следствием систематизации которых выступает выработка интегративно-правового подхода к пониманию указанной свободы. В соответствии с интегративно-правовым подходом под свободой вероисповедания следует понимать фундаментальную, неотъемлемую свободу, выражающуюся в возможности иметь религиозные убеждения, выбирать религиозные учения и действовать в соответствии с ними, пределы которой устанавливаются законодательством [1, с. 67]. Так, например, согласно ст. 31 Конституции Республики Беларусь «каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [5].

Основанием существующей международной системы правовых ценностей является западноевропейская система правовых ценностей, которая считается своего рода ориентиром для национальных систем правовых ценностей и которая постепенно девальвирует значение свободы вероисповедания как конституционной ценности, концентрируясь исключительно на свободе совести. Схожего мнения придерживается белорусский политолог А.В. Дзермант, который полагает, что «существующий аксиологический контекст в значительной мере европоцентричен…» и сама система европейских правовых ценностей, в которую он включает права человека, либеральную демократию, рыночную экономику, верховенство права, толерантность, светскость и др., «воспринимается как некий эталон, подкрепляемый совокупным экономическим и геополитическим весом стран Запада» [2].

В то же время, свобода вероисповедания в современный период, когда происходят тектонические цивилизационные сдвиги, для развития государства и права имеет огромное значение. С одной стороны, свобода вероисповедания продолжает оставаться фундаментальной свободой в системе прав и свобод человека в евроцентристком ее восприятии, а, с другой стороны, свобода вероисповедания постепенно становится основополагающей ценностной категорией в активно самоидентифицирующейся евразийской цивилизации.

В силу смены глобалистской парадигмы актуальный характер приобрело нахождение этнокультурной и религиозной идентичности государств, которые являются участниками определенной региональной интеграции, выявление их схожих аксиологических ориентиров, общего исторического прошлого.

В настоящее время наблюдается кризис западноевропейской системы правовых ценностей, которая перестает быть универсальным эталоном не только для стран, не входящих в Европейский союз, но и внутри данного союза. С появлением в системе европейских правовых ценностей несвойственных ей элементов, стремление к унификации конституционных ценностей европейских государств без сохранения их конституционной идентичности, началась девальвация значения данной системы для различных субъектов мирового порядка. Нельзя не согласиться с российским ученым М.Б. Напсо, которая подчеркивает, что «современные цели независимого и безопасного государственного, межнационального и межконфессионального развития не могут быть достигнуты с использованием инструментария постмодерна, основанном на крайне индивидуалистском подходе и применении стандартизованных по типу западной цивилизации способов» [8]. И если раньше государства в формировании своих национальных систем правовых ценностей ориентировались на европейскую систему правовых ценностей, то сейчас наблюдается тенденция к реновации альтернативных существующих систем правовых ценностей, таких как, например, евразийская система правовых ценностей.

В отличие от западноевропейской системы евразийская система правовых ценностей включают в себя такие ценности как религиозность, приоритет традиционных конфессий, институт традиционной семьи, коллективизм, национальная самобытность, соборность, сохранение естественных гендерных различий. По мнению А.В. Дзерманта, «подходить к определению евразийских ценностей можно по-разному. Во-первых, выделить их на контрасте с современными европейскими и сделать акцент на консервативном и традиционном аспекте – сохранении коллективных идентичностей: семейных, этнических, религиозных.

Действительно, для большинства евразийских обществ традиционная семья или идентичность, тесно связанная с религией (православием или исламом), имеет и сегодня большее значение, чем для обществ западноевропейских.

Во-вторых, можно выделить те сущностные элементы (коллективная безопасность, социальное государство и развитие), совокупность которых позволяет объяснить не только историко-культурные особенности развития, но и современную политическую специфику стран Евразийского Союза» [2]. Полагаем, что одни из упомянутых ценностей уже конституционализировались в процессе проведенных конституционных реформ, другим предстоит стать элементом системы конституционных ценностей отдельных государств евразийского пространства. Также продолжится тенденция закрепления в конституциях национальной самобытности и национальных ценностей отдельных евразийских государств, будет сформирована система наднациональных ценностей, характерных для государств евразийского пространства.

Таким образом, аксиологическое значение свободы вероисповедания в цивилизационном контексте на современном этапе в евразийском пространстве возрастает. Это обусловлено трансформацией конституционных ценностей, которая происходит как в конституциях государств евразийского, так в конституциях государств европейского пространства. Конституционные изменения в обоих случаях существенно разняться. Если в евразийских государствах в

результате конституционных реформ происходит закрепление консервативных, традиционных ценностей, в том числе и религиозного характера, то в европейских государствах за некоторым исключением наблюдается тенденция закрепления ценностей, противоречащих первоначальной человеческой природе, что постепенно ведет к ценностному кризису западноевропейской цивилизации. В свою очередь, весьма перспективными представляются конституционные реформы по сохранению традиционных ценностей, проводимые в евразийских государствах, конституционализация отдельных религиозных аспектов. Считаем, что в перспективе будет возможной разработка наднациональных правовых ценностей ЕАЭС, СНГ и закрепления их в уставных документах организаций.

Библиографические ссылки

1. Бакун А. С. Конституционно-правовое регулирование реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республике Беларусь : моногр. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. 290 с.
2. Дзермант А. В. Евразийские ценности: миф или реальность? [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 2022. URL: https://eurasia.expert/evraziyskie-tsennosti-mif-ili-realnost (дата обращения: 17.10.2022).
3. Конституция Венгерской Республики [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира. 2022. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=298 (дата обращения: 17.10.2022).
4. Конституция Исламской Республики Иран [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=83 (дата обращения: 17.10.2022).
5. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2022. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 17.10.2022).
7. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2022. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 17.10.2022).
8. Напсо М. Б. Национальная и этнокультурная идентичность в реалиях постмодерна и метамодерна // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020, № 2. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK220.pdf. (дата обращения: 17.10.2022).
9. Перепелица Е. В. Права человека и ценности восточнославянской цивилизации : моногр. Минск : Бел. наука, 2006. 230 с.

ВОПРОСЫ СИСТЕМНОСТИ ПРАВА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

И. Л. Вершок

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, viarshok_irina@mail.ru

Рассмотрены методы правового регулирования как один из критериев дифференциации системы права. Доказывается, что их параметры приобретают преимущественно нормативное оформление в статье нормативного правового акта. Предлагается характеристика метода правового регулирования с учетом автономного или гетерономного типа правового сознания субъектов.

Ключевые слова: правовое регулирование; императивный метод; диспозитивный метод; правовое сознание.

THE ISSUES OF THE SYSTEM OF LAW: TRADITIONS AND INNOVATIONS

I. L. Vershok

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, viarshok_irina@mail.ru

The methods of legal regulation are considered as one of the criteria for differentiating the system of law. It is proved that their parameters acquire predominantly normative formalization in the article of a normative legal act. A characteristic of the method of legal regulation is proposed, taking into account the autonomous or heteronomous type of legal consciousness of subjects.

Keywords: legal regulation; imperative method; dispositive method; legal consciousness.

Доктринальное изучение системы права и классификация ее элементов и (или) компонентов обычно осуществляется в контексте глобальных вопросов трансформации правовой системы, а также методологических аспектов юридической систематизации и классификации. Примечательно, что известный белорусский правовед, выдающийся представитель отечественного правоведения С. Г. Дробязко в своих трудах уделял особое внимание непосредственно таким важным критериям системности в праве, как предмет, сфера, объект и метод правового регулирования. Важно, что в работах С. Г. Дробязко концептуальные аспекты системности правового регулирования были рассмотрены в различных фокусах внимания: проявления генетических закономерностей права [6, с. 104], в контексте формирования социального правового государства [5, с. 114], а также прикладных вопросов обеспечения системности в праве [4, с. 135].

В настоящее время юридическая доктрина придерживается сложившейся ранее традиции характеристики двух основополагающих показателей правового регулирования – его предмета и метода. При этом категория метода правового регулирования применяется как в практических, так и в теоретических сферах юриспруденции.

Если ранее некоторые авторы метод правового регулирования признавали в качестве дополнительного критерия деления системы права на частное и публичное по сравнению с его предметом [8, с. 88], то в настоящее время методу уделяется все большее значение. Метод правового регулирования берется за основу классификации отраслей системы права, используется как показатель интенсивности государственного воздействия на общественные отношения, а также определяет динамику, жесткость юридической связи между субъектами правоотношения.

Концепции, связанные с выделением императивного и диспозитивного методов правового регулирования в качестве первичных [9, с. 221], нацелены на обоснование и практическую апробацию их диалектического противопоставления. Признается, что в каждой отрасли права метод неповторим и подчеркивает специфику отрасли [1, с. 91]. Однако в действительности ни одна отрасль права не использует в чистом виде императивный или диспозитивный метод. Они лишь по-разному сочетаются друг с другом, что приводит к определенному нивелированию границ между отраслями права, и, что еще более важно – делает трудноразличимыми различия между отраслями законодательства. Создается иллюзия постоянного формирования новых институциональных образований в системе права и (или) законодательства со специфическим и свойственным только им методом правового регулирования, который на самом деле состоит в сочетании императивно-диспозитивных (или диспозитивно-императивных) правовых норм. Это наталкивает некоторых исследователей на обоснование появления новых отраслей права и (или) законодательства, а также необходимости принятия новых кодифицированных правовых актов (экологический кодекс, информационный кодекс, кодекс о финансовых услугах и т.д.).

В целях преодоления указанных проблем появляются работы, обосновывающие пересмотр сложившейся парадигмы о диспозитивном и императивном методах правового регулирования, а также признающих наличие иных методов правового регулирования, в частности – регулятивного и охранительного, а также активного и пассивного. М. И. Байтин и Д. Е. Петров наряду с общеправовым (общеотраслевым) методом признают метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правового института, а также метод регулирования, присущий отдельной юридической норме [1, с. 84].

Отметим, что общераспространенным является определение методов правового регулирования как способов регламентации общественных отношений. Указанные способы регламентации обычно определяются характером предписания, зафиксированного в норме права [10, с. 261–262]. Причем императивный или диспозитивный методы правового регулирования рассматриваются преимущественно по отношению к правовым нормам, закрепленным в тексте нормативного правового акта. Однако правовое регулирование представляет собой термин, охватывающий гораздо более широкий круг процессов, нежели только фиксацию правовых норм.

В этой связи абсолютно обоснованной является позиция профессора С. Г. Дробязко о том, что правовое регулирование нельзя полностью отождествлять с законодательной регламентацией, которая в силу многих обстоятельств может быть несправедливой или не соответствующей объективно обусловленным потребностям [5, с. 117]. Тем более что императивность права не синонимична императивности правовой нормы, как и диспозитивность не равна диспозитивной норме [1, с. 86–87].

На практике императивность или диспозитивность правового регулирования предопределена не только волей законодателя, ведь в рамках даже одной правовой нормы можно выявить различные способы правового регулирования [9, с. 218]. В действительности необходимо учитывать специфику метода на разных стадиях правового регулирования, в частности на стадии реализации субъективных прав и юридических обязанностей.

Правовое регулирование не статично, оно не ограничивается лишь рамками формальной фиксации правовой нормы в тексте нормативного правового акта. Соответственно, требуется пересмотр и методов правового регулирования с динамической позиции. Метод правового регулирования существенно зависит от динамики правового сознания субъектов правовых отношений, реализующих правовые нормы. В этой связи согласимся с признанием субъективного и объективного начал в методе правового регулирования [1, с. 90] и рассмотрением так называемых «психологических механизмов права» [3, с. 203].

Важно учитывать, что уже Л. И. Петражицкий рассмотрел императивность не в отношении метода правового регулирования и даже не норм права. Он охарактеризовал императивность эмоций, трансформация которых существенно предопределяет динамику правового регулирования. По мнению Л. И. Петражицкого, императивность осознания долга в правовых эмоциях коррелирует с атрибутивным осознанием правомочия: императивность является рефлексом атрибутивной природы подлежащих импульсий [7, с. 73–74].

Полагаем, что правовое регулирование, хоть и проявляется в различной степени интенсивности, но имманентно обладает определенной степенью императивности, связанной с признаком общеобязательности и формализации правовых норм, а также обеспечением их реализации со стороны государства. В этой связи Г.-Л. Хартом было справедливо отмечено, что «разновидности социальной ситуации, в которой характерным, хоть и неизменным, является использование императивных форм языка, – не только многочисленны, но и сливаются друг с другом» [11, с. 27]. Ж.-Л. Бержель по данному вопросу указывает на то, что качеством правового принуждения наделены все правовые нормы [2, с. 78–79], а закон с его императивностью противопоставляет обычаю [2, с. 147].

Таким образом, императивный метод свойственен для регулирования всех общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования. В этой связи логичным представляется определение признака общеобязательности и императивности для метода правового регулирования, называемого общеправовым [1, с. 84–85], наличие которого отличает право от других нормативных систем.

Однако императивность может быть обусловлена различными параметрами правового сознания, когда «чувствовать себя обязанным и быть обязанным – это разные, хотя и сопутствующие вещи» [7, с. 36, 93]. К сожалению, в юридической

доктрине факт наличия иной, внутренней императивности, обусловленной не внешне-юридическим принуждением (гетерономией), а социально-психическим обязыванием, обычно не учитывается. В такой ситуации не происходит доктринальное разграничение внешне-императивного правового регулирования от самоконтроля (или самообязывания), что существенно отрывает теоретические выводы от эмпирических фактов: человек часто выполняет признаваемые императивными правовые нормы вследствие не внешнего принуждения, а собственного усмотрения, выработанного в результате рефлексивных процессов его правового сознания. Например, в семейных правоотношениях для одного субъекта выполнение родительских функций осознается как его долг и внутренний императив. Для другого субъекта те же самые родительские функции будут восприниматься как юридическая обязанность, которую налагают на него нормы семейного законодательства, а компетентные органы обеспечивают их реализацию. Однако в результате оба родителя будут выполнять внешне схожие, в среднем типичные функции.

На основании изложенного, классификацию метода правового регулирования перспективно дополнять характеристикой типа правового сознания, отличающегося по степени индивидуализации его носителя (конкретизации данных о нем), а также форм экстериоризации его правового сознания.

Индивидуальное (в терминологии Л.И. Петражицкого – автономное) правовое сознание характерно для субъекта правового взаимодействия, когда результаты интерпретации правовой нормы индивидуальны и доступны лишь ему самому или его контрагенту. Трансформация правового сознания в рамках коллектива по автономному типу является объективным основанием сужения границ и снижения интенсивности правового регулирования, уменьшением юридической формализации общественных отношений, ведь часто «психологическая детерминация законопослушного поведения гораздо глубже и действеннее императивов государственной власти» [3, с. 203].

Результаты публичного правового сознания (в терминологии Л. И. Петражицого – гетерономного, основанного на внешних авторитетах) [7, с. 56] являются доступными для любого. Индивидуализация его носителей не существенна и (или) не принципиальна, результаты интерпретации правовой нормы в правовом сознании учитываются в рамках определенной социальной группы или коллектива. Гетерономное правовое сознание обуславливает необходимость расширения границ правового регулирования, его детализацию и увеличение его интенсивности; снятие юридической неопределенности и увеличение юридической формализации общественных отношений.

Наряду с предметом и методом правового регулирования, как основными критериями отраслевого деления системы права, необходимо также учитывать типичные проявления правового сознания субъектов, непосредственно реализующих субъективные права и юридические обязанности.

Библиографические ссылки

1. Байтин М. И., Петров Д. Е. Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2(110). С. 84–95.

2. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под. общ. ред. В. И. Даниленко; пер. с фр. Г. В. Чурушкова. Москва: Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с.

3. Боруленков Ю. П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. 2013. № 9. С. 201–210.

4. Дробязко С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование // Степан Григорьевич Дробязко : к 90-летию со дня рождения С. Г. Дробязко ; редкол. С. А. Балашенко и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 135–147.

5. Дробязко С. Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования и в условиях формирования социального правового государства правового гражданского общества // Степан Григорьевич Дробязко : к 90-летию со дня рождения С. Г. Дробязко ; редкол. С. А. Балашенко и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 114–135.

6. Дробязко С. Г. Проблемы системности в праве // Степан Григорьевич Дробязко : к 90-летию со дня рождения С. Г. Дробязко ; редкол. С. А. Балашенко и др. Минск : Бизнесофсет, 2013. С. 104–110.

7. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 2000. 608 с.

8. Попондопуло В. Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 78–101.

9. Рукавишникова И. В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 1 (246). С. 217–222.

10. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. Москва: Норма-Инфра М, 1998. 570 с.

11. Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. под общ. ред. Е. Афонасина, М. Бабака, А. Дидикина, С. Моисеева. Санкт-Петербург : Изд. Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.

ПРИНЦИПЫ ПРАВА КАК ФАКТОР ПРАВОВОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

И. А. Демидова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, ул. Крупской, 67, 212011, г. Могилев, Беларусь, demidova-irina00@mail.ru

В статье определены теоретические подходы к пониманию принципов права, которые сформировались в правоведении в советский и современный периоды. Аргументировано социальное значение принципов права как интегрирующего фактора правового культурного пространства. Обозначены актуальные направления научного поиска, требующие внимания ученых.

Ключевые слова: теоретическое знание; право; принципы права; правовое пространство; правопорядок; правовая культура.

PRINCIPLES OF LAW AS A FACTOR OF LEGAL CULTURAL SPACE

I. A. Demidova

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
67 Krupskaya Street,
212011, Mogilev, Belarus, demidova-irina00@mail.ru

The article defines the theoretical approaches to the understanding of the principles of law which have been formed in jurisprudence in the Soviet and modern periods. We argue the social significance of the principles of law as an integrating factor of the legal cultural space. The topical directions of scientific search requiring scholarly attention are pointed out.

Keywords: theoretical knowledge; law; principles of law; legal space; legal order; legal culture.

Осмысление вопросов образования, функционирования и специфики права как социального регулятора общественных отношений имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Актуальность обращения к проблематике принципов права с позиций общей теории права определяется следующими факторами: 1) необходимостью интеграции научных подходов к определению роли принципов права в разрезе различных концепций правопонимания; 2) научной и социальной значимостью характеристики действия принципов права в национальной правовой системе в контексте оценки состояния национального правового культурного пространства, установления степени его включенности в мировое правовое культурное пространство, определения состояния правопорядка и уровня правовой культуры общества. В данной связи подлежат анализу теоретические подходы к пониманию принципов права, сформировавшиеся в правоведении в советский и современный периоды.

Принципы права в советской юридической науке на монографическом уровне изучались такими авторами, как Н. Н. Вопленко [1], В. М. Корецкий [7], Е. В. Скурко [10] и др. Их характеристика проводилась в русле преимущественно позитивистского понимания права, что находит отражение в учебных изданиях по теории права того периода. При этом авторами определялось различное количество принципов права, использовались отличные основания их классификации. Анализ сформировавшихся научных позиций представлен в научных публикациях С. Г. Дробязко [2], В. И. Червонюка [15]. Установлено, что в ряде случаев авторы не включали изложение теоретического материала о принципах правах в содержание учебного материала при характеристике социального феномена права [2]. Представленный подход был обусловлен тем, что «собственно регулятивное значение принципов права теорией не презюмировалось, на практике значение правового регулятора (правового основания правоприменительного решения) принципы права не приобретали; констатация идеологического

воздействия принципов права, скорее всего, отвечала особенностям механизма действия права в тот период» [15, с. 89].

В современный период изучению проблематики формирования и функционирования принципов права посвящены исследования ряда авторов как с позиций общетеоретического знания – кандидатские диссертации А. Л. Захарова [4], В. М. Реуфа [8], А. С. Сидоркина [9], А. В. Смирнова [11], С. Е. Фролова [13] и др., так и в контексте отраслевого знания – кандидатская диссертация П. Е. Земсковой [5] и др., научные издания В. В. Ершова [3], Г. Р. Хабибуллиной [14] и др. Новый взгляд на роль принципов права связан с обоснованием их регулятивного действия, рассмотрением их также в контексте естественно-правовой концепции права, что обусловливается наделением их нравственным и иным содержанием, в частности религиозным.

Заслуживает внимания научная позиция известного белорусского теоретика права С. Г. Дробязко, который аргументирует социальное значение принципов в целом как первоосновы всех социальных явлений и процессов, справедливости как базового принципа права. Представленный подход исходит из признания внутреннего качества и свойства права, позволяющего, по мнению ученого, закреплять политическую справедливость: «право является единственным базовым общесоциальным, универсальным, интегративным, обязательным, охраняемым государством, самым справедливым и постоянно совершенствуемым регулятором всех жизненно важных общественных отношений» [2]. Обоснованной представляется позиция ученого, состоящая в том, что право следует рассматривать не столько в виде системы норм, сколько в виде принципов права, посредством которых фиксируется его сущность, отражается «душа». Устанавливается наличие юридических (собственно правовых) и социально-правовых принципов права в качестве самостоятельных типов общеправовых принципов, которые определяются в качестве базовых. В свою очередь, иерархия принципов определяется различением следующих видов принципов: общеправовых, международно-правовых, правовой семьи, национальной правовой системы. В пределах отдельной правовой системы выделяются общесистемные, межотраслевые, отраслевые, институциональные, а также глобально-системные, общечеловеческие и исторические (в их числе: эпохальные, формационные, этапные, переходного периода) принципы, что позволяет характеризовать национальное право [2]. В данной связи можно говорить о разных иерархических уровнях правового пространства – международном, отдельных правовых семей, национальном, где общеправовые принципы выступают интегрирующей основой в силу их универсального характера.

Обозначение групп (классов) принципов связано также с делением их на «принципы-цели» и «принципы-нормы». «Принципам-целям» придается мировоззренческое значение, что позволяет ряду авторов относить их к формам права в качестве идейного источника права. В свою очередь, «принципы-нормы» наделяются инструментальными свойствами. Отличие норм и принципов права проводится по критерию фундаментальности, что проявляется в их природе, механизме, особенностях трансформации в поведение и деятельность [15, с. 89–92]. Регулирующее действие принципов права связывается, с одной стороны, с их

функциями выступать критериями действительности норм права, с другой, с выполнением ими роли правового основания принятия решения правоприменительным органом [15, с. 94].

Имеет место научная позиция теоретического обоснования источников принципов права – того, что лежит в основе формирования, «рождения» принципов права. В их числе называются правосознание, правотворчество, юридическая техника, типы правопонимания, сущность права, законодательство, толкование, типология государства и права, политический режим и форма государственного устройства, принадлежность к правовой семье, процесс глобализации, судебная и юридическая практика [4, с. 7]. При том, что в качестве источников принципов права обозначаются разноуровневые явления, представленный подход «завязывает» принципы права на правовой культуре общества, характеризующей действие правового регулятора, что представляется теоретически значимым и открывает новое перспективное направление в исследовании принципов права.

Выделение характерных признаков правового пространства в сравнении с неправовым, характеристика отдельных видов позволяют установить тенденции правового развития, оценить перспективы формирования национального и мирового правового порядка. Солидарны с позицией, что «национальный правовой порядок строится на основе конституционных принципов и отражает степень устойчивости конституционного строя, которая содержит как общечеловеческие ценности и верховенство права, так и национальные ценности и менталитет, устойчивый уровень законности» [12, с. 16]. Включение национального правопорядка в мировой правопорядок, которое происходит на основе принятия общечеловеческих ценностей, дает возможность решать правовыми средствами глобальные проблемы, стоящие перед человечеством, обеспечивать баланс интересов в контексте функционирования международного, а также региональных и национальных правовых пространств, что имеет практическую значимость. В теоретическом плане использование понятия «правовое пространство» позволяет представить правовое регулирование в виде системы взаимосвязанных между собой в едином правовом пространстве принципов права (правовых ценностей, идей), системы норм позитивного права, фактических правовых отношений [6, с. 10]. Представленный подход исходит из интеграции естественно-правовой, позитивистской и социологической концепций права.

Таким образом, обращение к проблематике принципов права позволяет исследовать сущность и социальное назначение права с позиций существования различных уровней правового культурного пространства. В изучении национального уровня следует исходить из наличия собственно-правовых и социально-правовых принципов, различения принципов-целей и принципов-норм, системной организации национального права, что определяет соответствующие виды принципов права (отраслевые, межотраслевые, институциональные). Правовая интеграция как объективный процесс требует учета принципов международного права, что призвано поддержанию устойчивости национальных и международных правовых институтов, созданию возможности правового взаимодействия государств в рамках меняющегося под воздействием социальных и технических факторов мирового правового пространства.

Библиографические ссылки

1. Вопленко Н. Н. Сущность, принципы и функции права : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во Волгоград. ун-та, 1998. 56 с.

2. Дробязко С. Г. Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) и др. Минск : БГУ, 2005. С. 27–33. URL: https://law.bsu.by/pub/31/Drobyazko_3.pdf. (дата обращения: 31.08.2022).

3. Ершов В. В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права : монография. М. : РАП, 2010. 223 с.

4. Захаров А. Л. Межотраслевые принципы права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2003. 31 с.

5. Земскова П. Е. Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2010. 26 с.

6. Капустина М. А. Правовое пространство: формирование системной концепции правового регулирований // Вест. Санкт-Петерб. ун-та. Сер 14, Право. 2016. С. 4–11.

7. Корецкий В. М. «Общие принципы права» в международном праве. Киев : Изд-во Акад. наук УССР, 1957. 52 с.

8. Реуф В. М. Специально-юридические принципы права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2004. 24 с.

9. Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2010. 25 с.

10. Скурко Е. В. Принципы права : монография. М. : Ось-89, 2008. 189 с.

11. Смирнова А. В. Принципы права в системе источников современного российского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2020. 24 с.

12. Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонение // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2017. № 4. С. 4–17.

13. Фролов С. Е. Принципы права: вопросы теории и методологии : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Новгород, 2001. 26 с.

14. Хабибуллина Г. Р. Межотраслевые принципы права и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации. М. : Статут, 2017. 222 с.

15. Червонюк В. И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. № 10. С. 86–96.

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В НЕОМАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В. С. Михайловский

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, MikhailouskiVS@bsu.by

Рассматриваются основные неомарксистские концепты сущности государства, представленные в работах Н. Пуланзаса, Р. Милибэнда и К. Оффе. Анализируется

неомарксистская интерпретация классового антагонизма в современных западных государствах. Делается общий вывод о сущности государства в неомарксистской традиции.

Ключевые слова: государство; капитализм; класс; неомарксизм; политика.

THE ESSENCE OF THE STATE IN THE NEO-MARXIST TRADITION

V. S. Mikhailovsky

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, MikhailouskiVS@bsu.by

The main neo-Marxist concepts of the essence of the state presented in the works of N. Poulanzas, R. Miliband and K. Offe are considered. The neo-Marxist interpretation of class antagonism in modern Western states is analyzed. A general conclusion is made about the essence of the state in the neo-Marxist tradition.

Keywords: state; capitalism; class; neo-Marxism; politics.

Всепроникающий характер современного капитализма изменили организующую роль политики в западных обществах. Эти процессы нашли отражение в неомарксистских исследованиях и определили неомарксистский подход к сущности западных государств.

Неомарксизм есть совокупность различных по предметной направленности исследовательских концепций, индивидуальных и коллективных проектов и интеллектуальных практик, которые интерпретировали марксизм, синтезировали его положения или опирались на них в собственных концептуальных построениях начиная с 1920-х гг. Основными теоретиками, внесшими вклад в развитие неомарксистского подхода к сущности государства, были Н. Пуланзас, Р. Милибэнд и К. Оффе.

Н. Пуланзас, являясь представителем структуралистской ветви неомарксизма, рассматривал все политические процессы как определенные структуры. Политическое классовое господство представлено государством. Именно государство есть структурный фактор «единства всех уровней общественной формации» и «узловая структура» «нарушения цельности» формации [1, с. 815]. Это и делает политику узловым уровнем формации. Н. Пуланзас определял функцию государства как поддержание единства общественной формации, создание «целого». Нет отдельных функций государства в различных сферах формации, а есть «одна глобальная функция сплочения, определенная государству его местом» [1, с. 821, 823]. В основе государства как структуры находится политическое классовое господство, что и определяет природу государства, делая все его функции политическими «в той мере, в какой они нацелены, прежде всего, на поддержание единства общественной формации» [1, с. 823].

Признание всех функций государства политическими имело первоочередное значение для переосмысления сущности экономики. С точки зрения Н. Пуланзаса, «господство экономической функции государства» есть лишь отражение того, что политическая функция сплочения формации требует «специфического вмешательства» государства на уровне экономики. Более того, экономическая функция государства соответствует именно «политическим интересам господствующего класса». Таким образом, исходя из неомарксистского методологического принципа первенства политического над экономическим, Н. Пуланзас делал вывод о возможности рассматривать роль государства как «фактора» способа производства. Государство «навязывает» определенной способ производства, делая его господствующим в общественной формации. Широкая теоретическая трактовка политики как узлового уровня общественной формации позволила Н. Пуланзасу утверждать, что «политическая классовая борьба» («политическая практика») является «“движущей силой истории” в той мере, в какой ее конечным продуктом является преобразование целостности общественной формации на различных стадиях и фазах ее существования» [1, с. 823, 824, 817, 818, 813].

Вопрос о возвышении государства над классовыми отношениями и о невозможности однозначного утверждения прямого распоряжения государством классом собственников поднимался Р. Милибэндом [3, с. 283]. По его мнению, необходимо различать государство, «автономно» действующее от «имени правящего класса», и государство, действующее «по воле этого класса»; разграничивать «капиталистическое предпринимательство» и «государственную буржуазию», которая ратует за капиталистический интерес, представляя его как «национальный интерес». Исключительное внимание на гегемонии капиталистов в функционировании государства приводит к тому, что из политического анализа исключаются другие важные аспекты функционирования. Р. Милибэнд предлагал учитывать такой «импульс» власти как «корысть», так как государство не только источник власти, но и «высоких зарплат, статуса, привилегии». Все это есть причина неизбежной «напряженности» между интересами капиталистического государства и капиталистического класса собственников [4, с. 58, 62–64].

Таким образом, в неомарксизме было подвергнуто сомнению представление о государстве как детерминированном инструменте власти экономически господствующего класса. Так, Р. Милибэнд писал, что «есть вещи, которые государство хочет и делает, и которые очень тяготят господствующий класс». Как следствие государство, чтобы сохраниться, может действовать «для себя» или создавать «новое партнерство» с другими классами. Вывод заключался в том, что более «точной и реалистической “моделью”» капиталистических отношений господствующего класса и государства является модель «партнерства», которая изменяется в зависимости от классовой борьбы [4, с. 65–68]. В этой модели необходимо анализировать не формальное включение бизнеса в деятельность государственной власти, а то, как их «желания и намерения» включены в «экономическую и социальную систему» [5, с. 270]. Р. Милибэнд выходил на анализ «неявного сплава бизнес-интересов с национальными интересами», что выражалось

в его исследовательской заинтересованности в анализе «идеологических аспектов вопроса». Это проявляется в том, что Р. Милибэнд «видит капитализм как поддерживаемый непоколебимой политикой консенсус, своими корнями уходящий в глубокий консерватизм тех, кто имеет долю власти в государстве» [7]. По собственным словам Р. Милибэнда, своей концепцией государства, он старался избежать «редукционизма», с одной стороны, провозглашая «первичность политики», с другой стороны, признавая первенство экономического аспекта в деятельности государства [3, с. 65].

К пониманию сущности политики через анализ государства обращался и К. Оффе. Для теоретика современное государство «должно быть понято как капиталистическое государство», а не как «просто государство в капиталистическом обществе» [6, с. 31]. Мы не согласны с Д. Хелдом, что эта позиция К. Оффе противостоит Н. Пуланзасу [2, с. 292]. И для Н. Пуланзаса, и для К. Оффе современное государство это капиталистическое государство. Разница лишь в том, что для К. Оффе капиталистичность государства является не модусом, а сложностью функционирования государства. Как писал теоретик, «структурная проблема капиталистического государства» заключается в одновременном сокрытии государством классового интереса и его реализации. Поэтому К. Оффе и выходил на анализ механизмов, способных скрыть классовый характер государства и тем самым нивелировать «классовую поляризацию и политизацию классовой борьбы». Это такие механизмы, как: выборы (инструмент артикуляции недовольства); видимость правительственного классового нейтралитета; кооптация элит; теневой политический процесс [6, с. 47–48].

Подытоживая, отметим, что осмысление сущности государства нашло свое отражение в рамках неомарксистских концепций. Однако говорить о единой неомарксистской теории государства преждевременно. С одной стороны, неомарксизм Н. Пуланзаса являет собой теорию «государственной тотальности», структурно воспроизводящей политическое классовое господство. С другой стороны, Р. Милибэнд и К. Оффе задают процессуальное измерение государства, указывая на гибкость государственного инструмента классового подавления в зависимости от политической конъюнктуры. В целом неомарксистские концепции государства задают понимание западного государства как самостоятельного инструмента классового господства, имеющего важнейшее значение в политическом бытии.

Библиографические ссылки

1. Пуланзас Н. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Антология мировой политической мысли : в 5 т. / ред.-науч. совет: Г. Ю. Семигин и др. М., 1997. Т. 2 : Зарубежная политическая мысль XX в. С. 808–825.

2. Хелд Д. Плюрализм, корпоративный капитализм и государство // Модели демократии = Models of democracy / пер. с англ. М. Рудакова ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы. Изд. 3-е. М., 2014. Гл. 6. С. 263–305.

3. Miliband R. Marx and the state // Social. Reg. 1965. Vol. 2. P. 278–296.

4. Miliband R. State power and class interests // New Left Rev. 1983. № 138. P. 57–68.

5. Miliband R. The state in capitalist society. London : Weidenfeld & Nicolson, 1969. 292 p.

6. Offe C. Structural problems of the capitalist state. Class rule and the political system. On the selectiveness of political institutions' // Germ. Polit. Studies. 1974. Vol. 1. P. 31–57.

7. Umney C. Notes on Ralph Miliband's the state in capitalist society (1969) [Electronic resource] // Marketization in Europe. URL: http://marketizationineurope.files.wordpress.com/2013/06/discussion-of-milibands-the-state-in-capitalist-society1.pdf (date of access: 18.08.2022).

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В ИНВЕСТИЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

О. М. Куницкая

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, volhakun@mail.ru

В статье выявляются содержательные элементы в значении категории «экономический суверенитет» без отрыва от таких факторов, как глобализация и экономическая безопасность. Исследуются проблемы их практического воплощения в нормах инвестиционного законодательства. Реализация экономического суверенитета должна получить отражение в инвестиционном законодательстве в более полном объеме.

Ключевые слова: эконмический суверенитет; инвестиционная безопасность; инвестиционная политика; инвестиционное законодательство.

IMPLEMENTATION OF THE ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE STATE IN INVESTMENT LEGISLATION

O. M. Kunitskaya

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, volhakun@mail.ru

The article reveals substantive elements in the meaning of the category "economic sovereignty" without separation from such factors as globalization and economic security. The problems of their practical implementation in the norms of investment legislation are investigated. The implementation of economic sovereignty should be reflected in investment legislation to a greater extent.

Keywords: economic sovereignty; investment security; investment policy; investment legislation.

Перед современными государствами стоят весьма сложные задачи: с одной стороны, обеспечить основы рыночной экономической системы (со значительными свободами), а, с другой, – сохранить экономический суверенитет государства. Особую значимость данная проблема приобретает в связи с необходимостью активизации привлечения иностранных инвестиций.

Термин «экономический суверенитет» преимущественно используется в рамках узкого подхода в международном праве. Нормы права об автономии воли, взаимности, «императивности», реторсиях, оговорке о публичном порядке имеют связь с вопросами защиты экономического суверенитета государства. Сбалансированность экономических интересов различных государств базируется на принципе взаимной, равной и справедливой выгоды в отношениях между государствами, а также суверенном и неотъемлемом праве государств выбирать свою экономическую систему («Хартия экономических прав и обязанностей государств» (принята 12.12.1974 г. Резолюцией 3281 (XXIX) на 2315-ом пленарном заседании 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)). Суверенное равенство подчеркивается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 г.

В рамках широкого подхода исследуемый термин трактуется как «возможность государства самостоятельно и независимо строить свою внутреннюю и внешнюю экономическую политику» [8, с. 10]. В дополнение к данному основному смысловому признаку еще можно назвать: экономическая самодостаточность и экономическая безопасность; полный и неотъемлемый контроль государства над всеми своими экономическими ресурсами, активами и пассивами [1, с. 203; 5, с. 18]. Заметим, что при исследовании экономических аспектов безопасности выделяют основные условия, связанные с проблемами реализации главных целей экономической политики Республики Беларусь. В их числе – поддержание экономического суверенитета [13, с. 15]. Среди сущностных характеристик экономической безопасности как объекта правового регулирования, по мнению И. В. Сафоник, является привлечение иностранных инвестиций в отрасли, наиболее нуждающиеся в них [11, с. 67].

Как видим, одним из содержательных элементов в значении категории «экономический суверенитет» выступает экономическая безопасность.

Ее обеспечение возможно при наличии эффективных правовых средств и правовых инструментов защиты государственного суверенитета и национальных интересов, ведущая роль среди которых отводится законодательству.

Содержанием экономической безопасности как социально-правового явления можно считать систему общественных отношений в сфере экономики, складывающихся на основе существующих правовых норм [9, с. 109]. Правовое регулирование экономической безопасности предполагает обеспечение правовыми средствами состояния защищенности государства, общества и личности в экономической сфере. Это является органичным предназначением любого государства, начиная с его возникновения и становления [4, с. 142].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575, экономическая безопасность определяется как состояние экономики, при котором гарантировано обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. В национальные интересы входит совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, которые позволяют обеспечивать в том числе суверенитет Республики Беларусь. И если имеется потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь возникает угроза национальным интересам.

В широком смысле экономическую безопасность следует рассматривать как процесс по созданию условий по устранению возможных негативных воздействий для жизненно важных экономических интересов [13, с. 18]. Снижение инвестиционной активности, низкий уровень объемов инвестиций, направляемых в реальный сектор экономики, относится к числу потенциальных угроз экономической безопасности, обусловливая именно внутренние угрозы [13, с. 24].

Некоторые ученые в области юридически наук обозначают смысл экономического суверенитета как возможность государства в том числе «иметь право регулировать и контролировать национальные и иностранные инвестиции в пределах действия своей юрисдикции в соответствии со своими национальными интересами» [3, с. 11].

Безусловно, суверенитет государства на протяжении своего исторического развития меняется в зависимости от конкретных исторических условий. В условиях глобализации суверенные государства могут терять роль национального эффективного регулятора рынка, когда часть суверенных прав, начинают переходить к транснациональным компаниям (ТНК), которые являются основными игроками в сфере иностранных инвестиций. ТНК, за которыми стоят огромные финансовые ресурсы, а также мощь их государств, могут влиять на политический курс тех государств, в которые они собираются инвестировать [2, с. 29]. Изучение экономического суверенитета невозможно в отрыве от таких факторов, как глобализация и экономическая безопасность [6, с. 19; 10, с. 49].

Многие государства, включая Республику Беларусь, заключили двусторонние и многосторонние инвестиционные соглашения, главной целью которых является создание благоприятных условий для иностранных инвестиций. Соглашения закрепляют гарантии прав иностранных инвесторов (гарантия от экспроприации, национализации и иных мер, схожих с экспроприацией, возможность обращения инвестора с иском к государству в международный арбитраж).

Считаем, само право заключения договора и соответственно принятие на себя международных обязательств является одним из проявлений суверенитета, так как они основаны на воле и согласии государства. Государства сами вправе решать, допускать иностранных инвесторов на свою территорию или нет. Государства могут регулировать поток иностранных инвестиций на свою территорию, устанавливать льготы и ограничения для иностранных инвесторов,

принимать законы, регулирующие порядок создания и ликвидации юридических лиц с иностранными инвестициями и т.д.

Тем не менее, приток иностранных инвестиций в экономику государства – неоднозначное явление. В этой связи вопросы экономической безопасности становятся все более важным фактором инвестиционной политики. Как отмечает, И. З. Фархутдинов «с одной стороны, иностранные инвестиции в производственный сектор экономики являются условием ее успешного функционирования. С другой стороны, иностранные инвестиции могут представлять угрозу для безопасности государства, что может объективно вызвать ослабление регулирующих функций государства» [12, с. 5].

Многие государства закрывают или серьезно ограничивают для иностранных инвестиций «ключевые отрасли экономики, на которых основывается суверенитет страны, – оборонное производство, секторы коммуникаций, транспорта, разработку недр, сферу общественной безопасности и т.п.» [7, с. 468].

В этой связи в 2008 году в Российской Федерации был создан схожий механизм, отраженный в Федеральном Законе от 29.04.2008 г. № 57 ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В Республике Беларусь в Законе от 13.07.2012 г. «Об инвестициях» содержится лишь указание на то, что ограничения при осуществлении инвестиций могут устанавливаться на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 6).

В качестве направления развития подсистемы реализации экономического суверенитета в современных экономических условиях можно выделить формирование системы инвестиционного законодательства, где нормы относительно экономического суверенитета должны получить отражение в инвестиционном законодательстве в более полном объеме.

Представляется необходимым либо изменение действующей Концепции национальной безопасности в указанной части, либо принятие самостоятельной стратегии по обеспечению экономической безопасности.

По нашему мнению, наиболее важным шагом в усилении экономической безопасности станет разработка законодательного акта, где необходимо прописать ключевые положения по обеспечению экономической безопасности нашей страны.

При этом государство не является единственным институтом, заинтересованным в сохранении экономической суверенитета, оно тесно взаимодействует с институтами частного бизнеса и гражданского общества.

Библиографические ссылки

1. Блищенко И. Н., Дориа Ж. Понятие экономического суверенитета государства // Правоведение. 2000. №1. С. 200-217.

2. Дмитриева Г. К., Викторова Н. Н. Суверенитет государства в контексте привлечения иностранных инвестиций // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 26-38.

3. Догадайло Е. Ю. Юридические формы реализации экономического суверенитета Российской Федерации на современном этапе // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 8-14.

4. Игнатов Д. А. Теоретические аспекты реализации правовой политики по обеспечению экономической безопасности на современном этапе // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 11. С. 141-145.

5. Козлова А. В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере : дисс. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2009. 357 л.

6. Кукушкина С. М. Концепция государственного суверенитета в условиях глобализации // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 17-24.

7. Шумилов В. М. Международное экономическое право. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. 512 с.

8. Мелешкина Т. С. Политико-правовые механизмы защиты суверенитета Российского государства : дисс. ... канд. юрид. наук : 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2008. 138 л.

9. Михайлов А. В. Экономическая безопасность как правовая категория: возможные решения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С.108–110.

10. Салохидинова С. М. Соотношение глобализации и экономической безопасности как факторов, влияющих на экономический суверенитет государства // Правовая жизнь. 2018. № 3(23). С. 46–55.

11. Сафоник И. В. Экономическая безопасность государства как объект правового регулирования // Вестник Военного ун-та. 2007. № 3 (11). С. 57–71.

12. Фархутдинов И. З. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. 2008. № 3 (71). С. 5–6.

13. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / Институт экономики НАН Беларуси ; под науч. ред. П. Г. Никитенко, В. Г. Булавко. Минск : Право и экономика, 2009. 394 с.

АНАЛИЗ ИЕРАРХИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Лагун

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, lagunda@list.ru

В статье исследуются вопросы юридической силы нормативных правовых актов Республики Беларусь с учетом изменений, произошедших в результате конституционной реформы 2022 года.

Ключевые слова: иерархия; нормативный правовой акт; законодательство; конституционная реформа.

ANALYSIS OF THE HIERARCHY OF THE NATIONAL SYSTEM OF LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF THE REPABLIC OF BELARUS

D. A. Lagun

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, lagunda@list.ru

The article explores the issues of legal force of normative legal acts of the Republic of Belarus, taking into account the changes that occurred as a result of the constitutional reform of 2022.

Keywords: hierarchy; normative legal act; legislation; constitutional reform.

Проведение в Республике Беларусь конституционной реформы, которая завершилась внесением на референдуме 27.02.2022г. изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, ознаменовалось существенными преобразованиями в национальной системе законодательства.

Это связано, в первую очередь, с появлением нового конституционного государственного органа – Всебелорусского народного собрания, уполномоченного принимать нормативные правовые акты, которых ранее не было в законодательстве Республики Беларусь, – решения Всебелорусского народного собрания.

Вторым моментом можно отметить исключение из полномочий Главы государства права издавать декреты. Как следствие, из системы законодательства постепенно должны исчезнуть временные декреты Президента Республики Беларусь.

И наконец, изменения в компетенции Парламента в части принятия программных законов, которые должны быть заменены решениями Всебелорусского народного собрания.

Таким образом, необходимо признать, что национальная система законодательства претерпит значительные изменения относительно видов и иерархии нормативных правовых актов.

В переходный период (два года после вступления в силу изменений и дополнений Конституции) Парламент должен будет привести законы в соответствие с Конституцией (часть 2 статьи 142 Конституции) [1]. Поскольку необходимые законы еще не разработаны и не приняты, становится актуальным вопрос научного анализа иерархии национальной системы законодательства в контексте проведенной конституционной реформы Республики Беларусь.

Незыблемым остается постулат о высшей юридической силе Конституции Республики Беларусь – Основного Закона (часть 2 статьи 7 Конституции).

Конституция Республики Беларусь не дает четкого ответа на вопрос о юридической силе решений Всебелорусского народного собрания, только упоминая их, очерчивая круг вопросов, по которым они принимаются, и предоставляя возможность этому органу отменять правовые акты, иные решения

государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов (статья 89^3 и статья 89^5 Конституции).

Полагаем, что однозначный ответ должен быть сформулирован в законе о Всебелорусском народном собрании и в законе о нормативных правовых актах. Вместе с тем считаем справедливым мнение, высказываемое в научной литературе, что юридическая сила акта зависит от места государственного органа в системе государственного аппарата.

Статус Всебелорусского народного собрания закрепляется в статье 89^1 Конституции как высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Парламент, в свою очередь, является «просто» представительным и законодательным органом Республики Беларусь.

Из сказанного, на наш взгляд, следует, что нормативные правовые акты Всебелорусского народного собрания должны наделяться большей, чем закон юридической силой. Поэтому законы не могут изменять или отменять решения Всебелорусского народного собрания.

Учитывая, что стратегия развития общества и государства возлагается на Всебелорусское народное собрание, закономерным стало перераспределение полномочий по утверждению основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины и концепции национальной безопасности в пользу данного органа. Первые два полномочия изъяты из ведения Национального собрания Республики Беларусь, последнее – из ведения Главы государства.

Таким образом, очевиден вывод, что программные законы (Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 года №60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [7] и Закон Республики Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» [5]), а также Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [6] должны будут заменены соответствующими решениями Всебелорусского народного собрания, которым будет придана большая юридическая сила, чем законам Республики Беларусь и указам Президента Республики Беларусь.

Ныне действующая редакция части 1 пункта 3 статьи 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» [3], придающая большую юридическую силу программным законам, утрачивает свою актуальность и подлежит соответствующей корректировке. Сами программные законы после принятия Всебелорусским народным собранием необходимых решений будут выведены из системы законодательства и уйдут в прошлое.

Следующим важным изменением, реализованным в процессе конституционной реформы, стало изъятие из компетенции Главы государства права издавать акты, имеющие силу закона, – декреты. Неоднозначность соотношения законов и декретов, которая была отмечена еще в 2002 году в Концепции совершенствования законодательства, утвержденной Указом Президента от 10 апреля

2002 г. № 205 (пункт 15) [2], не была преодолена вплоть до референдума 2022 года, что порождало определенные проблемы в иерархии национальной системы законодательства.

Сложно сформулированные и вариативно воспринимаемые положения прежней редакции Конституции относительно декретов Президента породили различные точки зрения на их место в иерархии законодательства, вплоть до их большей юридической силе по сравнению с законами. Например, Высший Хозяйственный Суд в одном из своих постановлений указал, что «декреты и указы Президента Республики Беларусь, изданные не в связи с предоставленными законом полномочиями на их издание и имеющие расхождение с Гражданским кодексом или другим законом, должны применяться хозяйственными судами как акты более высокой юридической силы по отношению к кодексу или другому закону независимо от даты вступления в силу указа или декрета – до вступления в силу Кодекса или после» [4]. На наш взгляд, Пленум Высшего Хозяйственного Суда вышел за пределы своих полномочий, предложив свое толкование Конституции, в которой не содержалось нормы о большей юридической силе временных декретов, и прямо такое положение не вытекает. Более того, часть 2 статьи 85 Конституции четко говорила о равенстве юридической силы декрета и закона.

Конституционная реформа позволила однозначно решить проблему юридической силы декретов. Во-первых, убрав из полномочий Президента право издавать акты, имеющие силу закона, Конституция исключила декреты из системы законодательства. Во-вторых, ранее изданные декреты продолжают действовать до их признания утратившими силу через принятие закона. При этом их место в иерархии законодательства определяется достаточно четко. Они имеют приоритет только по отношению к тем законам, которые были принятым до их издания (часть 3 статьи 142 Конституции).

Еще одна проблема, устраненная Конституционной реформой 2022 г., связана с юридической силой указов Президента. Ранее, со ссылкой на статью 137 Конституции, доминировала точка зрения, что указы Президента не должны соответствовать законам, если они изданы на основании Конституции Республики Беларусь.

Изменения, внесенные в Конституцию на референдуме 2022г. (часть 2 статьи 85 Конституции), безальтернативно определяют, что указы и распоряжения Президента не должны противоречить законам. Иными словами, законам, а как следствие, и решениям Всебелорусского народного собрания придается большая, чем актам Главы государства юридическая сила.

Проведенное исследование позволяет уверенно утверждать, что конституционная реформа 2022 года положительно сказалась на иерархии национального законодательства, устранив ряд недостатков в системе национального законодательства.

Полагаем, что четко определяемая юридическая сила Конституции и нормативных правовых актов высших государственных органов и должностных лиц позитивно отразится на построении внутренне согласованной, непротиворечивой, транспарентной системы законодательства Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. : в ред. Решения респ. референдума от 04.03.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апреля 2002 г., № 205 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров : Постановление Пленума Высш. Хоз. суда Респ. Беларусь, 16 дек. 1999 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-З (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноя. 2010 г., № 575 (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 14 ноя. 2005 г. № 60-З (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПОНИМАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В. И. Павлов

Академия МВД Республики Беларусь, пр. Машерова, 6А,
220005, г. Минск, Беларусь, vadim_pavlov@tut.by

В статье обосновывается авторская концепция правопонимания, основанная на положениях антропологической концепции права. В основе антропологического правопонимания лежит представление о праве как правовой структуре, которую составляют правовой деятель, норма права и факт правовой жизни. Правовой деятель выступает главным элементом структуры.

Ключевые слова: правопонимание; антропология права; правовая структура; правовой деятель.

FEATURES OF LEGAL UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL METHODOLOGY

V. I. Pavlov

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Masherova Av., 6A, 220005, Minsk, Belarus, vadim_pavlov@tut.by

The article justifies the author's concept of law enforcement based on the provisions of the anthropological concept of law. The basis of anthropological law enforcement is the idea of law as a legal structure constituted by a legal figure, the norm of law and the fact of legal life. The legal figure is the main element of the structure.

Keywords: law enforcement; anthropology of law; legal structure; legal figure.

Антрополого-правовая методология в последние годы привлекает внимание все больше количество исследователей фундаментальных проблем правоведения. Ее суть заключается в попытке пересмотреть традиционное положение человека в правовой реальности как формально-догматическую единицу «субъект права» и на этой основе предложить понимание права и всех его элементов. В разрабатываемой автором антропологической концепции права такая исследовательская установка связана, прежде всего, с принципом человекомерности права, в соответствии с которым все элементы правовой реальности анализируются только в связи с действующим в них человеком, или правовым деятелем [1–2].

Отметим, что введение понятия правового деятеля, или человека в праве не связано с исключением из правового дискурса традиционного понятия «субъект права»: эти два понятия просто выражают соответственно два различных уровня правовой реальности. Методологический акцент на лице, действующем в праве, а не только на нормативной системе права и ее составляющих, требует уяснения вопроса о том, как понимается право согласно антрополого-правовой концепции. Сделаем оговорку, что исследователями антрополого-правовой проблематики, несмотря на наличие близких исходных установок правового познания, предлагаются различные подходы к базовым вопросам, лежащим в основе их подходов, в том числе и к вопросу правопонимания. Следовательно, ниже будет представлена авторская концепция правопонимания, вытекающая из соответствующих антрополого-правовых разработок.

Попытки представить модель правопонимания в связи с лицом, действующим в праве, всегда связаны с формулированием положения о недостаточности отыскания обобщающего логического понятия права. При этом антрополого-ориентированное правопонимание всегда основывается не только на критике позитивистских версий правопонимания, но и на недостаточности любой иной концепции, связывающей право с его определенным эссенциальным основанием, заключаемым в логическую форму. На это обращал внимание еще Н. Н. Алексеев, критикуя попытки выражения сущности права в его логическом понятии:

«…одинаково одномерны такие определения, как “право есть норма”, право есть воля, право есть интерес, право есть свобода, право есть порядок и т.д. Главное затруднение… заключается в том, что правовые феномены во всей их полноте никак не могут в них уместиться… право несводимо к одному измерению» [3, с. 73]. Многомерность природы права, полагал ученый, требует отказа от формулирования одного универсального определения права и перехода к описанию правовой структуры как необходимых данностей права, или правовой реальности, сконструированной на основе метода феноменологического анализа [3, с. 73].

Идея понимания права не как логического понятия, а как правовой структуры, состоящей из необходимых базовых элементов права, является исходной для антропологического правопонимания. Начиная с конца XX в., когда начинает формироваться постклассическая юриспруденция, идея поиска интегративной [4–5], а затем и интегральной [6–9] структур права приобрела новое значение по сравнению с интегративной юриспруденцией первой половины XX в. [10].

Поиск интегральных критериев был связан с осмыслением кризиса классической юридической рациональности, в том числе с недостаточным вниманием к человеческому измерению права. Не случайно именно концепция Н. Н. Алексеева, в которой главное место отведено правовому деятелю как главному компоненту правовой структуры, оказалась в поле внимания представителей постклассического правоведения. Аналогичные выводы можно сделать и относительно феноменологической концепции права А. Райнаха, в которой существенное внимание уделено человеку и правовому сознанию в структуре права [11]. В контексте этого представляется справедливым утверждение о том, что в современных дискуссиях о праве нередко «взаимная критика… сосредотачивается преимущественно вокруг определений и представляет собой “критику определений”, в то время как сама рассматриваемая правовая теория, само правовое учение как путь мысли, заключающий в себе и следы традиции, и новое прочтение, сравнительно мало оцениваются и исследуются как целостное явление» [12, с. 55].

Структура права согласно подходу Н. Н. Алексеева есть «правовой логос» права, его идеально-абстрактная модель, «чистый феномен», лежащий «за пределами всего временно-фактического со всеми его разнообразными свойствами и отношениями», это «идеальная целостность явлений права» [3, с. 147, 196–197]. Главным элементом структуры права является лицо, понимаемое не как традиционная категория «субъект права», а как лицо-правовой деятель – носитель обнаруживающихся в праве ценностей: «когда мы говорим о субъекте, мы не мыслим, конечно, субъекта права, как о нем учит юридическая теория. Субъект мыслится нами как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности, – в частности, актов признания» [3, с. 74]. Отметим, что под признанием Н. Н. Алексеев понимает не этическое, а интеллектуальное восприятие ценности [3, с. 71], что является важным условием верного понимания концепции ученого и одновременно составляет проблематичность обоснования проявления ценности.

Аналогичное понимание лица в праве, правовой личности предлагал и И. А. Ильин, хотя в концепции последнего отсутствует идея права как структуры [13].

Двумя другими элементами правовой структуры Н. Н. Алексеева являются обнаруживающиеся в праве ценности, а также правомочия и правообязанности, рассматриваемые как предикаты, задающие правовое отношение ценностей между собой и их носителем [3, с. 74–75].

Несмотря на то, что Н. Н. Алексеев не разрабатывал учение о человеке в праве, ограничившись лишь констатацией различения субъекта права и правового деятеля, тем не менее, сама по себе идея центральной роли человека в праве и связанных с ним правовых ценностей является очень значимой.

В авторской антропологической концепции права для разработки вопроса правопонимания также используется модель правовой структуры. Принцип человекомерности права, являющийся главным в антропологии права, трансформирует вопрос о сущности права в вопрос о правовой структуре как концептуальной и одновременно операциональной модели взаимодействующих базовых элементов права, среди которых главным является человек как правовой деятель.

Человекомерность в плане вопроса правопонимания означает необходимость рассмотреть элементы правовой реальности как расположенные вокруг человека как концентрированного центра, выражения права как особой системы антропологически ориентированного нормативного регулирования.

Акцент на действующем в праве человеке, понятом не только как формальная модель субъекта права, но и как правовая личность с присущими ей антрополого-правовыми характеристиками, требует включения и признания человека в праве, правового деятеля как необходимого, первого и главного составного элемента правопонимания, правовой структуры. Вместе с тем правовой деятель, хотя и может быть связан с правогенезом посредством признания общезначимых притязаний как ценностных, тем не менее, нуждается также в объективно выраженной, обращенной к нему позитивированной системе правовых предписаний. Таким образом, вторым необходимым элементом антропологического правопонимания выступает норма права как общезначимое правило поведения, выраженное в системе таких правил – в системе права.

Помимо человека как правового деятеля и правовой нормы третьим необходимым элементом антропологического правопонимания является определенная данность правовой действительности – факт правовой жизни, по поводу и в связи с которым происходит несколько важных процессов. Во-первых, взаимодействие с включенным в правовую фактичность другим лицом или лицами по поводу права, во-вторых, актуализация общезначимого правила поведения, в-третьих, начало процесса правовой субъективации как формирования правовой персональности от человека к субъекту конкретного правоотношения, включая формирование одно и двух сторонних моментов правовой субъективации как нормативно выраженной позиции лица.

Таким образом, антропологическое правопонимание включает в себя три необходимых базовых элемента права, представленных в виде антрополого-правовой структуры, или структурной модели права – человека как правового

деятеля, нормы права и факта правовой жизни. Право с представленной позиции понимается как правовая структура, ведущее место в которой принадлежит правовому деятелю, что связано как с эпистемологической установкой антропологической концепции права, связанной с формированием предметной области антропологии права, так и с активной конструктивной ролью правового деятеля относительно и нормы права, и факта правовой жизни.

Главная идея или сущность права в антрополого-правовой концепции, таким образом, выявляется в сопряжении трех элементов структуры, когда правовой деятель как ее главный элемент актуализирует и оказывает конструктивное воздействие на норму права и факт правовой жизни. По отношению к нему они актуализируются и вступают в сложное взаимодействие. С антрополого-правовой позиции только в связи и соотношении антропологического (человек в праве), нормативного (норма права) и фактического моментов (факт правовой жизни) правовой реальности и проявляется сущность права.

Библиографические ссылки

1. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учебное пособие. Минск : Академия МВД, 2017. 262 с.

2. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монограф. М. : Юрлитинформ, 2021. 560 с.

3. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Изд-во «Лань», 1999. 256 с.

4. Варламова Н. В. Интегративная юриспруденция и «чистое» учение о праве // Труды МГЮА. 2003. № 10. С. 147–151.

5. Евдеева Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. 26 с.

6. Дробязко С. Г. Современное правопонимание и его акценты // Право и современность : сб. науч. тр. 1998. С. 26–30.

7. Графский В. Г. Интегральное правопонимание в историко-философской перспективе // Труды МГЮА. 2003. № 10. С. 63–64.

8. Поляков А. В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 7–8.

9. Лапаева В. В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5. С. 5–13.

10. Ященко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 841 с.

11. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Собр. соч. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153–326.

12. Борщ И. В. Николай Алексеев как философ права : монограф. М. : Юрлитинформ, 2015. 168 с.

13. Ильин И. А. О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве. 2006. С. 180–508.

МОДИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. В. Перепелица

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, perepelinka@gmail.com

Автор задается вопросом о модификации прав второго поколения в условиях информационного технологического уклада. Платой за использование конвергентных технологий становится высокая степень социальной незащищенности. Делается акцент на проблеме регулятивных способностей права, которую актуализировал в свое время профессор С.Г. Дробязко.

Ключевые слова: конвергентные технологии; Интернет; информационные права; аналоговое право; С.Г. Дробязко.

MODIFICATION OF SOCIO-ECONOMIC RIGHTS IN THE VIRTUAL SPACE

E. V. Perepelitsa

National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 1a Berson Street, 220030, Minsk, Belarus, perepelinka@gmail.com

The author asks a question about the modifications of the rights of the second generation in the conditions of the information technology order. The price for using converged technologies is a high degree of social insecurity. Emphasis is placed on the problem of the regulatory abilities of law, which was updated in his time by Professor S.G. Drobyazko.

Keywords: S.G. Drobyazko; Convergent technologies; Internet; information rights; analogue law.

Когда создателя копенгагенского института теоретической физики, Нобелевского лауреата 1922 г. Нильса Бора спросили: «квант – это волна или частица», он ответил: «это и волна, и частица. В зависимости от того, кто на это смотрит» [3].

Если задаться вопросом о верности одного из утверждений, где первое: «Всемирная компьютерная сеть Интернет дает безграничную свободу», а второе: «Интернет рождает безграничный контроль и цифровое рабство», то как ни парадоксально, верными окажутся оба.

В результате бурного технического прогресса общество получает блага и уникальные возможности. Одновременно виртуальное пространство несет в себе большое количество до конца не верифицированных опасностей, рисков и угроз. Вследствие совокупного влияния конвергентных технологий уплотняются

социальные связи, меняется прежде сложившийся баланс публичных и частных интересов.

В условиях информационного технологического уклада человек с легкостью осваивает новые модели поведения, а общество как бы заново постигает науку взаимодействия. Информационное пространство вызывает к жизни множественные интеракции [6, с. 41], альтернативные «сюжеты» межсубъектной социальной связи – положительной и отрицательной. «Переход части традиционных связей и существующих отношений в формат электронного взаимодействия влечет резкий рост информационных правоотношений» [5, с. 24]. В ответ на происходящее правовые системы разных стран формируют новые законодательные механизмы. Нередко это происходит путем «”залатывания“ социальных пробелов, вызванного скачками информатизации» [4, с. 91]. Но очевидно, что одного этого недостаточно. Цифровая среда оказывает обратное воздействие на право. Вызываемые ею модификации носят скачкообразный и непредсказуемый характер. Значительная часть интеракций, составляющих социальное взаимодействие, переносится в цифровое пространство.

Ныне практически каждое право в той или иной степени наполняется цифровым содержанием, становится информационным. Более трудным, чем прежде, становится предприятие по реализации прав и свобод за рамками цифрового контекста. Индивидуальные и коллективные акторы осуществляют права через порог доступа к информации. В ответ на это неминуема трансформация обязательств государства как субъекта, призванного обеспечивать права своих граждан, особенно если оно правовое социальное демократическое. Как минимум, государство отвечает за инфраструктуру доступа к Интернету, который должен стать всеобщим и недорогим.

В данной связи обратимся к социально-экономическим правам как ключевой гарантии устойчивого развития правового государства и гражданского общества, отметив их наиболее очевидные модификации, происходящие в условиях информационной медиареальности.

Модификация первая. Данные права вступают в тесную взаимосвязь с правом на информацию как правом, относящимся к предшествующему – первому поколению. Иначе говоря, информационные права превращаются в средство реализации всех прочих прав. Привычные правомочия на социальное обеспечение в старости, право на жилище, на образование осуществляются через порог доступа к Интернету, как права, имеющего принципиально иную юридическую природу. Происходит определенного рода технизация социально-экономических прав. Каждое отдельно взятое право имплицитно, то есть неявно, содержит в себе право на доступ к Интернету, как бы предполагает такой доступ.

Модификация вторая. Реализуя социально-экономические и культурные права через посредство права на информацию, человек выходит в виртуальное пространство. Как бы законодатель ни пытался защитить от незаконных посягательств персональные данные, человек становится прозрачным, доступным для идентификации, лишь только с его стороны проявляется активность в сети. Скажем, не составляет большого труда определение его семейного и

профессионального статуса, вкусов, личных интересов, религиозных и политических взглядов, ценностей и разного рода предпочтений. Это свое рода плата за те технологии, к которым мы все более активно прибегаем и без которых уже слабо представляем собственную жизнь.

То есть, получая новые возможности реализации социально-экономических прав в виртуальном пространстве, человек становится слабо защищенным от несанкционированного проникновения в свои учетные записи в Интернете, от нарушения тайны переписки, уважения частной жизни.

Модификация третья. Всемирная сеть способствует активизации разного рода прав и свобод, в том числе социально-экономических [1, с. 34]. Если в доцифровое время человек мог довольствоваться пассивным состоянием, то в медиарельности он становится проактивным, приобретает возможность получать, скажем, онлайн-образование, реализовывать просветительские, культурные, научные, рекреационные возможности, работать в удаленном режиме, наконец. Даже если допустить неизменность устоявшегося перечня социально-экономических прав, ускоряется режим пользования ими. Впрочем, к сказанному стоит добавить, что виртуальная среда порождает феномен новой маргинальности, когда человек живет в иллюзорном мире, проявляя бурную активность, не покидая диван.

Модификация четвертая. Перечень рассматриваемых прав и свобод пополняется новыми категориями. Скажем, информационное пространство создает стимул для творческой, креативной деятельности. К примеру, возникает цифровое искусство как тот элемент человеческого творчества, который не был знаком нашим предкам. Права появляются, а возможности правовой защиты, например, авторских прав, напротив, уменьшаются. Опять же, результатом осуществления социально-экономических прав могут являться права интеллектуальной собственности, нередко нарушаемые путем распространения в Интернете нелегальных копий объектов авторского права.

Модификация пятая. Социально-экономические права, впрочем, как и права других поколений, ставятся в зависимость от информационно-коммуникационных технологий, без привязки к которым они сложно или вовсе не реализуются. Как известно, технологиям свойственно быстро устаревать, на смену одной приходит другая. И когда законодатель приспосабливает механизмы осуществления того или иного права к конкретным технологиям, может возникать ситуация, когда вновь образованные регуляторные механизмы нерелевантны ушедшим вперед технологиям.

Здесь необходимо отметить следующее. В настоящий момент основную часть конвергентных технологий составляет Интернет. Завтра на его смену придут квантовые технологии, системы искусственного интеллекта, машиночитаемое право. Однако же, не стоит забывать, что как таковая «природа человека не предполагает доступа к Интернету» [1, с. 34]. Вполне возможно, что люди будущего благополучно забудут о сегодняшних технологиях, как только придут другие, более совершенные и многообещающие.

Распространено мнение, что виртуальное пространство помогает решать те юридические проблемы, которые не были решены в реальном пространстве. Отчасти с этим можно согласиться. Если экстраполировать сказанное на сферу прав второго поколения, то подтверждающим примером могут служить права лиц с ограниченными возможностями. Доступ в информационное пространство потенциально облегчает данной категории граждан реализацию тех правомочий, которые были недоступными им без информационных технологий. Таковыми становятся, скажем, культурные, образовательные возможности. Но в целом, вопросов не становится меньше. Есть вероятность унаследования нерешенных проблем, присущих аналоговому праву, и их перенесения в информационное медиапространство.

Существуют ситуации, когда право осознает, что социальная действительность меняется под влиянием высоких технологий, и оно успевает отрефлексировать происходящие модификации на уровне доктрины, законодательства, юридической практики. Однако так бывает не всегда. Остаются риски неурегулированности новых интеракций и общественных отношений. И что в подобной ситуации лучше – их поспешная регламентация, либо «белые пятна» – пока до конца не ясно.

Можно сказать, что современный технологический уклад по-своему актуализирует вопросы, которыми в свое время задавался выдающийся юрист нашего времени, основатель отечественной школы теории права Степан Григорьевич Дробязко. Это вопросы о том, что собственно регулирует право; как необходимо урегулировать ту или иную ситуацию; чем конкретно надлежит руководствоваться, чтобы не ошибиться и упорядочить общественные отношения наиболее оптимальным образом [2, с. 9]. В любом случае перед современным правом стоит задача сделать так, чтобы происходящие модификации не приводили к нарушению социального равновесия.

Таким образом, как и другие категории прав и свобод, права и свободы второго поколения ныне перемещаются в виртуальное пространство. Необходимо, чтобы подобное перемещение не оказывало отрицательного влияния на реальность данной категории прав. Цифровые модификации несут большие плюсы и немалые минусы. И право еще не осознало, каким должен быть стать регулятивный ответ на вывозы времени.

Библиографические ссылки

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.

2. Дробязко С. Г. Что и как регулирует право в контексте формирования социального государства и гражданского общества // Право и демократия : сб. науч. тр. ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и др. Минск : БГУ, 2007. Вып. 18. С. 3–11.

3. Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе реальности [Электронный ресурс]. URL: https://coollib.com/b/328176-manzhit-kumar-kvant-eynshteyn-bor-i-velikiy-spor-o-prirode-realnosti/read (дата обращения: 01.09.2022).

4. Макаров О. С. Концептуальные направления правового регулирования в сфере информационной безопасности Республики Беларусь // Право.by. 2018. № 5. С. 91–96.
5. Минбалеев А. В. Актуальные проблемы информационного права в условиях цифровой трансформации // Информационное право. 2021. № 1. С. 23–27.
6. Трофимов В. В. Конфликтное право и право сотрудничества // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 40–48.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ГОСУДАРСТВО

А. В. Серегин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Стремянный переулок, 36, 117997, г. Москва, Российская Федерация, andrei-seregin@rambler.ru

В статье рассматриваются теоретико-правовые проблемы соотношения политической элиты и государства. Автор приходит к выводу, что современным славянским государствам необходимо сформировать собственную софикратию и воспитать новую политическую элиту, готовую к самопожертвованию ради защиты высоких духовно-нравственных ценностей своего народа.

Ключевые слова: политика; государство; политическая элита; образование; софикратия; славянская политическая элита; аристократия.

THE POLITICAL ELITE AND THE STATE

A. V. Seregin

Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny lane, 117997, Moscow, Russian Federation, andrei-seregin@rambler.ru

In the article, the theoretical and legal problems of the correlation of the political elite and the state are considered. The author comes to the conclusion that modern Slavic states need to form their own sophiocracy and educate a new political elite ready for self-sacrifice in order to protect the high spiritual and moral values of their people.

Keywords: politics; state; political elite; education; sophiocracy; Slavic political elite; aristocracy.

У различных народов эволюционный потенциал личности, общества и государства всегда определялся качественными характеристиками политической и духовной элиты, что перманентно вызывало необходимость в формировании у последней соответствующих нравственных, профессиональных и интеллектуальных качеств [5, с. 95]. В современной гуманитарной науке термин элита (от лат. eligere и фр. elite – лучшее, отборное, избранное) применяется для

обозначения ведущих социальных групп населения, возглавляющих иерархию общественного строя [5, с. 95].

Вместе с тем, его происхождение намного древнее, оно восходит к легендарной Спарте, в которой матери вручавшие щит своим повзрослевшим сыновьям напутствовали их словами: **ή ταύ ή επί τας** – с ним или на нём [1, с. 28]. Таким образом, к спартанской элите причислялись лишь павшие в бою за честь Спарты, ибо они составляли посмертный корпус «**элите**». Исконно русским словом, обозначающим элиту, является **«боярство»**. Политически здоровый народ всегда управляется элитой.

Более того, народ в современной юридической теории важно рассматривать как кровнородственную, культурно-языковую и политическую общность, состоящую из аристократии (священства и боярства), творцов-производителей (рабочих, служащих и земледельцев), плутократии (бизнесменов) и охлократии (деклассированных элементов, изгоев, лиц без определённого места жительства, преступников и др. антисоциальных элементов). Природа управления такова, что она требует получение огромного количества знаний, иногда и под грифом «**совершенно секретно**». Чтобы получать знания, необходимо иметь свободное время и находиться на содержании трудящегося общества. В архаические времена элитарное образование находилось в руках жречества, так было в Древнем Египте, Аккаде, Шумере, Ассирии, Персии и т.д., или им владели мудрецы, особые посвящённые, такие как Пифагор Самосский [2, с. 162-166]. Целостная система светского аристократического образования впервые была разработана Платоном, который считал, что философское учение – не для толпы, но для избранных. Оно не подлежит массовому тиражированию. Его предназначение – подготовка правителей и стражей (воинов) государства. В своих воззрениях Платон опирался на древневосточный миф о том, что при сотворении людей Бог примешал к каждому человеку определённый металл: тем, кто достоин был стать властителем, – золото; военным – серебро, а ремесленником и земледельцем – медь и железо [3, с. 516]. Причём, в данной концепции классовый признак не является строго наследуемым. Вследствие этого, необходимо более способных из низших слоёв переводить в высшие, а менее способных детей из высших слоёв в низшие [3, с. 516]. Выявление способностей ребёнка и молодого человека происходит, по Платону, в процессе воспитания и образования. Особую роль для общества имеют формирование навыков, профессиональных качеств и целевых установок будущих правителей. В целях предотвращения вырождения политической элиты Платон предлагает ей отрешиться от родственных чувств и личных симпатий. Другой классик эллинистической элитопедагогики – Аристотель, поставил задачу воспитать духовную аристократию единого греческого мира, предоставляя тайные знания, широкому кругу своих соотечественников, полагая, что постигнуть истину по силам лишь не многим достойнейшим. По этому поводу его знаменитый ученик Александр Македонский возмущался: «Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те же самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знанием о высших предметах» [4, с. 22-23].

В Древнем Риме образование в большей мере носило аристократический, статусный характер и было более прагматичным. Молодой патриций воспитывался сначала в семье, тут же часто и получал начальное образование. Следующей ступенью была грамматическая школа, где преподавались греческий и латинский языки, литература, затем шла риторическая школа, имевшая главной целью развитие ораторского искусства.

В раннем Средневековье образование будущей политической элиты носило также по преимуществу домашний характер. Его содержание тесным образом было связано с религиозным мировоззрением, базирующемся на учении о небесной и земной иерархии, отражающейся в сословно-феодальном строе реальной общественной жизни. При этом не стоит забывать, что, в первую очередь, средневековая элита была военизированной боевой прослойкой, милитарной силой правящего слоя, как у германских, так и славянских народов [7, с. 9-30]. Господство «элиты крови» предопределяло закрытость аристократического обучения, которое первоначально развивалось при дворах коронованных особ. Монополия венценосного образования закончилась в связи с созданием школ при монастырях. Некоторые из них отличались довольно высоким уровнем учёности. В XII – XIII вв. появление первых европейских университетов в Италии, Франции и Англии (с тремя главными факультетами: юридическим, теологическим и медицинским) привело, с одной стороны, к секуляризации, а с другой, – к расширению возможностей третьему сословию (будущим буржуа, разночинцам, бюргерам и даже зажиточным крестьянам) получать высшее образование [6, с. 40-42]. Прилежно изучая аристотелевскую логику, физику, латынь, греческий язык, метафизику, математику и др., студент получал степень бакалавра, с которой в дальнейшем мог продолжить образование и стать магистром. Последнему предоставлялось право повысить свою квалификацию и добиться присвоение докторской степени.

В России создание образовательных институтов для элиты началось в XVII – XVIII вв. Первым отечественным вузом была Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1687 г. по инициативе известного просветителя Симеона Полоцкого. Веком российского Просвещения по праву считается XVIII столетие, ознаменованное петровскими реформами, направленными на ускоренное промышленно-техническое, экономическое, военное и культурное развитие страны. В Российской Империи стали открываться школы: инженерные, навигационные, медицинские, землеустроительные. Пётр I настойчиво прививал русскому дворянству мысль о необходимости образования, порой превращая это в обязанность, в одну из служебных повинностей политической и военной элиты. Системе воспитания молодого шляхетства уделялось пристальное внимание.

Таким образом, в XVIII в. возник ряд закрытых учебных заведений – дворянских корпусов и школ (Школа математических и навигационных наук, Сухопутный шляхетский корпус, Пажеский и Инженерный корпус), где воспитанников не только готовили к государственной службе, но и давали более широкое образование в области истории, искусства, математики и естественных наук. Выдающуюся роль в развитии российской науки, а также в образовании элиты

сыграла основанная Петром I в 1724 г. Академия наук, ставшая питомником научных школ по основным направлениям естественных, технических и общественных знаний, выпестовавшим крупнейших учёных мирового значения. Важнейшими центрами, продолжившими процесс становления системы образования для элиты, стали основанный в 1726 г. Петербургский и в 1755 г. – Московский университеты. Недостаток этой системы заключался в том, что со времён Петра I общество раскололось на интеллигенцию и народ, друг друга не понимающий и не слышащий, ибо воспитание нового политического класса (дворянства) базировалось на ценностях западноевропейской цивилизации, а не славянской духовной сущности. Поэтому революция 1917 г. явилась закономерным итогом деградации всей правящей элиты, ибо нравственно низкие души легче всего отрывались от святыни народной жизни. В советский период воспитанием политической элиты занимались специализированные высшие партийные школы, преобразованные затем в 90-х гг. XX в. в академии государственной службы.

Вместе с тем, современная система образования не может воспитать настоящий слой профессиональных, честных и инициативных руководителей, так как её главной задачей является выживание и получение прибыли. Для исправления сложившегося положения, в рамках юридической славистики [8, с. 173-175], важно разобраться в структуре политической элиты, которую можно классифицировать по двум основаниям: 1) по характеру происхождения: на родовую аристократию и меритократию, добивающуюся высокого положения не по праву крови, а по заслугам; 2) по специфике выполняемых задач: на аристократию духа (или софикратию, говоря русским языком новое боярство); на аристократию разума (политиков, юристов, экономистов и т.д.); на аристократию силы (военные, полицейские, контрразведчики и т.д.); на аристократию труда и искусства (архитекторы, инженеры и т.д.). Самая важная задача для славянских народов заключается в необходимости сформировать собственную софикратию (от греч. «софия» – мудрость и кратос «править») – сословие нравственных мудрецов (учителей-наставников), власть которых заключается не в прямом принуждении подвластных, а в воспитании национальной элиты и формировании политико-правовой идеологии государства [9, с. 440]. С помощью софикратии можно возрождать и сохранять все виды аристократии. Но всегда, следует помнить, что семьи и роды всех социальных сословий общества с высококачественной наследственностью и стремлением к правде мы можем считать скрытой аристократией нашего славянского народа. Поэтому правительство обязано обеспечить бесплатность и доступность образования для всех граждан, независимо от их доходов и уровня жизни. Вместе с тем, при расширении набора студентов в два раза, систему межсессионной аттестации в вузах необходимо строить на основе **принципа пирамидального отсева студентов,** в соответствии с которым на второй курс могут быть переведены 50% от первоначальной численности слушателей, на третий – 40%; на четвёртый – 30%; а выпускников пятого курса может быть не более 20% (так, если на первый курс юридического факультета зачислят 200 поступающих, то аттестат о высшем образовании получат, лишь лучшие из лучших – 40 специалистов).

Элитарное воспитание славянского политического класса (нового боярства) должно строиться на принципах: **1) патриотизма (первенства государственных интересов), 2) нравственности (почитания, правды, чести, доблести и т.д.), 3) социальной открытости (доступности достойнейшим), 4) интеллектуальной конкуренции, 5) классицизма (академичности, традиционности и т.д.), 6) новаторства, 7) свободомыслия, 8) физического самосовершенствования (здоровый образ жизни), 9) уважения к закону, 10) витальности (признание высшей ценности за жизнью) и 11) культурности.**

В конечном счёте мы должны воспитать славянскую национальную элиту, способную быть эталонным носителем аристократического духа совести; справедливости; культуры; долга; чести; образованности; разумности; физического здоровья; нравственной чистоты; творческого гения; профессионализма; высокого уровня правового сознания и силы; готовую в любой момент защищать идеалы добра, свободы и независимости своего народа.

Библиографические ссылки

1. Кокурина Т. В. Греческие пословицы и поговорки. Их аналоги в русском языке. М.: ЛКИ, 2008. 152 с.

2. Колесников Ю. А., Серегин А. В., Яценко Т. С. Философско-правовые идеи Пифагора Самосского // Философия права. 2020. №2 (93). С. 162–166.

3. Платон Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1994. 654 с.

4. Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1990. Т. 2. 608 с.

5. Серегин А. В. Демократическая диктатура и самодержавное народоправство: сравнительно-правовое исследование государственных моделей управления. М.: Юрлитинформ, 2018. 208 с.

6. Серегин А. В. Сравнительно-правовой анализ юридического образования в Византийской империи и средневековых государствах Европы // Чёрные дыры в российском законодательстве. 2021. № 3. С. 40–42.

7. Серегин А. В. Древнеславянские дружины в системе раннего средневекового государственного управления: историко-правовой анализ юридического статуса зарождающегося служивого сословия // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 2. С. 9–30.

7. Серегин А. В. Предмет и метод юридической славистики // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 3-3. С. 173–175.

8. Энциклопедия правовой мысли. Учебное пособие / А. Ю. Мордовцев, Р. С. Изудинова, А. В. Серегин. М. Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2018. 572 с.

ЗАКОН О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

И. Г. Скороход

Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, skorohod.igor@mail.ru

В статье представлены авторские суждения о том, есть ли необходимость принятия в Республике Беларусь специального закона о гражданском обществе. В этой связи автором анализируется проблема нормативного закрепления в законе понятия «гражданское общество».

Ключевые слова: гражданское общество; закон; граждане.

LAW ON CIVIL SOCIETY: TO BE OR NOT TO BE?

I. G. Skorokhod

Belarusian State Economic University, Partizanski Av., 26, 220070, Minsk, Belarus, skorohod.igor@mail.ru

The article presents the author's judgments about whether there is a need to adopt a special law on civil society in the Republic of Belarus. In this regard, the author analyzes the problem of normative consolidation of the concept of «civil society» in the law.

Keywords: civil society; law; citizens.

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию 28 января 2022 г. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко определил: «В ближайшее время, если будет принята Конституция, мы примем закон и четко определим, что такое гражданское общество и что составляет суть этого гражданского общества и структуру» [7].

Принимая с докладом Министра юстиции Республики Беларусь Сергея Хоменко 21 апреля 2022 г., Президент вновь подчеркнул: «Обязательно надо людям и обществу четко дать сигнал, что такое гражданское общество, из чего оно у нас состоит, и это отразить в законах» [3].

Свое отношение к этой теме также высказали и ряд экспертов. Так, руководитель информационно-аналитического учреждения «Круглый стол демократических сил» Юрий Воскресенский считает, что принятие такого закона позволит развивать в стране демократию. Пока в стране нет сформированной политической культуры, то лучше, чтобы каждый шаг на этом пути был законодательно регламентирован [2].

«У меня нет вопросов к тому, что понятие «гражданского общества» нужно вернуть и наполнить его внятным содержанием», – отмечает журналист «СБ. Беларусь Сегодня» Андрей Муковозчик [6].

Судья Конституционного Суда Республики Беларусь Тадеуш Воронович обращает внимание, что «… на законодательном уровне не определено, что представляет собой гражданское общество, какие субъекты в него входят. Чтобы в дальнейшем формировать Всебелорусское народное собрание, обязательно будет принят и закон о гражданском обществе» [5].

17 июня 2022 г. на совещании по актуальным вопросам подготовки проектов правовых актов директор Национального центра законодательства и правовых исследований Вадим Ипатов рассказал, что в стране проводится работа по подготовке двух новых законов – о Всебелорусском народном собрании и о гражданском обществе [1].

Во всяком случае и во всех своих проявлениях идеи нормативной формализации гражданского общества должны быть обоснованы с научной точки зрения. К этому нас обязывает ст. 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», где закреплен принцип научности нормотворческой деятельности, который обеспечивается применением результатов научных исследований и прогнозированием последствий принятия нормативных правовых актов.

Поэтому в рамках данной статьи мы также выразим свою позицию по данному вопросу и попытаемся дать ответы на вопросы: есть ли необходимость в принятии специального закона о гражданском обществе и можно ли дать формализованное определение понятия «гражданское общество» в юридическом понятийном аппарате? Тем самым – это и есть цель нашей статьи.

Гражданское общество – это не застывшее явление, оно не пребывает в статике, а отличается динамичностью и незавершенностью развития. Во все времена вопросами гражданского общества (понятие, сущность, признаки, институты, развитие и др.) занимались, занимаются и, несомненно, будут заниматься исследователи из разных областей научных знаний (философы, юристы, историки, политологи, социологи, культурологи, антропологи и др.).

Однако ни в античные времена, ни в средневековый период, ни в новое, ни в новейшее время, так и не было выработано единой концепции, единого подхода к определению понятия «гражданское общество». Каждый этап развития человеческой цивилизации представлял свое понимание и видение гражданского общества, которое складывалось на основе существовавших на то время социальных явлений и взаимосвязей общества и государства. Как отмечает профессор Марченко М.Н., понятие гражданского общества никогда не оставалось стабильным. Вопрос о завершенности создания гражданского общества, его зрелости всегда будет носить спорный характер [4, с. 552–608].

Это свидетельствует, с одной стороны, о сложности, многоаспектности и многогранности самого понятия, а с другой стороны, отражает незавершенность процесса познания указанного феномена. Надо полагать, что данный процесс будет бесконечным. Гражданское общество и другие прогрессивные социальные феномены (например, демократия, верховенство права) – это идеи, обеспечивающие прогресс, к которым любое организованное людьми общество стремится в своем развитии. Если принять специальный закон о гражданском обществе, то однозначно не избежать его постоянных корректировок.

Широкая дифференциация научных исследований проблем гражданского общества показывает, что это сверхсложная суперсистема, представляющая собой многоликое, многохарактерное, разноструктурированное образование. Его

нельзя разместить в каких-то границах, а тем более поставить в нормативные рамки и сказать, что вот это, здесь гражданское общество, а в этом месте – нет. Гражданское общество оно и в Беларуси, и во Франции, и в Африке – гражданское общество. Точно также, как и демократия, права человека и даже лунный свет. Нельзя уподобиться позиции, что у нас свой особенный белорусский лунный свет.

В систему гражданского общества входит большое количество подсистем и элементов (гражданин, его права, обязанности и законные интересы, собственность, труд и свобода труда, правовое государство, равенство всех перед законом и судом, политический плюрализм, культура, религия, мораль, долг и многое другое), имеющих специфические цели, задачи, связи, не всегда совпадающие с целями, задачами других социально-правовых компонентов. Все разнонаправленные, разнонамеренные части гражданского общества добиваются удовлетворения своих потребностей и интересов. Иногда отдельные элементы пытаются навязать свою волю другим частям, достичь определенного влияния и полномочий (например, юридические иммунитеты – правовому равенству, интересы и потребности – обязанностям, работа – труду и т.д.).

Однако, достигнув точки бифуркации, синергетическое совместное действие гражданского общества как системы в целом, так и отдельных её частей самостоятельно, без притока энергии извне (без участия государства) находит оптимальное решение, самоорганизуется, самонастривается и, таким образом, саморазвивается. Поэтому гражданское общество как открытая самодостаточная система не управляется государством, в том числе, посредством принятия и действия закона, а самоорганизуется за счет кооперативного (совместного) действия образующих систему элементов (не запрещенное законом разрешено, личность, свобода, достоинство, самостоятельность местного самоуправления, плюрализм мнений и др.). При этом правотворческая роль государства как внешнего регулятора общественных отношений может включаться тогда, когда внутренний потенциал саморегулирующейся, самоорганизующейся системы оказывается исчерпанным или неэффективным. В этом случае задача государства заключается в создании условий для свободного и достойного развития личности, в реализации взаимных обязанностей и обоюдной ответственности государства и граждан. Собственно говоря, такая формула закреплена в ст. 2 Конституции Республики Беларусь: государство обеспечивает охрану правопорядка, борется с преступностью, создает благоприятные условия для реализации гражданами своих прав и свобод, активности и предприимчивости. В свою очередь, граждане обеспечивают законопослушание, защиту государства, уплату налогов. Но в рамках гражданского общества все строится на горизонтальных связях.

В этом плане показателен пример самоорганизации граждан Беларуси во время пандемии короновируса. 1 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку коронавирусной инфекции пандемией.

В связи с этим были введены строгие правила соблюдения необходимых мер защиты населения от вируса, в том числе путем социального дистанцирования. Однако наше государство избрало особый путь, отказавшись вводить режим изоляции для населения. Не закрывались государственные границы, проводился чемпионат страны по футболу, с 20 апреля возобновились занятия в школах, 25 апреля состоялся общереспубликанский субботник, прошло празднование 75-

летия Победы во Второй мировой войне. Избранная тактика была рассчитана на то, что большинство населения переболеет коронавирусной инфекцией, в результате чего в короткие сроки будет выработан коллективный иммунитет. Вместе с тем число заболевших новым вирусом росло. Вот тогда в стране и проявилась гражданская солидарность, а горизонтальные связи вышли на поверхность. Произошел всплеск благотворительности, начали появляться различного рода волонтёрские проекты, помогавшие в борьбе с инфекцией. Был отмечен рост внеинституциональных форм взаимопомощи или просто помощи на личном уровне: доставка продуктов к двери дома или квартиры пожилым людям, бесплатная готовка ресторанами и кафе блюд и их доставка для медицинских работников, пошив масок и комбинезонов медикам, работающим в стационарах, распространение антисептиков среди пожилых людей, одна из столичных служб такси запустила акцию с бесплатными поездками для медперсонала и многое другое. Как было заявлено в программе «Панорама» 3 апреля 2020 г. «против коронавируса объединилась вся Беларусь». Участниками таких форм самоорганизации являлись отдельные граждане или группы граждан, действующие без прямой связи с государством.

При формализации гражданского общества государством есть все основания полагать, что классическая конструкция механизма правового регулирования, сложившаяся в позитивном праве (юридическая норма – правовое отношение – реализация права), представляется весьма упрощенной линейной схемой, отражающей процесс, который в реальности работать не будет. Общество всегда было, есть и будет первично (род, племя, братство, клан, тейп, семья и др.), а государство – вторично. Из общества происходит государство, а не наоборот. Общество всегда опережало государство. Если где-то случалось в обратном порядке (например, в нацистской Германии в середине 20 века), то, как показывает история, ни к чему хорошему такая комбинация не приводила. Поэтому нарочито написанное государством (в виде позитивного закона) «синтетическое гражданское общество» – это заведомо бесперспективный субститут. Подобное «государственное гражданское общество» нейтрализует естественное гражданское общество в его зародыше.

Библиографические ссылки

1. Актуальные вопросы подготовки проектов правовых актов обсудили в Минске [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2022. URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/june/70493/ (дата обращения: 22.07.2022).

2. Воскресенский: закон о гражданском обществе защитит от «латентных сталинистов» [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. 2022. URL: https://sputnik.by/20220131/voskresenskiy-zakon-o-grazhdanskom-obschestve-zaschitit-ot-latentnykh-stalinistov-1059909066.html (дата обращения: 02.06.2022).

3. Доклад Министра юстиции Сергея Хоменко [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. 2022. URL: https://president.gov.by/ru/events/doklad-ministra-yusticii-sergeya-homenko (дата обращения: 30.05.2022).

4. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование) : учеб. пособие. М. : Проспект, 2015. 648 с.

5. Миклашевич П. П. Конституционный Суд – арбитр в системе государственной власти [Электронный ресурс] // Партал выдавецкага дома «Звязда». 2022. URL: https://zviazda.by/be/node/243112 (дата обращения: 15.07.2022).
6. Понятие «гражданское общество» предлагается вернуть и отмыть от грязного. Возвращение скраденного [Электронный ресурс] // СБ. Беларусь Сегодня. 2022. URL: https://www.sb.by/articles/ vozvrashchenie-skradennogo-.html (дата обращения: 10.07.2022).
7. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. 2022. URL: https://president.gov.by/ru/events /aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu (дата обращения: 25.04.2022).

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В. А. Шаршун

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, sharsh1970@gmail.com

Рассматриваются вопросы обеспечения доступности правовой информации как важного фактора формирования правовой культуры граждан в условиях цифровой трансформации. Вносятся предложения, направленные на обеспечение свободного доступа к актуальной правовой информации, участия граждан в публичном обсуждении проектов правовых актов.

Ключевые слова: правовая культура; правовое просвещение; законодательство; информационно-правовые ресурсы; правовое воспитание.

ON SOME QUESTIONS OF THE FORMATION OF THE LEGAL CULTURE OF CITIZENS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

V. A. Sharshun

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, sharsh1970@gmail.com

The issues of ensuring the availability of legal information as an important factor in the formation of the legal culture of citizens in the context of digital transformation are considered. Proposals are being made aimed at ensuring free access to up-to-date legal information, the participation of citizens in the public discussion of draft legal acts.

Keywords: legal culture; legal education; legislation; information and legal resources; legal training.

Важным элементов правового государства является высокий уровень правовой культуры общества. Если показателем эффективного развития общества в целом считают материальные и духовные достижения людей, то состояние правовой культуры общества можно оценивать на основании достижений в сфере права и государства, формирования сбалансированной правовой системы, обеспечивающей права и законные интересы граждан, состояния законности и правопорядка.

Правовая культура представляет собой важную часть культуры общества, которая отражает состояние правовой жизни индивида, социальной группы, народа. Как системное образование правовая культура включает в себя ряд структурных элементов: материальные, обусловленные системой правовых отношений и юридических актов, и духовные – элементы правового сознания, правовые взгляды, убеждения, знания, система правовых оценок и т.п.

В юридической литературе нет единого мнения относительно содержания понятия «правовая культура». Выдающийся белорусский теоретик права С. Г. Дробязко определяет правовую культуру как «систему воспроизводства правовых ценностей, выражающихся в реальном устойчивом прогрессивном правовом сознании, истинном восприятии и развитии правовых принципов и основанных на них систематизированных юридических актов, устанавливаемых и реализуемых в соответствии с устоями правовой законности и правового порядка» [1, с. 12].

В. П. Сальников полагает, что правовая культура «есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям» [2, с. 629]. Известный российский ученый В. С. Нерсесянц полагает, что «правовая культура – это весь правовой космос, охватывающий все моменты правовой формы общественной жизни людей. Культура здесь как раз и состоит в способности и умении жить по этой форме, которой противостоит неоформленная (неопределенная, неупорядоченная, хаотичная, а потому и произвольная) фактичность...» [3, с. 43].

Таким образом, правовая культура отражает исторически сложившийся уровень правосознания путем познания мира права, приложения волевых усилий и правовых представлений, знаний для формирования должного уровня правовых отношений. Правовая культура – это сложное явление по своей внутренней структуре, она рассматривается в широком и узком смыслах: как правовая культура общества и правовая культура личности. Правовая культура и правовое сознание являются важными факторами обеспечения национальной безопасности в процессе общественного развития.

Подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что анализ действующей системы нормативных актов, их упорядоченности и эффективности можно рассматривать в качестве важного параметра оценки правовой культуры общества. В этой связи важным являются не только четкая система законодательства и его понятность для граждан, но и обеспечение доступности законодательства для широкого круга лиц. Ведь формирование правовой культуры

граждан осуществляется в рамках мероприятий правового просвещения и правового воспитания, что предполагает свободный доступ к источникам права, прежде всего, нормативным правовым актам.

Новые возможности для процессов формирования правовой культуры и правосознания граждан предоставляют информационные технологии, активное внедрение которых во все сферы государственной и общественной жизни осуществляется в рамках глобальных тенденций цифровизации. Одной из важнейших составляющих в этом направлении является реализация конституционного права граждан на доступ к информации, включая правовую. Решение этой задачи в нашей стране обеспечивается функционированием государственной системы правовой информации (далее – ГСПИ).

В соответствии с Положением о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712, ГСПИ представляет собой организованную совокупность эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь, государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающую взаимодействие государственных органов, Национального центра правовой информации и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов. Для формирования правовой культуры граждан важное значение представляет «внешний» контур ГСПИ, который включает как совокупность государственных информационно-правовых ресурсов, предоставляющих доступ к правовой информации, так и инфраструктуру, на базе которой граждане получают доступ к правовой информации в виде публичных центров правовой информации, созданных на базе общедоступных библиотек (далее – ПЦПИ).

К числу таких информационно-правовых ресурсов относятся информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» и совокупность правовых интернет-ресурсов (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (далее – Портал), Детский правовой сайт, сайт «Правовой форум Беларуси»). Данные ресурсы дают возможность для получения актуальной правовой информации как нормативной, так и правоприменительной, а также дают возможность гражданам самим принять участие в нормотворческом процессе и, по существу, реализовать свое конституционное направо на участие в управлении делами общества и государства.

Так, информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» предоставляет широкие поисковые возможности как для получения актуальной нормативной, так и правоприменительной правовой информации. В настоящее время в ресурсе содержится свыше 360 000 документов, в том числе более 245 000 нормативных правовых актов, свыше 50 000 материалов правоприменительной практики и более 52 000 материалов судебной практики.

Портал является основным государственным информационно-правовым ресурсом в сети Интернет. В числе прочего он выполняет важнейшую функцию

единственного источника официального опубликования нормативных правовых актов в Беларуси. За 10-летний период после внедрения такого опубликования на портале в электронном виде опубликовано свыше 95 000 нормативных правовых актов. Кроме того, на портале в актуальном состоянии в свободном доступе размещены также все кодексы Республики Беларусь и другие важнейшие нормативные правовые акты, а также значительный массив научной правовой информации в сфере правовой информатизации.

Вместе с тем, по нашему мнению, настало время обеспечить на Портале свободный доступ к текстам актов законодательства Республики Беларусь в актуальной редакции с учетом внесенных изменений, а не только к текстам актов, официально опубликованных на определенную дату в первоначальной редакции. Соответственно нуждается в корректировке и статья 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Следует отметить, что данный подход реализован в ряде государств. Так, в Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 марта 2022 г. № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» с 1 июля 2022 г. на указанном портале размещаются тексты правовых актов с учетом внесенных изменений. Данные тексты являются официальными [4].

В настоящее время государственными органами используется практика направления на официальное опубликование нормативных правовых актов в неполном изложении в соответствии с абзацем вторым пункта 4 статьи 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [5]. При этом в соответствии с данной нормой нормативные правовые акты в полном объеме подлежат включению в эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь, за исключением текста проекта международного договора, в отношении которого принят (издан) нормативный правовой акт о проведении переговоров по соответствующему проекту и (или) о его подписании, а также, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Таким образом, граждане в подобных случаях лишены возможности ознакомиться с полным текстом соответствующего нормативного правового акта при его официальном опубликовании. Для этого им нужно обращаться к информационно-поисковым системам, доступ к которым предполагает внесение соответствующей платы, или же обращаться за доступом к таким системам в ПЦПИ. В то же время электронное официальное опубликование на Портале дает возможность публиковать нормативные правовые акты любого объема в короткие сроки. В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, требуется соответствующая корректировка пункта 4 статьи 60 Закона Республики Беларусь. Это будет способствовать более полной реализации положений части пятой статьи 7 и части первой статьи 34 Конституции Республики Беларусь.

В Республике Беларусь с 2008 г. функционирует Детский правовой сайт – специализированный ресурс для детей и подростков, предоставляющий им в доступной форме, в том числе и в форме различных игр правовой тематики, правовую информацию и способствующий выработке у них навыков

законопослушного поведения. Сайт «Правовой форум Беларуси» дает возможность гражданам обсуждать правовые вопросы и получать ответы на них от квалифицированных юристов. Кроме того, в рамках нормотворческого процесса важным средством обеспечения участия граждан в управлении делами государства является создание эффективных механизмов публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. С 2019 г. в соответствии со статьей 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» этот ресурс был определен в качестве основной интернет-площадки для публичного обсуждения проектов правовых актов. С момента создания данного ресурса в 2013 г. на сайте «Правовой форум Беларуси» было проведено публичное обсуждение свыше 680 проектов нормативных правовых актов, в том числе в 2021 г. – 175. Также в ходе подготовки изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь для сбора замечаний и предложений граждан был задействован Портал, в результате чего поступило 8 919 таких обращений [6]. Данный ресурс представляет собой очень важный канал обратной связи между государством и гражданами, который дает возможность узнать их мнение и создать более совершенные нормативные правовые акты, отвечающие запросам общества.

Публичное обсуждение гражданами проектов является формой реализации их конституционного права на участие в управлении делами государства и общества. Вместе с тем, в рамках развития сайта, по нашему мнению, требуется совершенствование электронных сервисов по оказанию бесплатной правовой помощи.

Важным элементом ГСПИ является также инфраструктура, обеспечивающая непосредственную работу с гражданами по правовому просвещению и формированию их правовой культуры, – система ПЦПИ. В настоящее время в республике функционирует 625 таких центров. Сегодня ПЦПИ созданы на базе каждой четвертой публичной библиотеки республики. При этом в городах они работают в каждой второй публичной библиотеке, в сельской местности – каждой шестой [7, с. 771].

Предоставление информации, в том числе и ПЦПИ, как справедливо отмечают российские исследователи М. Л. Давыдова и Р. П. Кушнирук, можно рассматривать в качестве вида участия граждан и иных субъектов в электронной демократии. Будучи наиболее простой формой реализации принципов электронной демократии, такое информирование представляет собой набор средств информационного обмена, обеспечивающих доступ граждан к информации о разрабатываемых, действующих нормативных правовых актах, а также об иных сведениях (информации) о деятельности органов государственной власти [8, с. 103].

Таким образом, решение государственной задачи по формированию правовой культуры граждан в настоящее время не представляется возможным без обеспечения широкого доступа к соответствующим информационно-правовым ресурсам. В Республике Беларусь формой такого доступа является государственная система правовой информации, обеспечивающая как формирование соответствующих ресурсов на основе широкого спектра актуальной правовой информации, так и их предоставление широкому кругу лиц. Сегодня система

государственных информационно-правовых ресурсов обеспечивает широкие возможности предоставление актуальной и достоверной как нормативной правовой, так и правоприменительной информации. В то же время данная система и соответствующие ресурсы требуют своего дальнейшего совершенствования и развития, в том числе в части информационного наполнения, предоставления возможностей свободного доступа к текстам нормативных правовых актов в актуальной редакции, сервисных возможностей для пользователей, включая расширение возможности получения бесплатной правовой помощи. При этом в качестве важной составляющей процессов формирования правовой культуры в настоящее время актуализируется повышение заинтересованности граждан в публичном обсуждении проектов правовых актов как формы их участия в управлении делами общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Дробязко С. Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола (Минск, 3–5 февраля 2005 г.). Минск : МИТСО, 2005 . С. 10–15.

2. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. – 776 с.

2. Теория государства и права: Курс лекций. М.: Юристъ, 2000.

3. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 1997.

4. Тексты НПА с внесенными в них поправками, размещаемые на портале pravo.gov.ru, будут считаться официальными [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. 2022. URL: https://www.garant.ru/news/1531144/ (дата обращения: 13.04.2022).

5. Об утверждении отчета Национального банка за 2021 год: Указ Президента Республики Беларусь, 22 апреля 2022 г., № 149 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200149&p1=1. – Дата доступа: 29.06.2022; О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2020 г. № 70: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 23 марта 2020 г. № 166 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000166&p1=1. – Дата доступа: 29.06.2022.

6. 10 дней до республиканского референдума. PRAVO.BY о том, как проходило всенародное обсуждение проекта изменений и дополнений Конституции – белорусская новация и уникальный опыт, которому нет аналогов ни в одной стране мира [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2022. URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2022/ february/ 68776/ (дата обращения: 28.03.2022).

7. Шаршун В. А. Актуальные вопросы функционирования публичных центров правовой информации в Республике Беларусь // Информационные технологии и право:

правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 771-776.

8. Давыдова М. Л., Кушнирук Р. П. Цифровое информирование как форма электронной демократии: особенности правового регулирования // Актуальные проблемы современного права. 2017. С. 101–116.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП

О. Н. Шупицкая

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, oshupitskaya@mail.ru

Правовое государство – многозначное понятие, которое, в том числе, используется и для обозначения одного из конституционных принципов. Как важнейшее конституционное положение принцип правового государства занимает особое место в системе конституционных принципов, играя в ней детерминирующую и связующую роль.

Ключевые слова: конституционный принцип; правовое государство; система конституционных принципов; конституционная модель.

THE RULE OF LAW AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE

O. N. Shupitskaya

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Street, 230023, Grodno, Belarus, oshupitskaya@mail.ru

The rule of law is a multi–valued term, which, among other things, is used to designate one of the constitutional principles. As the most important constitutional provision, the principle of the rule of law occupies a special place in the system of constitutional principles, playing a deterministic and binding role in it.

Keywords: constitutional principle; rule of law; system of constitutional principles; constitutional model.

Термин «правовое государство» широко используется в современной научной литературе. Причем представителями различных наук: философии, социологии, истории, юриспруденции. Под правовым государством понимают идею, концепцию, форму политической власти, модель государства, принцип. Их суть, безусловно, похожа. Вместе с тем рассмотрение правового государства как конституционного принципа, осуществляемое преимущественно специалистами в области конституционного права, имеет определенную специфику: рассмотрение его в системе

конституционных принципов и определение места данного принципа, а, значит, и роли в конституционной модели государства.

Принцип правового государства, как и иные конституционные принципы, формировался на протяжении истории существования человеческого общества в результате развития общественных отношений (о чем указывал в своих работах автор [12, 13]). Он представляет собой своего рода ответ на вопрос об оптимально, эффективно устроенном государстве и обществе. Как отмечает Г. Загребельский, он наряду с иными конституционными принципами «выполняет собственно конституционную функцию», «формирует условия жизни общества и государственное устройство» [5, с.73].

Как и иные конституционные принципы, принцип правового государства характеризуется устойчивостью, императивностью, нормативностью, применимостью. Его также характеризует некоторая подвижность. Данное свойство связано с возможностью трансформировать понимание данного принципа в процессе его толкования, что осуществляется применительно к определенному периоду существования государства. Как утверждал Р. Дворкин в отношении конституционных принципов: они «должны пройти сквозь фильтр представлений об этих понятиях, создаваемых, как правило, высшими судами», чтобы быть реально действующими элементами механизма конституционно-правового регулирования [4, с. 109-120].

Конституционный принцип правового государства впервые нашел свое закрепление в Конституции белорусского государства от 15 марта 1994 года [7]. Указание на него содержалось уже в преамбуле Основного Закона, а также части первой статьи 1 Конституции Республики Беларусь, которую принято рассматривать как норму, характеризующие принципы конституционного строя [7]. Его отдельные аспекты раскрывались (и продолжают раскрываться) и в других статьях белорусской Конституции. Размещение принципа правового государства в начальных частях Конституции свидетельствует об осознании его важности белорусским законодателем. Кроме того, закрепление идеи правового государства в тексте Основного Закона свидетельствует о признании его нормативного характера.

Конституционные принципы имеют особое значение для Конституции любого государства. И здесь нельзя не согласиться с И. А. Алебастровой, что они представляют собой «костяк, «суперконституцию», «конституцию в конституции и для конституции» [1]. Следует, наверное, добавить, что конституционные принципы важны не только для нормативного правового акта или системы законодательства, но и для всей национальной правовой системы. Таким образом, они имеют не просто значимость, а особую значимость для государства и общества.

Размещение принципа правового государства в Разделе I Конституции Республики Беларусь создает и повышенные возможности для обеспечения его устойчивости, поскольку данный раздел Основного Закона может быть изменен лишь посредством референдума, т.е. в более сложном порядке, чем иные составляющие Конституции. Определенный потенциал для его стабильности сохраняется. Виделось бы правильным признание принципа правового государства не подлежащим изменению, как это имеет место, например, в Основном Законе Федеративной Республики Германии.

Принцип правового государства выступает ядром системы конституционных принципов, на что правильно указывает А. Н. Кокотов, определяя его дословно следующим образом: «Собственное ценностное ядро, предопределяющее содержание всех иных исходных конституционных принципов» [6, с.2163]. Его важность подчеркивает и Г. Гаджиев [3, с.28]. На особое значение данного принципа указывает и Н. С. Бондарь. Правда, он говорит об этом через призму такой его составляющей, как верховенство права [2, с.109]. Будучи центральным звеном конституционных принципов, принцип правового государства предопределяет иные конституционные принципы, их объединяет, используется для толкования их содержания. Анализ решений Конституционного Суда Республики Беларусь, в частности, показывает, что при обосновании своих правовых позиций белорусский орган конституционной юстиции, в первую очередь, ссылается на принцип правового государства. Примерами могут являться решение о рассмотрении вопроса об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании [10], решение, касающееся Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» [9], решение о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь [11] и др.

Принятые на республиканском референдуме изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь [8], как представляется, в том числе были направлены и на изменение нормативного выражения конституционного принципа правового государства, т.е. принципов, посредством которых он воплощается в реальные общественные отношения. Новации коснулись таких конституционных принципов, как принцип верховенства права, разделения властей, обеспечения прав и свобод индивида и др.

Принцип верховенства права, предусмотренный частью первой статьи 7 Конституции Республики Беларусь, подразумевает в настоящее время существование такой системы законодательных актов, в которой она обладает высшей юридической силой, и все иные нормативные правовые акты издаются на основе и в соответствии с ней. Кроме того, данный принцип сочетается с принципом прямого действия Основного Закона Республики Беларусь.

Конституционный принцип разделения властей выражается в условиях современного белорусского государства в такой форме правления, как президентско-парламентская республика. Между тем, его нормативное выражение изменено. Полномочия Президента Республики Беларусь как Главы государства сокращены. Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Республики Беларусь более двух сроков. Уменьшены полномочия белорусского парламента, в частности, в части формирования иных государственных органов. В белорусском государстве должен быть сформирован новый государственный орган – Всебелорусское народное собрание. Оно, согласно части первой статьи 89^1 Основного Закона, является «высшим представительным органом народовластия» [8].

Конституционный принцип обеспечения прав и свобод личности реализуется в современном белорусском государстве с учетом социальной ответственности индивида перед государством и обществом.

Таким образом, конституционный принцип правового государства является ядром системы конституционных принципов и призван способствовать совершенствованию белорусского государства и общества.

Библиографические ссылки

1. Алебастрова И. А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источников [Электронный ресурс] // Center-Bereg.ru. 2022. URL: https://center-bereg.ru/l3022.html (дата обращения: 10.09.2022).
2. Бондарь Н С. Судебный конституционализм в России. М., 2012. 544 с.
3. Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы – друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрении. 2008. № 2 (63). С. 22–45.
4. Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. 392 с.
5. Загребельский Г. Толкование законов: стабильность или трансформация? // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 73–89.
6. Кокотов А. Н. Право конституции в российском прав // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2161–2168.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 27 декабря 2021 г., № Р-1289/2021 // Конституционный Суд Республики Беларусь. 2022. URL: http://www.kc.gov.by/document-73763 (дата обращения: 10.09.2022).
10. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 4 января 2022 г., № Р-1301/2022 // Конституционный Суд Республики Беларусь. 2022. URL: http://www.kc.gov.by/document-73743 (дата обращения: 10.09.2022).
11. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 6 декабря 2021 г., № Р-1283/2021 // Конституционный Суд Республики Беларусь. 2022. URL: http://www.kc. gov.by/document-73323 (дата обращения: 10.09.2022).
12. Шупицкая О. Н. Реализация конституционных принципов в судебном правоприменении // Правоприменение. 2020. № 4 (1). С. 56–64.
13. Шупицкая О. Н. Конституционные принципы и нормы как основа уголовного процесса // Право.by. 2021. № 2. С. 76–80.

ПОНЯТИЕ ТЕРМИНА «ТЕОРИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

О. В. Вербова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, olga_verbova@mail.ru

Данная статья посвящается новому междисциплинарному исследованию – терапевтической юриспруденции и понятию термина «теория». Эта статья призвана внести некоторую ясность в смысл термина «теория» в юридических исследованиях в целом, а также путем оценки теоретической и методологической природы терапевтической юриспруденции в частности.

Ключевые слова: юриспруденция; терапевтическая юриспруденция; теория; теория государства и права; междисциплинарные исследования; методология юридической науки; методы юридических исследований.

THE CONCEPT OF THE TERM "THEORY" IN MODERN JURISPRUDENCE

O. V. Verbova

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Street, 230023, Grodno, Belarus, olga_verbova@mail.ru

This article is devoted to a new interdisciplinary research - therapeutic jurisprudence and the concept of the term "theory". This article is intended to bring some clarity to the meaning of the term "theory" in legal research in general, as well as by assessing the theoretical and methodological nature of therapeutic jurisprudence in particular.

Keywords: jurisprudence; therapeutic jurisprudence; theory; theory of state and law; methodology of legal science; methods of legal research.

В последние десятилетия природа юридических исследований является предметом бурных дискуссий во всем мире. Споры о природе юридических исследований имеют серьезные последствия для практики юридических исследований. Это приводит к трудностям в междисциплинарных исследовательских проектах. Из-за отсутствия ясности в отношении значения слова «теория» в юридических исследованиях, а также из-за недостаточно развитой или недооцененной методологии в научных работах возникают проблемы.

В современных исследованиях сформировалось новое направление – терапевтическая юриспруденция. Это междисциплинарное, инновационное направление практической деятельности и науки, которое для исследования терапевтического потенциала законов и правовой системы вообще соединяет в себе и интегрирует теоретические знания и эмпирические данные юриспруденции и

социальных наук. В рамках терапевтической юриспруденции утверждается, что закон имеет определённого рода влияние на психическое здоровье людей и на их психосоциальное функционирование и поведение в целом.

Таким образом, терапевтическую юриспруденцию можно рассматривать как школу мысли и исследований, которая характеризует закон «как социальную силу, которая может иметь терапевтические или антитерапевтические последствия» [1, с.7]. Исследователи, интересующиеся терапевтической юриспруденцией, определяют закон как правовые нормы, юридические процедуры, а также роли и поведение юридических лиц, таких как юристы и судьи, и сосредотачиваются на влиянии закона на психическое и физическое благополучие вовлеченных лиц. Часто ученые, проводящие исследования, связанные с терапевтической юриспруденцией, также рекомендуют изменить закон, чтобы сделать его применение и результаты более благоприятными для психологического или физического благополучия человека, не игнорируя при этом необходимость полного уважения других фундаментальных ценностей, таких как справедливость и надлежащая правовая процедура.

Существует ряд причин, по которым терапевтическую юриспруденцию следует выбирать в качестве инструмента для лучшего понимания значения теории и методологии юридических исследований. Во-первых, существует большое и постоянно растущее количество исследований по терапевтической юриспруденции. Кроме того, хотя некоторые исследования можно охарактеризовать как монодисциплинарные [2], другие проекты носят более междисциплинарный характер. Наконец, некоторые исследователи уже прямо затронули вопросы теории, методов и методологии юридических и неправовых исследований, связанных с терапевтической юриспруденцией.

Термин «теория» можно рассматривать как ключевое понятие науки в целом, а в юридической науке – как академической дисциплины. Тем не менее, точное значение слова «теория» часто неясно. В большинстве областей теория должна быть проверена; это гипотеза, предсказание и, следовательно, подлежит доказательству. Когда ученые-юристы используют слово «теория», они, кажется, имеют в виду (большую часть времени) что-то, что они считают глубоким, оригинальным и совершенно не поддающимся проверке [3, с.668].

Неполный обзор литературы, относящейся к юридической дисциплине и за ее пределами, показывает, что несколько исследователей пытались определить значение термина «теория». Лемперт, например, утверждает, что научная теория всегда стремится «разобраться в окружающем мире» [4, с.880]. Часто делают вывод, что понятие теории не имеет однозначного значения. Паттерсон, например, ссылается на «разнообразие теорий» [5, с.4]. Эпштейн и Мартин утверждают, что это понятие относится к «разным вещам в зависимости от дисциплины и проекта» [6, с.31].

Ряд ученых исследовали различные значения слова «теория». Максвелл утверждает, что теорию не следует рассматривать как «загадочную и загадочную сущность, которую на каком-то этапе обучения вы научитесь понимать и осваивать» [7, с.49]. Для него теория относится к «набору концепций и идей и предполагаемых взаимосвязей между ними, структуре, которая предназначена для

фиксации или моделирования чего-то в мире» [7, с.48]. Кресвелл обсуждает три возможных значения теории. Первое значение слова теория – это «взаимосвязанный набор конструкций (или переменных), сформированных в предложения или гипотезы, которые определяют отношения между переменными (обычно в терминах величины или направления)» [8, с.54]. Второе значение относится к «общей ориентирующей линзе для изучения вопросов пола, класса и расы (или других проблем маргинализированных групп)» [8, с.64]. Третье значение рассматривает теорию как конечную точку «индуктивного процесса построения от данных до общих тем к обобщенной модели или теории» [8, с. 65]. Абенд говорит о «многозначности теории» и описывает еще больше значений слова теория [9, с.174]. Согласно Абенду, теория может относиться к общему утверждению, которое устанавливает связь между двумя или более переменными. Это также может быть объяснение социального феномена, определяющего факторы или условия, «которые в индивидуальном порядке должны пройти какой-то контрфактический тест на причинную релевантность и чьи эффекты взаимодействия должны быть так или иначе приняты во внимание» [9, с.178]. Слово теория может также относиться к герменевтическому инструменту, который можно использовать для понимания эмпирических данных. Часто исследователи, использующие это значение, также называют теорию теоретической основой, перспективой или подходом, тем не менее, теория может также относиться к «счетам, имеющим фундаментальный нормативный компонент», таким как критическая теория и постколониальная теория [9, с.180].

В советской юриспруденции тео́рия (греч. θεωρία — рассмотрение, исследование) — это учение, система идей или принципов. Она является совокупностью обобщённых положений, образующих науку или её раздел. В теории одни суждения выводятся из других суждений на основе практических подтверждений и/или правил логического вывода. Теории предшествует гипотеза, получившая воспроизводимое подтверждение. Теории, сочетающиеся между собой, становятся учением. Способность прогнозировать — важное следствие теоретического построения [10, с.186]. Данное определение позаимствовано из философии, как фундаментальное понятие научного аппарата.

Учитывая вышеизложенное, можно с уверенностью заключить, что слово «теория» не имеет одно фиксированное значение во всех академических дисциплинах. Утверждается, что в юридических исследованиях следует различать, по крайней мере, четыре различных значения слова «теория»: 1) доктринальная теория; 2) теория микроуровня; 3) теории макроуровня, такие как теории большого и среднего уровня; 4) нормативные теории.

Теория в ее первом значении относится к доктринальной теории, которая является результатом доктринальных юридических исследований. Этот тип правового исследования «обеспечивает систематическое изложение правил, регулирующих конкретную правовую категорию, анализирует взаимосвязь между правилами, объясняет проблемные области и, возможно, предсказывает будущее развитие» [11, с.101]. Доктринальное правовое исследование может относиться к описанию законов, практическому решению проблем, добавлению интерпретирующих комментариев к законодательству и прецедентному праву.

Теория во втором значении относится к теориям на микроуровне, которые являются «аргументированным и точным предположением об ответе на исследовательский вопрос» [7, с.31]. Эмпирические правовые исследования рассматривают закон как «инструмент, который можно проверить эмпирическим путем». Теории на микроуровне (или «теории вмешательства») — это предварительные ответы на вопрос, ожидающие эмпирической проверки. Они касаются проверки гипотез и тесно связаны с узкими исследованиями [4, с.884]. В результате эти теории характеризуются как микро. Некоторые из этих теорий на микроуровне сосредотачиваются на гипотезах, вытекающих из более крупных теорий; другие стремятся продвигать новые теории для объяснения четко определенных явлений.

Теория в третьем значении относится к теориям среднего уровня, которые «более масштабны по своему охвату, стремясь обеспечить понимание широкого спектра явлений» [6, с. 32]. Примеры включают теорию Вебера, теорию марксизма или теорию мировых систем. Эти теории макроуровня охватывают почти «все аспекты социальной жизни, в которых они сосредотачиваются на структурных социальных преобразованиях» и иногда исследуют роль закона в этих изменениях. Теории в этом смысле представляют собой общие широкие рамки, которые утверждают, что говорят почти обо всем. Подобно великим теориям, им часто не хватает точности, и в результате операционализация и эмпирическая проверка затруднены. Некоторые ученые называют теории среднего уровня линзой, которая направляет исследователей к тому, какие вопросы и данные важно анализировать.

Теория в четвертом значении относится к нормативной теории. Паттерсон отличает оценочные нормативные теории от идеальных нормативных теорий. Оценочная нормативная теория стремится объяснить закон таким, какой он есть, и стремится предоставить «методологические и нормативные рекомендации для решений в будущих делах» [5, с. 5]. Идеальные нормативные теории, напротив, «изменяют проблему таким образом, чтобы не зависеть от закона, который мы находим» [5, с. 5].

Дискуссия по данной проблеме остается открытой, так как ученые-юристы до сих пор не пришли к единому мнению.

Библиографические ссылки

1. Winick B. J., Wexler D. B., Judging in a Therapeutic Key: Therapeutic Jurisprudence and the Courts // Durham : Carolina Academic Press. yamada, D., Therapeutic jurisprudence and the practice of legal scholarship. University of Memphis Law Review. 2010. № 41 (1). P. 121–155.

2. Stobbs, N. The nature of juristic paradigms: exploring the theoretical and conceptual relationship between adversarialism and therapeutic jurisprudence // Washington : Washington University Jurisprudence Review. 2011. P. 97–149.

3. Friedman L. M. Law reviews and legal scholarship: some comments // Denver University Law Review. 1998. P. 661–668.

4. Lempert R. The inevitability of theory // California Law Review. 2010. P. 877–906.

5. Patterson D. A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory. Oxford : Wiley-Blackwell, 2010.
6. Epstein L., Martin A. D. An Introduction to Empirical Legal Research. 1st edn. Oxford : Oxford University Press, 2014.
7. Maxwell J. A. Qualitative Research Design: An Interactive Approach. 3rd edn. Thousand Oaks : Sage, 2012.
8. Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Methods Approaches. 4th edn. London : Sage, 2014.
9. Abend G. The meaning of theory // Sociological Theory. 2008. № 26 (2). P. 173–199.
10. Мостепаненко В. М. Философия и методы научного познания. Л.: Лениздат, 1972. 263 с.
11. Hutchinson T., Duncan N. Defining and describing what we do: doctrinal legal research // Deakin Law Review. 2012. № 17 (1). P. 83–119.

СУБ'ЕКТЫЎНАСЦЬ І АБ'ЕКТЫЎНАСЦЬ СІСТЭМЫ ПРАВА

В. Ю. Вячорка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8,
220030, г. Мінск, Беларусь, ve4erlaw@yahoo.com

На думку аўтара, трэба адрозніваць аб'ектыўнасць і суб'ектыўнасць існавання сістэмы права і кожнага яе элемента, аб'ектыўнасць і суб'ектыўнасць самога працэсу яе фарміравання і трансфармацыі. Аўтар лічыць патрэбным размежаваць аб'ектыўнасць (суб'ектыўнасць) стварэння, існавання і развіцця сістэмы права.

Ключевые слова: аб'ектыўнасць сістэмы права; суб'ектыўнасць сістэмы права; сістэма права.

SUBJECTIVITY AND OBJECTIVITY OF THE SYSTEM OF LAW

V. Y. Vyachorka

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, ve4erlaw@yahoo.com

According to the author, it is necessary to distinguish between the objectivity and subjectivity of the existence of the legal system and each of its elements, the objectivity and subjectivity of the very process of its formation and transformation. The author considers it necessary to distinguish between the objectivity (subjectivity) of the creation, existence and development of the legal system.

Keywords: objectivity of the system of law; subjectivity of the system of law; system of law.

Вызначэнне аб'ектыўна-суб'ектыўнага характару ўсёй сістэмы права шмат у чым ставіць у залежнасць сам працэс фармавання галіны права. Устанаўленне такога аспекту дазваляе зразумець прыроду, рухаючыя сілы і механізмы любых змяненняў сістэмы права.

Для разгляду гэтай праблемы, перш за ўсё, неабходна высветліць, што разумеецца пад катэгорыямі «аб'ектыўнае» і «суб'ектыўнае». Рознае тлумачэнне гэтых паняццяў прыводзіць да існавання шэрагу поглядаў вучоных на аб'ектыўнасць або суб'ектыўнасць сістэмы права. Такім чынам, узнікаюць спрэчныя ці нават сумнеўныя, з пункту гледжання логікі, філасофіі, тэорыі права, высновы аб прыродзе сістэмы права. Адзін час Гегель пісаў: «Хто не знаёмы з азначэннямі суб'ектыўнасці і аб'ектыўнасці і захоча іх утрымоўваць у іх абстрактнасці, той убачыць, што гэтыя абстрактныя азначэнні выслізгваюць у яго з рук раней, чым ён паспее азірнуцца, і кожны раз ён будзе казаць, зусім процілеглае таму, што ён хацеў сказаць» [5, с. 306]. Складанасць вызначэння гэтых катэгорый зыходзіць з іх пастаяннай дыялектычнай сувязі, якая пранізвае ўсю сацыяльную рэчаіснасць, асабліва прававую.

У агульнафіласофскім разуменні аб'ектыўнае – гэта катэгорыя, якая азначае ўсё тое, што не залежыць ад суб'екта як носьбіта волі і свядомасці (псіхікі, унутранага свету) і можа супрацьстаяць яму (суб'екту) у выглядзе аб'екта [7, с. 68]. Гэта значыць, асноўны крытэрый стаўлення вызначанай з'явы да аб'ектыўнага – гэта незалежнасць ад волі і свядомасці суб'екта. Варта падкрэсліць, што менавіта незалежнасць, а не існаванне па-за свядомасцю вызначае аб'ектыўнасць. Філасофскае разуменне суб'ектыўнага мае два аспекты: па-першае – як існуючае ў свядомасці, залежнае ад яго [4, с. 1286], гэта значыць унутраны свет чалавека; па-другое – як тое, што належыць свядомасці чалавека, але рэальна не адлюстроўвае існуючую рэчаіснасць.

Такім чынам, існуюць тры пункты гледжання на сістэму права: яна з'яўляецца аб'ектыўнай, суб'ектыўнай або аб'ектыўна-суб'ектыўнай. Трэба адзначыць, што сярод тых аўтараў, якія стаяць на пазіцыі аб'ектыўнасці сістэмы права, не існуе адзінага пункту гледжання адносна таго, дзякуючы чаму яна аб'ектыўная.

Так, па сцвярджэнні М. Д. Шаргародскага і А. С. Йоффе, першай і асноўнай асаблівасцю сістэмы права з'яўляецца тое, што яна прадстаўляе аб'ектыўны структурны атрыбут дзеючага ў грамадстве права [16, с. 103].

Сістэма права носіць аб'ектыўны характар праз незалежнасць ад волі заканадаўца, вынік яе ўзнікнення – гэта воля заканадаўца, не сістэматызацыя, а існуючыя гістарычныя заканамернасці развіцця дзяржавы і права. «Заканадаўца не можа адвольна выдаваць прававыя нормы, змяняць гістарычны тып права. Ён з дапамогай прадпісанняў толькі юрыдычна афармляе запатрабаванні грамадскага развіцця» [12, с. 473]. Блізка да гэтай пазіцыі наступнае меркаванне. Сістэма права аб'ектыўная ў тым сэнсе, што яна адлюстроўвае рэальна існуючую карціну праваадносін і ўсёй сукупнасці юрыдычных нормаў, дзякуючы існаванню якіх найбольш важныя грамадскія адносіны становяцца прававымі, гэта значыць спарадкаванымі, урэгуляванымі самім грамадствам. І. В. Паўлаў адзначыў, што сістэма права фарміруецца «не па адвольным меркаванні людзей, а вызначана

характарам грамадскіх адносін, якія гэтую сістэму абумоўліваюць» [13, с. 5-6]. Аб'ектыўную аснову сістэмы права складаюць існуючыя грамадскія адносіны – прадмет прававога рэгулявання. «Заканадаўчая ўлада не стварае закона, – яна толькі адкрывае і фармулюе яго» [11, с. 285].

Такія вучоныя, як С. С. Аляксееў, Н. А. Аржанаў, І. В. Паўлаў разглядаюць аб'ектыўнае ў сістэме права як матэрыяльнае, частку рэчаіснасці, рэальна існуючага свету. А В. К. Райхер, напрыклад, лічыць, што аб'ектыўнае ў сістэме права – гэта яе агульнапрызнаная структура, якая існуе ў масавай свядомасці, або існуе рэальна, але аб'ектывізацыя, у дадзеным выпадку, – гэта працэс прызнання канкрэтнай структуры большасцю [15, с. 63].

Д. А. Керымаў сцвярджае, што сістэма ў праве – гэта аб'ектыўнае спалучэнне па змястоўных прыкметах пэўных прававых частак у структурна спарадкаванае цэласнае адзінства, якое мае адносную самастойнасць, устойлівасць і аўтаномнасць функцыянавання [8, с. 288].

Існуе таксама канцэпцыя, прадстаўнікі якой сістэму права разглядаюць як суб'ектыўную структуру. Так, суб'ектыўнасць сістэмы права складаецца ў тым, што сістэма права – гэта толькі набор класіфікацыйных прыкмет [15, с. 68], гэта значыць мадэляў права можа быць колькі заўгодна. Усё залежыць толькі ад канкрэтнага суб'екта і мэт класіфікацыі. Прыхільнікі гэтай тэорыі лічаць, што магчымасць розных варыянтаў сістэмы права абумоўлена тым, што нормы права можна класіфікаваць па розных прыкметах, магчымыя нават варыяцыі ў межах адной прыкметы (метад прававога рэгулявання).

Па іншым меркаванні, сістэма права суб'ектыўная, паколькі права – прадукт свядомай нарматворчай дзейнасці заканадаўца [10, с. 26], а сістэма права – вынік навукова абгрунтаванай сістэматызацыі прававых норм.

Некаторыя навукоўцы сцвярджаюць, што суб'ектыўнасць сістэмы права паходзіць з яе вызначэння як сукупнасці нормаў права, санкцыянаваных дзяржавай. Гэта значыць нормы права апасрэдаваны юрыдычнай дзейнасцю дзяржавы, якая не можа праходзіць без «суб'ектыўнага меркавання людзей» [3, с. 24-27].

Зважаючы на пэўную імператыўнасць абедзвюх згаданых канцэпцый, шэраг навукоўцаў вызначаюць сістэму права як адзінства аб'ектыўнага і суб'ектыўнага. С. С. Аляксееў сцвярджае, што сістэма права аб'ектыўна існуе, але адэкватнае ўяўленне аб гэтай сістэме, якая з'яўляецца яе тэарэтычным адлюстраваннем, не можа сфармавацца без адпаведных намаганняў суб'ектаў, прадстаўнікоў юрыдычнай навукі [1, с. 20-21]. Роля любой навукі ў тым, што яна павінна пазнаць доследныя ёю аб'ектыўна існыя з'явы, абгрунтаваць, растлумачыць іх. Звесткі, уяўленні аб пэўным аб'екце можна лічыць аб'ектыўнымі толькі тады, калі становіцца агульнапрызнаным, што яны адэкватна адлюстроўваюць рэальна існуючую з'яву. Іншымі словамі, навука не можа даказаць наяўнасць таго, чаго не існуе ў рэальнай рэчаіснасці. Без юрыдычнай навукі ніхто не даведаўся б пра сістэму права, але без аб'ектыўных перадумоў яе існавання пра яе не стала б вядома і ў навуцы.

В. К. Райхер лічыць кожную з тэорый – аб'ектыўную і суб'ектыўную «дакладнай у адным і недакладнай ў іншым стаўленні». Сістэма права – гэта

«навуковая канструкцыя», якая з'яўляецца творам індывідуальнай свядомасці, створаная сваім аўтарам (або аўтарскім калектывам) сістэма прававых нормаў. Пакуль гэтая сістэма не перайшла ў галіну грамадскай свядомасці, яна не можа лічыцца аб'ектыўна існуючай з'явай прававой рэчаіснасці. Пры паступовым укараненні такой мадэлі ў навуку і практыку ажыццяўляецца працэс яе аб'ектывізацыі [15, с. 68-69].

Яшчэ адзін варыянт тлумачэння суб'ектыўна-аб'ектыўнай канцэпцыі заключаецца ў тым, што сістэма права сапраўды існуе, але яе структура і пэўныя змены цалкам падпарадкаваны волі суб'екта – заканадаўцы або вучонага [17, с. 125-126; 14].

Усе гэтыя пазіцыі маюць пэўныя кропкі скрыжавання, у нечым падобныя, але ўсё ж яны па-рознаму вызначаюць і тлумачаць аб'ектыўна-суб'ектыўную прыроду сістэмы права. Разнастайнасць падыходаў тлумачыцца найперш складанасцю праблемы, яе актуальнасцю і нават пэўнай філасофскай нявызначанасцю гэтых катэгорый. Кожны з паказаных падыходаў мае аптымальныя моманты, але не адлюстроўвае выгляду ў поўным, шматмерным уяўленні. Таму, на думку аўтара, узнікае неабходнасць у комплексным падыходзе да гэтай праблемы.

У сваім канкрэтным быцці аб'ектыўнае і суб'ектыўнае складаныя і шматгранныя катэгорыі, таму выкарыстоўваць гэтыя паняцці варта, улічваючы канкрэтныя абставіны, дакладныя характарыстыкі і пэўныя ўмовы. На нашу думку, трэба адрозніваць аб'ектыўнасць або суб'ектыўнасць існавання сістэмы права, існаванне кожнай асобнай галіны (іншага элемента сістэмы права) і аб'ектыўнасць або суб'ектыўнасць самога працэсу фарміравання або трансфармацыі. Гэта значыць неабходна размежаваць аб'ектыўнасць (суб'ектыўнасць) стварэння, існаванні і развіцці сістэмы права.

«Права робіцца народным жыццём, жыве і мяняецца разам з ім» [6, с. 36]. Стварэнне ці фарміраванне сістэмы права адбывалася паступова пад уплывам шматлікіх грамадска-гістарычных фактараў, з якіх, вядома, важны і ўплыў чалавека. Хаця варта заўважыць, што людзі не маглі свядома ўплываць на фарміраванне сістэмы права, таму што гэта надзвычай расцягнуты ў часе складаны і шматфактарны працэс. Сістэмнасць пачынае ўзнікаць разам са з'яўленнем пазітыўнага права і разглядаецца на ўзроўні яго неад'емнай прыкметы. Сістэма права кожнай дзяржавы мае свае характэрныя асаблівасці, абумоўленыя грамадскім развіццём. Гэтыя асаблівасці выкліканы такімі фактарамі, як гістарычныя падзеі, менталітэт народа, узровень жыцця насельніцтва, клімата-геаграфічныя фактары, традыцыі прававога рэгулявання і г.д. Большасць фактараў, якія абумовілі з'яўленне сістэмы права кожнай канкрэтнай дзяржавы, аб'ектыўныя, таму можна сказаць, што ўтварэнне сістэмы права было аб'ектыўным працэсам, што яшчэ не сведчыць аб аб'ектыўнасці сістэмы права як цэласнай з'явы.

Сістэма права існуе рэальна, хаця і ўбачыць яе немагчыма. Доказам сапраўднага існавання сістэмы права ёсць сама прырода права. Сістэмнасць – адна з асноўных і неад'емных прыкмет права. Калі выключыць сістэмнасць, права не будзе правам як такім. Толькі ў пэўнай сістэме, у цеснай узаемасувязі прававыя

нормы могуць праявіць свае рэгулятыўныя магчымасці, «і чым большая ўзгодненасць прававых прадпісанняў, тым больш эфектыўнае права» [9, с. 185]. Яшчэ адзін доказ аб'ектыўнасці існавання сістэмы права складаецца ў тым, што «структура прадметаў, з'яў у прыродзе і грамадстве заўсёды аб'ектыўная» [2, с. 130].

Успрыманне чалавекам любых з'яў заўсёды суб'ектыўнае, і хоць сістэма права існуе аб'ектыўна як частка быцця, але ўяўленні навукоўцаў пра яе шмат у чым адрозніваюцца. У нас няма магчымасці ўбачыць сістэму права, у нас ёсць толькі доказы яе існавання. Праз суб'ектыўнасць успрымання і ёсць мноства тэорый аб структуры сістэмы права, якія цяпер існуюць у юрыдычнай навуцы. Для ўхілення вызначанага суб'ектывізма ўспрымання і вывучэння асаблівасцяў пабудовы сістэмы права неабходна старанна вывучаць, спазнаваць яе з дапамогай законаў логікі, правіл тэорыі сістэм і заканамернасцяў грамадскага жыцця. Калі навуковая супольнасць знойдзе пэўную абгрунтаваную заканамернасць, то гэтае новае ўяўленне, ахопліваючы большасць, пераходзіць у сферу грамадскай свядомасці, гэта значыць набывае аб'ектыўнасць не толькі быцця, але і свядомасці.

Важным пытаннем з'яўляецца развіццё сістэмы права, таму што гэта дае адказ на пытанне, ці залежаць змены сістэмы права ад заканадаўца, ад чалавека ўвогуле.

Безумоўна, сістэма права – гэта сістэма, якая характарызуецца не толькі самаарганізацыяй, але і самаразвіццём. Гэта значыць, чалавечы фактар не з'яўляецца асноўнай рухаючай сілай, якая падахвочвае сістэму права да пераўтварэнняў, хоць уплыў гэтага фактару існуе і прымяншаць яго ролю нельга. У шырокім сэнсе без уплыву чалавека ў наш час не адбываецца ніводны працэс, нават натуральны. Развіццё сістэмы права праходзіць пад уплывам як аб'ектыўных умоў (абставінаў, якія не залежаць ад волі суб'екта), так і суб'ектыўнага фактару, але апошні тут мае толькі ўскоснае значэнне. Заканадаўца не можа свабодна змяняць структуру сістэмы права. Ніводны чалавек ці група людзей не можа непасрэдна стварыць або адмяніць які-небудзь элемент у сістэме права, але пры наяўнасці неабходных аб'ектыўных умоў суб'ектыўны высілак можа істотна змяніць элементны склад сістэмы права.

Даследаванне зыходных палажэнняў пабудовы сістэмы права ў залежнасці ад пэўнага разумення аб'ектыўнасці або суб'ектыўнасці сістэмы права можна вызначыць мэту, задачы і напрамкі даследавання як усёй сістэмы права, так і асобнай галіны.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Алексеев С. С. Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. 1979. № 9. С. 15–23.

2. Алексеев С. С. Проблемы теории права : Курс лекций в 2-х т. Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972. 396 с.

3. Бобылев А. И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. 1998. № 2. С. 22–27.

4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

5. Гегель. – Сочинения в 13 т. / под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. М.-Л. : Гос. изд. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1 Логика / пер. Б. Столпнера под ред. А. Деборина и Н. Карева ; вступ. ст. А. Деборина. 1930. 367 с.

6. Головко О. М.. Кириченко В. Є. Закон у системі права Російської імперії (термін, поняття, категорія) // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. 2009. № 3 (№ 46). С. 34–42.

7. Демин М. В. Анализ понятий «объективное» и «субъективное» и их взаимосвязи // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1986. № 4. С. 68–74.

8. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. 472 с.

9. Лазарев А. А. Теория государства и права: учебник для вузов / А. А. Лазарев, С. В. Липень. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000. 511 с.

10. Лаптев В. В. Шахматов В. П. Цели правового регулирования и система права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 4. С. 26–35.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30-ти т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1954. 696 с.

12. Международная полицейская энциклопедия: В 10 т. Т. 1. Теоретико-методологические и концептуальные основы полицейского права и полицейской деонтологии / отв. ред. Ю. И. Рымаренко, Я. Ю. Кондратьев, В. Я. Таций, Ю. С. Шемшученко. К. : Концерн «Издательский Дом «Ин Юре», 2003. 1232 с.

13. Павлов И. В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 3–18.

14. Полянская Г. Н., Сапир Р. Д. Соотношение объективного и субъективного в праве // Сов. государство и право. 1969. № 6. С. 20–27.

15. Райхер В. К. О системе права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 59–70.

16. Шаргородский М. Д., Йоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.

17. Шейндлин Б. В. Объективное и субъективное в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1961. № 4. С.123–126.

РАЗЛИЧНЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ФУНКЦИЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В. А. Волков

Академия МВД Республики Беларусь, пр. Машерова, 6А,
220005, г. Минск, Беларусь, 6414506@mail.ru

В статье рассматриваются различные доктринальные подходы к классификации функций судебной власти в современной юридической науке. Аргументируется вывод о том, что, несмотря на многообразие выделяемых учеными отдельных функций судебной власти и разработанных их классификаций, они не являются исчерпывающими.

Ключевые слова: задачи; компетенция; судебная власть; функции.

DIFFERENT DOCTRINAL APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF THE FUNCTIONS OF THE JUDICIARY

V. A. Volkov

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Masherova Av., 6A, 220005, Minsk, Belarus, 6414506@mail.ru

The article discusses various doctrinal approaches to the classification of the functions of the judiciary in modern legal science. The conclusion is argued that, despite the variety of individual functions of the judiciary identified by scientists and their classifications, they are not exhaustive.

Keywords: tasks; competence; judiciary; functions.

Несомненно, суд осуществляет важные гражданско-правовые функции и от качества их выполнения во многом зависят стабильность и правопорядок в обществе. При этом перечень функций судебной власти в нормативных правовых актах Республики Беларусь не определен. Сформулированы только задачи, стоящие перед судами, и компетенция (полномочия) этих органов. Однако понимание функций судебной власти имеет важное как теоретическое, так и практическое значение.

Судебная власть как одна из ветвей государственной власти выполняет присущие только ей функции, под которыми понимают ключевые направления ее деятельности.

На начальном этапе становления судебной власти как независимой и самостоятельной ветви государственной власти выделяли только одну ее функцию, а именно функцию правосудия, которая заключается в рассмотрении судебных дел и вынесении по ним решений. В современной юридической науке выделяют и другие функции, присущие судебной власти. По утверждению А. Ф. Извариной, «правосудие в рамках функции (как направление воздействия права на общественные отношения) проводит сдерживание, уравновешивание законодательной и исполнительной власти, применение в необходимых случаях мер предупредительного воздействия и мер государственного принуждения, обеспечение общественной и правовой ценности судебных актов как актов правосудия, устанавливающих наличие данного права и факта его нарушения и ликвидирующих конфликт» [4, с. 16].

Несмотря на то, что вопросу о функциях судебной власти посвящено немало научных работ, он до сих пор остается дискуссионным.

Например, выделяют предупредительную (профилактическую) и воспитательную функции [1, с. 4], правотворческую функцию [12, с. 56] судебной власти. При этом правотворческая функция является наиболее проблемной и дискуссионной. Это связано с тем, что, по мнению некоторых ученых, судебная власть не занимается правотворчеством, поскольку эта деятельность является прерогативой законодательной ветви власти. В частности, Н. А. Тузов считает,

что правотворческая функция «является в теории права наиболее дискуссионной по причинам ее несоответствия компетенции органов судебной власти и нарушения ею принципа разделения властей» [11, с. 95]. Данное утверждение имеет спорный характер.

Применительно к правовой системе Республики Беларусь дискуссионность рассматриваемого вопроса обусловлена тем, что акты Верховного Суда Республики Беларусь в форме постановлений Пленума в соответствии с ч. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» отнесены к нормативным правовым актам, принятым в пределах компетенции [9].

Некоторые авторы занимают позицию о делении функций судебной власти на основные и неосновные (вспомогательные, дополнительные) [8, с. 24; 6, с. 34]. Очевидно, что функции судебной власти не равнозначны друг другу, но деление их по такому основанию достаточно условно.

Заслуживает внимания классификация функций судебной власти, предложенная В. А. Терехиным и А. А. Герасимовой. В соответствии с данной классификацией функции делятся на две группы: общеправовые и специально-юридические. Первая группа функций, по мнению авторов, осуществляется не только судебной властью, но и другими ветвями единой государственной власти, поскольку вытекают из общей направленности деятельности государства и воздействия права на общественные отношения. К таким функциям названные ученые относят: правозащитную, правоохранительную, правоприменительную, интерпретационную, правотворческую, воспитательно-исправительную, информационную, функцию реализации юридической ответственности. Вторая группа функций включает правосудие, судебный контроль и внутрисистемное управление [10, с. 44].

Дискуссионный характер имеет вопрос отнесения к функциям судебной власти правоохранительной функции и, соответственно, отнесения органов судебной власти к правоохранительным органам. В законодательстве Республики Беларусь не содержится определения понятия «правоохранительные органы Республики Беларусь». В юридической литературе по данному поводу изложены две противоположные точки зрения. Например, В. Н. Бибило, описывая судебную власть как вид государственной власти в современных зарубежных государствах, отмечает: «В современных государствах существуют различные правоохранительные органы. Среди них особое место занимает суд» [2, с. 5].

Органы судебной власти, являясь государственными органами, в соответствии со своей компетенцией и задачами могут и обязаны защищать права и свободы граждан.

Согласно ст. 59 Конституции Республики Беларусь [7] и ст. 6 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [5] органы судебной власти непосредственно призваны осуществлять правоохранительную деятельность в качестве одной из своих функций. А поскольку судебной власти присуща правоохранительная функция, следовательно, органы судебной власти необходимо относить к правоохранительным органам [3, с. 94].

По поводу научной полемики о функциях судебной власти Н. А. Тузов пишет: «Однако в этом разнообразии мнений выражается общее мнение о

полифункциональности судебной власти. Действительно, признание теорией осуществления правосудия основной функцией органов судебной власти логически предполагает наличие и их других функций – субсидиарных, производных, вспомогательных» [11, с. 95].

Выделяемые учеными отдельные функции и разработанные их классификации не являются исчерпывающими, поскольку вне поля зрения исследователей оказалось обстоятельство, что судебная власть в лице ее органов является важным инструментом регулирования общественных отношений. Таким образом, среди иных функций необходимо выделять и функцию по осуществлению правового регулирования общественных отношений, или праворегулирующую функцию.

У каждого государства есть свои цели, которых оно достигает посредством функционирования государственных органов, относящихся к той или иной ветви государственной власти. Судебной власти, как и законодательной и исполнительной, присущи свои специфические функции. В то же время стоящие перед государством цели могут изменяться. Иными словами, функции государства определяются целями и задачами, стоящими перед государством в определенный период времени. Следовательно, функции судебной власти, находясь в прямой зависимости от этих целей, могут при необходимости трансформироваться.

Библиографические ссылки

1. Алешкова И. А., Марокко Н. А. Предупредительная (профилактическая) и воспитательная функции судебной власти: современное понимание // Рос. судья. 2013. № 5. С. 4–7.

2. Бибило В. Н. Судебные системы зарубежных стран. Минск : Право и экономика, 2013. 100 с.

3. Волков В. А. Являются ли органы судебной власти правоохранительными? // Актуальные проблемы права: достижение и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию казахстанской полиции и «EXPO-2017: Энергия будущего» (Актобе, 2 июня 2017 г.): в 2 т. / Актюбин. юрид. ин-т МВД Респ. Казахстан им. М. Букенбаева ; редкол.: С. И. Каракушев и др. Актобе, 2017. Т. 1. С. 92–94.

4. Изварина А. Ф. К вопросу о функциях судебной власти // Вестн. Арбитражн. суда города Москвы. 2009. № 4. С. 13–17.

5. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей Нац. собр. Респ. Беларусь 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. Нац. собр. Респ. Беларусь 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Колесников Е. В., Селезнева Н. М. Статус суда в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы. : монограф. Саратов: Изд-во СГАП, 2008. 204 с.

7. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Михайловская И. Б. Судебная власть в системе разделения властей // Судебная власть ; под ред. И. Л. Петрухина. М. : ООО «ТК Велби», – 2003. 720 с.

9. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Терехин В. А., Герасимова А. А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти // Рос. юстиция. 2011. № 10. С. 42–46.

11. Тузов Н. А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журн. рос. права. 2008. № 10. С. 95–104.

12. Шамаева К. В. Правотворческая функция судебной власти: различие доктринальных подходов // Гос. власть и местн. самоуправление. 2015. № 6. С. 55–59.

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

Д. А. Кучугурный

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, kuchuhd@yandex.ru

Функции государства не являются статичными, и всегда находятся под влиянием различных факторов или событий, поэтому появление новых функций государства следует воспринимать как ответ на вызов времени.

Ключевые слова: функция государства; COVID-19; ценность.

EVOLUTION OF THE FUNCTIONS OF THE STATE IN THE XXI CENTURY

D. A. Kuchugurny

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, kuchuhd@yandex.ru

The functions of the state are not static, and are always influenced by various factors or events, so the emergence of new functions of the state should be perceived as a response to the challenge of the times.

Keywords: state function; COVID-19; value.

Государство очень часто сравнивают с живым организмом, который динамически (эволюционно и революционно) развивается и изменяется в зависимости от внешних и внутренних факторов, реализуя свою деятельность посредством функций и стремясь сформировать из них единую сбалансированную систему. Большинство функций современного государства имеют историческую протяженность, проявляясь уже с момента зарождения

государства. При это некоторые, такие как сокращение ядерного вооружения, защита международного мира, устойчивое развитие, были связаны с конкретными вызовами, например, научно-техническая революция, международные события и т.д. Таким образом, функции государства не являются статичными, и всегда находятся под влиянием различных факторов или событий, поэтому появление новых функций государства следует воспринимать как ответ на вызов времени.

Как справедливо отмечается в исторической науке, новый век как новая эпоха фактически начинается не с календарной даты, а с эпохального события мирового масштаба. Так век XX в. начался с Первой мировой войны и изменил коренным образом весь существовавший тогда миропорядок и открыл последующую цепь событий. XXI в. начался с 11.09.2001 г. как триггера назревших противоречий и изменений, порожденных XX в. Логическим продолжением усиления мирового кризиса стало распространение в начале 2020 г. короновирусной инфекции, возведенной в ранг пандемии.

Безусловно, как отмечает Клаус Шваб в книге «COVID-19: Великая перезагрузка», после пандемии мир уже не будет прежним. Многие сценарии развития событий разрушены, изменены ценности, оголились противоречия и на первое место выходит самая главная функция государства – это функция безопасности.

Сам по себе на уровне государства COVID-19 вскрыл недостатки в выстраивании заслонов на пути распространения эпидемии, локализации больных в системе здравоохранения и отсутствия достаточных ресурсов в случае распространения инфекций и вирусов, быстрое противодействие путем создания лекарственных препаратов и вакцин. Фактически нам придется иметь дело с выстраиванием и совершенствованием инфраструктуры в области здравоохранения начиная с системы санитарии и эпидемиологии и заканчивая подготовкой медицинских и научных кадров. Подобный положительный опыт СССР союза в борьбе с распространением эпидемий доказал свою эффективность.

Начало 20-х годов 21 века показало несостоятельность зеленой энергетики как альтернативы газу, нефти, углю и иным дарам природы. Использование двойных стандартов, односторонних санкций, гуманитарных интервенций для проведения политики в интересах англо-саксонского мира поставило отдельные страны на грань выживания. А экономическое чудо Франции и Германии, как оказалось, было построено лишь на дешевых энергоресурсах. При таких обстоятельствах наличие у государства альтернативных независимых источников энергетики таких как атомная энергетика способно обеспечить энергетическую безопасность страны. А это в свою очередь подразумевает создание и совершенствование независимой инфраструктуры в области энергетики и ее связь с инфраструктурой транспортной и коммуникационной.

Обращает на себя внимание падение роли международного права и системы ООН как международного арбитра, обслуживающего интересы только одной стороны.

Эти и многие другие факторы и явления 21 века позволяют по-новому взглянуть и переосмыслить существующие ценности. Так, период и проект глобализации и ультраглобализации подходит к своему логическому завершению уступая место региональной интеграции и формированию многополярного мира. Безопасность государства как такового не мыслима без выстраивания и совершенствования его инфраструктуры во всех областях. А это в свою очередь приведет к появлению и выделению среди прочих новой функции государства – инфраструктурной.

Библиографические ссылки

Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович и др. ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ ; изд-во «Четыре четверти», 2014.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Д. С. Маркевич

Государственное научное учреждение «Институт экономики НАН Беларуси», ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь, dasha.markevich@gmail.com

Анализируется проблема оценки эффективности законодательства с учетом недостаточности методик, составляющих экономический анализ права. Предлагается актуализация ранее разработанных подходов с учетом особенностей цифровой экономики, определяются некоторые содержательные аспекты и наиболее перспективные направления оценки эффективности законодательства, регулирующего отношения в цифровой экономике.

Ключевые слова: эффективность законодательства; цифровая экономика; экономический анализ права; правовое регулирование.

TO THE QUESTION ABOUT THE LEGISLATION EFFICIENCY AIMED TO ENSURE THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

D. S. Markevich

State Scientific Institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", 1 Surganov Street, build 2, 220072, Minsk, Belarus, dasha.markevich@gmail.com

The problem of the legislation effectiveness evaluation is analyzed, taking into account the inadequacy of the methods that make up the economic analysis of law. It is proposed to update the previously developed approaches, taking into account the peculiarities of the digital economy, to determine some substantive aspects and the most promising areas for assessing the effectiveness of legislation governing relations in the digital economy.

Keywords: effectiveness of legislation; digital economy; economic analysis of law; legal regulation.

Изучение вопросов эффективности законодательства в различных сферах социальной жизни не является новым для юридической науки. Сформированная еще в дореволюционное время классиками юридической мысли теоретическая основа, а также дальнейшие системные исследования авторов советского периода позволили получить комплексное представление не только об отдельных видах эффективности (юридической, социальной) и их содержании, но и о факторах и условиях, оказывающих на нее влияние, инструментах ее обеспечения, оценки и др.

Однако в настоящее время особенно распространенным является использование моделей и методик оценки эффективности, разработанных в русле экономического анализа права. Не оспаривая ценности и актуальности названной концепции для юриспруденции, отметим, что данный подход, использующий инструментарий экономической теории (economics), не является универсальным, характеризуется рядом недостатков и нуждается в дополнении иными подходами, которые опираются на иные, нежели неоклассические, методы экономической науки. В этом контексте внимания заслуживает осмысление эффективности законодательства с позиции политэкономии, под которой имеется в виду постнеклассическая политическая экономия, противопоставляемая экономическому мейнстриму или экономической теории, а также теорий, опирающихся на ее инструментарий. В частности, выделим модель эффективности законодательства, которая была предложена С. Г. Дробязко, определившим общие условия эффективности законодательства в экономической сфере, выделившим субъективные и объективные факторы, которыми руководствуется законодатель в процессе регулирования [1, с. 8-23; 2, с. 44-65].

Ценность такого разделения, на наш взгляд, сохраняется и сегодня, поскольку оно позволяет учитывать определяющую роль объективных материальных факторов в процессе правотворчества и правореализации, видеть связь между отдельными экономическими законами и сферой общественных отношений, составляющей предмет правового регулирования, обеспечивать точное выявление объективных сил, участвующих в процессе правового регулирования, правильное их осознание и выработку оптимального варианта упорядочивания общественных отношений в контексте осуществления научно обоснованной государственной политики.

В частности, объективными материальными факторами эффективности законодательства выступают законы экономического и технологического развития, к которым относятся всеобщие экономические законы, присущие всем

общественно-экономическим формациям; законы, действующие в нескольких общественно-экономических формациях; специфические экономические законы; закономерности техники и уровней ее развития, условий производства; законы природы, иные факторы [1, с. 8-14].

Рассмотрим их более подробно на примере законодательного регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики. Так, под воздействием цифровой трансформации большое число законов, характерных для товарного капитализма, оказались нерелевантными или были дополнены новыми законами формирования ценности продукта и ценообразования, экономического роста, сетевыми эффектами и др., а также некоторыми технологическими законами, влияющими на развитие социоэкономических систем: закон Мура, закон Меткалфа, согласно которому ценность сети возрастает пропорционально квадрату числа её пользователей, «принцип избыточного разнообразия» и другие.

На первый взгляд может показаться, что их изучение означает выход за пределы предметного поля юридической науки, однако, учитывая то, что именно они составляют особенности содержания экономических отношений, которые, в свою очередь, выступают в качестве основы объективного права [3, с. 467], согласимся с позицией В. М. Сырых и отметим, что «выявление соответствия норм позитивного права содержанию экономических отношений представляет важнейшее направление исследований юридической эффективности норм права» [4, с. 396-397].

В качестве примера рассмотрим феномен сетевых эффектов, их влияние на экономические отношения и трансформацию норм объективного права. Сетевые эффекты, с точки зрения экономической теории, означают зависимость для одного потребителя ценности товара или услуги от количества других потребителей данного товара или услуги, то есть воздействуют на формирование стоимости. В сочетании с платформенными технологиями сетевые эффекты способствуют росту компаний, их использующих, то есть цифровых платформ, которые не просто изменили привычные способы ведения хозяйственной деятельности, но и породили регуляторные механизмы. Указанное влечет тенденцию монополизации и злоупотребления доминирующим положением компаниями, использующими сетевые эффекты, что побуждает государства включать в национальное законодательство нормы о цифровых рынках, сетевых эффектах, а также дополнять критерии доминирующего положения и разрабатывать меры государственного регулирования для минимизации или устранения антиконкурентного поведения в цифровой экономике. Названным мерам предшествует обширная правоприменительная практика по привлечению к ответственности компаний, использовавших цифровые технологии и сетевые эффекты для установления доминирующего положения на рынке. Например, дело Microsoft о предустановке браузера Internet Explorer, дело о слиянии The AOL и Time Warner Case, о покупке Facebook мессенджера WhatsApp, дело Google о предоставлении преимущества своему сервису сравнения цен, дело Apple по установлению необоснованных требований к поставщикам сервисов онлайн знакомств и др.

Таким образом, игнорирование юриспруденцией содержания общих и специфических экономических законов, закономерностей технологического

развития способно приводить к снижению эффективности законодательства, регулирующего цифровую экономику, что обусловливает потребность их теоретического осмысления и последующего законодательного закрепления. В результате категориально-понятийный аппарат юриспруденции дополняется новыми терминами (например, цифровой рынок, сетевой эффект, цифровая платформа), актуализируется необходимость исследования содержания экономических феноменов, привлечения к оценке эффективности методов и подходов, разработанных в русле экономического анализа права и иных альтернативных ему парадигм.

Действие экономических законов осуществляется в открытых динамически развивающихся системах, что объективно требует изучения материальных условий их реализации, которые могут усиливать либо ослаблять действие таких законов, меняя исходные основания для правового регулирования. К ним следует отнести состояние мировой экономической системы, место в ней отдельного государства, в том числе конкретно-историческую обстановку, экономические и социальные условия, в которых оно функционирует. Характеризуя особенности мировой экономической системы в связи с процессами цифровой трансформации, отметим размывание американской гегемонии в области производства и использования цифровых технологий, которая долгое время определяла «правила игры» для остальных государств, что привело к нарастанию противоречий, сопровождаемых использованием геополитических инструментов для получения технологического лидерства, реализацией политики технонационализма и неотехнонационализма [5, с. 31-33], в том числе посредством установления собственных технологических стандартов в определенной области, а также секьюритизации цифровой повестки, реализации политики «инновационного меркантилизма».

Республике Беларусь, которой в качестве исходной навязывается концепция либертарианства, требующая приватизации государственных функций, также как и остальным государствам в зависимости от степени удаленности от нового гегемона и характера экономических связей, предстоит преодолевать последствия блокированного развития [6, с.188-189] и «ловушки технологических заимствований», когда при ограниченности ресурсов государства вынуждены развивать и использовать уже устаревшие и менее эффективные технологии, что мешает им перейти на новый технологический уровень [7, с. 57], а также с проблемой «цифрового разрыва», актуальность и опасность которой были признаны на международном уровне [8].

Ответом на формирующиеся вызовы должно стать обеспечение национального контроля над информационно-коммуникационной инфраструктурой посредством механизмов: 1) создания условий функционирования суверенного Интернета и независимости от поставщиков критических технологий из недружественных стран, 2) стимулирования развития собственной материально-технической базы, в первую очередь, в таких отраслях как микроэлектроника, телекоммуникации и др., 3) формирования дополнительной системы расчетов с использованием цифровой валюты наряду с платежными системами на базе банковских счетов.

Полагаем, что именно с позиции названных задач должно оцениваться правовое регулирование в сфере цифровой экономики. При внесении изменений в действующее законодательство, а также при определении его эффективности особую актуальность приобретает учет специфических экономических законов, закономерностей техники и уровней ее развития и др., равно как и материальных условий их реализации, которые формируются в русле политики неотехнонационализма и иных тенденций. Это позволило сделать вывод о том, что для Республики Беларусь с учетом ее места в мировой экономической системе необходима реализация мероприятий по обеспечению контроля над информационно-коммуникационной инфраструктурой, а также соответствующего законодательного оформления мер, направленных на реализацию такого контроля.

Библиографические ссылки

1. Дробязко С. Г. Право и материально-техническая база коммунизма. М.: Издательство «Юридическая литература», 1967. 174 с.

2. Дробязко С. Г. Роль законодательства в создании материально-технической базы коммунизма. Мн., Изд. БГУ, 1971. 140 с.

3. Сырых В. М. Материалистическая теория права: Избранное. М.: РАП, 2011. 1260 с.

4. Сырых В. М. Материалистическая теория права : в 4 т. М.: РАП, 2014. 420 с.

5. Данилин И. В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма // ИМЭМО РАН. 2021. № 1 (60). С. 20–43.

6. Amin S. Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism [Electronic resource] // South African History Online, 2022. URL: https://www.sahistory.org.za/sites/default/files/archive-files3/unequal_development_by_samir_amin.pdf (date of access: 29.08.2022).

7. Балацкий Е. В. Институциональные и технологические ловушки // Журнал экономической теории. 2012. № 2. С. 48–63.

8. Доклад Межправительственной группы экспертов по электронной торговле и цифровой экономике о работе ее третьей сессии [Электронный ресурс] // ЮНКТАД, 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdb_ede3d3_ru.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

ПРАВДА, СОВЕСТЬ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

А. Н. Фиронов

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, tolik-fironov@mail.ru

В статье поднимается вопрос изучения таких сложных для понимания и интерпретации ценностно-правовых категорий, как правда, совесть и добросовестность.

Обосновывается идея о том, что сегодня правда стала исчезающим видом, следовательно, смерть правды приведет к вступлению человечества в эпоху постправды, а значит и появлению пугающего образа «постчеловека» и «постгуманизма».

Ключевые слова: правда; совесть; добросовестность; постправда; постчеловек; смерть правды.

TRUTH, CONSCIENCE AND INTEGRITY AS VALUE AND LEGAL CATEGORIES

A. N. Fironov

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, tolik-fironov@mail.ru

The article raises the issue of studying such value-legal categories that are difficult to understand and interpret, such as truth, conscience and conscientiousness. The idea is substantiated that today the truth has become an endangered species, therefore the death of truth will lead to the entry of mankind into the era of post-truth, and hence the appearance of a frightening image of "post-human" and "post-humanism".

Keywords: truth; conscience; conscientiousness; post-truth; post-human; death of truth.

Таким образом, смерть — это не только неотъемлемый элемент жизни, но это также и значимая часть человеческой культуры. Здесь уместно вспомнить знаменитое латинское выражение Memento mori (Живя, помни о смерти) или необычный мексиканский праздник — День Смерти или Радоницу у восточных славян. Это значит, что танатологичность (от Танатос — олицетворение смерти в древней Греции), это отличительная черта всей человеческой культуры. Однако, в настоящее время «культ смерти» приобретает доминирующий значение и преобладает над «культом жизни». В данной статье мы бы хотели затронуть тему, так называемой «культуры смерти». Широкое распространение этот термин получил после принятия 25 марта 1995 г. одиннадцатой энциклики папы Римского Иоанна Павла II, под названием «EVANGELIUM VITAE» (от лат. Евангелие жизни), касающейся вопросов ценности и нерушимости человеческой жизни. В ней говорится, что «культура смерти» — современная социокультурная концепция, где важнейшими критериями являются успех и материальное благополучие, поэтому «тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать» (EV. 12). Эта концепция, по мнению папы Римского, приобретает глобальные масштабы «заговора против жизни» [1]. Данная проблематика также обсуждается и православными иерархами. Так, архимандрит Симеон напомнил, что «мы созданы ex nihilo, из ничего, поэтому тяга грешить — это тяга к самоуничтожению и смерти» [2].

Но что стало спусковым механизмом, который привел к таким кардинальным изменениям? На наш взгляд, этим эпохальным событием стал переход от теоцентризма Средневековья, к антропоцентризму эпохи Возрождения и Нового времени. Огромную роль в этом процессе сыграло изобретение печатного станка. Следовательно, книгопечатание и распространение книжной культуры оказало значительное влияние не только на европейскую культуру, но и на всю человеческую историю. Между тем, в современной культуре на смену книгам пришли социальные сети и тотальная цифровизация общества. Здесь уместно вспомнить отличную метафору А. Курпатова, который сказал, что мы живем в эпоху «перехода из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга».

Отметим здесь, что вместе с отказом от веры и иррационального мировоззрения, с параллельным переходом в область науки и рационального объяснения окружающей реальности, человек теряет свои традиционные ценностные ориентиры. Прекрасной иллюстрацией этому может послужить немецкая народная легенда об ученом и чернокнижнике докторе Фаусте, которая стала сюжетной основой и источником вдохновения для многих великих писателей. Соответственно, доктор Фауст олицетворяет собой собирательный образ всей европейской культуры модерна и становится культурным архетипом человека, который решил не только бросить вызов Богу, но даже заменить его собой. Так у Гёте Фауст осмеливается изменить текст Священного Писания, осуществляя его перевод. Более того, Фауст заключает гражданско-правовую сделку, предметом которой становится душа. Следовательно, происходит конфликт не только добра и зла, но начинается активная секуляризация человеческого мировоззрения, а вся европейская культура наполняется фаустинианским духом. Однако, вместе с секуляризационным переходом происходит тотальная смена ценностных координат и десакрализация самого Бога, кульминационной точкой чего стало высказывание Ницше о «смерти Бога». Соответственно, после «смерти Бога», а значит христианства и христианских ценностей, наступает вполне закономерная «смерть правды», как основы христианского мировоззрения, морали и права. Но что наступило после этого трагического и фатального события? Очевидно, что после смерти или конца правды, наступила эпоха постправды или постистины. Любопытно, что слово «post-truth/постправда» объявлено Оксфордским словарём английского языка словом 2016 года [3]. Это значит, что в настоящее время происходит незаметная подмена правды на постправду. Однако при таком замещении происходит ценностная фальсификация в душе человека. Ведь, как известно, правда теснейшим образом связана с совестью человека. М. Пришвин говорил, что «правда — это значит победа совести в человеке». Соответственно, «смерть правды» ведет к «смерти совести».

Подчеркнем, что понятие совести играет важную роль в праве. В юриспруденции мы сталкиваемся с категорией «добросовестность», которая состоит из двух корней «добро» и «совесть» и имеет явно положительный ценностный оттенок. Этот термин мы можем встретить, как в отраслях частного, так и публичного права. Возложение обязанности по добросовестному выполнению своего служебного долга мы можем найти в тексте судейской присяги. Более того, в Кодексе чести судьи Республики Беларусь особо подчеркивается, что при

осуществлении правосудия судья должен руководствоваться законом и своей совестью. Следовательно, в законодательстве намеренно используется слово «совестливость» и заведомо не употребляется синонимичное слово «порядочность». Хотя, оно происходит от слова порядок и имеет более близкую связь с правом, например правовой порядок. Однако «порядочность» имеет отсылку к внешней форме поведения, а «совестливость» нацелена на внутреннее чувство справедливости, то есть личную совесть субъектов права. Таким образом, именно совесть играет значимую роль в функционировании права и всей правовой системы.

Схожую мысль мы может встретить и в международных актах. Так, во Всеобщей декларации прав человека указано, что все люди наделены разумом и совестью. Следовательно, феномен совести является фундаментальным для всей человеческой культуры, включая правовую культуру. Ведь совесть имеет различные формы своего эмоционального выражения, например, стыд и вина. Эти две категории могут лечь в основу формирования особых механизмов совестливого регулирования, что, в свою очередь, создаёт основания для вариативности культур. Например, западную «культуру вины» и восточную «культуру стыда». Таким образом, вина занимает центральное место в западной правовой культуре, а стыд в восточной правовой культуре.

Повторим здесь, что в ходе наших рассуждений мы показали постепенный переход от фаустинианской секуляризации, до ницшеанской «смерти Бога», что привело к очевидной «смерти правды» и неизбежной «смерти совести». Итогом чего стал дьявольский приказ, отданный немецким солдатам: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью», который снял все ценностные ограничения и привел к началу самой кровопролитной в истории человечества войны. Таким образом, история наглядно показала нам ужас ситуации, при которой сердца граждан одной из самых образованных и высококультурных стран покидает совесть и происходит катастрофичный переход из «эпохи доктора Фауста в эпоху доктора Геббельса». Сегодня же, «смерть правды и совести» привела нас в эпоху «постправды», а значит в эпоху «постчеловека» и «постгуманизма», что может стать самоубийственным для всей человеческой цивилизации.

Библиографические ссылки

1. «Evangelium Vitae» [Электронный ресурс] // Православная Энциклопедия. 2022. URL: https://www.pravenc.ru/text/ 180940.html (дата обращения: 05.08.2022).

2. В РПЦ по-разному смотрят на наличие «культа смерти» в современной культуре [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2022. URL: https://ria.ru/20190723/ 1556795469.html (дата обращения: 05.08.2022).

3. Оксфордский словарь назвал слово года [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2022. URL: https://lenta.ru/news/2016/11/16/truth/ (дата обращения: 05.08.2022).

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ СООТНОШЕНИЕ

Е. И. Стабровский

Академия МВД Республики Беларусь, пр. Машерова, 6А,
220005, г. Минск, Беларусь, egor_stab@mail.ru

В статье исследуется понятие правовых ценностей. Анализируются подходы к пониманию ценностей и правовых ценностей в юридической науке. Отмечается соотношение понятий правовых ценностей, ценностей в праве и ценности права. Исследуется иерархия и способы выражения правовых ценностей.

Ключевые слова: правовые ценности; ценности; принципы права; иерархия ценностей; справедливость.

LEGAL VALUES AND THEIR CORRELATION

E. I. Stabrovsky

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Masherova Av., 6A,
220005, Minsk, Belarus, egor_stab@mail.ru

The article explores the concept of legal values. Approaches to understanding values and legal values in legal science are analyzed. The correlation between the concepts of legal values, values in law and the value of law is noted. The hierarchy and ways of expressing legal values are explored.

Keywords: legal values; values; principles of law; hierarchy of values; fairness.

Актуальность исследования правовых ценностей обусловлена их ролью в современном обществе. Изменение правового регулирования требует соответствия ценностям конкретного общества. Современная юридическая наука имеет значительный материал исследований, посвященных правовым ценностям. При этом дискуссионным остается вопрос о понятии ценностей и правовых ценностей, их соотношении.

В юридической литературе «под ценностью понимают духовные либо материальные явления, которые имеют определенное значение для социума. Ценности вытекают из доминирующего мировоззрения, выражаясь всеми социальными регуляторами, и обычно являются аксиоматическими и системообразующими для конкретной цивилизации, отражая социальную статику и динамику, интегрируя цивилизацию в единое смысловое метафизическое целое» [6, с. 72].

Отдельные ученые обращают внимание на представленность в ценностях человека. Отмечается, что «ценность – не вещь, не явление, взятые сами по себе, безотносительно к человеку. Ценности – это вещи, обращенные к человеку. В

этом смысле ценность не есть сам предмет (материальный или духовный, природный или общественный, действительный или мнимый), ценность – это предмет в его связи с человеком, с точки зрения его значимости для человека» [5, с. 25]. В данном положении подчеркивается, что ценность может быть как материальной, так и духовной, как объективированной, так и идеализированной. Ценности являются реальными факторами правовой жизни.

С точки зрения ценностно-правовых и мировоззренческих основ развития национальной правовой системы «ценности пронизывают все стороны жизни человека и общества, определяют их ориентиры, предпочтения и интересы» [7, с. 182]. Под ценностью понимается то, что имеет значимость, важность для человека. «В ценность для человека превращается то, что он желает достичь, приумножить, сберечь или то, что удовлетворяет его желания, потребности, интересы. Ничто само по себе не обладает ценностью» [7, с. 182]. Представляется значимым подчеркивание ориентации на человека при проведении исследований правовых ценностей.

Отдельные правоведы отмечают, что «ценности выражают абсолютные начала в культуре, определяют мир должного и целеполагания, смысловое конструирование и пределы человеческой реальности» [1, с. 38]. «Ценности – это особая система координат, созданная самим человеком в процессе его бытия и в рамках которой человек живет, действует, воспринимает и понимает окружающий его правовой мир» [1, с. 38]. Такая точка зрения подчеркивает понимание ценности как объекта окружающего мира и внутреннего мира человека.

В рамках аксиологии «ценности – лишь выражение общих установок своего времени, и поэтому у каждого времени есть свои абсолюты, следовательно, ценность можно понимать как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное ей направление интереса» [4, с. 28].

Ряд современных авторов, исследуя вопросы правовых ценностей, обращается к смежным понятиям ценностей в праве, ценности права. Следует отметить, что данные понятия в научной литературе не только сопоставляются, но в отдельных случаях и противопоставляются. Разработка данных понятий будет способствовать углублению анализа и уточнению понятия правовых ценностей.

Так, предлагается дифференцировать понятия правовых ценностей и ценностей права таким образом, что «правовые ценности следует рассматривать как ценности должного, а ценности права – как ценности сущего, ценности витальные, жизненные, то есть исходящие из непосредственных потребностей человека в конкретной ситуации» [2, с. 103].

В белорусской юридической науке отдельные позиции по проблемам взаимодействия ценностей и права заключаются в том, что под правовыми ценностями следует понимать принципы права; под ценностями права – социальные ценности, нашедшие отражение в праве; под ценностью права – оценку права как регулятивного инструмента [6, с. 75]. Следует согласиться, что ценности, существующие в праве, имеют социальные и цивилизационно-культурные основания,

которые находят выражение, в т. ч. и в принципах права. Рассмотрение в качестве правовых ценностей только принципов права сужает понимание роли правовых ценностей в праве и в обществе. Придание той или иной ценности правовой формы способствует выведению ценности на новый социальный, а, следовательно, и новый ценностный уровень.

Относительно ценности права согласимся с той точкой зрения, что «право как социальное явление, призванное регулировать общественные отношения, имеет характер ценности, ибо оно отражает, вбирает в себя и закрепляет ценности» [5, с. 195]. Учитывая обусловленность правовых ценностей связью с человеком, подчеркнем, что правовая ценность существует постольку, поскольку является таковой для человека, способствуют его развитию, раскрытию его созидательного потенциала.

Обобщая вышеизложенное, на основании того, что рассматриваемые феномены (правовые ценности, ценности права, ценности в праве, ценность права) существуют как ценности и представляют собой ценности постольку, поскольку содержат в себе положительную значимость для человека и общества, представляется возможным и необходимым унифицировать подход в их использовании через понятие правовых ценностей.

Таким образом, правовыми ценностями могут выступать и идеалы, и нормы, и право, и поведение, и практика, и сам человек. На основании изложенного, под правовыми ценностями следует понимать феномены правовой жизни материального и идеального характера, получившие закрепление в нормативном правовом положении и соответствующие конкретному правопорядку, выражающие положительную значимость для человека и общества.

В научной литературе особое внимание уделено разработке вопроса о соотношении правовых ценностей, их иерархии. Вопрос об иерархии правовых ценностей имеет актуальность как на уровне правового сознания отдельного субъекта права, так и на уровне правовой системы общества. Полагаем важным исследовать вопрос о соотношении правовых ценностей и наличии их иерархии на уровне системы права.

Рассмотрение правовых ценностей с точки зрения иерархии предполагает доминирование одних и подчиненность других. Учитывая развитие и динамизм общественных отношений, полагаем, что критерием определения места в иерархии может служить та цель, достижение которой олицетворяет собой правовая ценность. Такой подход может быть представлен в построении ценностной иерархии по принципу системы целей и средств. В данном случае иерархия правовых ценностей представляет собой систему, где одни звенья обслуживают другие, одни из них являются высшими, другие – низшими. Это предполагает, что одни правовые ценности выступают целями, а другие представляют собой средства [5, с. 187]. Таким образом, отношения правовых ценностей в виде иерархии могут быть представлены как отношения системы ценностей-целей и ценностей-средств.

Иная точка зрения по этому вопросу заключается в возможности представления правовых ценностей в виде центрированной системы, основанной на справедливости [2, с. 96]. С. Г. Дробязко отмечает, что главным в праве является справедливость, которая всегда остается такой по своему понятию в каждой эпохе, как и другие общечеловеческие ценности: свобода, равенство, безопасность и многие другие [3, с. 100–101].

Такой подход основан на том обстоятельстве, что все правовые ценности имеют значимость для системы права, и при исключении хотя бы одной из них право утрачивает свои свойства. Правовая ценность может изменить свою актуальность, изменить свой статус.

С учетом подвижности системы ценностей достижение одной правовой ценности, во-первых, содержит в себе необходимость ее последующего обеспечения, а во-вторых, определяет перспективу достижения других ценностей. Таким образом, в вопросе соотношения правовых ценностей и их взаимодействия целесообразно руководствоваться подходом об иерархии правовых ценностей по принципу цели и средства.

Особенностью правовых ценностей является их выражение с помощью специального механизма правового регулирования. Правовые ценности, безусловно, имеют отношения иерархии в рамках системы права. В свою очередь, иерархию правовых ценностей можно проследить по иерархии правовых норм, которыми эти ценности закрепляются. В научной литературе отмечается, что прямое указание социальных ценностей (закрепление, формулирование средствами позитивного права) является привычным в праве, прежде всего, в рамках конституционной нормативности [4, с. 40]. В данном положении подчеркнута фундирующая роль конституционного регулирования в выражении правовых ценностей.

А. Г. Тиковенко, определяя Конституцию важнейшей органической частью и ядром правовой системы, указывает на то, что «обладая высшей юридической силой, она занимает главенствующее положение во всей правовой системе, оказывает конституционное воздействие на все ее элементы, является мощным правообразующим фактором как в процессе прямого действия ее норм, так и выступая в качестве основы нормативного и ценностного ориентира всего нормотворческого процесса» [7, с. 131].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что ценности являются реальными факторами правовой жизни. Правовые ценности представляют собой разновидность ценностей общества. При этом правовые ценности имеют объективный характер. Под правовыми ценностями следует понимать феномены правовой жизни материального и идеального характера, получившие закрепление в нормативном правовом положении и соответствующие конкретному правопорядку, выражающие положительную значимость для человека и общества. Правовые ценности являются универсальным понятием,

которое объединяет в себе такие понятия как собственно правовые ценности, правовые принципы, ценности в праве, ценности права, ценность права.

В вопросе соотношения правовых ценностей и их взаимодействия целесообразно руководствоваться подходом об иерархии правовых ценностей по принципу ценностей-целей и ценностей-средств. Право выступает тем средством, с помощью которого ценность обретает формальную определенность и государственно-властное обеспечение. Фундирующая роль в выражении правовых ценностей принадлежит конституционному регулированию.

Библиографические ссылки

1. Гаврилова Ю. А. Правовые ценности и смысл права // Рос. журнал прав. исслед. 2015. № 3 (4). С. 35–39.

2. Горобец К. В. Аксиосфера права : философский и юридический дискурс : монограф. Одесса : Фенікс, 2013. 218 с.

3. Дробязко С. Г. Принципы в праве // Степан Григорьевич Дробязко : к 90 летию со дня рождения С.Г. Дробязко / Белорус. гос. ун т, юрид. фак., юрид. колледж ; редкол. : С. А. Балашенко и др. Минск, 2013. С. 97–104.

4. Мурашко Л. О. Правообразование в аксиологическом контексте : монограф. / науч. ред. В. И. Шабайлов, О. А. Павловская. Минск : Право и экономика, 2012. 281 с.

5. Неновски Н. Право и ценности : пер. с болг. / Н. Неновски ; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. Москва : Прогресс, 1987. 248 с.

6. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович и др. ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ, 2013. 416 с.

7. Основы устойчивого развития национальной правовой системы в XXI столетии : методология, теория, практика : колл. монограф. / В. А. Абрамович и др. ; под ред. В. И. Павлова. Минск : Бизнесофсет, 2016. 278 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ СФЕРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

С. А. Минич

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а,
220030, г. Минск, Беларусь, ekabpils75@mail.ru

В условиях больших вызовов особенно важно обеспечить гуманное и цивилизационно-прогрессивное развитие науки, направленное на благо человечества, исключить риски бесконтрольного и вредоносного использования достижений и новаторства научного прогресса. Решению такой широкомасштабной задачи способствует совершенствование нормативно-правовой базы в научной сфере. В рамках данного исследования сформулировано предложение о целесообразности создания базового законодательного акта, позволяющего комплексно регулировать

общественные отношения, возникающие в ходе осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование; научная; научно-техническая и инновационная деятельность; государственная политика.

LEGAL REGULATION OF THE SCIENTIFIC SPHERE IN THE REPUBLIC OF BELARUS: AREAS OF IMPROVEMENT

S. A. Minich

The National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus,
1a Berson Street,
220030, Minsk, Belarus, ekabpils75@mail.ru

In the face of great challenges, it is especially important to ensure humane and civilizationally progressive development of science aimed at the benefit of humanity, to eliminate the risks of uncontrolled and harmful use of achievements and innovations of scientific progress. The improvement of the regulatory framework in the scientific field contributes to the solution of such a large-scale task. Within the framework of this study, a proposal has been formulated on the expediency of creating a basic legislative act that allows comprehensively regulating public relations arising during the implementation of scientific, scientific, technical and innovative activities.

Keywords: legal regulation; scientific; scientific-technical and innovative activity; state policy.

В условиях современности первостепенная задача науки – обеспечение устойчивого развития путем соблюдения баланса между решением социально-экономических задач и сохранением природной среды. Стремительно меняющиеся взаимоотношения между наукой, человеком, правом, государством и обществом, обусловленные новыми техническими и технологическими возможностями, широкомасштабными процессами информатизации и цифровизации, требуют разработки эффективного правового инструментария.

В Республике Беларусь долгое время в силу отсутствия единой цели при формировании законодательного массива в научной сфере, а также сохранившихся еще со времен СССР подходов к науке как отдельной изолированной отрасли, отмечался довольно низкий регулятивный потенциал принятых нормативных правовых актов в данной области. За период с 1991 по 1996 годы органами государственной власти были разработаны базовые законодательные акты, регламентирующие научную и научно-техническую деятельность и частично затрагивающие вопросы инновационной деятельности: Закон Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики», 1993 г. (далее – Закон № 2105-XII), Закон Республики Беларусь «О научной деятельности», 1996 г. Инновационная деятельность до 2012 года не имела единого основополагающего законодательного акта и на протяжении нескольких лет

регламентировалась Законом № 2105-XII, Руководящим документом Республики Беларусь «Научная и инновационная деятельность. Основные положения» (1995 г.), а также целым рядом разрозненных, несогласованных между собой правовых актов, регулирующих отдельные аспекты в данной области, что создавало определенные проблемы практики применения законодательства.

В силу хаотичности и бессистемности принятия нормативных правовых актов по вопросам науки в постсоветский период, уже в 1997 году в новой редакции были изложены Законы Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики», «О научной деятельности». Большое количество поправок, дополнений и изменений свидетельствует о достаточно слабой и излишне поспешной юридической подготовке ведущих нормативных правовых актов по вопросам науки, неудовлетворительном прогнозировании и неполном учете степени правовой урегулированности соответствующих общественных отношений, что создавало определенные препятствия, в том числе при планировании научной, научно-технической и инновационной деятельности. Более того, после 1997 г. для обозначенных выше законов была характерна прерывистость в обновлении (изменения не вносились более 8 лет).

Отсутствие стабильности в правовом регулировании науки также было вызвано тем, что до 2001 года не существовало четкой и согласованной системы государственного управления в данной области. Ее организационные основы были сформированы с принятием Декретов Президента Республики Беларусь «О повышении роли науки и реформировании Национальной академии наук Беларуси» (2001 г.) и «О совершенствовании государственного управления в сфере науки» (2002 г.).

Значительную роль в повышении эффективности системы государственного регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности, повышении эффективности нормотворческого процесса и стабилизации правовой системы в целом, имело принятие в 2002 году Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь (далее – Концепция), где, среди прочих принципов формирования законодательства, было уделено внимание целесообразности реализации «пакетного» принципа при подготовке нормативных правовых актов в целях улучшения качества правового регулирования (п. 19) [1]. Данный принцип заключается в одновременной разработке и принятии комплекса (пакета) нормативных правовых актов, регламентирующих конкретные общественные отношения. В научной сфере пакетный принцип использовался неоднократно. Например, при подготовке и принятии Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (2012 г.).

Переломный период в преобразовании всей правовой системы Республики Беларусь и законодательства о науке, в частности, связан с перспективным планированием и разработкой концептуальных и программных документов, что позволило выработать единые подходы, принципы, приоритеты, направления, механизмы реализации и пути повышения эффективности правового регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в долгосрочной и

среднесрочной перспективе и в дальнейшем существенно повысить качество принимаемых нормативных правовых актов в данной области. Прогнозный подход был успешен, т. к. позволял находить оптимальные пути развития правового регулирования науки не только в условиях реального времени, но и на будущее.

Первоначально вопросы развития научной сферы не входили в перечень отдельных стратегических приоритетов государства, и активная разработка доктринальных юридических документов непосредственно в данной области не велась. В соответствии с ч. 1 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» (далее – Закон № 157-З) основные направления научно-технической политики государства, равно как и социально-экономической, определяются в ходе государственного прогнозирования социально-экономического развития Республики Беларусь и комплексно отражаются в соответствующих стратегических и программных документах [2].

Так, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001 – 2005 годы, одобренной вторым Всебелорусским народным собранием, научно-технический потенциал выступает в качестве важнейшего фактора экономического роста. В данной Программе были обозначены основные достижения в научной сфере за предыдущий период и определены цели дальнейшего укрепления и развития научно-технического потенциала Беларуси и ориентации его функционирования на нужды республики и конкретных производств, сделан акцент на переход к инновационному пути развития экономики, постепенное повышение конкурентоспособности результатов отечественных научных исследований и разработок, ускорение их использования в интересах человека, экономики и окружающей среды [3].

С принятием последующих программ социально-экономического развития внимание государства к вопросам науки возрастало, особенно в части ее взаимодействия с бизнесом, формирования эффективной национальной научно-инновационной системы, укрепления партнерства науки и образования и др.

Важная роль науки постоянно подчеркивалась и в перспективных документах, разрабатываемых по иным стратегическим направлениям государственной политики, т. к. научно-техническая политика выступала одним из стержневых элементов всей системы государственного регулирования. К примеру, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. № 390, среди основных факторов, создающих угрозу безопасности Республики Беларусь в экономической сфере, было обозначено «Ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития. Потеря требуемой динамики развития фундаментальной и прикладной экономической науки» (пп. 3.2.3 п. 3); в гуманитарной сфере – «Сокращение численности научных и научно-педагогических кадров, а также притока молодежи в сферу образования, науки и культуры. Недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение сферы образования, науки, культуры и здравоохранения» (пп. 7.2.5 п. 7) [4].

Однако фундаментальные основы формирования и осуществления государственной политики в научной сфере были заложены в разработанной в соответствии с Законом № 157-З Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. (НСУР-2020, 2004 г.), четко определившей цель государственной политики в области развития науки и технологий и пути ее достижения, обозначившей основные стратегические задачи государственной политики, обеспечивающие устойчивое развитие экономики за счет использования новых знаний, достижений и новаторства научного прогресса [5].

С возрастанием инновационных процессов и активизации работы по распространению и внедрению инноваций увеличивалось влияние выбранных ориентиров в научной сфере на траекторию социально-экономического развития, что послужило импульсом к разработке программных документов в данной области. Так, за период с 2007 по 2021 гг. было утверждено четыре Государственных программы инновационного развития Республики Беларусь, включающих систему мероприятий и инструментов, направленных на поэтапное формирование Национальной инновационной системы Республики Беларусь, инновационной политики и ее нормативное, ресурсное и кадровое обеспечение. Решение обозначенных в указанных программных документах задач по совершенствованию законодательства в области инновационной деятельности способствовало принятию в 2012 году Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике», в результате чего инновационная деятельность получила свое специальное регулирование и выступила в качестве одного из основных стратегических приоритетов государственной политики.

Сегодня созданное в Республике Беларусь законодательство о науке обеспечивает правовое регулирование всех этапов научного, научно-технического и инновационного процесса от определения приоритетных направлений и планирования до оценки экономической эффективности полученных научных результатов. Следует также указать, что за последние годы при принятии нормативных правовых актов по вопросам науки наметилась определенная тенденция к закреплению в рамках одного документа положений, регламентирующих одновременно те или иные аспекты научной, научно-технической и инновационной деятельности: Указ Президента Республики Беларусь «О научной, научно-технической и инновационной деятельности» от 27 мая 2019 г. № 197, Указ Президента Республики Беларусь «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021 – 2025 годы» от 7 мая 2020 г. № 156 и др. Такие согласованные подходы в правовом регулировании являются своего рода предпосылками к выработке и реализации единой государственной политики в системе «наука-технологии-инновации».

Более того, в ч. 4 ст. 51 обновленной Конституции Республики Беларусь закреплено, что государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов [6], что демонстрирует равноценное внимание государства к укреплению научного,

научно-технического потенциала и инновационного развития страны и определяет вектор дальнейшего преобразования законодательства о науке, направленный на устранение разобщенности правового регулирования в данной сфере, концентрации и координации усилий по созданию целостной системы регулирования рассматриваемых отношений с учетом правовых основ, заложенных в положениях действующих нормативных правовых актах.

Такой комплексный подход к правовому регулированию науки позволяет сформулировать следующее предложение по его совершенствованию. Предлагается рассмотреть возможность разработки целостного базового законодательного акта для системного и полного правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности. Модернизация законодательства в научной сфере позволит, на наш взгляд, сформировать единые актуальные требования к науке; исключить несогласованность понятийного аппарата; избежать дублирования и противоречия норм, изолированности, неравномерности и фрагментарности регулирования общественных отношений в данной области; устранить препятствия для интегративного развития науки, технологий и инноваций и обеспечить более эффективную защиту и развитие национальной науки в условиях современных вызовов и угроз.

Библиографические ссылки

1. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 157-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001 – 2005 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 авг. 2001 г., № 427 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2001 г., № 390, в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.05.2009 г. : утратил силу // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я. М. Александрович и др. Минск : Юнипак, 2004. 200 с.

6. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. : в ред. Решения респ. референдума от 04.03.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

«ИНФОРМАТИЗАЦИЯ» И ЕЕ ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ

Э. Ю. Анциферова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17,
220007, г. Минск, Беларусь, edita.antsiferova@yandex.ru

Новый формат общественного развития и формирования информационного общества непосредственно связан с процессами глобализации и информатизации. Ускоренное проникновение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности оказывает огромное влияние на исследования в данной области, при этом остается одной из наименее урегулированных нормами права сфер. Наблюдается необходимость унификации понимания информатизации в правовом массиве Республики Беларусь.

Ключевые слова: информатизация; цифровизация; информация; информационные ресурсы; информационные технологии.

«INFORMATIZATION» AND ITS LEGAL UNDERSTANDING

E. Yu. Antsiferova

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street,
220007, Minsk, Belarus, edita.antsiferova@yandex.ru

The new format of social development and the formation of the information society are directly related to the processes of globalization and informatization. The accelerated penetration of information technologies into all spheres of life has a huge impact on research in this area, while remaining one of the least regulated areas of law. There is a need to unify the understanding of informatization in the legal array of the Republic of Belarus.

Keywords: informatization; digitalization; information; information resources; information technologies.

Глобализация современных общественных отношений и информатизация жизни человека неизбежно порождает целый комплекс вопросов юридического характера. Среди таких вопросов отдельно выделяется содержание используемого в юридическом законодательстве и практике терминов «информатизация». В связи с чем можно констатировать отсутствие однозначного понимания данного термина в юридических текстах. Данные обстоятельства обусловливают необходимость и своевременность нового концептуального подхода к сущности и содержанию исследуемого понятия.

В правовых актах Республики Беларусь законодатель четко не разграничивает информатизацию и цифровизацию. Согласно результатам по запросу использования понятия «цифровизация» в законодательных актах Республики

Беларусь найдено 186 документов, при этом термин «информатизация» упоминается в 2500 актах правового характера.

Достаточно обобщенное понимание термина информатизация закрепляется в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З, согласно которому информатизация – это «организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений» [1]. Так, под информатизацией понимается многоаспектный процесс повышения эффективности и трансформации общественных отношений, включающий в себя организационные, социально-экономические и научно-технические аспекты развития.

Концепцией информационной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств в военной сфере от 04 июня 1999 г. впервые установлено понимание информатизации «как организационного, социально-экономического и научно-технического процесса создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» [2]. В данном понимании отдельно фиксируются права граждан в информационной среде. К тому же наблюдается идентичное закрепление понимания термина информатизация в Соглашении Экономического совета Содружества Независимых Государств «О сотрудничестве в формировании информационных ресурсов и систем, реализации межгосударственных программ государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере информатизации», согласно которому «информатизация – организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий и организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов, не представляющих государственные секреты, коммерческую и иные тайны, охраняемые национальным законодательством государств-участников настоящего Соглашения» [3]. Однако в данной трактовке информатизации обозначены правовые пределы обеспечения исследуемой характеристики. Так, выделяются информационные ресурсы, которые не могут быть использованы для информирования населения, а именно защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести существенный вред всему государству.

В свою очередь, в постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств № 26-7 «О гармонизации законодательства государств-участников СНГ в области информатизации и связи» также наблюдается указание на понимание термина информатизации как «организационного социально-экономического и научно-технического процесса, в основе которого лежит массовое применение

информационных систем и технологий в целях кардинального улучшения условий труда и качества жизни населения, значительного повышения эффективности всех видов деятельности физических и юридических лиц» [4]. Так, в исследуемой характеристике указывается на массовый характер, то есть охватывающий широкие массы населения и процессы, а также на цель информатизации. Однако не фиксируется повышение эффективности государственных органов.

Также в законодательстве Республики Беларусь наблюдается указание на пояснение синонимичных единиц к основному термину. Например, в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 53 «О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021-2025 годы» указывается, что «процессы информатизации (цифровизации) в организациях культуры различных типов имеют свою специфику» [5]. Таким образом, законодатель определяет данные понятия как синонимичные и взаимоописывающими друг друга.

Использование термина цифровизация происходит повсеместно на ряду с информатизацией в законодательных актах Республики Беларусь, однако не наблюдается закрепление данного понятия в законодательстве, кроме как в постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 29 апреля 2021 г. № 80 «Об утверждении образовательного стандарта переподготовки руководящих работников и специалистов по специальности переподготовки 1-26 01 76», согласно которому цифровизация определяется как «процесс перехода организации или целой экономической отрасли на новые модели бизнес-процессов, менеджмента и способов производства, основанные на информационных технологиях» [6]. Так, согласно вышеупомянутой характеристике понятие направлено на отдельно взятую организацию либо отрасль экономики, то есть рассматривается в большинстве своем с экономических позиций, однако цифровизация пронизывает и иные сферы жизнедеятельности. При этом в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 758 «Об Утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года» уже более подробно описываются ожидаемые результаты цифровизации, а именно «обеспечение внедрения и интеграции информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в сферы жизнедеятельности общества и отрасли» [7]. Таким образом, белорусский законодатель не проводит каких-либо различий между информатизацией и цифровизацией и использует их совместно в виде обобщенного понятия, что приводит к синонимичному использованию в законодательстве данных характеристик.

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь информатизация и цифровизация чаще всего указываются параллельно, а иногда даже объединяются и отождествляются в смысловом значении. Полагаем, что данный фактор свидетельствует о неупорядоченности и неунифицированности юридической терминологии. Считаем данные понятия не тождественными и нуждающимися в унификации, а также приведению в единообразное состояние в законодательных актах Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 ноя. 2008 г., № 455-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.05.2021 № 111-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Концепция информационной безопасности государств-участников Содружества Независимых Государств в военной сфере [Электронный ресурс] : Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств, 4 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Соглашение сотрудничестве в формировании информационных ресурсов и систем, реализации межгосударственных программ государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере информатизации [Электронный ресурс] : Соглашение Экономического совета Содружества Независимых Государств, 24.12.1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Модельный закон «О гармонизации законодательства государств-участников СНГ Об информатизации, информации и защите информации» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 18 ноября 2005 г., № 26-7 // Информационный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 2022. URL: https://ilex-private.ilex.by/viewdocument/BELAW/87327/Модельном%20законе%20«Об%20информатизации,%20информации%20и%20защите%20информации?searchKey=x8ph&searchPosition=6#M100188 (дата обращения: 22.08.2022).

5. О государственной программе «Культура Беларуси» на 2021-2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 53 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. Об утверждении образовательного стандарта переподготовки руководящих работников и специалистов по специальности переподготовки 1-26 01 76 [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 29 апр. 2021 г., № 80 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Об Утверждении Программы Деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 декабря 2020 г., № 758 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. В. Балашов

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, ул. Аткарская, 68, 410005, г. Саратов, Российская Федерация, oleg-balashov0019995@mail.ru

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью правовой культуры в обществе. Предметом исследования является процесс формирования правовой

культуры российского общества в современных цифровых реалиях. Цель работы – дать понятие «правовой культуры», определить ее значение для общества, а также провести анализ современных особенностей формирования. В данной работе поставлена следующая задача – предложить современные способы воздействия на общество в целях повышения уровня правовой культуры. В результате исследования сделаны выводы о том, что под давлением цифровой среды правосознание человека подвергается трансформации, а также поддается сознательному манипулированию. При этом полученные теоретические знания и практические умения в области юриспруденции повышают общекультурный уровень населения.

Ключевые слова: правовое воспитание; правовая культура; правовое сознание; социо-культурные факторы.

ON THE QUESTION OF LEGAL CULTURE IN MODERN RUSSIA CONTEMPORARY RUSSIA

O. V. Balashov

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, 68 Atkarskaya Street, 410005, Saratov, Russian Federation, oleg-balashov0019995@mail.ru

The relevance of the research topic is due to the importance of legal culture in society. The subject of the research is the process of formation of legal culture of the Russian society in modern digital realities. The aim of the work is to give the notion of "legal culture", define its importance for society, and analyze the modern features of formation. This paper has the following task - to propose modern ways of impact on society in order to increase the level of legal culture. As a result of the study, we made conclusions that under the pressure of digital environment human legal consciousness is subjected to transformation and also lends itself to conscious manipulation. At the same time, the theoretical knowledge and practical skills acquired in the field of jurisprudence increase the general cultural level of the population.

Keywords: legal education; legal culture; legal consciousness; socio-cultural factors.

В условиях формирования и развития цифровой реальности трансформируются все сферы общественной жизни. Это в полной мере относится и к правовой системе общества, элементы которой встраиваются в цифровое пространство. Правовая культура как наиболее статичный элемент правовой системы, тем не менее также оказывается под влиянием процессов цифровизации.

Формирование правовой культуры общества становится сегодня основополагающим фактором социокультурного и цивилизованного развития Российской Федерации как правового государства, где государство и право тесно взаимосвязаны, а центром их взаимодействия является человек. [1, с. 150]. Низкий уровень правовой культуры не позволяет развиваться основным демократическим институтам в нужной динамике и тормозит процесс становления в Российской Федерации гражданского общества [2, с. 142]. В связи с этим необходимо повышать

качественный уровень правовой культуры, в первую очередь, в наиболее активной – молодежной среде.

Междисциплинарный подход к изучению понятия «правовая культура» посредством применения методов и средств юридических, социологических, педагогических и психологических наук позволяет комплексно рассмотреть данную проблему.

Характер правовой культуры детерминирован множеством социальных факторов, которые накапливаются и осваиваются на протяжении многих сменяющих друг друга поколений общества. Материализуясь в правовых ценностях, данные факторы формируют характер общественных отношений, юридически значимого поведения и в конечном итоге уровень правовой культуры общества [3, с. 141]. По справедливому утверждению мнению А. П. Семитко, правовая культура обусловлена всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественного состояния правовой жизни общества, которая выражается в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов правосознания в целом и правового развития субъекта, а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека [4; с. 436].

Уровень правовой культуры отражает жизнеспособность правовой системы; возможность человека осмысленно понимать существующую правовую действительность, реализовывать нормы права, действующие в государстве. Правовая культура становится сдерживающим фактором, способным остановить или ограничить противоправное поведение населения.

Феномен правовой культуры имеет расплывчатое очертание, ученые-правоведы дают различные формулировки данного понятия в связи с природой и особенностями ее функционирования внутри общества. Анализ научной литературы позволяет констатировать, что отечественная юридическая наука рассматривает феномен правовой культуры в различных аспектах как:

- явление, сопровождающее общество на всех этапах его развития и функционирования;
- процесс, наглядно показывающий уровень развития общества и отдельных граждан в частности;
- систему, являющуюся основой социализации и интеграции индивида в общество, внедрения в его сознание социокультурные понятия, правил поведения и ценностей, характерных для данного общества.

Правовая культура традиционно является объектом исследования ученых-правоведов. Так, М. В. Саакяном [5] проведен социологический анализ правовой культуры как фактора снижения и предупреждения уровня преступности среди молодого поколения.

В. П. Батайкин [6] и Ю. Ю. Бугаенко [7] предприняли социально-философский анализ правовой культуры. По результатам исследования стало выявлено влияние правовой культуры на личность в процессе ее правовой социализации.

А. Н. Кунев [8] проанализировал взаимосвязь и соотношение таких понятий, как «правовая культура» и «законность» в условиях становления в Российской Федерации правового государства.

Е. Л. Раковская [9] исследовала формирование правовой культуры и ее влияние на студенческую молодежь в рамках организации взаимодействия высших учебных заведений и учреждений культуры.

О. Ф. Павлов [10] рассмотрел понятие «правовая культура» применительно к правоохранительной деятельности.

В качестве проблем современной правовой культуры исследователи особо отметили: «“негативную” правовую активность общества, рост преступности, в том числе среди несовершеннолетних, иные формы правового нигилизма» [11, с. 149].

Одним из шагов в сторону повышения уровня правовой культуры стало принятие Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [12, с. 1], который установил гарантии граждан на получение бесплатной юридической помощи. Законом были сформированы организационно-правовые основы оказания бесплатной юридической помощи населения как государственными, так и негосударственными организациями, однако указанный нормативно-правовой акт, к сожалению, не стал прорывным в деле правового информирования и правового просвещения населения.

В современном мире формирование правовой культуры невозможно вне процессов глобализации, информационно-коммуникационных технологий, которые привнесли изменения в общественную жизнь. В связи с этим представляет интерес теория М. Кастельса о «сетевом обществе» [13, с. 1]. Данная теория обосновывает конструктивные изменения в связи с переходом к информационному обществу. В сетевом обществе формирование культуры и ее составляющих завязаны на процессах коммуникации.

Весьма обнадеживающей, в плане повышения правовой культуры населения, представлялась Государственная программа «Юстиция», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 [14, с. 1]. Создание единой цифровой платформы «Правовая помощь» задумывалось с целью правового просвещения, правового информирования и предоставления населению равного доступа к бесплатной квалифицированной юридической помощи. Посредством создания единой и всеобъемлющей системы правовой помощи населению возможно было бы распространение и внедрение в общественное сознание таких идей, как:

- свобода всех граждан в обществе становится гарантом свободы каждого;
- уважение всех участников правоотношений – норма правового общения в государстве;
- уважение и соблюдение законов государства обоюдно в рамках взаимоотношений государства и человека;
- личная ответственность за совершенные деяния.

Однако данная система до сих пор находится в стадии тестирования в некоторых субъектах Российской Федерации [15, с. 1].

Организация общественной жизни в процессе развития информационно-коммуникационных сетей могла бы открыть для населения широкие горизонты и возможности в сфере повышения правовой грамотности, защиты прав человека, участия в процессах функционирования и управления государством. В этой связи особую значимость приобретает коммуникативная функция правовой культуры. Ее основная задача заключается в передаче правовой информации

населению не только, чтобы уведомить о правовых нормах, но и в целях формирования уважительного отношения к ним [16, с. 1]. Средствами коммуникации, в первую очередь, становятся неспециализированные источники информации, такие как социальные сети.

Огромную популярность в социальных сетях набирают аккаунты профессиональных юристов-практиков, в которых они бесплатно дают консультации и разъяснения действующего законодательства или информируют об изменениях в нем. Увеличивается количество аккаунтов профессиональных юридических сообществ, осуществляющих свою деятельность в социальных сетях.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла Федеральный закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [17, с. 1], в которых установлено, что органы государственной власти обязаны создавать официальные страницы ведомств в социальных сетях, для размещения актуальной информации о своей деятельности. Данные меры направлены на улучшение качества информационного контента, позволяющего увеличить охват населения, посредством правового просвещения и правовой пропаганды проводимых органами государственной власти. На сегодняшний момент официальные аккаунты и страницы в социальных сетях имеют большинство органов государственной власти.

Таким образом, создание и развитие систем коммуникации в сети Интернет предопределили новые источники правовой информации. Возникшие виды и способы коммуникации выводят правовую культуру на иной качественный уровень. Социальные сети позволяют упростить получение и освоение информации правового характера. Огромный потенциал сетевого общества по формированию правосознания, правовой культуры, сознательному правомерному поведению граждан должен быть использован во благо государства.

Современному обществу для «нормального» функционирования и активной реализации гражданами прав и свобод необходимо поддерживать высокий уровень правовой культуры. Непременным условием в этой связи является постоянное развитие юридической науки, практики, оптимизация юридического образования.

Библиографические ссылки

1. Снашков С. А. Социальные функции правовой культуры в Российской правовой системе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–2 (60). С. 149–151.

2. Шубина О. Б. Правовая культура как элемент культуры общества: специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссерт. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 167 с.

3. Петров А. В. О содержании понятия правовой культуры // Sciences of Europe. 2016. № 7–2 (7). С. 140–146.

4. Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. 2017. № 4 (19). С. 32–72.

5. Саакян М. В. Правовая культура студенческой молодежи как фактор предупреждения преступности в современном обществе (социологический анализ): специальность 22.00.06 "Социология культуры" : диссерт. на соискание ученой степени канд. социол. наук. Майкоп, 2010. 169 с.

6. Батайкин В. П. Правовая культура в условиях социальной модернизации России (социально-философский анализ): специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссерт. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Москва, 2006. 173 с.

7. Бугаенко Ю. Ю. Правовая культура в современной России (социально-философский анализ) : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссерт. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Краснодар, 2007. 156 с.

8. Кунев А. Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование): специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссерт. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Москва, 2011. 183 с.

9. Раковская Е. Л. Формирование правовой культуры студенческой молодежи в процессе взаимодействия вузов и учреждений культуры: специальность 13.00.05 "Теория, методика и организация социально-культурной деятельности" : диссерт. на соискание ученой степени канд. пед. наук. Тамбов, 2013. 156 с.

10. Павлов О. Ф. Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудника милиции): специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссерт. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 142 с.

11. Тимохина Д. А. Правовая культура как один из факторов становления и развития правового государства // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 302–304.

12. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Фед. закон Рос. Федерации, 21 ноя. 2011 г., № 324-ФЗ : с изм. и доп. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.

13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М. : Издательство ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

14. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Рос. Федерации, 15 апр. 2014 г., № 312 : с изм. и доп. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.

15. Органы власти будут создавать официальные страницы в соцсетях [Электронный ресурс] // Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации. 2022. URL: http://duma.gov.ru/news/54295/ (дата обращения: 09.08.2022).

16. Иванова М. А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 149–152.

17. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Фед. закон Рос. Федерации, 14 июля 2022 г., № 270-ФЗ : с изм. и доп. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. С. Бондаренко

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, miroslav090998@gmail.com

Человеческий капитал является фактором национальной экономической безопасности, поэтому должен квалифицироваться как уникальный объект прав, составляющий публичную монополию, и одновременно как объект управленческого воздействия.

Ключевые слова: человеческий капитал; национальная экономическая безопасность; государственная монополия; объект политических прав; инвестиции в человеческий капитал.

HUMAN CAPITAL AS A FACTOR OF NATIONAL ECONOMIC SECURITY

M. S. Bondarenko

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, miroslav090998@gmail.com

Human capital is a factor of national economic security, so it should qualify as a unique object of rights constituting a public monopoly and, at the same time, as an object of managerial influence.

Keywords: human capital; national economic security; state monopoly; object of political rights; investment in human capital.

В истории человечества значение человеческого капитала возрастало соразмерно преобразованиям, происходящим в социальной и экономической сферах. Если сначала выдающиеся экономисты прошлого, такие как А. Смит [10] и Дж. Милль [7], смогли увидеть зависимость между увеличением производительности труда и умениями рабочего, то в эпоху научно-технической революции человеческий капитал был признан одним из важнейших производительных факторов [12], факторов экономического роста [5] и конкурентных преимуществ организаций [2], что обусловило появление теории человеческого капитала как самостоятельной научной концепции, за развитие которой Т. Шульц (1979) и Г. Беккер (1992) были удостоены Нобелевской премии в области экономики. Представители современной экономической науки справедливо обращают внимание на то, что инновационный тип экономического роста немыслим без максимальной степени реализации полезного потенциала человека, его способностей, знаний, что предполагает необходимость наращивания инвестиций в человеческий капитал [6, с. 66; 11].

Убедительно доказана экономистами и признана мировым сообществом прямая зависимость между темпами увеличения национального человеческого капитала и темпами роста ВВП. Российский ученый А. И. Подберезкин приводит следующие данные: «в развитых странах основной прирост ВВП (до 85%) обеспечивается за счет увеличения национального человеческого капитала. Прежде всего потому, что доля национального человеческого капитала в национальном богатстве той или иной страны составляет не менее 75%. Остальные 25% приходятся на материальные активы и природные ресурсы». Из чего перспективы увеличения ВВП ученый связывает, в первую очередь, с человеческим капиталом, а потом уже с инвестициями в заводы, технологии, добычу ресурсов [9].

На современном этапе общественного развития общество столкнулось со множеством угроз, таких как исчерпание природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, распространение пандемии и др. Человечество осознало необходимость преобразований в экономике посредством внедрения наукоемких и ресурсосберегающих технологий, ведущую роль интеллектуальных ресурсов и пр., что принято именовать инновационным развитием. Ключевая роль в таких преобразованиях отводится интеллекту, способностям, навыкам и квалификации населения, т.е. человеческому капиталу. «Сегодня конкурентоспособность национальной экономики определяется не столько природно-ресурсным потенциалом и дешевой рабочей силой, сколько степенью развитости научно-технического и человеческого потенциала» [1, с. 477].

Именно накопленный обществом человеческий капитал становится движущей силой экономического развития и предопределяет экономическую безопасность страны, что позволяет нам квалифицировать человеческий капитал в качестве фактора национальной экономической безопасности. Так, в п. 10 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, в числе основных национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере назван экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал. В числе основных национальных интересов в научно-технологической сфере названо формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь (п. 11). Таким образом, обозначается роль человеческого капитала как одного из ключевых факторов инновационных преобразований. В связи с этим вызывает недоумение отсутствие в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сент. 2021 г. № 348, упоминания о человеческом капитале. Между тем в наднациональном законодательстве он упоминается повсеместно. Так, целью Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года заявлено создание условий для развития межгосударственного сотрудничества,

ориентированного на повышение качества жизни, развитие человеческого капитала, сбалансированное пространственное развитие и комплексное освоение территорий для дальнейшего инновационного развития, повышения конкурентоспособности экономики государств – участников СНГ – участников Программы, их интеграции в мировое научно-техническое, инновационное и образовательное пространство. В качестве основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов на 2021 – 2022 годы, определенных в решении Высшего Евразийского экономического совета № 9 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2021 – 2022 годы» важными направлениями инвестиций были определены пополнение и модернизация основных фондов, развитие человеческого капитала, усиление инновационной активности и внедрение новых технологий.

Декларируя особую важность человеческого капитала, законодатель не определяет, что же такое человеческий капитал, что позволяет нам предложить собственное авторское определение понятия «человеческий капитал». По нашему мнению, человеческий капитал – это совокупность знаний, умений и навыков всех членов общества, предопределенная характеристиками личностных и физиологических качеств конкретного физического лица (персональный капитал), а также способность их использования для реализации публичного и частного интереса в целях обеспечения национальной экономической безопасности государства [3].

Указанная совокупность знаний, умений и навыков всех членов общества может квалифицироваться как своеобразный публичный товар, производимый обществом в результате развития и обеспечения функционирования социальной сферы (институциональной среды производства человеческого капитала) [4]. Человеческий капитал как обобщенная обезличенная характеристика всего общества, свойствен обществу, но при этом является объектом политических прав, принадлежащим государству и «обслуживаемым» государством.

Государству принадлежит исключительное право на использование данного объекта (т.е. государственная монополия), поэтому именно оно, в первую очередь, ответственно за производство человеческого капитала, инвестиции в него и «эксплуатацию» этого ресурса.

Ведущая роль в инвестиционном процессе также должна принадлежать государству, которому надлежит управлять этим процессом либо контролировать его (например, в случае самоинвестиций). Управление процессом эксплуатации человеческого капитала подразделяется на два сегмента общественных отношений: управление процессом эксплуатации человеческого капитала в режиме государственной политики в области занятости, демографической и семейной политики государства и управление процессом эксплуатации человеческого капитала в режиме государственной политики в области предпринимательской деятельности и иных проявлений предпринимательской инициативы.

Деятельность государства в этой сфере может быть эффективной только при финансовой и организационной поддержке институтов гражданского общества, что актуализирует задачу использования механизма публично-частного партнерства.

Библиографические ссылки

1. Акрамова Ш. Г. Человеческий капитал как фактор повышения конкурентоспособности и инновационного развития национальной экономики // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 12. С. 477–485. URL: http://www.bulletennauki.com/12-03 (дата обращения: 15.08.2022).

2. Беккер Г. С. Экономический взгляд на жизнь из Нобелевской лекции 9 декабря 1992 г. // Уровень жизни населения регионов России. 2006. № 5–6 (99–100). С. 17–18.

3. Бондаренко М. С. Человеческий капитал: понятие и отграничение от смежных правовых категорий // Право.by. № 4 (78). С. 52–59.

4. Бондаренко М. С. Социальная сфера как институциональная среда производства человеческого капитала и сфера осуществления инвестиций в человеческий капитал // Актуальные проблемы гражданского права. 2022. № 1. С. 165–179.

5. Денисон Э. Ф. Оценка источников экономического роста как база долгосрочных прогнозов. М. : Прогресс, 1975. 354 с.

6. Лавров Е. И., Лавров Л. А. Человеческий капитал как фактор экономического роста // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2006. № 2. С. 63–69.

7. Милль Дж. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1.

8. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / Дж. Стюарт Милль ; пер. с англ.: В. Б. Бобров и др. Москва : Эксмо, 2007. 1037 с.

9. Подберезкин И. А. Темпы роста ВВП и человеческий капитал [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/242193/?ysclid=l6kvpr9gse379216249 (дата обращения: 15.08.2022).

10. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. / отв. ред. Л. И. Абалкин. М. : Наука, 1993. Т. 1, кн. 1–3. 570 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/smit/smit_1.pdf (дата обращения: 25.08.2022).

11. Устинова К. А. Губанова Е. С. Леонидова Г. В. Человеческий капитал в инновационной экономике : коллект. монограф. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 195 с.

12. Schultz T. W. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. P. 1–17. URL: https://www.sscc.wisc.edu/~walker/wp/wp-content/uploads/2012/04/schultz61.pdf (date of access: 25.08.2022).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Т. В. Цветикова

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036, г. Брянск, Российская Федерация, tsvetikova.2023@mail.ru

Построение союзного государства России и Беларуси связано с целым рядом преобразований: созданием единой нормативно-правовой базы, формирующей соответствующую правовую культуру; изменениями в экономике, социальной сфере и т.д.

Данная публикация рассматривает положения основных нормативно-правовых актов России и Беларуси в практическом аспекте через их реализацию в разных областях функционирования государства и общества. Представляются также рекомендации по совершенствованию интеграционного процесса двух братских государств через устранение правовым путем противоречий в различных областях взаимодействия.

Ключевые слова: союзное государство; перспективы развития России и Беларуси; противоречия правовых систем российского и белорусского образцов; общественные отношения; сферы развития союзного государства.

IMPLEMENTATION OF LEGAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF THE UNION STATE

T. V. Tsvetikova

Bryansk State University named after V.I. acad. I.G. Petrovsky, 14 Bezhitskaya Street, 241036, Bryansk, Russian Federation, tsvetikova.2023@mail.ru

The construction of the union state of Russia and Belarus is associated with a number of transformations: the creation of a unified regulatory framework that forms an appropriate legal culture; changes in the economy, social sphere, etc. This publication examines the provisions of the main normative legal acts of Russia and Belarus in a practical aspect through their implementation in various areas of the functioning of the state and society. Recommendations are also presented to improve the integration process of the two fraternal states through the elimination of contradictions in various areas of interaction by legal means.

Keywords: union state; prospects for the development of Russia and Belarus; contradictions of the legal systems of the Russian and Belarusian models; public relations; spheres of development of the Union state.

Создание союзного государства России и Беларуси в 1996 году стало эпохальным событием, поскольку послужило основой не только для тесной интеграции народов двух стран, но и совместному урегулированию противоречий в экономике, социальной среде, политике, юриспруденции, культуре и религии. Что касается создания правового поля двух держав, то оно нашло свое отражение в разработке и принятии ряда нормативно-правовых актов, а также в формировании на их основе правовой культуры, реализуемой на практике в различных областях их взаимодействия.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей реализации правовой культуры России и Республики Беларусь в рамках союзного государства. Она заключается в постановке следующих задач:

а) раскрытие основных аспектов взаимодействия этих стран в рамках единого объединения;

б) рассмотрение общих и особенных черт экономики, социальных отношений, политики, права и культуры двух этих субъектов;

в) представление рекомендаций по совершенствованию правовой культуры в рамках союзного объединения.

Объектом исследования в данном случае является правовая культура союзного государства России и Беларуси. Предметом изучения представлена ее реализация в различных областях функционирования данного территориально-публичного объединения.

Методологическая база включает такие приемы, как анализ, синтез, сравнение, статистика, прогнозирование.

Нормативно-правовая база представлена такими документами, как Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании Союзного государства от 08.12.1999 г.; «Приоритетными направлениями и первоочередными задачами дальнейшего развития Союзного государства на 2018 – 2022 годы; Декретом от 04.11.2021 г. № 6 «Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021-2023 годы» и т.д.

Историография проблемы показана в публикациях и работах Морозова А. Н. «Реализация актов союзного государства в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Беларусь»; Пехтеревой Е. А. «Союзное государство России и Белоруссии: особенности и проблемы интеграции»; Мичулиса Э. Ф., Куксина И. Н. «Формирование единого правового пространства Союзного государства Беларуси и России и его уголовно-правовой системы»; Вилисова М. В. «Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества» и т.д.

Согласно основополагающим документам, регламентирующим формирование нового территориально-публичного образования, оно было создано для обеспечения выполнения целей, связанных с мирным сосуществованием и развитием двух братских народов; возникновением единого экономического пространства, предполагающего соединение материального и интеллектуального потенциалов государств, единой доктрины внешней политики и обороны; соблюдением основных прав и свобод человека и гражданина, как это предусмотрено международными положениями; разработкой целостной правовой системы двух стран; обеспечением безопасности Союзного государства, включая совместную разработку мер по борьбе с преступностью.

В качестве глобального намерения существования Союзного государства закреплялось содействие миру и сотрудничеству указанного объединения, как в мировых масштабах, так и в границах Союза независимых государств (СНГ) [1, ст.2 п. 1].

Реализация уставного документа наиболее полно отражена в разработке и принятии 19.06.2018 г. в Минске приоритетных направлений и первоочередных задач дальнейшего развития союзного объединения с 2018 по 2022 годы. Они включили в себя намерения по проведению согласованной политики главами двух государств в областях макроэкономики, промышленности, бюджетной политики, торгово-экономических связей и т.д. [2]. Совершенствуется миграционное законодательство по продлению взаимного срока безвизового нахождения

россиян на территории Беларуси и белорусских граждан в пределах Российской Федерации. [3].

Декретом от 04.11.2021 г. № 6 «Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021-2023 гг.» были закреплены намерения высших должностных лиц двух государств по оптимизации национальных денежно-кредитных систем; валютной системы и контроля; созданию единого рынка природных ресурсов, транспорта и т.д.; проведению единой аграрной политики; разработке и утверждению основ антимонопольной политики, защите прав потребителей и благополучия человека и другим аспектам, обеспечивающим нормальное совместное функционирование двух держав [4].

Разработка и принятие совместных актов двух этих государств в настоящее время показывает, что два этих публичных субъекта в большей степени достигли успехов в интеграционном процессе, чем другие республики бывшего Советского Союза.

В то же время имеются и определенные проблемы, создаваемые данным сотрудничеством.

Прежде всего является актуальной проблема сохранения Беларусью своего суверенитета в рамках единого объединения, включая самобытность национальной культуры, языка, особенностей экономического и социального развития. Дело в том, что согласно союзному соглашению, суверенитет Союзного государства распространяется и на ее территорию.

Кроме того, Беларусь не может развивать в полной мере экономические отношения с другим членом союзного объединения – Казахстаном, торговый оборот с которым по состоянию на 2012 год составляла всего 1%. [5, с. 61]. Сама она зависима от поставок российского газа и нефтепродуктов (от 30 до 35% газа и нефтепродуктов, экспортируемых Россией, приходится на Беларусь). Таким образом, положение Беларуси связано с балансировкой между интересами России и Запада.

При подобном положении белорусский народ не может чувствовать себя в полной мере независимым от воли «большого брата». Поэтому действующий Президент республики старается обеспечить свой суверенитет в рамках единого государства прежде всего через положения Устава, разграничивающего компетенцию Союзного государства в целом и каждого из субъектов, входящих в него, по организации властных полномочий, развитию экономики, социальных отношений на своих территориях, создание финансовой среды и т.д. [6, с. 76-81].

Чтобы устранить сомнения в жизнеспособности Союзного государства Беларуси и России после создания нового объединения более широкого масштаба Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в состав которого, помимо этих образований вошли Кыргызстан, Казахстан, Армения, президенты двух этих держав увидели для себя перспективы дальнейшего курса на интеграцию в демократизации правовой системы как общесоюзной, так и каждого субъекта в отдельности [7, с. 116].

Что касается роли союзного государства в рамках СНГ, то, по мнению исследователей, оно является локомотивом для других стран, входящих в расширенный состав.

Нельзя не сказать и о том, что сама Беларусь понимает зависимость от России, прежде всего, в экономических отношениях, поскольку основная масса дотаций на ее развитие приходит именно от «восточного соседа», а не от Запада. [8, с. 107-126]. Тем более, что в настоящее время оба государства находятся под санкциями зарубежных держав из-за специальной военной операции на Украине, хотя Президент Беларуси отмечает, что население его страны неоднозначно относится к указанным событиям.

Учитывая все вышеперечисленное, можно сказать, что главы двух братских государств сами пытаются урегулировать противоречия ментального, экономического и социального характера, которые могут отрицательно отразиться на их правовой культуре, в частности. Поэтому они стараются разграничить не только властные структуры, но и экономики и социальную сферу в рамках союзного объединения не только документированным путем, но и на практике.

Библиографические ссылки

1. О создании Союзного государства [Электронный ресурс] : Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, 08 дек. 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Приоритетные направления и первоочередные задачи развития Союзного государства на 2018-2022 годы, утверждены заседанием ВГС [Электронный ресурс]. URL: gknt.gov.by (дата обращения: 13.08.2022 г.).

3. Регистрация граждан Республики Беларусь при нахождении на территории РФ в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: https://visasam.ru/russia/migraciya/registraciya-belorusov-v-rossii.html (дата обращения: 13.08.2022).

4. Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы [Электронный ресурс] : Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства, 4 ноя. 2021 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Пехтерева Е. А. Союзное государство России и Белоруссии: особенности и проблемы интеграции [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belorussii-osobennosti-i-problemy-integratsii (дата обращения: 13.08.2022).

6. Морозов А. Н. Реализация актов союзного государства в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 76–81.

7. Мичулис Э. Ф., Куксин И. И. Формирование единого правового пространства союзного государства Беларуси и России и его уголовно-правовой системы // Научные ведомости. 2015. № 2 (199). Вып. 31. С. 116.

8. Вилисов М. В. Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14, № 1. С. 107–126.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА СУЩНОСТИ ПРАВА

И. В. Гришаева

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, gr.irina-97@mail.ru

Поиск сущности права – неоднозначный и сложный вопрос. Его можно раскрыть, наметить ориентиры, но нельзя завершить, ведь, как писал О. Уайльд, истина редко бывает чистой и никогда – однозначной.

Ключевые слова: общая теория права; сущность права; интегративный подход; философия права; методологический плюрализм.

PHILOSOPHY OF LAW: PROBLEMS OF SEARCHING FOR THE ESSENCE OF LAW

I. V. Grishaeva

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, gr.irina-97@mail.ru

The search for the essence of law is an ambiguous and complex issue. This question can be solved, we can set guidelines, but this question can't be completed. As Oscar Wilde wrote, truth is rarely pure and never unequivocal.

Keywords: general theory of law; essence of law; integrative approach; philosophy of law; methodological pluralism.

Проблема поиска сущности права существовала во все времена, и происходила она из-за существования различных подходов к пониманию права. Воспользуемся дедуктивным методом и проведем нашу линию суждений от философии права непосредственно к праву, ведь философия права есть «учение о смысле и ценностях права».

Как отмечает И. Г. Напалкова, «философский подход к пониманию статуса философии права, в отличие от юридического подхода, относит философию права к философским дисциплинам. Так, Г. Гегель утверждал, что предметом философии права является идея права, его понятие и содержание, истинной наукой о праве является философия права. Под наукой о праве он понимал часть философии. Его последователь, Г. Радбрух рассматривает философию права как философскую дисциплину, как ценность, факт культуры, метафизическое явление» [4, с. 26 - 27].

Предпочтительным представляется подход, объединяющий философский и юридический, так как важна и абстрактность, и конкретизация понятия. Необходимо применять оба подхода, но используя при этом различные методы.

Ю. В. Тихонравов интерпретирует теорию права как научное знание, полученное индуктивным путем в результате развития юридических наук [5]. Философия права как учение о смысле и ценностях права определяется им как дедуктивное знание, выводимое из более общих знаний о мироздании. Ученый Ю. В. Тихонравов полагает, что в философском обосновании нуждаются не только фундаментальные проблемы сущности, функций права, но и специально-юридические положения общей теории права.

По мнению же М. Н. Марченко, рассмотрение философии права либо как юридической, либо как философской дисциплины носит односторонний, однобокий, искусственный характер, искажает и деформирует понимание содержания и характера философии права [3]. Он полагает, что невозможно определить объективный критерий жесткого различия тех положений данных наук, которые относятся к философской или правовой проблематике, в связи с чем «философия права по природе и характеру является одновременно и философской, и юридической дисциплиной. Органически сочетая в себе собственно философские и юридические элементы, в реальной действительности она, согласно элементарной логике, не может существовать и функционировать иначе, как в виде междисциплинарного образования» [4, с. 27].

Виднейший представитель психологической теории права Л. И. Петражицкий писал: «Гениальный философ Кант смеялся над современной ему юриспруденцией по поводу того, что она еще не сумела определить, что такое право». Далее он иронически подчеркнул, что юристы еще ищут определения для своего понятия права. Приведенные слова Л. И. Петражицкого получили широкое распространение в литературе по теории права. Однако рассуждения И. Канта далеки от иронии и насмешки над юристами. В книге «Критика чистого разума», где содержится суждение, процитированное Л. И. Петражицким, И. Кант доказывал трудность поиска определений в философских науках, к которым он относил и науку о праве. Если математические дефиниции создают само понятие, то философские – только объясняют его. «В философии, – писал И. Кант, – дефиниция со всей ее определенностью и ясностью должна скорее завершать труд, чем начинать его». Как видно из изложенного, мысль И. Канта состояла в том, что для постижения сущности права недостаточно знать содержание законодательства разных стран и народов, т.е. эмпирическую действительность. Сущность права не только не может быть постигнута методами практической юриспруденции, но и вообще не относится к кругу ее интересов, поскольку для практикующего юриста первостепенное значение имеют поиск юридических фактов и доказательств, относящихся к данному делу, правовая оценка обстоятельств казуса, определение, кто на что имеет право и к чему обязан, в каких пределах и размерах и т.п. Сущность права не может быть постигнута ни практическим правоведением, ни даже общей теорией права, если последняя не выйдет за пределы юридических категорий. Дело в том, что определение понятий, выражающих существенные свойства права (законы его бытия), входит в предмет и задачу не

столько общей теории права, сколько философии права. Подлинная мысль И. Канта, как подчеркивает О. Э. Лейст, состояла в том, что сущность права может быть постигнута только философским разумом» [2].

Роль философии в праве нельзя умолять. Философия для любой науки является основой, фундаментом, отправной точкой рассуждений. Но стоит ли искать идеальную модель понятия права? Следует акцентировать внимание на том, что в таком случае реальность отступит на второй план, а право, не основанное на эмпирической действительности, нельзя будет назвать правом в полном его значении. Как уже отмечалось, философия права строится на двух подходах: юридическом и философском. Следовательно, понятие права должно включать в себя обе составляющие: не только философскую, но и юридическую, то есть связанную с правовой реальностью. Только в таком случае понятие «право», надо полагать, сможет претендовать на полноту раскрытия. Однако какими бы ни были поиски сущности права, они всегда будут оставаться поисками, так как мир пребывает в постоянном движении, и если рафинировать понятие права, то оно перестанет отражать суть действительности.

Ученые подчеркивают, что методологический плюрализм и созданные на его основе разные понятия и определения права имеют познавательное значение, но не ведут к постижению сути права. «Говорят, – писал Иоганн Вольфганг Гете, – что между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема» [2].

О. Э. Лейст правильно подчеркивает, что каждое правопонимание имеет свои основания, поэтому они существуют одновременно и имеют своих сторонников. Каждая концепция выражает реальную сторону права и служит его осуществлению. Дело в том, что между крайними точками зрения находится не истина, а слишком сложное общественное явление – право [2].

Как писал С. Г. Дробязко, «понятие сущности права – наиболее важная, базовая проблема общей теории права. От правильного ее решения зависит успех в постижении истины всех исследуемых правовых вопросов. В научной и учебной литературе сущность права характеризуется по-разному, и некоторым авторам это представляется запутанным, чуть ли не взаимоисключающим, поскольку, дескать, в двух или многих утверждениях об одном и том же истиной может быть только одно. Но это правило логики относится только к конкретному, однозначному факту, к тому, который утверждается или отрицается: идет дождь или нет, цветок белый или красный, человек живой или мертвый и т. д. Оно неприемлемо по отношению к многостороннему явлению, к абстракции, дефиниции вообще, к интерпретации сущности права в особенности, являющегося архисложным социальным феноменом» [1].

Таким образом, прийти к единому мнению по вопросу сущности права на данном этапе исторического развития не представляется возможным. Однако можно наметить пути достижения этой цели. Так, представляется, что интегративный подход к пониманию сущности права является наиболее перспективным и правильным, так как объединяет в себе сумму различных подходов к пониманию права.

Библиографические ссылки

1. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права: учеб. пособие для вузов. / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. 2-е изд., исправл. и доп. Минск : Амалфея, 2007. 480 с.
2. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: "Зерцало", 2008 г.
3. Марченко М. Н. Философия права: курс лекций: в 2-х т. М., 2011.
4. Напалкова И. Г. Соотношение философско-правового и теоретико-правового подходов к пониманию права // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 26–33.
5. Тихонравов Ю. В. Основы философии права. М., 1997.

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ МІЖНАРОДНАГА І НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПРАВА ВА ЎМОВАХ РЭГІАНАЛІЗАЦЫІ

У. А. Лазуткін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8,
220030, г. Мінск, Беларусь, 6966963@mail.ru

У артыкуле ў аналітычным плане разглядаюцца тэарэтычныя аспекты ўзаемадзеяння міжнароднага і нацыянальнага права ва ўмовах рэгіяналізацыі. Фарміраванне міжнароднага права – гэта працэс розных узаемадзеянняў, узгадненняў норм, прынцыпаў, практычнага правапрымянення адпаведных дзяржаўных органаў, дыфузіі прававых сістэм.

Ключевые слова: агульная тэорыя права; нацыянальнае права; міжнароднае права.

THEORETICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW IN THE CONDITIONS OF REGIONALIZATION

V. A. Lazutkin

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, 6966963@mail.ru

The article analytically examines the theoretical aspects of the interaction of international and national law in the context of regionalization. The formation of international law is a process of various interactions, coordination of norms, principles, practical application of the relevant state bodies, diffusion of legal systems.

Keywords: general theory of law; national law; international law.

Працэс узаемадзеяння міжнароднага і нацыянальнага права адрозніваецца ў кожнай асобнай дзяржаве, у сілу канстытуцыйных і іншых спецыяльных унутраных норм заканадаўства. Пры гэтым гэты працэс, як правіла, рэгулюецца ўнутрыдзяржаўным (нацыянальным) праве на ўзроўні канстытуцыйных заканадаўчых актаў, т.я. вызначае міжнародна-прававую пазіцыю дзяржавы, як суб'екта міжнароднага права, у т.л. і ў галіне яго міжнародна-прававых абавязацельстваў і, такім чынам, адносіны да дадзенага суб'екта з боку іншых суб'ектаў міжнароднага права. Такім чынам, тэарэтычныя аспекты ўзаемадзеяння міжнароднага і нацыянальнага права ва ўмовах рэгіяналізацыі выклікаюць вялікую навуковую цікавасць.

Нормы міжнароднага права ствараюцца ў працэсе ўзаемадзеянняў дзяржаў як яго асноўных суб'ектаў, якія, як правіла, кіруюцца ў сваёй знешняй палітыцы, кароткатэрміновымі і доўгатэрміновымі, тактычнымі і стратэгічнымі нацыянальнымі інтарэсамі, нацыянальным заканадаўствам, якое рэгулюе нацыянальны статус кожнай дзяржавы на міжнароднай арэне. Фарміраванне міжнароднага права - гэта вельмі складаны і супярэчлівы працэс розных узаемадзеянняў, узгадненняў, інфільтрацый палітычных і прававых ідэй, норм, прынцыпаў розных міжнародных і нацыянальных школ, практычнага правапрымянення адпаведных дзяржаўных органаў, дыфузіі прававых сістэм існуючых на сённяшні дзень.

Некаторыя дзяржавы і іх аб'яднанні абвяшчаюць сябе беспярэчным "эталонам" дэмакратыі для іншых краін свету (як правіла, у фармальна юрыдычным сэнсе) і ініцыююць на міждзяржаўным узроўні ўзгадненне і распрацоўку міжнародных норм-стандартаў. Гэтыя стандарты фарміруюцца ў выніку палітычных перагаворных працэсаў, кампрамісаў, галоўным чынам, паміж дзяржавамі, іх аб'яднаннямі.

Такім чынам, узгодненыя і прынятыя, у адпаведным парадку, міжнародныя нормы-стандарты становяцца і палітыка-прававымі арыенцірамі для сусветнай супольнасці і юрыдычнымі абавязацельствамі для дзяржаў-удзельніц міжнародных дагавораў, якія змяшчаюць дадзеныя палажэнні. Для забеспячэння адзінства міжнароднай супольнасці ўрады дзяржаў павінны падпарадкоўвацца ўсталяванаму вызначаным спосабам парадку, які з'яўляецца і прызнаны большасцю дзяржаў сацыяльна і палітычна неабходным. Гэта датычыцца як міжнароднай, так і ўнутрыдзяржаўнай дзейнасці, у тым ліку заканатворчай, калі гэта датычыцца міжнародных адносін. Так, дзяржавы ўскладаюць на сябе юрыдычныя абавязацельствы прывесці нацыянальнае заканадаўства, адміністрацыйную, судовую практыку ў адпаведнасць з палажэннямі заключаных імі міжнародных дагавораў і іншых ратыфікаваных крыніц міжнароднага права.

Некаторыя дзяржавы ўключаюць крыніцы міжнароднага права ў склад нацыянальнага права, надзяляючы іх роўнай або больш высокай юрыдычнай сілай, чым унутранае заканадаўства, або абвяшчаюць іх прамое дзеянне ў рамках нацыянальнай прававой сістэмы, г.зн. надзяляючы названыя крыніцы сілай ствараць правы і абавязкі не толькі для дзяржавы, але і непасрэдна для нацыянальных суб'ектаў. Надзяленне крыніц міжнароднага права магчымасцю прамога, непасрэднага дзеяння даволі працяглы перыяд успрымаецца як спосаб належнага

выканання міжнародных абавязацельстваў [1, с.24]. На карысць такіх адносін можа быць прыведзены аргумент, што ў сучасных умовах рэгіяналізацыі сціраецца мяжа паміж унутранай і знешняй палітыкай дзяржавы, а, такім чынам, павінны адысці ў мінулае і аб'ектыўныя межы міжнароднага права. Аднак па шэрагу прычын, у тым ліку з-за палітыкі дзяржаў, якія абвясцілі сябе "ўзорамі" прававой дзяржавы, такое стаўленне ўжо не знаходзіць усеагульнага разумення [3, с.116].

Юрыдычныя нормы міжнароднага права, рэалізуюцца ў тых выпадках, калі яны адпавядаюць патрэбам урада, або калі нормы міжнароднага права прадугледжваюць наяўнасць дзейсных мер, па забеспячэнні захавання названых норм. Што датычыцца наяўнасці непасрэднай зацікаўленасці дзяржавы ў рэалізацыі міжнародна-прававых норм, то, у прынцыпе, мноства заключаных пагадненняў адпавядаюць асноўным патрэбнасцям дзяржаў і таму рэгулярна выконваюцца. Тое ж можна сказаць і аб аб яшчэ прызнаных прынцыпах міжнароднага права, якія таму так і называюцца, што іх справядлівасць відавочная для большасці краін. Але ў той жа час прапрацаванасць і мэтазгоднасць многіх міжнародна-прававых крыніц выклікае абгрунтаваныя сумневы, што значна зніжае іх эфектыўнасць і, як следства, актыўнасць дзяржаў па правапрымяненні дадзеных крыніц для рэгулявання ўнутраных праваадносін. Нават развітыя краіны з вялікім даверам ставяцца да ўласных рэгулюючых механізмаў і звычайна не адчуваюць асаблівага жадання прымаць на сябе празмерныя міжнародна-прававыя абавязацельствы па ўрэгуляванні тых ці іншых пытанняў асабліва нацыянальнага характару, асабліва калі якія змяшчаюць іх крыніцы будуць непасрэдна прымяняцца, замяняючы ў выпадку канфлікту ўнутраны [5, p.370]. Як правіла, міжнародныя дагаворы (тыповая крыніца міжнароднага права) могуць складацца такім чынам, каб забяспечыць адносную свабоду манеўру нацыянальнаму заканадаўству і ўлічваць пытанні непасрэднага правапрымянення і ўласнага статусу ўнутры дзяржавы. Але, як і нацыянальнае заканадаўства, многія палажэнні міжнародных дагавораў не з'яўляюцца дасканалымі - нярэдка дагаворы нават больш неадназначныя ў сваім змесце, чым унутрыдзяржаўнае права, перш за ўсё, з-за цяжкасці дасягнення згоды дагаворных бакоў. Шэраг дзяржаў маюць значна большы вопыт у рэгуляванні якой-небудзь сферы грамадскіх, міждзяржаўных адносін, чым іншыя, асабліва на нацыянальным узроўні, у тым ліку і міжнародныя арганізацыі.

Міжнародныя дамовы - як правіла, вынік велізарнай, працаёмкай працы па пошуку кампрамісаў паміж нацыянальнымі інтарэсамі розных дзяржаў або іх аб'яднанняў, саюзаў. Калі ж кампраміс дасягнуты, то ўзнікае пытанне па яго падтрыманні на працягу пэўнага часу, паколькі, напрыклад, шматбаковыя пагадненні могуць быць зменены з пэўнай працай, і, таму, могуць імкліва састарвацца ў працэсе эканамічнага і сацыяльнага развіцця дзяржаў-удзельніц, уваходзячы ў супярэчнасць з іх бягучымі інтарэсамі.

У кожнай асобнай дзяржаве існуюць розныя погляды на дэмакратыю, ідэалогію, рэлігію і інтарэсы розных сацыяльных груп. Такім чынам, можа быць вельмі цяжка, у рамках міжнароднай дамовы дасягнуць кансенсусу, які быў бы

адназначным і сталым. Развітыя і краіны, якія развіваюцца выкарыстоўваюць розныя падыходы ў рэгуляванні тых ці іншых сфер дзейнасці, дзе адны ўжываюць традыцыйныя рэгулятыўныя, карныя метады, у той час як іншыя аддаюць перавагу больш выдасканаленыя спосабы сацыяльнага кіравання, маральнага ціску. Акрамя падобных супярэчнасцей у сферы ўнутранай і знешняй палітыкі дзяржаў, неабходна пераадольваць і адрозненні прававой культуры і правасвядомасці, што дае падставы параўнаць прымяненне міжнароднага права ўнутры краіны з перакладам замежнага тэксту на нацыянальную мову [2, с.110].

Нацыянальнае заканадаўства, як абгрунтавана адзначаюць розныя даследчыкі, сёння ў прынцыпе не можа быць нечым замкнёным і адасобленым: яно павінна так ці інакш фармуляваць спосаб, пры дапамозе якога грамадства можа лепш за ўсё прыстасавацца да міжнароднага права, якое непазбежна будзе ўзаемадзейнічаць з нацыянальнай прававой сістэмай, у рамках якія пастаянна пашыраюцца прававых і палітычных сувязяў [6, p.13]. Прававыя сістэмы дзяржаў становяцца ўсё важнейшым інструментам рэалізацыі міжнароднага права, і, наадварот, апошняе стварае ім неабходныя ўмовы для нармальнага функцыянавання [4, с.391]. Разгляд пытання аб статусе крыніц міжнароднага права ў адносінах да крыніц нацыянальных прававых сістэм дзяржаў пры ажыццяўленні праватворчай дзейнасці практычна непазбежна [5, p.368].

Такім чынам, можна зрабіць выснову аб тым, што ўзаемадзеянне міжнароднага і нацыянальнага права ва ўмовах рэгіяналізацыі маюць шматаспектны, складаны характар. Пры гэтым маюць месца быць разнастайныя падыходы да пытання спалучэння нацыянальных інтарэсаў і міжнародных норм, правіл. Асобныя дзяржавы распрацоўваюць і прымяняюць уласны інструментальны, працэсуальны падыходы, нават нягледзячы на прыналежнасць да пэўных палітычных саюзаў, аб'яднанняў дзяржаў, разглядаючы розныя даступныя варыянты з пункту гледжання нацыянальных інтарэсаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Васілевіч Р. А. Міжнародныя дагаворы у сістэме крыніц права Рэспублікі Беларусь / Вес. Нац. Акад. Навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 1996. № 3. С. 23–28.

2. Лукашук И. И. Конституции государств и международное право. М. : Спарк, 1998. 124 с.

3. Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 115–128.

4. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. М. : Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. 672 с.

5. Cassese A. Modern constitutions and international law // Recueil de course. 1985. № 192. P. 368–446.

6. Conforti B., Francioni F. Enforcing International Human Rights in Domestic Court. The Hague : Martinus Nijhoff, 1997. 484 p.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, НОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

К. Н. Колоша

БИП – Университет права и социально-информационных технологий, ул. Октябрьская, 5, 220030, г. Минск, Беларусь, kseniakolosha@yandex.by

В статье рассматриваются отдельные этапы развития законотворческой деятельности в Республике Беларусь на основе нормативного регулирования данной сферы общественных отношений, поднимаются проблемные вопросы законотворческой деятельности и вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: закон; законотворчество; законодательство; правовой мониторинг; оценка регулирующего воздействия; научная экспертиза.

LEGISLATIVE ACTIVITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS: MAIN STAGES, INNOVATIONS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

K. N. Kolosha

BIP – University of Law and Social Information Technologies, 5 Oktyabrskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, kseniakolosha@yandex.by

The article discusses certain stages in the development of legislative activity in the Republic of Belarus on the basis of the normative regulation of this sphere of public relations, raises problematic issues of legislative activity and makes proposals for improving the current legislation.

Keywords: law; lawmaking; legislation; legal monitoring; scientific expertise.

Одним из основных приоритетов нашего государства было и остается законотворчество. За время существования Республики Беларусь сложилась стройная, иерархичная, сбалансированная и относительно компактная система законодательства молодого государства. В связи с этим, учитывая значимость закона в развитии национальной правовой системы в Республике Беларусь, особое внимание уделяется вопросу обеспечения стабильности законодательства и повышения качества принимаемых законов [8].

В 2002 г. в целях перспективного решения актуальных проблем функционирования национальной правовой системы и определения основных направлений и способов совершенствования законодательства Республики Беларусь Президентом была одобрена Концепция совершенствования законодательства

Республики Беларусь [2], основной задачей которой являлось повышение эффективности правового регулирования общественных отношений.

Следующим ощутимым шагом на пути к совершенствованию и повышению стабильности национальной правовой системы и качественному обеспечению законотворческой деятельности стало издание Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» [4], однако в 2019 г. данный документ утратил силу. На смену ему был принят Указ Президента Республики Беларусь от 10 июля 2019 г. № 265 «О совершенствовании нормотворческой деятельности» [7].

Другие акты законодательства в сфере организации и осуществления законотворческой деятельности принимались и принимаются законотворческими органами на основе и в точном соответствии с вышеназванными концептуальными законодательными актами. В частности, речь идет об Указах Президента Республики Беларусь: от 30 декабря 2010 г. № 711 «О некоторых вопросах осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов» [5]; от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе» [3]; от 24 февраля 2012 г. № 105 «О банке данных проектов законов Республики Беларусь» [1].

Обозначенные акты определили основные направления стабилизации законодательства, этапы его качественного развития и обновления. Вместе с тем, актуальной потребностью законотворчества является всесторонняя оценка не только состояния законодательства, но и его результатов. К сожалению, правоприменительная практика подтверждает, что недостаточная проработанность факторов риска негативно сказываются сразу после принятия того или иного закона, и как следствие, это ведет к его повторному рассмотрению [8].

В связи с этим представляется, что важным шагом на пути совершенствования законотворческого процесса в Республике Беларусь явилось внедрение института правового мониторинга в деятельность государственных органов, и, прежде всего, субъектов законотворчества. В доктрине правовой мониторинг рассматривается как важный метод совершенствования права, имеющий своей целью отслеживание динамики развития законодательства, становится средством выявления многих законодательных ошибок, что впоследствии позволяет устранить дефекты правовых актов. Ввиду этого регулярное осуществление мониторинга законов может выступать одной из форм модернизации законотворческого процесса.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 54 утверждена Инструкция по прогнозированию последствий принятия (издания) нормативных правовых актов [6].

Согласно данной Инструкции прогнозирование последствий принятия (издания) нормативного правового акта включает прогнозирование: финансово-экономических, социальных и экологических последствий [6]. Прогнозирование также включает и оценку регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта на условия осуществления предпринимательской деятельности, которая на данный момент в Республике Беларусь находится в стадии становления.

В кратко- и среднесрочной перспективе совершенствование института оценки регулирующего воздействия может быть связано с развитием метода «регуляторной гильотины». Сутью стратегии «гильотины» является быстрый пересмотр большого количества нормативных правовых актов и определение недействительными тех механизмов, которые являются экономически неэффективными, нецелесообразными, в результате действия которых не были достигнуты позитивные результаты [8].

Выскажем мнение о том, что для повышения эффективности механизма подготовки и принятия нормативных правовых актов также требуется осуществление на государственном уровне корректировки ряда положений, касающихся проведения экспертиз проектов законов. Считаем целесообразным принятие комплекса мер, направленных на совершенствование системы проводимых экспертиз проектов нормативных правовых актов, к которым относятся следующие:

1) принятие мер по более тщательному анализу законотворческими органами логичности и системности структуры проектов законов при проведении их обязательной юридической экспертизы, что будет способствовать созданию нормативных правовых актов, не требующих после их принятия издания излишних комментариев и разъяснений по вопросам их правоприменения;

2) законодательная регламентация не урегулированных в настоящее время вопросов, связанных с проведением обязательной лингвистической (филологической) экспертизы проектов, что позволит исключить из принимаемых актов, допускаемые орфографические ошибки, стилистические и корректорские неточности;

3) повышение инициативности законотворческих органов при проведении факультативных видов экспертиз проектов нормативных правовых актов, в том числе с привлечением независимых экспертов из числа представителей научных учреждений, установление тесного взаимодействия законотворческих органов и научных учреждений.

Особое значение хотелось бы уделить научной экспертизе проектов правовых актов. Участие представителей различных наук и, прежде всего, юридической науки в законотворческом процессе объективно необходимо. Важен независимый взгляд ученого на терминологию законопроекта, его оценка с позиции соблюдения основ законотворческой техники, системный анализ с учетом взаимосвязи отраслей права и различных областей знания. Однако для действительно эффективного участия ученых в законотворческом процессе мало концептуальных научных обоснований необходимости данного действия, нужны конкретные нормативные и методические решения, прежде всего, в области осуществления экспертной работы.

Считаем, целесообразно предусмотреть создание отдельного законодательного акта, который регламентировал бы порядок проведения научной экспертизы и закреплял следующие основополагающие нормы:

1) научная экспертиза проводится в целях оценки соответствия положений проектов нормативных правовых актов современным достижениям

соответствующей отрасли науки, возможности применения результатов научных исследований;

2) научная экспертиза проводится государственными научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и опытно-технологические работы по соответствующим отраслям наук в зависимости от содержания рассматриваемого проекта;

3) критерии научного анализа и оценка: научная и практическая значимость изменений, предлагаемых проектом, ожидаемые результаты от реализации проекта; соответствие проекта уровню научных знаний;

4) по результатам проведения научной экспертизы научной организацией составляется проект заключения, в котором должны содержаться: научная оценка проекта; обоснованные выводы по вопросам, относящиеся к компетенции этой научной организации; предложения о возможности доработки проекта.

Таким образом, подводя итог, следует сказать, что в нашем государстве накоплен определенный положительный опыт законотворчества, а созданная правовая база позволяет всем субъектам законотворческой деятельности реализовывать свои полномочия в данной сфере. Вместе с тем, в Республике Беларусь назрела необходимость обновления Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь. Утвержденная Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь была рассчитана на 2001–2005 гг. Тем самым, необходимость принятия новой концепции, которая бы определила дальнейшие шаги совершенствования источников белорусского права, очевидна.

Библиографические ссылки

1. О банке данных проектов законов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 105 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 17.11.2020 г., № 415 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. О криминологической экспертизе : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 [Электронный ресурс] : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г., № 112 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.11.2013 г., № 529 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. О некоторых вопросах осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 711 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 10.07.2019 г., № 265

// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6. О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 янв. 2019 г., № 54 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 16.12.2020 г., № 728 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. О совершенствовании нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 июля 2019 г., № 265 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 17.11.2020 г., № 415 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Самосейко Н. Л. Законотворчество на современном этапе развития государственности Республики Беларусь // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2022.

РАЗДЕЛ III

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ОТРАСЛЕВЫХ НАУКАХ

ШКОЛА ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Р. И. Ситдикова, Е. С. Старостина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Татарстан, ms.rs575@gmail.com
Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Татарстан, katerina_star07@mail.ru

В статье раскрываются основные этапы развития школы права интеллектуальной собственности в Казанском университете. В настоящее время – Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Республика Татарстан, город Казань. Также в статье указаны основные работы ученых в сфере права интеллектуальной собственности, которые работали и работают в стенах университета.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; Казанский университет.

SCHOOL OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW AT KAZAN UNIVERSITY

R. I. Sitdikova, E. S. Starostina

Kazan (Privolzhsky) Federal University, 18 Kremlyovskaya Street, 420008, Kazan, Tatarstan, ms.rs575@gmail.com
Kazan (Privolzhsky) Federal University, 18 Kremlyovskaya Street, 420008, Kazan, Tatarstan, katerina_star07@mail.ru

The article reveals the main stages in the development of the school of intellectual property law at Kazan University. Currently – Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan. The article also indicates the main works of scientists in the field of intellectual property law, who have worked and are working within the walls of the university.

Keywords: intellectual property law; Kazan university.

На современном этапе развития российского общества и экономики в аспекте инновационного развития и внедрения новых цифровых технологий большое значение имеет создание правовых оснований для эффективного

использования и защиты интеллектуальной собственности. В таких условиях остро встают вопросы подготовки квалифицированных специалистов в области охраны интеллектуальной собственности.

В Казанском (Приволжском) федеральном университете этому вопросу уделяется пристальное внимание. Не секрет, что для подготовки специалистов в какой-либо области необходима не только материальная база, но и соответствующая научная школа. В области охраны интеллектуальной собственности в Казанском университете имеется известная школа права интеллектуальной собственности с богатыми традициями, которую с уверенностью можно назвать одной из ведущих.

Школа права интеллектуальной собственности в Казанском университете имеет глубокие традиции. Ученые Казанского Императорского университета внесли большой вклад в развитие доктрины права интеллектуальной собственности. Этим вопросам уделил внимание еще в XVIII века известный профессор Казанского Университета Д. И. Мейер. Хотя он придерживался проприетарного подхода и в своей книге «Русское гражданское право» отнес авторское право в категорию права собственности, однако Дмитрий Иванович признавал, что с авторским правом тесно связано права авторства, которое неотчуждаемо и непреемственно, что является признаком личных неимущественных прав.

Среди российских ученых, исследовавших юридическую природу отношений в области охраны и использования результатов творческой деятельности, наиболее выдающимся, получившим международное признание является, безусловно, профессор Казанского Императорского университета Габриель Феликсович Шершеневич, которого с полным правом можно считать основателем школы права интеллектуальной собственности Казанского университета.

В 1891 году в Казани была издана его монография на тему «Авторское право на литературные произведения», на эту тему была защищена им докторская диссертация. В работе впервые в России была обоснована теория, признающая самостоятельность авторского права и его имущественный характер. В этой работе Г. Ф. Шершеневич дает экономическое и теоретическое обоснование теории исключительных прав. Автор сравнивает духовный и производственный труд. Мотивы духовного труда он видит в стремлении получить удовлетворение в самом акте творчества, приобрести известность и славу среди своих современников, а также благотворно воздействовать на душевное состояние и общественное положение людей. «Интеллектуальный труженик побуждается к своей работе внутренними стимулами, вытекающими из его духовных потребностей, но не материальными соображениями».

В то же время, Габриель Феликсович отмечает, что лица, не имеющие прочного материального обеспечения и посветившие свою жизнь творческому труду, не могут не иметь экономического интереса. В обеспечении этого интереса и состоит цель установления авторского права. «Таким образом, цель установления авторского права мы видим в необходимости материального обеспечения автора, в устранении для него необходимости изыскания источников существования». Что касается защиты личных прав и интересов автора, то здесь авторское право бессильно. Защита такого интереса, по мнению Г. Ф. Шершеневича, достигается

не юридическим путем, а посредством литературной критики. Рассматривая вопросы, связанные с нарушением авторского права, Г. Ф. Шершеневич большое внимание уделяет уголовной ответственности за плагиат и преступную контрафакцию. При этом сущность контрафакции он видит не в воспроизведении произведений, а в их распространении. В монографии излагаются не только мысли самого ученого, но и помещен богатый научный аппарат.

Высказанные в монографии Г. Ф. Шершеневича мысли нашли отражение в проекте Гражданского уложения России, которому не суждено было стать законом. В том же 1891 году Г. Ф. Шершеневич публикует в Ученых записках Казанского университета статью, посвященную истории авторского права на Западе, а в Журнале гражданского и уголовного права за 1891 год (книга 5) публикуется статья «Юридическая природа авторского права», в которой обосновывается неприемлемость взгляда на авторское право как на право собственности.

Г. Ф. Шершеневич в 1901 году издает Учебник русского гражданского права, в котором авторские права и промышленные права объединены общим названием «исключительное право». Это термин и понятие, введенные Г. Ф. Шершеневичем, теперь стали одними из основополагающих в праве интеллектуальной собственности. Под исключительном правом он понимает юридическую возможность «определенных лиц совершать известного рода действия с устранением всех прочих от подражания». Права эти являются абсолютными.

Заложенные Г. Ф. Шершеневичем традиции в Казанском университете сохранились и нашли дальнейшее развитие в трудах ученых следующих поколений. Так, еще в 1955 году молодым тогда преподавателем М. И. Никитиной была защищена кандидатская диссертация, посвященная издательскому договору на литературные произведения, а в 1972 году – монография «Авторское право на произведения науки, литературы и искусства». Эта работа посвящена анализу норм об авторском праве, которые впервые в советском государстве были включены в Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. В работе достаточно аргументированно показана необходимость различать авторское право первоначальное и производное, и на этом основании отрицается способность юридического лица быть субъектом первоначального авторского права. Также подчеркнуто, что в авторском праве более, чем в других правовых институтах выражается солидарность интересов автора с интересами государства и общества в целом.

Большой интерес к авторскому и изобретательскому праву был вызван реформой гражданского законодательства России об охране интеллектуальной собственности в 1992-93 г.г. В конце 90-х годов на факультете целая группа студентов, а затем аспирантов избрали областью своих научных интересов авторское право: Арсланов К. М., Абдуллин А. И., Барышев С. А., Огородов и др. Окончательный интерес к праву интеллектуальной собственности многих воплотился в диссертационных работах. Это, в первую очередь, Абдуллин А. И., который защитил докторскую диссертацию на тему: «Право интеллектуальной собственности в Европейском Союзе: генезис, унификация, перспективы развития» (2006 г.). Абдуллин А. И. в своих научных исследованиях вышел за пределы Российской Федерации и основал новое актуальное направление научных исследований – международно-правовая регламентация охраны интеллектуальной

собственности и проблемы имплементации международных норм в российское законодательство. Направление сравнительного правоведения было поддержано и другими исследователями Казанского университета. Так, Барышевым С. А. была защищена кандидатская диссертация на тему: «Авторские договоры в гражданском праве России, Франции и Бельгии», Старостиной Е. С. – на тему «Ограничения авторских прав по законодательству Российской Федерации и Великобритании» (2019 г.).

В области авторского права в 2008 году успешно защитил кандидатскую диссертацию Макаров Т. Г. на тему: «Обеспечение прав авторов литературных произведений». Не остаются без внимания исследователей Казанской школы и актуальные вопросы права интеллектуальной собственности в современном аспекте. В 2011 году Ситдиковым Р. Б. была защищена кандидатская диссертация, посвященная правовой охране такого нового объекта интеллектуальной собственности, как ноу-хау.

Большой вклад в развитие науки права интеллектуальной собственности внес доктор юридических наук, профессор Челышев Михаил Юрьевич. Развивая теорию внутриотраслевых межотраслевых связей в праве, он глубоко исследовал и гражданско-правовой механизм межотраслевого и внутриотраслевого взаимодействия права интеллектуальной собственности с другими правовыми образованиями, выделил элементы и средства. Этим проблемам посвящен ряд его публикаций.

Увлеченно занимаясь научной деятельностью, Михаил Юрьевич щедро делился своими знаниями и научными идеями. Так, Хасанов Р. А. в 2010 году под руководством Челышева М. Ю. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Гражданско-правовой статус обладателей исключительных прав на товарные знаки».

Закономерным итогом наставнической деятельности Челышева М. Ю. стала защита докторской диссертации Ситдиковой Р. И. на тему: «Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов в авторском праве», где он выступил научным консультантом. В работе была выработана научная концепция гражданско-правового механизма охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом в современных информационно-технологических условиях.

В долгих научных дискуссиях, многочисленных обсуждениях с Михаилом Юрьевичем, настоящим Учителем, при его самой теплой дружеской поддержке состоялась эта работа. К огромному сожалению, он не увидел ее кульминации, недожив до публичной защиты два месяца. Это научное направление в настоящее время является одним из актуальнейших в праве интеллектуальной собственности, которое находит развитие и в работах аспирантов. Так, в 2016 году Абдуллазянова А. Р. защитила диссертацию на тему: «Гражданско-правовые средства свободного использования произведений в авторском праве Российской Федерации».

Современное развитие общества ставит новые задачи. Казанский университет стал крупнейшим научно-образовательным центром не только в Татарстане, но и в России. Отвечая на вызовы времени, на юридическом факультете ведется

большая работа по развитию соответствующего образовательного направления в подготовке специалистов. Разрабатываются и внедряются в учебный процесс новые учебные курсы, связанные с охраной интеллектуальной собственности. В 2014 году на юридическом факультете открылся научно-образовательный Центр защиты интеллектуальных прав, на базе которого осуществляется формирование образовательных и научно-исследовательских программ по защите интеллектуальной собственности в области приоритетных направлений развития науки в КФУ, при котором действует научно-исследовательская группа аспирантов и магистрантов.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что в Казанском университете сложилась научная Школа права интеллектуальной собственности, основанная на глубоких и последовательных исторических традициях, отвечающая потребностям современности. Это создает широкие возможности не только для дальнейшего развития науки права интеллектуальной собственности, но и для подготовки квалифицированных специалистов в данной сфере и способствует укреплению лидирующих позиций юридического факультета и всего Казанского (Приволжского) федерального университета среди высших учебных заведений Республики Татарстан, Приволжского федерального округа и Российской Федерации в целом.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

И. Ф. Сюбарева

Федеральный центр образовательного законодательства, ул. Орджоникидзе, 3, 115419, г. Москва, Российская Федерация, isiubareva@yandex.ru

В статье обозначены наиболее важные изменения законодательства об образовании, касающиеся системы воспитания и образовательных услуг. Актуализируются проблемы правового регулирования отношений в сфере образования, требующие своего решения в современный период. Предлагаются изменения в законодательство, направленные на решение обозначенных проблем в сфере образования.

Ключевые слова: образование; законодательство; правовые проблемы; правовое регулирование; закон об образовании.

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF EDUCATION

I. F. Syubareva

Federal Center for Educational Legislation, 3 Ordzhonikidze Street, 115419, Moscow, Russian Federation, isiubareva@yandex.ru

The article outlines the most important changes in the legislation on education regarding the system of education and educational services. The problems of legal regulation of relations in the field of education, which require their solution in the modern period, are being updated. Changes to the legislation aimed at solving the identified problems in the field of education are proposed.

Keywords: education; legislation; legal problems; legal regulation; law on education.

Образование, являясь важнейшей социальной сферой общества, транслирует научные знания, формирует интеллектуальный и культурный потенциал общества, аккумулирует и хранит педагогические традиции, выстроенные на основе общечеловеческих и национальных ценностей. Право на образование является важнейшим конституционным правом человека, создающим предпосылки для его успешной социализации. Система образования как социальный институт ответственно за реализацию данного права. Успешность развития социальных институтов зависит от многих факторов, в том числе от эффективной законодательной базы.

В 2022 году исполнится 10 лет со дня принятия Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), который обозначил очередной этап развития образования в России, скорректировал правовое регулирование общественных отношений в данной сфере, определил вектор его развития на ближайшие годы и перспективу с учетом запроса государственной образовательной политики. В период действия закона в него регулярно вносились изменения, направленные на совершенствование правового регулирования отношений в сфере образования.

Так, наиболее значимыми явились поправки, внесенные Федеральным законом от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся», которым было расширено и уточнено понятие воспитания (п. 2 ст. 2), внесены изменения в структуру образовательных программ с учетом включения в них рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы (ст. 12), закреплены общие требования к организации воспитания обучающихся (ст. 12.1). Полагаем, что отношения по воспитанию в системе образования, ввиду их особой значимости, должны регулироваться самостоятельной статьей в Законе об образовании, закрепляющей общие положения об основах воспитания (ценности, традиции и пр.), «цель и задачи воспитания (формирование качеств личности), требования к процессу воспитания (формы, методы, условия и пр.)» [4, с. 99].

Другое значимое изменение, внесенное Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», относится к исключению определения «государственная и муниципальная услуга в сфере образования» в части финансирования образования (ст. 99) и его сохранения для правоотношений, возникающих в рамках гражданского законодательства. Такое изменение направлено на гармонизацию общественных отношений в сфере образования с учетом многочисленных субъектов образовательного права и повышение социальной роли педагогических работников.

В Закон об образовании за период его действия были внесены другие, не менее значимые изменения. В настоящее время следует говорить о достаточной урегулированности образовательных отношений на уровне федерального законодательства. Тем не менее остаются нерешенные проблемы в сфере образования, которые требуют дальнейшего совершенствования законодательства. Обозначим некоторые из них.

Так, следует обратить внимание на проблему, связанную с правовой неопределенностью в финансовых правоотношениях в части источника финансового обеспечения правовой гарантии, закрепленной п. 3 ст. 65 Закона об образовании, согласно которой «за присмотр и уход за детьми-инвалидами, детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, а также за детьми с туберкулезной интоксикацией, обучающимися в государственных и муниципальных образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, родительская плата не взимается». В законе не указано, чьим расходным обязательством (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) является закрепленная гарантия. Такая правовая неопределенность порождает судебные споры. Полагаем, следует определить порядок компенсации расходов, связанных с содержанием детей с ограниченными возможностями здоровья, посещающих государственные и муниципальные образовательные учреждения, с целью обеспечения закрепленной Законом об образовании гарантии детей с ограниченными возможностями здоровья.

Следующая проблема связана со значительной дифференциацией оплаты труда педагогических работников образовательных организаций разных регионов России, в том числе, как правило, – внутри одного региона. Труд учителя бесценен и должен иметь адекватную оплату в современных условиях усложнения общественных отношений. Локальные акты по вопросам оплаты труда, представленные на официальных сайтах образовательных организаций, как правило, имеют общий характер или достаточно подробный с многочисленными математическими формулами, что затрудняет их понимание со стороны педагогических работников и вызывает многочисленные индивидуальные трудовые споры. Проблему дифференциации оплаты труда педагогических работников образовательных организаций можно решить в случае установления на федеральном уровне базовой ставки оплаты труда педагогических работников для всех субъектов Российской Федерации.

Еще одна проблема касается отсутствия в федеральном законе понятий, связанных с цифровизацией общественных отношений в сфере образования. Некоторые понятия закреплены на уровне подзаконных актов (например, приказ Минпросвещения России от 02.12.2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды») и распространяются лишь на отношения, связанные с экспериментом по внедрению цифровой образовательной среды на территории отдельных субъектов Российской Федерации и в образовательных организациях определенного вида. Тем не менее стремительное развитие общественных отношений с учетом их цифрового формата требует включения в федеральный закон таких понятий, как «цифровая образовательная среда», «цифровой образовательный контент», а также их раскрытия с целью единого понимания и использования в условиях единого образовательного пространства на территории Российской Федерации (ст. 3 Закона об образовании).

Также в части совершенствования понятийного аппарата в Законе об образовании следует уточнить понятие образовательной деятельности, наполнив его педагогическими терминами (образование, воспитание), и таким образом отказаться от узкого экономического наполнения как деятельности по реализации программ. Понятие образовательной деятельности может быть раскрыто как «организованный процесс взаимодействия субъектов образования, в ходе которого решаются задачи обучения, воспитания и развития личности» [1, с. 526].

Учитывая территориальную специфику Российской Федерации, неравномерность плотности населения и в целях создания условий по выравниванию доступности качественного и современного образования в сельских школах, включая малокомплектные образовательные организации, урегулирования правовых норм по вопросам уточнения/разграничения полномочий/функций органов власти в части финансирования малокомплектных образовательных организаций и отдельных образовательных организаций, расположенных в сельских населенных пунктах вне зависимости от количества обучающихся, предлагается раскрыть в Законе об образовании понятие «малокомплектная образовательная организация», что позволит применять его в нормативных правовых актах различного уровня и подведомственности с учетом единообразного толкования. Данное понятие может быть закреплено как «государственная, муниципальная образовательная организация с малым контингентом обучающихся, в которой предусматривается объединение классов в разновозрастные классы-комплекты, расположенная в сельском или приравненном к нему населенном пункте, реализующая основные общеобразовательные программы и соответствующая критериям отнесения к малокомплектным образовательным организациям, установленным органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

Еще одно направление, требующее внимания законодателя, связано с религиозным образованием, поскольку «с введением в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» статьи 87 религиозное образование ставится на новый уровень» [2, с. 210]. Так, в современный период законодательством определены правовые рамки вхождения религиозного образования в публичное и образовательное пространство России с учетом его воздействия на социальные

и правовые институты общества «на основе историко-педагогических традиций», подходов международного права, российского образовательного законодательства, законодательства о свободе мысли, совести и религии, закрепляющих право на получение религиозного образования [3, с. 15-19]. Однако определение понятия «религиозное образование» в законодательстве отсутствует, соответственно, правовой пробел порождает разное его толкование учеными, экспертным сообществом, правоприменителями. Следует уточнить понятие «религиозное образование», раскрыв его с учетом образовательной деятельности, содержательной особенностью которой выступает реализация знаний о религии и/или религиозных знаний, результатом которой, в первом случае, будет получение собственно религиозного образования, во втором, — религиоведческого [5, с. 126].

Также в рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на проблему юридической техники. Так, в настоящее время распространено включение в подзаконные нормативные правовые акты понятий и терминов, имеющих технический или экономический характер, которые вызывают трудности понимания у участников образовательных отношений и имеют неоднозначное толкование со стороны различных правоприменителей (это тема для отдельной статьи). Если есть аналоги таких понятий в законодательстве, то следует использовать их и не применять дублирующие. А уж если применять и включать новые понятия, то необходимо раскрывать их содержание в самом нормативном правовом акте.

Таким образом, в статье обозначены лишь некоторые направления совершенствования федерального законодательства, регулирующего отношения в сфере образования. Возможно, в современный период следует актуализировать дискуссию о необходимости принятия Образовательного кодекса, разработать проект данного документа с целью дальнейшего его обсуждения и принятия.

Библиографические ссылки

1. Гармонизация образовательного права России: проблемы теории и практики / отв. ред. В. М. Сырых, В. В. Насонкин. М. : Федеральный центр образовательного законодательства, 2019. 612 с.

2. Лавицкая М. И., Гурылева А. А. Право на религиозное (православное) образование и его значение для современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 6. С. 210–216.

3. Сюбарева И. Ф. Организационно-правовая модель религиозного образования в современной России и ее связь с историко-педагогическими традициями // Alma mater. 2021. № 11. С. 15–19.

4. Сюбарева И. Ф. Формирование системы нормативного регулирования отношений в сфере воспитания с учетом поправок, внесенных в Конституцию России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 3. С. 95–99.

5. Трошкина Т. Н. Религиозное образование в России: тенденции современной правоприменительной практики // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2021. Т. 16, № 21. С. 114–126.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НОВОЙ СИСТЕМЕ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

С. Г. Василевич

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, constlaw.bsu@tut.by

В статье анализируются конституционные нормы относительно нового правового положения Правительства Республики Беларусь в системе сдержек и противовесов. Обращается внимание на конкуренцию ряда норм, вносятся предложения по разрешению возможных коллизий.

Ключевые слова: Правительство; место Правительства в системе сдержек и противовесов.

THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE NEW SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES

S. G. Vasilevich

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, constlaw.bsu@tut.by

The article analyzes the constitutional norms regarding the new legal status of the Government of the Republic of Belarus in the system of checks and balances. Attention is drawn to the competition of a number of norms, proposals are made to resolve possible conflicts.

Keywords: Government; place of the Government in the system of checks and balances.

Итогом республиканского референдума, прошедшего 27 февраля 2022 года, явились конституционные изменения, существенно модернизировавшие систему сдержек и противовесов в сфере государственной власти. Конечно, особое внимание эти изменения привлекли относительно появления в парадигме властных отношений Всебелорусского народного собрания. Но они коснулись и статуса Правительства. Сразу отметим, что его полномочия не уменьшены, а даже, наоборот, несколько расширена вариативность его действий, укреплено его воздействие на социально-экономическую сферу.

Ни одно государство не может обойтись без правительства. Только при его наличии государство может выступать как эффективная политико-управляющая система [3, с. 54–66]. Правительство вступает в тесные взаимоотношения с другими органами государственной власти, прежде всего, с Президентом и Парламентом, а по ряду наиболее важных вопросов – со Всебелорусским народным собранием.

В отличие от некоторых других государств (например, США) [4] Конституция Беларуси прямо предусматривает образование и деятельность Правительства как коллегиального органа государственной власти, осуществляющего функции управления. Его основные полномочия закреплены в Конституции, а также в Законе «О Совете Министров Республики Беларусь».

В президентских республиках правительство менее самостоятельно, иногда не представляет собой коллегиальный орган с властными полномочиями. В государствах парламентарной формы правления правительство является коллегиальным органом, олицетворяющим исполнительную власть. Такое Правительство несет ответственность перед парламентом, обычно его формирующим, за состояние дел в государстве и обществе. Поэтому в этом случае ему очень важно пользоваться доверием большинства членов парламента.

Отношения между Правительством, Парламентом и судами в Республике Беларусь более определенные. Правительство не только подотчетно Президенту, но и ответственно перед Парламентом Республики Беларусь. Это проявляется в даче предварительного согласия Президенту на назначение Премьер-министра, заслушивании доклада Премьер-министра о программе деятельности Правительства и др. (см. п. 4, 5 ст. 97 Конституции), а также в выражении Палатой представителей вотума недоверия Правительству или отказе со стороны нижней палаты Парламента в доверии Правительству.

Право Всебелорусского народного собрания заслушать отчет Премьер-министра о выполнении программы социально-экономического развития Республики Беларусь (п.3 ст. 89^3 Конституции), право Всебелорусского народного собрания отменять правовые акты Правительства, если они противоречат национальным интересам, право Президента отменять любые акты Правительства (п. 25 ст. 84) отражают новую парадигму властных отношений в системе координат – Президент, Всебелорусское народное собрание, Правительство. Возможны разногласия между Президентом и Всебелорусским народным собранием, когда, например, Всебелорусское народное собрание решит отменить акт Правительства, хотя Президент полагает постановление Правительства вполне приемлемым и с точки зрения соответствия закону, и с точки зрения целесообразности его действия. В то же время конституционные полномочия Всебелорусского народного собрания позволяют ему отменить акт Президента об отмене акта Правительства, то есть восстановить действие акта Совета Министров. Не исключаем иную позицию Всебелорусского народного собрания, чем решение Президента, об отставке Правительства или роспуске Парламента. Такой вывод можно сделать на основании анализа части второй ст. 89^5 Конституции. Внести ясность в этот вопрос, когда различные органы имеют соответствующие полномочия, может Конституционный Суд. Конечно, это крайние ситуации, но потенциально они возможны в условиях напряженного конфликта интересов. Их необходимо избегать. В литературе обращается внимание на различные механизмы (процедуры) разрешения конфликта. Указывается на согласительные, судебные и иные процедуры [6, с. 153–199]. Влияние Президента на Правительство, его деятельность вполне типично для президентских республик. Президент, хотя формально юридически и не входит ни в одну ветвь власти, однако обладает рядом конституционных полномочий в сфере исполнительной власти, которые

свидетельствуют о том, что, как и в других президентских республиках, он является реальным главой этой ветви власти.

В Конституции не оговорено, в течение какого срока Президент должен внести в Палату представителей предложение по кандидатуре Премьер-министра. В свою очередь, в Основном Законе установлен срок, в течение которого Палата представителей должна принять решение о даче согласия на назначение Премьер-министром. Это должно быть сделано не позднее чем в двухнедельный срок со дня внесения предложения по кандидатуре Премьер-министра. В Конституции Российской Федерации установлены конкретные сроки, в течение которых Государственной Думе должна быть предложена на рассмотрение кандидатура на должность Премьер-министра, а именно: внесение кандидатуры не позднее двухнедельного срока после вступления вновь избранного Президента в должность; не позднее двухнедельного срока после отставки Правительства; в течение недели со дня отклонения кандидатуры Государственной Думой [1, с. 496–513]. Конституция не устанавливает каких-либо специальных цензов для избрания на должность Премьер-министра (например, о необходимости быть депутатом, или соответствовать критериям, установленным для занятия должности Президента, и др.). Важно, чтобы кандидат был гражданином Республики Беларусь. Хотя ограничения на наличие вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и преимущества, распространяются на членов Правительства как государственных служащих.

В законодательстве Республики Беларусь специально не предусматривается необходимость получения со стороны Парламента вотума доверия составу Правительства или его программе для того, чтобы приступить к исполнению обязанностей. Но косвенно это имеет место. Так, согласно п. 5 ст. 97 Конституции Палата представителей одобряет либо отклоняет программу деятельности Правительства, повторное отклонение этой программы означает выражение вотума недоверия Правительству.

Согласно п. 3 части седьмой ст. 106 Конституции Премьер-министр обязан в двухмесячный срок после своего назначения представить Парламенту программу деятельности Правительства, а в случае ее отклонения представить повторно программу деятельности Правительства в течение двух месяцев.

Обратим внимание, что в новых условиях конституционной реальности необходимо обеспечить сбалансированность программ деятельности Правительства, предлагаемых Парламенту (ст. п.5 ст. 97 Конституции), и утверждаемой Всебелорусским народным собранием программой социально-экономического развития Республики Беларусь (п.2 ст. 89^2). В такой ситуации возникает необходимость юридической корреляции [2, с. 140–142]. Логично было бы сблизить сроки рассмотрения указанных программ в Парламенте и Всебелорусском народном собрании. Оптимальным вариантом является, на наш взгляд, рассмотрение вначале программы в Парламенте, а затем утверждение на уровне Всебелорусского народного собрания. Это обусловлено не уместностью, чтобы после утверждения программы социально-экономического развития высшим представительным органом народа (см. п.1 ст. 89^1) Палата представителей не утверждала программу деятельности Правительства. Конечно, вероятнее всего, что проекты программ будет готовить Правительство, это позволит на практике исключить

какие-либо крупные неожиданности, институционально обеспечить эффективную реализацию полномочий [5, с. 269–285]. В Конституции предусмотрено, что, если программа деятельности Правительства все же была одобрена, то вопрос об ответственности Правительства не может быть поставлен в течение года после ее одобрения (п. 7 ст. 97). В данном случае речь, на наш взгляд, идет об определенной зависимости Правительства от Парламента и даже ответственности Правительства (но в течение определенного периода деятельности).

Что касается Главы государства, то исходя из его конституционных правомочий, он может привлекать к ответственности (включая и освобождение от должности) членов Правительства и до окончания вышеназванного срока.

Правительство заявляет Президенту об отставке в случае выражения Палатой представителей вотума недоверия Правительству. Анализ части девятой ст. 106 Конституции позволяет сделать вывод о наличии у Президента ряда вариантов ее реализации – принять решение об отставке Правительства либо о роспуске Палаты представителей. Он может оставить работать Правительство, которому выражено недоверие, и не принимать решение о роспуске Палаты представителей. На наш взгляд, исключается роспуск Палаты представителей и одновременное принятие отставки Правительства именно по причине выражения ему недоверия. Но в то же время отставка Правительства по иным основаниям возможна. Палата представителей может снять вотум недоверия, что, на наш взгляд, позволяет избежать последствий, предусмотренных Конституцией, в случае выражения вотума недоверия.

Библиографические ссылки

1. Правительство Российской Федерации / под. ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Норма, 2005. 608 с.

2. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.

3. Тихомиров Ю. А. Государство. Изд-во : НОРМА, 2018. 320 с.

4. Чудаков М. Ф. Конституционное право Соединенных Штатов Америки. Основные институты. Минск, 2003. 192 с.

5. Эффективность законодательства в экономической сфере : научно.-практ. исследование / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Волтерс Клувер, 2010. 384 с.

6. Юридический конфликт : монограф. / О. А. Акопян, С. Б. Балахаева, А. А. Головина и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : ИНФРА-М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской федерации, 2017. 312 с.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. М. Кондратович

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8,
220030, г. Минск, Беларусь, kondratovichn@mail.ru

Опираясь на положения национальных конституций, в статье рассматриваются вопросы закрепления и реализации принципов избирательного права при проведении демократических выборов в зарубежных странах, вопросы обеспечения избирательных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: избирательное право; принципы избирательного права; конституции; выборы.

ON THE QUESTION OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES IN THE ELECTORAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

N. M. Kondratovich

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, kondratovichn@mail.ru

Based on the provisions of national constitutions, the article deals with the issues of securing and implementing the principles of suffrage during democratic elections in foreign countries, issues of ensuring the electoral rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: suffrage; principles of suffrage; constitutions; elections.

Выборы представляют собой легитимные формы непосредственного народного волеизъявления и являются важнейшим проявлением демократии.

Демократические выборы, посредством которых представительные органы государственной власти образованы самим народом, позволяют нивелировать социальные конфликты в обществе и в максимальной степени учитывать и защищать интересы самых различных социальных слоев и социальных групп общества. Принципы избирательного права – это и есть те основополагающие начала, на которых строится само избирательное право, организуются и проводятся выборы представительных органов и выборных должностных лиц государственной власти и местного самоуправления.

Большинство современных государств в конституциях закрепляют, что выборы являются свободными и осуществляются путем тайного голосования на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права (ст.3 Конституции Французской Республики, ч.1 ст.18 Конституции Чешской Республики, ст.41 и ст.67 Конституции Республики Корея и т.д.). Поскольку конституции устанавливают только самые общие и базовые правила проведения выборов, то большая роль в непосредственной регламентации избирательного процесса и фактического применения избирательных принципов содержится в избирательном законодательстве.

Законодательство о выборах в зарубежных странах стремиться к тому, чтобы механизм избирательной системы был как можно более прозрачным, чтобы предупредить возможное недоверие граждан к результатам выборов. При этом законодательное закрепление основ избирательного права должно гарантировать, что система проста для понимания каждого избирателя и что у всех граждан есть доступ к избирательным участкам. При этом все этапы избирательного процесса должны быть подчинены принципу верховенства закона и, соответственно, гарантировать возможность исправить или устранить в судебном порядке недостатки этого процесса.

Например, в Монако проведение парламентских выборов регулируется Конституцией Монако 1992 года с изменениями, внесенными Законом №1.249 от 02.04.2002 г., единым Законом о национальных и местных выборах 1968 года, с изменениями 2012 года, другими законодательными актами, в частности, Законом о финансирования избирательной кампании, Законом об общественных объединениях и ассоциациях общественных объединений. Конституционные поправки 2002 года снизили с 21 года до 18 лет активное избирательное право, отменили пятилетний срок нахождения в гражданстве для реализации избирательных прав, а также модифицировали избирательную систему. Изменения, внесенные в 2006 году в Закон о национальных и местных выборах, касались предоставления избирателям с ограниченными физическими возможностями, или находящимся в день голосования при исполнении профессиональных обязанностей, или находящимся за пределами территории Монако, права выдавать доверенность для участия в голосовании от его имени.

Согласно законодательству многих зарубежных стран участие каждого гражданина в выборах является не только свободным, но и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на него с целью принудить к участию или неучастию в выборах, а также его свободное волеизъявление. Так, Конституция Франции закрепляет, что выборы являются, прежде всего, правом граждан, в то время как в других странах Европы участие в выборах закрепляется как гражданский долг (ст.48 Конституции Италии) или как обязанность гражданина (ст. 62 Конституции Бельгии, ст.51[5] Конституции Греции). Что касается иных регионов мира, то здесь подходы самые разнообразные. В государствах Азиатско-Тихоокеанского региона конституции и законодательство о выборах закрепляют различные конституционно-правовые модели. В 28 государствах предусматривается проведение выборов на началах всеобщности, участие в голосовании является правом (Китай, Индия, Вьетнам, Лаос, Монголия, Пакистан, Мальдивская Республика, Шри-Ланка, Япония и др.). Участие в голосовании является конституционной обязанностью в Сингапуре, Тайланде, на Филиппинах. Так, в Сингапуре в случае неучастия в голосовании сведения об избирателе исключаются из списка избирателей. Восстановление в списке избирателей возможно в случае, если потенциальный избиратель докажет наличие уважительной причины неучастия в голосовании, в случае отсутствия таковой – уплатит штраф. Конституционной обязанностью является участие в голосовании и регистрация в качестве избирателя в Австралии и Науру. В Восточном Тиморе участие в голосовании является симбиозом права, долга и обязательной регистрации в качестве

избирателя. Так, в соответствии со статьей 47 Конституции Восточного Тимора осуществление избирательного права является личным правом и гражданской обязанностью, а регистрация избирателей является обязательной, единой и всеобщей и инициируется государством для подготовки и проведения выборов (ст. 65 Конституции). Есть примеры стран, где голосование – право, а регистрация в качестве избирателя – обязанность (Новая Зеландия, Тонга). В целом же в 23 государствах мира законодательно закреплено участие избирателей в голосовании в качестве их обязанности, при этом только 10 государств обеспечивают обязательность голосования мерами реальной ответственности [2, с.93].

Равное избирательное право характеризуется равенством числа избирателей в избирательных округах и в этом плане как бы одинаковой «ценой» выборного мандата, равной представительностью избирателей различных округов в органе власти, что обеспечивается одинаковой нормой представительства избирателей на округ. Эта норма определяется делением общего числа избирателей всей территории, на которой проводятся выборы, на число депутатов, которых надо избрать. Как отмечает профессор Авакьян С. А. «полное равенство избирательных округов и по территории, и по числу избирателей, приходящихся на избирательный округ, на выборах обеспечить трудно. Избирательное законодательство говорит, что… соблюдается примерное равенство избирательных округов и допускается отклонение от средней нормы представительства избирателей на один округ в сторону увеличения и уменьшения. Такое отклонение означает, что избирательные округа будут неодинаковыми по числу избирателей» [1, с.193].

Федеральный закон о выборах в Бундестаг ФРГ 1975г. в редакции 2019г. в п.2 ст.7 пар 3 закрепляет: «численность населения избирательного округа не должна отклоняться в ту или иную сторону более, чем на 25% от средней численности населения избирательных округов; если отклонение составляет более 33-1/3, границы следует пересмотреть».

Отклонения от принципа равенства допускаются в некоторых странах в иных (позитивных) целях – для обеспечения представительства таких групп избирателей, которые при общем подходе вряд ли смогли быть избранными в парламенты. Так, во Франции 12 мест в Сенате резервируются за французами, проживающими за границей. Особое внимание уделяется обеспечению равного представительства мужчин и женщин. Во Франции в 2000 году в Избирательный кодекс от 27 октября 1964 года внесены изменения, направленные на обеспечение равных избирательных прав мужчин и женщин. Установлено, что в каждом списке кандидатов разрыв между числом кандидатов каждого пола не может быть больше единицы. Если в списке число кандидатов не более шести, то он должен включать равное число кандидатов от каждого пола. Избирательный Кодекс Бельгии 1894 г. в редакции 2014 г. (фактически старейший в мире избирательный кодекс) так же закрепляет положение о гендерном равенстве (паритете) кандидатов в списках кандидатов политических партий.

Принцип равенства избирательного права обеспечивается и тем, что избирательный закон определяет одни и те же условия и требования для всех

кандидатов по их выдвижению, регистрации, проведению предвыборной агитации, голосования и подведения его итогов.

Это лишь некоторые примеры закрепления и реализации принципов избирательного права в избирательном законодательстве зарубежных стран, но достаточно образно иллюстрирует все многообразие существующих моделей.

Библиографические ссылки

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. М.: Норма: ИНФРА, 2014.

2. Лысенко В. И. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Азиатско-Тихоокеанского регион / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации ; под общ. ред. В. Е. Чурова. Вып. 3. М., 2013. 1424 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ПОПРАВКАМИ В КОНСТИТУЦИЮ: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Т. С. Масловская

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, MaslovskayaT@bsu.by

В статье рассматривается полномочие органа конституционного контроля по осуществлению контроля за поправками в конституцию. Пристальное внимание уделяется анализу предварительного контроля за поправками в конституцию с учетом опыта европейских стран и государств СНГ. Делается вывод о целесообразности осуществления обязательного предварительного конституционного контроля за поправками в конституцию.

Ключевые слова: конституция; конституционный контроль; поправки в конституцию; Республика Беларусь; зарубежные страны.

CONSTITUTIONAL CONTROL OVER AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION: THE REPUBLIC OF BELARUS AND FOREIGN EXPERIENCE

T. S. Maslovskaya

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, MaslovskayaT@bsu.by

The article deals with the authority of the body of constitutional control to exercise control over amendments to the constitution. Close attention is paid to the analysis of preliminary control over amendments to the constitution, taking into account the experience

of European countries and the CIS states. It is concluded that it is expedient to carry out mandatory preliminary constitutional control over amendments to the constitution.

Keywords: constitution; constitutional control; amendments to the constitution; the Republic of Belarus; foreign countries.

Одной из новелл конституционного регулирования выступает предоставление Конституционного Суду Республики Беларусь отдельного полномочия давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. В целом, обращение к отдельным теоретическим проблемам, а также изучение зарубежного опыта конституционного контроля за поправками в конституцию представляется полезным для развития белорусской конституционно-правовой доктрины, содержательного наполнения введенной конституционной конструкции.

Важнейшей современной тенденцией развития конституционного контроля выступает расширение области конституционного контроля [1, с. 108; 2, с. 150]. Отметим, что поправки к конституции в последнее десятилетие были включены в качестве объекта конституционного контроля в ряд конституций постсоветских государств (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия).

Предоставление конституционным судам полномочия по контролю за поправками в конституцию может быть оценено с разных сторон. Наделение таким правом конституционного суда является «наглядным примером ограничения полномочий парламента» [3, с. 75]. Полагаем, что такое ограничение распространяется не только на парламент, но и на других участников процесса внесения изменений в конституцию (например, субъектов конституционной инициативы). Вместе с тем, на наш взгляд, предоставленное конституционному суду полномочие выступает важнейшим элементом системы «сдержек и противовесов», однако его эффективность зависит от ряда параметров, в первую очередь используемых форм конституционного контроля, юридической силы принятого конституционным судом решения.

Предоставление возможности осуществления такого контроля независимому беспристрастному органу, безусловно, усложняет процедуру внесения изменений в конституцию, усиливает ее формальную жесткость, но является более предпочтительным, чем контроль, осуществляемый самим органом, участвующим в процессе внесения поправок в конституцию, поскольку направлено на реализацию важнейшей задачи конституционного суда – обеспечение верховенства конституции, проистекает из правовой природы конституционного контроля.

Более того, в современных условиях динамичных конституционных преобразований и прогнозируемой постоянной конституционной модернизации целесообразно наличие механизма, обеспечивающего повышенную охрану конституционно защищаемых фундаментальных принципов и ценностей, опоры действующей конституционной конструкции. При этом роль конституционного суда заключается в том, что он выступает гарантом как конституционной стабильности, так и конституционной преемственности. Его участие в процессе

конституционной модернизации существенно минимизирует потенциальные конституционные риски, связанные с введением новых правовых конструкций, модернизацией существующих. Однако, по нашему мнению, это возможно только в том случае, если такой конституционный контроль является предварительным и носит обязательный характер.

Анализ доктринальных источников и конституций зарубежных государств, прежде всего, европейских и стран СНГ, позволяют выделить несколько подходов и соответственно разделить государства на несколько групп по основанию наличия или отсутствия формального закрепления полномочия конституционного суда по контролю за поправками к конституции: 1) государства, в которых легально (в конституции или законе) предусмотрена возможность по осуществлению конституционным судом (эквивалентным органом) конституционного контроля за поправками к конституции; 2) государства, в которых такой возможности формально не предусмотрено (в рамках данной публикации эта группа государств не будет подлежать исследованию).

В конституциях Армении (с 2015 г.), Беларуси (с 2022 г.), Венгрии (с 2013 г.), Казахстана (с 2017 г.), Молдовы, России (с 2020 г.), Румынии и других государств в качестве объекта конституционного контроля выступают поправки к конституции и соответственно закрепляется отдельное полномочие конституционного суда (эквивалентного органа) по осуществлению в отношении них конституционного контроля. Во всех перечисленных государствах контроль является предварительным и абстрактным. Вместе с тем, возможно его осуществление как в обязательном порядке, так и в факультативном.

Так, обязательный предварительный конституционный контроль предусмотрен в отношении инициатив пересмотра Конституции в Румынии. Согласно п. «а» ст. 146 Конституции Румынии 1991 г. (в ред. 2003 г.) Конституционный Суд высказывается в обязательном порядке об инициативах пересмотра Конституции. Данное положение детализируется в Законе об организации и деятельности Конституционного суда Румынии 1992 г. (с изм. и доп. 2004 г.), который устанавливает, что перед обращением в Парламент с инициативой законодательной процедуры пересмотра Конституции, проект закона или законодательное предложение, сопровождаемое заключением законодательного совета, представляется в Конституционный Суд, который обязан в течение 10 дней вынести решение о соблюдении конституционных положений по пересмотру. Конституционный Суд выносит решение о проекте закона или законодательном предложении большинством в две трети голосов своих членов (ст. 19 Закона). Решение суда сообщается лицам, инициировавшим законопроект или законодательное предложение, или, в зависимости от обстоятельств, их представителю (ст. 21). Проект закона или законодательное предложение представляется в Парламент только вместе с решением Конституционного Суда (ст. 22).

В течение пяти дней после принятия закона о пересмотре Конституции Конституционный Суд ex officio в обязательном порядке выносит по нему решение. Решение, устанавливающее, что конституционные положения, относящиеся к пересмотру Конституции, не были соблюдены, передается в Палату депутатов и в Сенат с целью нового рассмотрения закона о пересмотре Конституции для

приведения его в соответствие с решением Конституционного Суда (ст. 23). Таким образом, в Румынии осуществляется обязательный предварительный конституционный контроль как в отношении инициативы пересмотра Конституции, так и отношении принятого закона о пересмотре до его вступления в силу, то есть используется два взаимодополняющих механизма.

Аналогичное полномочие по осуществлению предварительного конституционного контроля осуществляет Конституционный Суд Молдовы: в соответствии с п. c) ч. 1 ст. 135 Конституции 1994 г. он высказывается по предложениям о пересмотре Конституции. Проекты конституционных законов представляются Парламенту только вместе с заключением Конституционного Суда, принятым не менее чем четырьмя судьями (ч. 2 ст. 141 Конституции). Несмотря на предусмотренную Конституцией форму предварительного контроля в отношении проектов конституционных законов, Конституционный Суд Молдовы в 2016 г. расширил свои полномочия и реализовал последующий конституционный контроль в отношении поправок, внесенных в Конституцию в 2000 г., хотя текст поправок уже стал частью Основного закона, однако этот контроль носил формальный, а не материальный характер. Данная практика осуществления последующего конституционного контроля за поправками к конституции посредством расширительного толкования собственных полномочий конституционными судами вызывает определенные вопросы, связанные с национальным конституционным правопорядком и принципом правовой определенности.

Следует отметить, что полномочие конституционного суда по осуществлению последующего конституционного контроля за поправками к конституции редко закрепляется в зарубежных конституциях, является скорее исключением, а в случае его использования он носит формальный характер: проверяются процедурные формальности принятия поправок к конституции, а не само их содержание, предусматриваются сроки для возможного инициирования такого контроля. Так, в Венгрии Конституционный Суд проверяет конституционность вступившего в силу изменения Основного Закона по инициативе Правительства, одной четверти членов Парламента, Председателя Курии, Высшего Прокурора или Уполномоченного по основным правам в течение 30 дней после его обнародования. Если Суд установит, что Основной Закон или любая поправка к нему не соответствуют процессуальным требованиям, установленным Основным Законом в отношении их принятия и обнародования, Основной Закон или поправка к нему аннулируются (п. 5–6 ст. 24 Основного Закона 2011 г.).

Примеры конституционного закрепления полномочия конституционного суда по осуществлению обязательного предварительного контроля за поправками к конституции на постсоветском пространстве дает Основной Закон Армении 1995 г., в который в результате конституционной реформы 2015 г. было включено соответствующее положение, подобное полномочие было предоставлено специализированном органу конституционного контроля в результате конституционных преобразований в Казахстане в 2017 г., Российской Федерации 2020 г.

Помимо обязательного возможен факультативный предварительный конституционный контроль в отношении поправок к конституции, который

используется, например, в Венгрии. Особенностью здесь выступает то, что такой контроль осуществляется после принятия закона, но до его подписания Президентом (п. 3 ст. S Основного Закона Венгрии 2011 г. в ред. 2013 г.).

При осуществлении материального контроля проверяется содержание предлагаемой поправки, прежде всего, с точки зрения соответствия материальным (содержательным) пределам пересмотра конституции, то есть закрепленным в конституционном тексте неизменяемым конституционным положениям, служащим гарантией конституционной преемственности и предсказуемости конституционного развития. Данные материальные (содержательные) пределы пересмотра играют, по нашему мнению, роль определенного «барьера» с целью недопущения кардинального изменения пути эволюционного конституционного развития государства. Отметим, что в Армении, Азербайджане, Казахстане обязательный предварительный конституционный контроль за поправками в конституцию является только материальным: конституционность проекта поправок к конституции оценивается с точки зрения его соответствия неизменяемым статьям конституции (см., например, Заключение Конституционного Совета Республики Казахстан от 4 мая 2022 года № 1 «О проверке проекта Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» на соответствие требованиям, установленным пунктом 2 статьи 91 Конституции Республики Казахстан»).

Таким образом, в практике конституционного контроля зарубежных стран наблюдаются различные вариации контроля за поправками к конституции, который может быть обязательным и факультативным, предварительным и последующим, материальным и формальным.

Следует более подробно остановиться на анализе белорусского законодательства.

Во-первых, в результате конституционных преобразований 2022 года введено полномочие Конституционного Суда Республики Беларусь давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь (статья 116^1 Конституции Республики Беларусь). Речь идет об абстрактном предварительном контроле за конституционностью проекта закона, который будет осуществляться до его принятия. Несмотря на отсутствие оговорки «в порядке, установленном законом», представляется, что механизм реализации данного полномочия должен найти отражение в Законе «О конституционном судопроизводстве».

Поскольку на основании статьи 140 Конституции возможны два способа внесения изменений и дополнений в Конституцию: Парламентом и путем референдума, то на законодательном уровне могут быть предусмотрены различные варианты реализации данного полномочия. В случае проведения республиканского референдума целесообразнее осуществлять предварительный контроль проекта поправок в Конституцию до издания акта о назначении республиканского референдума. В случае использования парламентского способа внесения изменений и дополнений в Конституцию надлежит законодательно определить конкретный момент осуществления предварительного конституционного контроля за проектом таких изменений и дополнений.

Из анализа содержания конституционной формулы, предусматривающей соответствующее полномочие Конституционного Суда Республики Беларусь следует, что такой контроль может осуществляться на любой стадии законодательного процесса начиная от законодательной инициативы до его принятия Палатой представителей и одобрения Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь. Предпочтительным представляется конституционный контроль, реализуемый до принятия проекта закона Палатой представителей, когда проект может быть оценен целиком, в том числе с учетом внесенных в него парламентариями поправок. Данный контроль будет более полным, чем конституционный контроль проекта закона, поступившего в Конституционный Суд после реализации законодательной инициативы или после его рассмотрения Палатой представителей в первом чтении, поскольку проект закона может «обрасти» поправками. И в этом случае целесообразно будет повторно проверить законопроект на соответствие Конституции. В связи с этим может быть воспринят подход российского законодателя, позволяющий осуществить предварительный контроль в отношении не только непосредственно проектов таких законов, но и поправок к ним, что позволит провести полный контроль предлагаемого для принятия проекта, прежде всего с точки зрения его содержания. Таким образом, целесообразность детализации в законодательстве конституционной формулы, закрепляющей поправки в конституцию в качестве объекта предварительного конституционного контроля, не вызывает сомнений.

Во-вторых, новая правовая конструкция введена в ст. 1161 Конституции посредством использования конституционной формулы, определяющей полномочия Конституционного Суда («Конституционный Суд по предложениям Президента дает заключения…») через перечисление объектов предварительного конституционного контроля. При этом возникает вопрос, возможно ли, опираясь только на одну конституционную формулу, в которой перечисляются объекты такого контроля, осуществлять неравнозначный конституционный контроль, то есть возможна ли разная степень императивности контроля в отношении его объектов, закрепленных в одной конституционной формуле. Данный вопрос требует дополнительного глубокого научного осмысления.

По нашему мнению, в целях укрепления реализации специализированным органом судебного конституционного контроля задачи по обеспечению верховенства Конституции представляется целесообразным осуществление обязательного, а не факультативного конституционного контроля в отношении проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Обязательное участие специализированного органа конституционного контроля в оценке конституционных изменений посредством осуществления контроля за поправками к конституции будет способствовать укреплению доверия граждан к действиям власти, повышению авторитета Основного Закона государства.

Обратим внимание, что особенностью белорусской конституционной модели предварительного конституционного контроля за поправками конституции является то, что конституционный контроль о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь

не будет исключать возможности проверки закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию, принятых Парламентом, до их подписания Президентом. Контроль будет носить факультативный характер. Из анализа конституционных норм следует, что в случае внесения изменений и дополнений в Конституцию парламентским способом предварительный контроль в отношении поправок к Конституции на практике может быть реализован Конституционным Судом дважды: в отношении соответствующего законопроекта, а также в отношении закона после его принятия Парламентом, но до подписания Президентом Республики Беларусь. Полагаем, что указанные разновидности предварительного контроля являются взаимодополняющими, а не взаимоисключающими.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что апробацией полномочия белорусского Конституционного Суда по осуществлению контроля за поправками к Конституции можно считать решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 7 октября 2021 г. № Р- 80/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Конституции Республики Беларусь», которое было вынесено в порядке реализации полномочия по осуществлению обязательного предварительного контроля за конституционностью законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом Республики Беларуси.

В заключение отметим, что предоставление Конституционному Суду Республики Беларусь полномочия по контролю за поправками к конституции направлено на реализацию его важнейшей задачи – обеспечение верховенства Конституции, проистекает из правовой природы конституционного контроля. Данное полномочие выступает важнейшим элементом системы «сдержек и противовесов», однако его эффективность зависит от ряда параметров, в первую очередь используемых форм конституционного контроля.

В целях укрепления задачи специализированного органа судебного конституционного контроля по обеспечению верховенства Конституции представляется целесообразным осуществление обязательного, а не факультативного конституционного контроля в отношении проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Обязательное участие специализированного органа конституционного контроля в оценке конституционных изменений посредством осуществления контроля за поправками к Конституции будет способствовать укреплению доверия граждан к власти, повышению авторитета Основного Закона государства.

Библиографические ссылки

1. Сравнительное конституционное право : учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2002. 448 с.

2. Масловская Т. С. Современные направления и перспективы эволюции института конституционного контроля // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2019. № 2. С. 148–159.

3. Конституционное правосудие: учеб. пособие / Г. А. Василевич и др. ; под ред. Г. А. Василевича. Минск: Выш. шк., 2019. 367 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ, ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С УЧЕТОМ ФАКТОРА ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. В. Мороз

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, moroz_ov@mail.ru

Статья посвящена совершенствованию правовых определений таких превентивных мер охраны окружающей среды, как стратегическая экологическая оценка, оценка воздействия на окружающую среду, государственная экологическая экспертиза с учетом фактора гармонизации законодательств Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

Ключевые слова: экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности; стратегическая экологическая оценка; оценка воздействия на окружающую среду; государственная экологическая экспертиза.

IMPROVING LEGAL DEFINITIONS OF STRATEGIC ENVIRONMENTAL ASSESSMENT, ENVIRONMENTAL IMPACT ASSESSMENT, STATE ECOLOGICAL EXPERTISE TAKING INTO ACCOUNT THE FACTOR OF HARMONIZATION OF LEGISLATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS, THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

O. V. Moroz

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, moroz_ov@mail.ru

The article is devoted to improving of legal definitions of such preventive measures of environmental protection as strategic environmental assessment, environmental impact assessment, state ecological expertise taking into account the factor of harmonization of legislations of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.

Keywords: environmental support of economic and other activities; strategic environmental assessment; environmental impact assessment; state ecological expertise.

Республика Беларусь входит в различные интеграционные образования, включая Евразийский экономический союз. Формирование единого (устойчивого, сбалансированного) его эколого-безопасного пространства требует сближения правовых подходов в области охраны окружающей среды, в том числе на основе общих международных обязательств. Эффективные правовые модели в определенных сферах одних государств могут быть примером для других, служить основой для гармонизации правового регулирования соответствующих отношений [1]. Данному процессу будет способствовать и внедрение новых схожих для государств подходов, направленных на совершенствование эколого-правового механизма.

Видится перспективным правовое закрепление такого понятия, как экологическое сопровождения хозяйственной и иной деятельности (далее – ЭСХД), которое основывается на концепции непрерывного учета экологического фактора на разных ее стадиях и предполагает оптимальный подход как к охвату природоохранными мероприятиями той или иной хозяйственной деятельности, так и к их распределению по стадиям такой деятельности. В условиях интеграционных процессов является актуальным исследование правовых проблем такого сопровождения на стадии принятия экологически значимых решений, которое в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации представлено рядом природоохранных мер, направленных на предупреждение негативного влияния на окружающую среду.

В Республике Беларусь стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО), оценка воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) и государственная экологическая экспертиза (далее – ГЭЭ) являются основными превентивными природоохранными мерами и проводятся на ранних этапах ЭСХД. Они осуществляются в отношении проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности: СЭО, ОВОС – на стадии разработки проектной (предпроектной) и иной документации, а ГЭЭ – на этапе согласования такой документации. В отличие от Республики Беларусь и Республики Казахстан в Российской Федерации отсутствует правовое закрепление СЭО, но ОВОС и ГЭЭ также осуществляются в отношении проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности на аналогичных стадиях такой деятельности [6, ст. 58-1; 12, ст. 51].

В контексте гармонизации законодательств представляется разумным, в первую очередь, выработать универсальные легальные определения рассматриваемых природоохранных мер, при этом следует руководствоваться признаками, характеризующими сущность понятия и отражающими общие черты схожих явлений. К примеру, в Модельном законе об экологической экспертизе [3, ст. 1] определение экологической экспертизы отражает такие сущностные признаки, как ее превентивный характер, установление соответствия планируемой хозяйственной и иной деятельности экологическим требованиям, закрепленным в законодательстве, определение допустимости реализации объекта таковой. Они характерны для экологических экспертиз рассматриваемых государств. В Модельном законе об оценке воздействия на окружающую среду [2, ст. 1] также передается сущность ОВОС как вида деятельности по выявлению, анализу и учету

прямых, косвенных и иных последствий воздействия на окружающую среду планируемой хозяйственной и иной деятельности. Широким кругом признаков характеризуется определение СЭО в Модельном законе о стратегической экологической оценке и отличается от него в Протоколе по стратегической экологической оценке, в котором акцент делается на процедуре данной природоохранной меры. Тем не менее в обоих документах содержится такой ее сущностный признак, как оценка вероятных экологических последствий [4, ст. 3; 11, ст. 2].

В национальном законодательстве в определениях данных понятий акцентируется внимание на основных задачах природоохранных мер. В случае с СЭО – это определить возможное воздействие на окружающую среду при реализации проектных решений и предполагаемые ее изменения. В отношении ОВОС дополнительно содержится указание на такую задачу, как определить необходимые мероприятия, которые смогут минимизировать негативное воздействие на окружающую среду. Решение данной задачи является важным и при проведении СЭО [9, ст. 1; 10, п. 5]. Представляется возможным дополнить правовое определение СЭО указанием и на данный аспект. В российском и казахском законодательстве не все из указанных сущностных признаков имеют место в определениях понятий аналогичных природоохранных мер, что также следует учитывать при гармонизации законодательств [7, ст. 1; 12, ст. 51, 64; 5, с. 58-59].

В Республике Беларусь при проведении ГЭЭ проектные решения во многом оцениваются по схожим параметрам, включая оценку результатов СЭО и ОВОС. Однако, основным, как и в Республике Казахстан, так и в Российской Федерации является установление соответствия таких решений экологическим требованиям, содержащимся в законодательстве. Но дается различная интерпретация такого соответствия. Так, в Республике Беларусь – это установление соответствия «законодательству об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов», а в некоторых случаях и «регламентам градостроительного развития и использования территорий», в Казахстане – «требованиям экологического законодательства», в Российской Федерации – «экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды» [9, ст. 1; 8, ст. 1; 12, ст. 85]. Важно, чтобы такие требования устанавливались в законодательстве для исключения усмотрения специалистов. Потребуются общие правовые подходы и к их содержанию.

Как видится, при проведении СЭО и ОВОС специалисты ориентируются на данные требования, так как заинтересованы в успешном проведении ГЭЭ на этапе согласования проектной документации. Для того, чтобы изначально направить усилия заказчиков и проектные организации на учет экологических требований, целесообразно отразить такое условие в национальном законодательстве. Представляется более совершенным определение правового понятия ОВОС по утратившему силу Экологическому кодексу Республики Казахстан, в котором содержалось указание на учет требований экологического законодательства при проведении ОВОС [13, ст. 35].

Таким, образом, учитывая фактор возможной гармонизации законодательств рассматриваемых государств и схожесть излагаемых природоохранных мер, целесообразно формулировать универсальные для них правовые определения. Правовая формализация ЭСХД в указанных государствах будет

способствовать не только систематизации правовых норм, но и единообразию правового закрепления СЭО, ОВОС и экологической экспертизы. Данные природоохранные меры являются элементами ЭСХД, так как в той или иной степени позволяют оценить воздействие хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, определить ее соответствие экологическим требованиям, установленным в законодательстве, или учесть их, а также выработать природоохранные мероприятия, направленные на минимизацию негативного влияния на окружающую среду.

Библиографические ссылки

1. Концепция формирования правовых основ евразийского эколого-безопасного пространства / Т. И. Макарова и др. // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 1. С. 100–111.

2. Модельный закон «Об оценке воздействия на окружающую среду» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблея государств- участников Содружества Независимых Государств, 28 окт. 2010 г., № 35-12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Модельный закон «Об экологической экспертизе» (новая редакция) [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, 20 мая 2016 г., № 44-10 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Модельный закон «О стратегической экологической оценке» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, 16 мая 2011 г., № 36-7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Мороз О. В. Правовое регулирование стратегической экологической оценки, оценки воздействия на окружающую среду и государственной экологической экспертизы // Юстиция Беларуси. 2018. № 10. С. 58–62.

6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Фед. закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г., № 7-ФЗ : с изм. и доп. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.

8. Об экологической экспертизе [Электронный ресурс] : Фед. Закон Рос. Федерации, 23 нояб. 1995 г., № 174-ФЗ : с изм. и доп. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.

9. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2016 г., № 399-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Положение о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь,

19 января 2017 г., № 47 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

11. Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [Электронный ресурс]. Киев. 2003. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-4-b&chapter=27&clang=_en (дата обращения: 10.09.2022).

12. Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Казахстан, 2 янв. 2021 г., № 400-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 10.09.2022).

13. Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Казахстан, 9 янв. 2007 г., № 212-III. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593 (дата обращения: 10.09.2022).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

О. В. Петрова

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, Machkova@bsu.by

В работе рассмотрены принципы применения электронных доказательств в уголовном процессе. Автор обращает внимание на оценку электронных доказательств, правовую регламентацию негласных следственных действий и судебных контроль за их проведением. Показана связь применения электронных доказательств с внедрением электронного уголовного дела.

Ключевые слова: электронные доказательства; уголовный процесс; оценка доказательств; права человека.

DIGITAL EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEDURE: CROSS-BORDER COMPARATIVE ANALYSIS

O. V. Petrova

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, Machkova@bsu.by

The paper deals with the principles of digital evidence application in criminal proceedings. The author draws attention to digital evidence assessment, the legal regulation of covert investigative actions and judicial control over their conduct. The relationship between the use of digital evidence and the introduction of e-case is shown.

Keywords: digital evidence; criminal procedure; evaluation of evidence; human rights.

Применение сведений, представленных в электронной форме, в доказывании по уголовным делам стало результатом широкой цифровизации экономики и общества. Такая тенденция поднимает важный вопрос – требуются ли специальные законодательные изменения для внедрения использования электронных доказательств либо же принципы уголовного процесса остаются незыблемы, а трансформируется только правоприменительная деятельность. Для решения указанных вопросов представляется важным анализ зарубежного опыта правового регулирования.

Национальная практика применения электронных доказательств разнится и решает два главных вопроса: соразмерность ограничения прав личности при получении электронных доказательств и контроль за таким ограничением, а также оценка доказательств, представленных в цифровом формате, в суде.

В системах общего права применение электронных доказательств ограничивают запрет hearsay (доказательств по слуху) и принцип best evidence. Соответственно, в правоприменительной деятельности определены такие правила работы с электронными доказательствами, которые позволяют обеспечить верифицируемость данных, а, следовательно, и возможность достижения целей доказывания для соответствия общим принципам доказывания.

В руководстве по собиранию цифровых доказательств для английских полицейских провозглашены основные принципы их формирования:

1. никакие действия, предпринимаемые правоохранительными органами, лицами, работающими в этих агентствах, или агентами, не должны изменять данные, на которые впоследствии будут ссылаться в суде;
2. лицо должно быть компетентным при собирании и получении цифровых доказательств, понимать и объяснять свои действия;
3. следует вести контрольный журнал и фиксировать все действия и процессы, применяемые к цифровым доказательствам. Независимая третья сторона должна иметь возможность изучить эти процессы и достичь того же результата;
4. ответственный за расследование несет полную ответственность за соблюдение закона и этих принципов [4].

В уголовном процессе США для исследования электронных носителей информации и путем изучения основного содержания файлов, и путем изучения свойств и характеристик файлов проводится обыск [1, с.11].

Центральное место в применении сведений в цифровом формате в уголовном процессе США занимает электронное наблюдение, которое представляет собой перехват сообщений (wire communication), электронных сообщений (electronic communication) по всем технологическим системам связи и устных переговоров (oral communication). Такое наблюдение проводится по решению окружного судьи или судьи апелляционного суда, выданному по заявлению должностного лица полиции, подписанному соответствующим прокурором или помощником прокурора и зарегистрированному в Департаменте по электронному перехвату (Electronic Surveillance Unit; ESU) [3, с.62-63].

Одним из пионеров внедрения новаций на постсоветском пространстве является Казахстан, где предусмотрено ведение уголовного дела как в формате бумажном, так и электронном (ст.421 Уголовно-процессуального кодека Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. (далее – УПК Казахстана).

Несмотря на отсутствие отдельного упоминания электронных доказательств, базовым институтом легального закрепления доказательств в такой форме является электронный документ – документ, в котором информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи (п. 15 ст. 7 УПК Казахстана). Закон закрепляет возможность представить доказательства не только в бумажном виде, но в виде электронного документа. Норма ст. 245 УПК Казахстана предусматривает порядок негласного снятия информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации.

Уголовный процесс Грузии также пошел по пути внесения законодательных новаций в части не только внедрения электронного уголовного дела, но и электронных доказательств. Так, согласно п. 23 ст. 3 Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. (далее – УПК Грузии) документом считается любой источник, в котором информация запечатлена в словесно-знаковой форме или (и) в виде фото-, кино-, видео-, звуко- или иной записи, либо с применением других технических средств. Указанная статья содержит понятия компьютерная система и компьютерные данные, поставщик услуг и данные интернет-траффика. Кроме того, глава XVI УПК Грузии регламентирует порядок производства следственных действий, связанных с компьютерными данными. Так, ст. 136 УПК Грузии закрепляет возможность истребования у поставщика услуг документа для получения данных, хранящихся в компьютерных системах или средстве хранения компьютерных данных или документа, а ст. 137 УПК Грузии регламентирует текущий сбор интернет-траффика, ст. 138 УПК Грузии – сбор содержательных данных. Указанные действия возможны только по решению суда.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК России) применяет в качестве базового понятия электронный носитель информации, на который распространяется статус вещественного доказательства. Так, ст. 82 УПК России определяет порядок хранения электронных носителей информации-вещественных доказательств.

Норма ст. 164.1 УПК России определяет особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, а норма ч. 7 ст. 185 УПК России предусматривает производство по решению суда следователем осмотр и выемку электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений, при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в таких сообщениях.

Общим принципом французского доказательственного права является принцип свободы доказательств. Он достаточно ясно сформулирован в ч. 1 ст. 427 УПК Франции, норма которой не содержит исчерпывающего перечня видов доказательств, подлежащих использованию в процессе доказывания. Любой вид доказательства допустим, независимо от того, названо оно в законе или нет. Если в законе не регламентируются правила собирания конкретного вида доказательств, можно пользоваться правилами, определяющими порядок собирания сходных доказательств. Поэтому во французском уголовном процессе никогда не возникало проблем, связанных с появлением новых источников доказательств в результате научно-технического прогресса (видео- и аудиозапись, данные электронного наблюдения и т. п.), так как их применение в процессе доказывания не

требовало внесения изменений в УПК Франции или нового толкования традиционных видов доказательств. Если, например, в процессе доказывания по уголовным делам не принято применять детектор лжи (полиграф), то это происходит не в силу формальных препятствий (отсутствия упоминаний о таком виде доказательств в УПК Франции). Он не применяется по иным причинам: в основном из-за недоверия к нему со стороны судей и следственных работников [2, с.106-107]. Указанный факт свидетельствует о том, что закон не создает новую уголовно-процессуальную форму для электронных доказательств, а требует при их применении соблюдения традиционных принципов доказывания.

Уголовно-процессуальный кодекс Польши от 6 июня 1997 г. (далее – УПК Польши) также идет по консервативному пути и не закрепляет закрытый перечень источников доказательств/средств доказывания. Возможность применения доказательств в электронной форме предусмотрена некоторыми фрагментарными нормами. Например, материалы эксперту могут быть представлены и в электронной форме (§ 198 УПК Польши). Документы также могут быть поданы в электронном формате (§ 116 Польши).

Развитие применения электронных доказательств в Эстонии обусловлено переходом на электронный формат ведения уголовных дел и развитием электронного правосудия. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии от 12 февраля 2003 г. (далее – УПК Эстонии) не содержит упоминание понятия «электронные доказательства», но оставляет открытым перечень источников доказательств (§ 63). Важное требование – чтобы получение доказательств не нарушало фундаментальные права человека. Соответственно, электронные доказательства должны отвечать требованиям, предусмотренным в § 64. Также УПК Эстонии пошел по пути закрепления оснований, условии и порядка производства негласных действий, часть которых проводится в электронном формате (§ 126). Предусмотрено также такое действие, как запрос провайдеру связи о представлении информации (§ 901). УПК Эстонии предусматривает фото-, аудио- и видеофиксацию производства следственных и негласных действий, в том числе в цифровом формате (§ 148).

Таким образом, применение электронных доказательств по уголовным делам требует реализации всего спектра средств обеспечения прав личности, в частности, при проведении негласных следственных действий.

В рамках национального регулирования следует признать, что в целом уголовно-процессуальное законодательство достаточно консервативно и, как правило, не предполагает какого-то специального регулирования понятия электронных доказательств, а нормы права закрепляют лишь отдельные вопросы собирания и проверки информации, представленной в электронной форме. Это свидетельствует, что в целом применение данных представленных в электронной форме, не может создавать новых принципов доказательственного права.

Применение электронных доказательств теснейшим образом связано с внедрением технологий электронного уголовного дела.

Библиографические ссылки

1. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ

законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дисс ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016. 16 с.

2. Трубникова Т. Н. Исследование зарубежных практик в сфере доказывания по уголовным делам. Ташкент, 2020. 118 с.

3. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / С. В. Зуев и др. ; отв. ред. С. В. Зуев. Москва : Изд-во Юрайт, 2020. 193 с.

4. Association of Chief Police Officers's Good Practice Guide for Digital Evidence [Electronic recourse] // Digital Detective. URL: https://www.digital-detective.net/digital-forensics-documents/ACPO_Good_Practice_Guide_for_Digital_Evidence_v5.pdf (date of access: 01.09.2022).

«СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В РАЗРЕЗЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

О. Е. Побережная

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, olga14021977@gmail.com

Статья посвящена исследованию вопроса соотношения феномена «социального государства» и социальной функции государства на этапе трансформации патерналистского типа социального государства в непатерналистский, основанный на изменении подхода к участию в осуществлении социальной политики через субсидиарное взаимодействие различных государственных и негосударственных акторов.

Ключевые слова: социальное государство; социальная функция; субсидиарность; правовое государство; социальная политика.

«WELFARE STATE» IN THE TERMS OF THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE

O. E. Poberezhnaya

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, olga14021977@gmail.com

The article is devoted to the study of the relationship between the phenomenon of the "welfare state" and the social function of the state at the stage of transformation of the paternalistic type of the social state into a non-paternalistic one, based on a change in the approach to participation in the implementation of social policy through the subsidiary interaction of various state and non-state actors.

Keywords: welfare state; social function; subsidiarity; rule of law; social policy.

Современное «социальное государство» тесным образом связано с развитием и расширением социальной функции государства. Оно стало следствием институционализации и правового закрепления расширяющегося управляющего воздействия государства на процессы, протекающие в преимущественно неполитических областях общественной жизни. «Социальное государство» объективизировало социальную функцию государства через осуществление социальной политики.

Тем не менее, единого понимания взаимосвязанности и взаимозависимости социальной функции и социального государства в социальных и гуманитарных науках на сегодняшний день нет. Нерешенным остается вопрос о том, обладает ли понятие «социальное государство» относительной самостоятельностью или оно выражает конституционно закрепленную функциональную зависимость между сущностью, содержанием и формой государства. Эту дилемму можно сформулировать так: тождественны или последовательны понятия «социальное государство» и «социальная функция государства»?

С нашей точки зрения, существующая взаимосвязь между данными понятиями является следствием последовательности их возникновения. Миронова Т.Н. отмечает, что «возникновение государства как политико-правовой формы организации жизни общества связано прежде всего с удовлетворением таких общественных (или коллективных) потребностей, как обеспечение внешней безопасности, определение порядка взаимодействия членов общества, формирование устойчивой структуры и механизмов реализации экономических интересов различных социально-классовых групп. Выполнение социальной функции изначально не являлось целью или неотъемлемой частью деятельности государства» [1, с. 47]. Реализуя социальную функцию, государство определяет и законодательно оформляет систему социальных прав граждан и своих социальных обязательств, гарантирующих реализацию этих прав через соответствующие институты.

Таким образом, социальная функция становится деятельностью государства, направленной на минимизацию различий в доступе членов государства к общественным благам с целью обеспечения стабильности (самосохранения) социума, тем самым созидается социальное государство. На современном этапе социальная функция государства, как и «социальное государство» претерпевают значительные изменения.

До 10-х годов XXI века основной целью социального государства было обеспечение публично-властными структурами права на достойное существование для каждого гражданина, а мера свободы, которую может обеспечить государство посредством выплаты пособий по безработице, пенсий, дотаций и т.п., являлась основным критерием степени «социальности» государства. Во второй половине XX в. роль государства в финансировании социальных отраслей общественного сектора постоянно возрастала. Социальное государство носило ярко выраженный патерналистский, а социальная политика – опекающий характер. Критерий степени вовлеченности государства в социальное обеспечение и социальную защиту граждан определял парадигму социальной функции государства. В последние 10-летия XXI века происходит смена данного критерия.

Мера свободы, обеспеченная через патронаж органов государственно-публичной власти, замещается скоростью и степенью «включения» гражданина в трудовую деятельность (речь идет исключительно о полностью или частично трудоспособных гражданах), что определяет степень «социальности» современного социального государства.

Современное социальное государство – следующий этап развития социального государства, идущий вслед изменяющейся социальной функции государства. Оно становится не этапом развития правового государства, а этапом развития государственно-организованного общества в целом. Реализация социальной функции отталкивается не от задач институционализации и правового обеспечения государственных обязательств в социальной сфере, а от необходимости конструировать социальные потребности и осуществлять реагирование на нестандартные и потенциально опасные ситуации. Тем не менее, Любащиц В.Я. отмечает, что «с освоением социальной функции правовое государство превратилось в высшей степени сложное политическое объединение, целью которого является обеспечение условий реализации и гарантий экономических, политических и социальных прав человека, повышение уровня жизни гражданского общества» [цит. по 2, с. 105].

Социальная функция становится имманентным атрибутом любого типа государства, развивающегося в рамках индустриального или постиндустриального общества. Не только государство обязано осуществлять социальную функцию, это обязанность всего современного государственно-организованного общества. Причем основным актором осуществления социальной функции в современном государстве в зависимости от множества факторов могут быть либо государственно-публичная власть, либо аффилированные с государством структуры гражданского общества. Либо оба эти соактора реализуют социальную функцию субсидиарно, например в системе государственно-частного партнерства или системе корпоративной социальной ответственности [3].

Современное модернизированное социальное государство становится непатерналистским. Социальная функция в рамках непатерналистского социального государства побуждает «уязвимые» группы людей активно вовлекаться в общественную и трудовую жизнь. Речь идет о создании механизмов обратной социализации «эксклюзивных» сообществ за счет адаптации социальной реальности к многообразию потребностей, например введение базового дохода граждан.

Идея новой исторической формы социального государства консолидирует весь накопленный опыт социальной деятельности: в нее включаются и обязанности государства по социальной защите, и обязанности гражданина активно и продуктивно трудиться. Реакция общества на видоизменение социальной функции должна быть соответствующей возможностям государства на современном этапе. Меры по сокращению государственного финансирования социальной деятельности должны восприниматься и реципиентами, и спонсорами как новаторские и вместе с тем необходимые и справедливые.

Надо отметить, что и видоизменение социальной функции не может быть окончательным. Потребности тех групп населения, которые по каким-либо причинам не могут работать, должны удовлетворяться в обязательном порядке либо

органами государственно-публичной власти, либо под их обязательным и постоянным контролем с субсидиарным финансированием в случае необходимости. Соответствующие группы населения должны иметь государственные гарантии социальной помощи.

Идея модификации социальной функции является общемировой тенденции, обусловленной объективно. В последнее время практически во всех современных государствах весьма существенно проявляется тенденция сокращения бюджетных расходов на социальные нужды и переход к адресной социальной помощи. Все без исключения социальные государства приступили к подобного рода модификации еще в 80-90-х годах XX в.

Социальная функция государства изменяет методы своего осуществления, социальное государство меняет свои базовые предпосылки.

Библиографические ссылки

1. Миронова Т. Н. Развитие социальной функции государства как предпосылка формирования общественного сектора экономики // Веснік БДУ. Сер. 3. 2012. № 2. С. 47–52.

2. Теляшин И. В., Нор К. Е. К вопросу о соотношении правового и социального государства // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 100–105.

3. Гришковец А. А. Солидарность в условиях новых конституционных реалий и некоторые административно-правовые средства её обеспечения // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 142–151.

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ И ОСНОВАНИЯ К ОТМЕНЕ (ИЗМЕНЕНИЮ) СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ: О НЕКОТОРЫХ РАЗЪЯСНЕНИЯХ ВЫСШЕЙ СУДЕБНОЙ ИНСТАНЦИИ СТРАНЫ

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, s_v_p@tut.by

В статье анализируются разъяснения, данные высшей судебной инстанцией по вопросам полномочий суда апелляционной инстанции и оснований к отмене (изменению) судебных решений. Показано, что некоторые из этих разъяснений не совсем корректны и требуют уточнения и (или) дополнения.

Ключевые слова: апелляционное производство; полномочия суда апелляционной инстанции; основания к отмене (изменению) судебных решений.

THE POWERS OF THE COURT OF APPEAL AND THE GROUNDS FOR THE CANCELLATION (CHANGE) OF COURT DECISIONS: ON SOME CLARIFICATIONS OF THE COUNTRY'S HIGHEST COURT

V. P. Skobelev

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, s_v_p@tut.by

The article analyzes the clarifications given by the highest court on the powers of the court of appeal and the grounds for the cancellation (change) of court decisions. It is shown that some of these explanations are not entirely correct and require clarification and (or) additions.

Keywords: appeal proceedings; powers of the court of appeal; grounds for cancellation (change) of court decisions.

31 марта 2021 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление № 1). В связи с этим необходимо обратить внимание на то, какие разъяснение дала высшая судебная инстанция страны по поводу полномочий суда апелляционной инстанции и оснований к отмене (изменению) судебных решений. Закрепленные в ст. 423 ГПК полномочия суда апелляционной инстанции в краткой форме (без расшифровки оснований для их применения) перечислены в ч. 1 п. 17 Постановления № 1. Из всех них наибольшую сложность в осуществлении представляет полномочие, предусмотренное п.5 ст. 423 ГПК, согласно которому суд апелляционной инстанции вправе отменить решение полностью или в части и направить дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд.

Сложности обусловлены тем, что для определения оснований использования судами второй инстанции названного полномочия законодатель избрал довольно громоздкую и очень абстрактную формулировку – «если при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции установлено существенное нарушение норм процессуального права, которое не может быть устранено в порядке апелляционного производства либо препятствует суду апелляционной инстанции в исследовании новых доказательств или в установлении фактов, которые не являлись предметом исследования суда первой инстанции».

В контексте содержания п. 5 ст. 423 ГПК возникают вопросы, какое нарушение норм процессуального права можно считать существенным, в каких случаях подобное существенное нарушение не может быть устранено при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции либо препятствует суду апелляционной инстанции в исследовании новых доказательств или в установлении новых фактов. В этой связи, очевидно, стоило ожидать, что на уровне Постановления № 1 данным вопросам будет уделено большое внимание. Однако разъяснения

высшей судебной инстанции, посвященные указанной тематике, более чем лаконичны.

В ч. 2 п.17 Постановления № 1 сказано лишь, что «исходя из объема полномочий суда апелляционной инстанции и существа апелляционного производства, при отмене решения дело может быть направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции только в том случае, когда недостатки судебного разбирательства не могут быть устранены в порядке апелляционного производства». Тем самым здесь фактически оказалось воспроизведено прежнее правило кассационного производства (содержавшееся в п. 2 ст. 425 ГПК) об условиях направления дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд – «если ошибки, допущенные судом первой инстанции, не могут быть исправлены судом кассационной инстанции».

Какие именно недостатки судебного разбирательства не могут быть устранены в порядке апелляционного производства, Постановление №1 не разъясняет. В Постановлении № 1 даже нет прямого указания о том, что направление дела на новое рассмотрение должны влечь предусмотренные ч. 4 ст. 424 ГПК нарушения, хотя в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 4 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих производство дел в кассационном порядке» (далее – Постановление № 4) подобное положение было. Так, ч. 2 п. 2 Постановления № 4 гласила: «Только когда ошибки, допущенные судом первой инстанции, не могут быть исправлены судом кассационной инстанции, он вправе отменить решение полностью или в части и направить дело на новое рассмотрение (п. 2 ст. 425 ГПК). В частности, суд кассационной инстанции не вправе изменить или вынести новое решение при нарушении или неправильном применении норм процессуального права в случаях, предусмотренных ч.2 ст. 404 ГПК» (содержанию прежней редакции ч. 2 ст. 404 ГПК в настоящее время соответствует ч. 4 ст. 424 ГПК). Таким образом, получается, что сейчас, как и ранее при кассационном производстве, определение порядка исправления судебной ошибки (т.е. ее самостоятельное исправление проверяющей судебной инстанцией или направление для этого дела в нижестоящий суд) продолжает зависеть целиком от усмотрения суда второй инстанции, а потому вполне может оправдать себя высказанное нами ранее опасение, что «норма п. 5 ст. 423 ГПК сама по себе (без изменений в мышлении судей второй инстанции) не приведет к уменьшению количества передаваемых на новое рассмотрение дел» [2, с. 33].

Правда, справедливости ради, нужно сказать, что в ч. 4 п. 18 Постановления №1 все-таки приведены две конкретные ситуации, когда дело подлежит направлению апелляционным судом в суд первой инстанции: «При отмене в апелляционном порядке определения суда об окончании дела мировым соглашением сторон, а также решения суда первой инстанции, вынесенного в предварительном судебном заседании (например, по мотивам пропуска срока исковой давности без уважительных причин), дело подлежит направлению в суд первой инстанции на новое рассмотрение, поскольку по существу спора решение судом не выносилось, проверка и исследование доказательств в установленном законом порядке не производились».

В целом, стоит согласиться с мнением Пленума Верховного Суда, что в описанных случаях дело необходимо направлять на новое рассмотрение. Вместе с

тем стоит заметить, что, во-первых, всего два примера для обеспечения успешного функционирования судов апелляционной инстанции недостаточно. Во-вторых, процессуальному законодательству не известно «определение суда об окончании дела мировым соглашением сторон», ГПК оперирует совсем другой терминологией – «определение о прекращении производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения сторон» (см. п. 2 ч. 1 ст. 164, п. 3 ст. 245). В-третьих, слово «например» дает повод считать, будто в предварительном судебном заседании допускается вынесение решения не только при пропуске истцом (заявителем) без уважительных причин исковой давности (или его разновидности – так называемого срока обращения в суд), но и еще в каких-то случаях, хотя, как видно из ст. 264 ГПК, это не так. В-четвертых, нельзя признать верным утверждение, что в предварительном судебном заседании «по существу спора решение судом не выносилось». Решение – это и есть постановление, которое выносится судом по существу спора (см. п. 17 ст. 1, ч. 1 ст. 295 ГПК). Просто спор здесь решением разрешается фактически без исследования большей части доказательств по делу (хоть ст. 264 ГПК это и допускает, но, с теоретической точки зрения, подобный порядок вынесения решения видится неверным [3]).

Думается, что проблемы с применением нормы п. 5 ст. 423 ГПК можно было бы снять разъяснениями следующего рода. Полагаем, что дело должно направляться на новое рассмотрение всегда, когда судом второй инстанции будут установлены безусловные основания к отмене решения, т.е. основания, о которых говорится в ч. 4 ст. 424 ГПК (именно такая позиция в свое время была высказана высшей судебной инстанцией в ч. 2 п. 2 Постановления № 4). Кроме того, п. 5 ст. 423 ГПК необходимо применять также тогда, когда для исправления допущенной судом первой инстанции ошибки необходимо проделать большой объем доказательственной работы (заново исследовать все или большую часть из имеющихся в деле доказательств, получить значительное количество новых доказательств), чтобы проверочная деятельность суда второй инстанции не превращалась в повторное разбирательство дела по существу. Собственно, содержание ч. 4 п.18 Постановления № 1 только подтверждает последнюю мысль: направление дела на новое рассмотрение в описанных там случаях требуется потому, что исследование и проверка всех или большей части доказательств по делу не производились.

Несмотря на то, что при замене кассации на апелляцию у судов второй инстанции сохранилось полномочие направлять дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд, из главы 32 ГПК исчезли все нормы относительно обязанности суда второй инстанции давать в подобных случаях указания суду первой инстанции и о степени обязательности таких указаний (см. прежнюю редакцию ст. 429, 431 ГПК) [1, с. 79]. К сожалению, не включено на этот счет никаких разъяснений и в Постановление № 1, что, безусловно, будет создавать затруднения в деятельности как апелляционных, так и нижестоящих судов.

В ч. 1 п.18 Постановления № 1 судам апелляционной инстанции разъяснено, что «основанием для отмены или изменения решения в апелляционном порядке могут являться ошибки суда первой инстанции, допущенные при установлении фактических обстоятельств дела (пункты 1-3 части первой статьи 424 ГПК), а также нарушение или неправильное применение норм материального и (или) процессуального права (пункт 4 части первой статьи 424 ГПК)».

На наш взгляд, в Постановлении № 1 имело бы смысл прямо указать, что ошибки первого рода (п.1-3 ч.1 ст. 424 ГПК) представляют собой проявления необоснованности судебного решения, а ошибки второго рода (п. 4 ст. 424 ГПК) – проявления его незаконности. Дело в том, что при изложении главы 32 ГПК в новой редакции из нее, к сожалению, были изъяты нормы, которые прямо определяли незаконность и необоснованность в качестве оснований к отмене не вступивших в законную силу решений, а также указывали, какие ошибки суда первой инстанции относятся к незаконности, а какие к необоснованности решений (см. прежнюю редакцию ст. 401-404 ГПК). Отсутствие таких норм является тем более нелогичным в свете того, что в главе 32 ГПК законодатель продолжает оперировать терминами «незаконность» и «необоснованность» в отношении судебных решений (см. п. 2 ч. 1 ст. 405 ГПК).

Так, в прежней редакции ч.1 ст. 401 ГПК говорилось, что «основаниями к отмене решения суда в кассационном порядке являются: 1) полная или частичная необоснованность его; 2) незаконность решения, то есть неприменение или неправильное применение судом подлежащих применению норм материального либо процессуального права». Не менее важное правило было закреплено и в ч. 2 ст. 401 ГПК: «Не может быть отменено правильное по существу решение суда по одним лишь формальным основаниям». Последнее правило сейчас отсутствует не только в ГПК. Никаких указаний о недопустимости отмены ввиду формальных (т.е. незначительных) нарушений правильного по своей сути решения нет и на уровне Постановления №1. Для сравнения, в ч. 2 п. 21 Постановления № 4 соответствующее разъяснение содержалось. Некоторые примеры незаконности решения с материально-правовой точки зрения (т.е. нарушения или неправильного применения норм материального права) приведены в ч. 2 п. 18 Постановления № 1. К ним отнесены ошибки суда первой инстанции в виде «неправильной юридической квалификации взаимоотношения сторон; применения нормы, утратившей силу; разрешения дела в противоречие с нормами действующего законодательства».

В отношении процессуальных нарушений, предусмотренных ч. 4 ст. 424 ГПК, в ч. 3 п. 16, ч. 3 п. 18 Постановления №1, правильно подчеркнуто, что они влекут безусловную отмену решения суда первой инстанции. Необходимость в акцентировании внимания на данном моменте обусловлена тем, что абз. 1 ч. 4 ст. 424 ГПК имеет теперь гораздо менее категоричную редакцию («Решение суда первой инстанции подлежит отмене при существенном нарушении норм процессуального права, если …») по сравнению со своим предшественником – прежней редакцией абз. 1 ч. 2 ст. 404 ГПК («Решение в любом случае подлежит отмене, если …»). Первое предложение ч. 3 п.18 Постановления №1 содержит и еще одно важное указание: перечень нарушений в ч. 4 ст. 424 ГПК является исчерпывающим.

Согласно второму предложению ч. 3 п. 18 Постановления № 1 в иных случаях (т.е. если речь идет о процессуальных нарушениях, не входящих в перечень ч. 4 ст. 424 ГПК) «нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием к отмене или изменению решения, если это привело или могло привести к неправильному разрешению дела». Тем самым здесь получила воспроизведение норма ч. 3 ст. 424 ГПК.

Библиографические ссылки

1. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы : монограф. / И. Э. Мартыненко и др. ; под ред. Т. С. Тарановой. Минск : Колорград, 2020. 300 с.

2. Скобелев В. Апелляционная форма проверки судебных постановлений по гражданским делам: еще раз о новеллах // Юстиция Беларуси. 2018. № 7. С. 27–34.

3. Скобелев В. П. О праве суда вынести решение в предварительном судебном заседании // Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК Респ. Беларусь) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 6 нояб. 2009 г.) / НЦЗ-ПИ, БГУ ; редкол.: Т. А. Белова и др. Минск : Белпринт, 2009. С. 91–105.

ИНСТИТУТ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. В. Тетерин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
ул. наб. Северной Двины, 17,
163002, г. Архангельск, Российская Федерация, alexander.teterin@yandex.ru

Автор раскрывает роль института инициативного бюджетирования в стимулировании социально-экономического развития, анализирует механизм и практики бюджетирования. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости системного подхода к решению правовых и организационных проблем народного бюджетирования на всех уровнях публичной власти.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование; демократия участия; Арктическая зона.

INSTITUTE OF INITIATIVE BUDGETING IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

A. V. Teterin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
17 Severnaya Dvina Emb.,
163002, Arkhangelsk, Russian Federation, alexander.teterin@yandex.ru

The author reveals the role of participatory budgeting in stimulating socio-economic development, analyzes the mechanism and practices of budgeting. The results of the research indicate the need for a systematic approach to solving the legal and organizational problems of participatory budgeting at all levels of public authority.

Keywords: participatory budgeting; participatory democracy; the Arctic zone.

Институт инициативного бюджетирования не является новым для финансового и конституционного права: он возник и получил развитие в странах Латинской Америки в период демократизации 90-х годов XX века. Положительные результаты способствовали распространению практики народного бюджетирования в Аргентине, Перу, Колумбии, иных латиноамериканских и европейских государствах. Развитие информационных технологий также способствовало активному развитию института: появились цифровые платформы для предложения проектов и голосования граждан, видеоинструкции, интерактивные карты и мобильные приложения [8].

Распространение практик инициативного бюджетирования обусловлено его ролью в стимулировании социально-экономического развития, которая проявляется в следующих аспектах:

а) вовлечение граждан в процесс распределения бюджетных средств, повышение степени открытости бюджетного процесса;

б) реализация потенциала демократии участия: повышение уровня правовой и политической культуры, повышение уровня взаимного доверия органов публичной власти и граждан;

в) создание дополнительных возможностей для развития муниципального образования.

В Российской Федерации зарубежный опыт народного (инициативного) бюджетирования был заимствован значительно позже: в 2007 году в Ставропольском крае была запущена программа поддержки местных инициатив, что стало первым опытом инициативного бюджетирования [7, с.120], а на федеральном уровне механизм инициативного бюджетирования был закреплён лишь в 2021 году [6]. Представляется, что совершенствование нормативной основы инициативного бюджетирования, учет лучших практик применения и развития института способны стимулировать социально-экономическое развитие муниципальных образований и субъектов в целом. Особенно значимо подобное стимулирование для развития и обеспечения безопасности Арктической зоны Российской Федерации: в частности, инициативное бюджетирование способно внести вклад в решение проблем оттока населения, низкого уровня развития социальной инфраструктуры, отставания показателей, характеризующих качество жизни от общероссийских и средних по субъектам [4]. За последние годы на территории субъектов Арктической зоны появился ряд новых механизмов инициативного бюджетирования.

В 2020 году в Республике Саха (Якутия) на уровне субъекта были унифицированы подходы к осуществлению бюджетирования, были объединены программы по формированию комфортной городской среды, комплексному развитию сельских территорий, поддержке местных инициатив и общереспубликанское движение добрых дел «Моя Якутия в XXI веке», началась реализация комплексного проекта «Родные города и села». Объединение программ позволило направить в 2021 году на реализацию проектов около 960 млн. рублей [5].

В 2020 году в Республике Карелия появился институт «Народного бюджета», предполагающий выделение муниципальным образованиям денежных средств на развитие приоритетных программ и практик инициативного бюджетирования. Местные инициативы граждан получат финансирование в зависимости от количества постоянно проживающих (менее 9 тыс. человек – 5 млн. руб.,

с более высокой плотностью населения – 20 млн. руб.) [1]. С 2022 года был значительно увеличен объем средств бюджета субъекта, выделяемых на развитие практик инициативного бюджетирования: на реализацию проекта «Народный бюджет» выделено 130 млн. руб., на программу поддержки местных инициатив – 120 млн. руб., на территориальное общественное самоуправление – 105 млн. руб.

Интересны и перспективны муниципальные практики инициативного бюджетирования. Так, на территории г. Архангельск реализуются инициативные проекты в рамках проекта «Бюджет твоих возможностей» [3]. В качестве примера итогов реализации проектов можно привести строительство спортивных площадок, детских горок, украшение установочного пункта, благоустройство территории детских садов. Также в г. Архангельск имеется опыт реализации проекта школьного инициативного бюджетирования «Большая перемена», в рамках которого школьники, их родители, пользователи библиотек и учреждений культуры, лица, проходящие спортивную подготовку, могли направить инициативный проект развития для экспертизы и отбора на базе учреждения. Далее следовал этап экспертизы проектов, поступивших от учреждений, на предмет соответствия требованиям, осуществлялось ранжирование и вынесение 7 лучших инициатив на городской отбор. Примечательно, что итоговый этап назван «городским голосованием за инициативы», однако голосуют не все граждане, постоянно проживающие на территории муниципального образования, а лишь общественный совет при главе городского округа «Город Архангельск» [2].

Представляется, что подобная подмена понятий, вовлечение обучающихся, спортсменов, пользователей услуг лишь на этапе подготовки и подачи проекта, избыточная бюрократизация процесса, отсутствие информирования привели к невостребованности проекта, в местном бюджете на 2022 год средства на его реализацию не предусмотрены.

Анализ правовой основы, практик инициативного бюджетирования позволяет в целом положительно оценить развитие данного правового института в России и его роль в стимулировании социально-экономического развития. Однако необходимо отметить ряд организационно-технических и юридических факторов, снижающих эффективность данного института и подтверждающих необходимость его совершенствования.

1. На всех уровнях – федеральном, региональном и местном – закрепляется схожий централизованный и бюрократизированный механизм инициативного бюджетирования, а с закреплением его основ на уровне федерального закона можно ожидать дальнейшей унификации подходов к закреплению процедур.

К обязанностям местной администрации относится лишь рассмотрение проекта. Закреплён довольно широкий перечень случаев, в которых принимается решение об отказе в поддержке: отсутствие средств местного бюджета в необходимом объеме; признание проекта не прошедшим конкурсный отбор; наличие возможности решения описанной в инициативном проекте проблемы более эффективным способом. Подобные формулировки предполагают определённую свободу усмотрения при принятии решения об отказе. Масштаб вовлечения граждан в процесс весьма ограничен, местная администрация привлекает инициаторов для доработки проекта только в одном случае (при наличии более эффективного

способа решения проблемы, фактически, по своему усмотрению), широкое общественное обсуждение, как правило, не проводится.

2. Анализ существующих практик позволил выявить следующие организационно-технические и управленческие недостатки: зачастую отсутствует удобная и интуитивно понятная для пользователя цифровая платформа инициативного бюджетирования. Поиск необходимой правовой, организационной информации требует значительных временных затрат. Проблемой инициативного бюджетирования в г. Архангельск стал формальный характер заполнения дорожных карт реализации инициатив, отсутствуют детальная информация о проектах, интерактивные инструменты для их обсуждения; целенаправленное информирование граждан, проживающих на территории муниципального образования, о возможностях финансирования инициативных проектов фактически не осуществляется.

Потенциал института инициативного бюджетирования в России раскрыт не в полной мере, необходимо его развитие на всех уровнях – от локального учреждения до общефедеральных мер обеспечения. Одним из факторов такого развития должен стать учёт лучших практик и богатого опыта стран Латинской Америки.

Библиографические ссылки

1. Инициативы Карелии. Народный бюджет [Электронный ресурс]. URL: https://xn----7sbbgrnaabetoq4cya5d0ewd.xn--p1ai/narodnyj-byudzhet (дата обращения: 09.09.2022).

2. Об утверждении положения о проекте «Бюджет твоих возможностей : постановление Администрации городского округа «Город Архангельск», 26 окт. 2021 г., № 2157 // Информационный портал города Архангельска. URL: https://www.arhcity.ru/?page=2371/5 (дата обращения:11.09.2022).

3. О реализации инициативных проектов на территории городского округа «Город Архангельск»» : Решение Архангельской городской Думы, 22 сент. 2021 г., № 432 // Информационный портал города Архангельска. – URL: https://www.arhcity.ru/data/0/432_22092021.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

4. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : Указ Президента Российской Федерации, 26 окт. 2020 г., № 645 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 44. Ст. 6970.

5. О проекте "Родные города и села» : Указ Главы Респ. Саха (Якутия), 1 дек. 2020 г., № 1542 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202012040004?index=2&rangeSize=1. (дата обращения: 09.09.2022).

6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : Фед. Закон, 20 июля 2020 г., № 236-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4762.

7. Цуркан М. В. Анализ региональных практик инициативного бюджетирования // Финансовый журнал. 2017. № 3. С.119–130.

8. Annuziata R. El impacto de los Presupuestos Participativos online en el tipo de proyectos: un análisis de la experiencia de BAElige [Electronic resource]. URL: https://www.redalyc.org/journal/3575/357566674006/html (date of access: 08.09.2022).

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КРИТЕРИЕВ УСТАНОВЛЕНИЯ ГРАНИЦ УГОЛОВНОЙ НАКАЗУЕМОСТИ

А. В. Шидловский

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, Shidlovsky@bsu.by

В статье отмечено, что система критериев дифференциации уголовной наказуемости должна объединяться в единый комплекс, состоящий из четырёх взаимосвязанных групп факторов: социальных, уголовно-политических, криминологических и уголовно-правовых. Сделан вывод о том, что современная система критериев обусловленности уголовно-правовых норм, дифференцирующих наказуемость, должна строиться в соответствии с новой парадигмой ценностного измерения явлений, основанной на полифонии традиционных (философского, религиозного, научного, повседневного) и новых мировоззренческих подходов (прогрессивного, конструктивистского и пр.).

Ключевые слова: систематизация критериев; границы уголовной наказуемости; социальные; уголовно-политические; криминологические и уголовно-правовые факторы.

SYSTEMATIZATION OF CRITERIA FOR ESTABLISHING THE BORDERS OF CRIMINAL PUNISHMENT

A. V. Shidlovsky

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, Shidlovsky@bsu.by

The article notes that the system of criteria for differentiation of criminal punishability should be combined into a single complex consisting of four interrelated groups of factors: social, criminal and political, criminological, criminal and legal. The author makes a conclusion that the modern system of criteria for the conditionality of criminal legal rules differentiating punishability should be built in accordance with a new paradigm of value measurement of phenomena based on the polyphony of traditional (philosophical, religious, scientific, everyday) and new worldoutlook approaches (progressive, constructivist, etc.).

Keywords: systematization of criteria; limits of criminal punishability; social; criminal and political; criminological; criminal and legal factors.

Уголовно-правовая политика в сфере пенализации (депенализации) реализуется путем установления границ уголовной наказуемости. Меры уголовно-правового воздействия в части применения наказаний должны отвечать фактической опасности совершаемых посягательств. Всесторонне взвешенная, обусловленная социальными, криминологическими и иными факторами, дифференциация юридической ответственности в целом по всем правонарушениям

оптимизирует уголовное законодательство и обеспечивает защиту прав и законных интересов человека, общества, государства.

Согласно ч. 1 ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Посмотрим на пределы санкций статей в Особенной части действующего УК Республики Беларусь с позиции соотнесения характера и степени общественной опасности различных видов преступлений. Нетрудно заметить в ряде случаев нарушение баланса внутри системы санкционного обеспечения преступлений. Так, некоторые хищения, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, не связанные с применением насилия (например, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ч. 4 ст. 212 УК) наказываются лишением свободы соответственно на срок от пяти до тринадцати, от пяти до двенадцати, от шести до пятнадцати лет. В то время как убийство без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 139 УК) наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет; бандитизм (ст. 286 УК) – лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет; захват заложника при наличии квалифицирующих обстоятельств (ч. 2 ст. 291 УК) – лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет; измена государству (ст. 356 УК) – лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет и т. д.

Как видим, критерии законодательной оценки степени тяжести преступлений четко не выработаны, что требует серьезного научного изучения и прежде всего – продуманного, сбалансированного подхода к установлению минимальных и максимальных границ санкций статей Особенной части УК [5, с. 75-79].

Представляется, что широта дифференцирующего «карательного» шага в санкции уголовного закона должна связываться с категорией преступления, основанной на характере и степени опасности, заключённой в причинении вреда признанному обществом благу (ценности). Как правило, чем менее опасно преступление, тем больший выбор наказаний для виновного должна содержать санкция статьи УК (для нетяжких и ненасильственных преступлений законодательный «наказывающий» шаг целесообразно «растягивать» между и в пределах наказаний, альтернативных лишению свободы). Закон должен ориентировать судебную практику не к одинаковым наказаниям за сходные преступления, а обеспечивать единый подход в применении критериев определения мер наказаний [2, с. 437].

Наличие в ряде санкций, установленных в статьях Особенной части УК Беларуси за особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным посягательством на жизнь человека (например, ч. 2 ст. 139 УК), трех альтернативных видов основных наказаний – лишения свободы от 8 до 25 лет лишения свободы (с самым широким диапазоном для усмотрения суда – 17 лет!), пожизненного заключения и смертной казни - не препятствует формированию единообразной судебной практики. Напротив, как показывает практика применения санкции ч. 2 ст. 139 УК за последние несколько лет в республике, единообразие в карательном подходе правосудия здесь достигает наибольшего результата в сравнении с карательной практикой по другим преступлениям.

Интересно, что сами разработчики УК 1999 г. ставили перед собой задачу «обеспечить глубокую дифференциацию уголовной ответственности с учётом

характера и степени тяжести преступлений, личности преступника» [1, с. 3-4]. Базовым *уголовно-правовым критерием* дифференциации уголовной ответственности на первое место ими выдвинута тяжесть преступления (характер и степень), основанная на свойствах нарушенного объекта (ценности, блага, интереса) и масштабе вреда, опасности деяния для общества. Личность преступника проектантами рассматривалась как *криминологический критерий* законодательного ранжирования уголовной ответственности.

Общественное обсуждение новых предложений по пенализации и депенализации деяний полезно, с одной стороны, для формирования правосознания населения и воспитания правовой культуры граждан, а, с другой стороны - для законодателя найти оптимальный социальный баланс в определении уголовной наказуемости. Представление большинства граждан относительно оценки общественной опасности той или иной формы поведения не должно иметь существенного расхождения с законодательной дифференциацией уголовной наказуемости. Иначе присущее осуждению свойство публичного порицания в обвинительном приговоре суда потеряет всякий рациональный смысл.

В белорусской теории уголовного права обосновывается правовая модель эффективности формирования уголовного закона (автор – профессор А. Л. Савенок). При формировании уголовного закона учёный предлагает выделять два этапа: «1) определение объективных потребностей в правовой регламентации общественных отношений; 2) нормотворчество, то есть установление уголовно-правовых норм» [3, с. 98, 208]. Автор рассматривает в качестве базовых две группы факторов: социальные (*социальная обусловленность*), которые при криминализации лежат в основе построения структуры Особенной части уголовного закона, и криминологические (*криминологическая обусловленность*)». При этом составной частью социальной обусловленности уголовного закона, по мнению учёного, является криминологическая обусловленность [4, с. 98-118, 208].

По нашему убеждению, базовым критерием как социальной, так и криминологической обусловленности норм, дифференцирующих уголовную наказуемость, является система объектов, признаваемых в обществе наиболее ценными и значимыми, а потому нуждающимися в особой, уголовно-правовой, охране.

К важнейшему критерию *социальной обусловленности* норм, дифференцирующих меры уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия, считаем целесообразным относить *социальное прогнозирование* экономической и социальной затратности устанавливаемых в законе мер принуждения.

Самостоятельным критерием *криминологической обусловленности* дифференциации в законе мер уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия является *криминологическое прогнозирование* обеспечения правоприменительной индивидуализации меры уголовной ответственности и достижения ею обозначенных в законе целей в отношении виновного лица.

Серьёзный социальный и криминологический фундамент в объяснении рационального подхода к ранжированию в законе мер ответственности, образует наличие в его нормах альтернативных механизмов разрешения уголовно-правового конфликта. Представляется, наличие или отсутствие системы альтернативных уголовной ответственности мер, позволяет более сбалансированно оценить подход к конструированию дифференцирующих её норм уголовного закона.

Таким образом, система критериев дифференциации уголовной наказуемости должна объединяться в единый комплекс, состоящий из четырёх взаимосвязанных групп факторов, определяющих процессы пенализации и депенализации в национальном законодательстве: социальные, уголовно-политические, криминологические и уголовно-правовые. Критерии нами рассматриваются в данной системе как отражение и конкретизация тех факторов, которые обусловливают нормы о дифференциации уголовной наказуемости.

Представляется, в целях совершенствования законотворческого процесса в уголовно-правовой сфере и особенно при создании новой нормы, устанавливающей, изменяющей или исключающей уголовную наказуемость, необходимо подвергать её анализу в системе критериев, основанной на социальной, уголовно-политической, криминологической и уголовно-правовой многофакторности обусловленности рассматриваемых явлений.

Современная система критериев обусловленности уголовно-правовых норм, дифференцирующих наказуемость, полагаем, должна строиться в соответствии с новой парадигмой ценностного измерения явлений, основанной на полифонии традиционных (философского, религиозного, научного, повседневного) и новых мировоззренческих подходов (прогрессивного, конструктивистского и пр.).

Библиографические ссылки

1. Барков А. В. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. Обзорная статья // Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей Нац. собр. Респ. Беларусь 2 июня 1999 г. ; одобрен Советом Республики Нац. собр. Респ. Беларусь 24 июня 1999 г. Минск: Амалфея, 1999. С. 3-4.

2. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Том 2: Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г. А. Василевич и др. ; под науч. ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск : Издательский центр БГУ, 2019. С. 437.

3. Савенок А. Л. Теория эффективности уголовного закона: монография. Минск: Акад. МВД, 2017. С. 98, 208.

4. Савенок А. Л. Указ. раб. С. 98–118, 208.

5. Шидловский А. В. О реализации принципа законности при установлении лишения свободы в санкциях уголовного закона // Право.by. 2018. № 4 (54). С. 75-79.

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

О. А. Хотько

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, o.a.khatsko@gmail.com

В статье представлены концептуальные подходы к установлению баланса интересов общества и реализации прав человека в рамках выполнения цели правового

обеспечения экологической безопасности. Приведены примеры на основе функционирования транспортной деятельности, влияющей на состояние защищенности окружающей среды. Сделан вывод о необходимости совершенствования экологического законодательства в данной области.

Ключевые слова: экологическое право; экологическая безопасность; законодательство; баланс интересов.

BALANCE OF INTERESTS IN ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY AS THE BASIS FOR IMPROVING THE LEGISLATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

O. A. Khotko

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street,
220030, Minsk, Belarus, o.a.khatsko@gmail.com

The article presents conceptual approaches to establishing a balance of interests of society and realizing human rights as part of the fulfillment of the goals of law ensuring environmental safety. Examples are given on the basis of the functioning of transport activity that affects the state of environmental protection. The conclusion was made about the need to improve environmental legislation in this area.

Keywords: environmental law; environmental safety; legislation; balance of interests.

В рамках совершенствования законодательного обеспечения экологической безопасности особое место следует отвести изучению вопроса взаимодействия, согласованности интересов граждан и интересов, связанных с осуществлением хозяйственной и иной деятельности. Актуальность данного исследования в настоящее время имеет значение в связи с нарастающим воздействием техногенной деятельности на окружающую среду. Опираясь на выражение Дж. Кингсфорда о том, что «баланс – это не что-то, что нужно найти, а то, что нужно создать», положения Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г., в частности о том, что республика потребляет больше ресурсов, чем способна восстановить природа, сохраняется высокая нагрузка экономики на природу. Необходимо предпринять попытки совершенствования правовых норм относительно снижения риска техногенной нагрузки на окружающую среду с учетом баланса в рамках триады «человек – экономика – окружающая среда».

В доктрине экологического права учеными осуществлены исследования, посвященные принципам экологического права и экологического законодательства (С.А. Боголюбов, М. М. Бринчук, И. А. Игнатьева, Т. И. Макарова, А. Я. Рыженков и др.). В данный момент активно исследуются принципы правового обеспечения экологической безопасности, что говорит о значимости проблемы поддержания состояния защищенности прав человека, обеспечения их экологических и

иных прав. Вместе с тем обозначим, что рассмотрение исследуемой проблематики представляет особую востребованность в свете отсутствия должного правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения экологической безопасности при осуществлении тех или иных видов хозяйственной деятельности. Кроме того, с практической точки зрения мы можем констатировать, что, с одной стороны, преследуется общая цель: и граждане, и органы государственной власти заинтересованы в разрешении эколого-правовых проблем, реализации предусмотренных законодательством прав на благоприятную окружающую среду, на экологическую информацию, участие в процессе принятия экологически значимых решений, а с другой стороны, в современный период под влиянием научно-технического прогресса причиняется вред окружающей среде в свете наращивания производственного потенциала и реализации экономических интересов. То есть тем самым субъекты преследуют индивидуальные или коллективные интересы, цели обеспечения экологической безопасности не реализуются. Так, проблемы при эксплуатации транспорта включают ряд негативных последствий, касающихся воздействия на окружающую среду, нарушения охраны и использования компонентов природной среды, что влечет не только затруднения в реализации прав граждан, но и экономические издержки при проведении природоохранных мероприятий. Целью правового обеспечения в области экологической безопасности транспортной деятельности является создание комплексного и системного подхода к законодательному регулированию отношений в данной сфере с целью снижения влияния транспорта на окружающую среду и последующая его реализация.

Понимая ситуацию нынешнего времени и заботясь о правах будущих поколений, задачей, в первую очередь, ученых является не допустить развития экологического кризиса. Без развития соответствующей научной базы невозможно применение положений об экологической безопасности, а потому необходимо разработать рекомендации по совершенствованию законодательства в целях установления нового подхода правового регулирования и достижения баланса интересов между социально-экономическим развитием общества и индивидуальными интересами.

Выдающийся ученый в области экологического права О. С. Колбасов более тридцати лет назад задавался вопросами, как же страны и народы пренебрегают опасностью экологической угрозы, «почему в принципе соглашаясь с необходимостью охранять природу, они стремятся уклониться от выполнения природоохранных мер или откладывают их реализацию на неопределенный срок?» [1]. Примечательно, что он сам и дает истинный ответ, отмечая, что нет иного пути у человека, чем перестроиться самому на другой образ жизни и перестроить производство.

В нынешнее время изменение производства набирает обороты, что доказывается внедрением электромобилей и электробусов, электрификацией железнодорожных путей и иными предпринимаемыми мерами. Такой подход обусловлен, в частности, реализацией Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 г., утвержденного постановлением Совета Министров 21 декабря 2016 г. № 1061, согласно которого к одной из

актуальных проблем относится загрязнение атмосферного воздуха при эксплуатации транспорта (вклад передвижных источников в загрязнение воздуха достигает 70 процентов в Беларуси). Однако минимизация причинения ущерба окружающей среде как одна из важнейших задач обеспечения экологической безопасности возлагается и на граждан согласно Основному Закону государства.

Необходимо отметить, что гармоничное развитие окружающей среды, компонентов природной среды, осуществление видов экономической деятельности в конечном итоге возможно путем сбалансированного экологически безопасного развития с учетом выполнения эколого-правовых требований. Данный процесс предполагает решение ряда важнейших вопросов, включающих создание правовых и иных средств предотвращения загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов, разработку оптимальной модели экологической безопасности, а также создание институционального механизма. Для этого необходимо тщательно разработать понятийно-категориальный аппарат, совершенствуя систему документов эколого-правового содержания, преодолеть правовые пробелы и направить усилия на развитие идеологических элементов правового механизма охраны окружающей среды и природопользования, что послужит весомым стимулом для оценки достигнутого уровня правовой науки и на этой основе – создания системного правового обеспечения в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. В отношении обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности такие попытки в юридической науке предприняты [2].

В специальной юридической литературе высказывается мнение о необходимости принятия специального Закона «Об экологической безопасности» с указанием принципов обеспечения экологической безопасности, ответственности субъектов, наделенных полномочиями в области обеспечения экологической безопасности, способов обеспечения экологической безопасности и ряда других аспектов [3]. Такое суждение, на наш взгляд, заслуживает поддержки в части недостаточного закрепления требований экологической культуры, поскольку без четко установленных правовых требований соблюдения экологической культуры в сфере осуществления хозяйственной деятельности невозможно поддержание состояния защищенности окружающей среды. Однако принятие специального закона, касающегося экологической безопасности, представляется излишним, ведь охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности – это неразрывные составляющие предмета экологического права. Но главное другое: каждая сфера хозяйственной деятельности – транспортная, энергетическая, строительная, градостроительная и иные – нуждаются в самостоятельном правовом подходе и создании комплекса мер (а в настоящее время и с учетом активной интеграции государств), поскольку общие направления деятельности в одном нормативном правовом акте не смогут гарантировать эффективной реализации модели экологической безопасности и решение вопросов баланса интересов одновременно во всех отраслях.

Профессором И. О. Красновой в своем исследовании, посвященном политико-правовым актам в регулировании экологических отношений, предлагаются альтернативы повышения эффективности законодательства и создания полноценного механизма реализации документов; предлагается «принять отдельный

федеральный закон об экологической политике, закрепив основные долгосрочные ориентиры развития правового регулирования в области охраны окружающей среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности» [4, с. 38].

Для Республики Беларусь подход, основанный на необходимости принятия политико-программного документа по вопросам охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, является весьма актуальным в свете того, что сегодня мы не можем говорить о четких направлениях экологической политики, не имея концептуального документа эколого-правового содержания, что не позволяет выйти на новый уровень экологического благополучия граждан. Более того, профессор Т. И. Макарова справедливо замечает, что «в определенном смысле мы запоздали с формированием того, что принято называть эколого-правовым пространством, почти на двадцать лет» [5, с. 614].

Таким образом, следует отметить, что в качестве особой характеристики современного развития экологического права можно назвать более интенсивное поддержание инициативы органов государственного управления в обеспечении охраны окружающей среды и экологической безопасности и всесторонний учет интересов субъектов права. Исходя из этого, следует акцентировать внимание на создание эффективной правовой стратегии обеспечения экологической безопасности в связи с необходимостью проведения политики по поддержке экологоориентированного подхода в отраслях хозяйственной деятельности, что продиктовано в том числе процессами региональной интеграции, сложным взаимодействием наднациональных и национальных подходов на современном этапе. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с решением эколого-правовых проблем, закрепление прав и обязанностей граждан и полномочий органов государственного управления в контексте совершенствования законодательства должно быть взаимодополняющим, согласованным, имеющим эффект реального выполнения норм и направленным на достижение устойчивого развития государства и общества.

Библиографические ссылки

1. Колбасов О. С. Концепция обеспечения экологической безопасности (юридический аспект) // Советское государство и право. 1988. № 12. С. 47–55.

2. Хотько О. А. Проблемы закрепления в законодательстве правовых категорий в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности // Состояние, проблемы и перспективы развития юридической науки и практики в условиях глобализации общественных отношений: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл.ред.) и др. Гродно : ГрГУ, 2022. С. 155–159.

3. Гришаева И. Г. Проблемы правового обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Закон и право. 2017. № 4. С.72–74.

4. Краснова И. О. Политико-правовые акты в регулировании экологических отношений // Экологическое право. 2018. № 4. С. 35–39.

5. Макарова Т. И. Белорусская научная школа экологического права: место в эколого-правовой науке современности // Роль университетского образования и науки в современном обществе : материалы междунар. науч. конф. (Минск, 26–27 февр. 2019 г.) / Белорус. гос. ун-т ; редкол. А. Д. Король (ред.) и др. Минск : БГУ, 2019. С. 613–618.

СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ БАЗЫ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ: КАТЕГОРИИ И ПОИСК В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫМИ ДАННЫМИ

И. И. Лузгин, А. Е. Середа

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, yariywinner@gmail.com
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, sereda1993law-minsk@yandex.by

В статье рассматриваются пути и возможности эффективного использования биометрической информации в криминалистике, а также возможности и методы поиска искомых данных в криминалистических базах данных биометрической информации.

Ключевые слова: биометрическая информация; координация данных; базы данных; возможности поиска; криминалистически значимая информация.

MODERN FORENSIC DATABASES OF BIOMETRIC DATA: CATEGORIES AND SEARCH IN THE IDENTITY MANAGEMENT PROCESS

I. I. Luzgin, A. E. Sereda

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, yariywinner@gmail.com
Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, sereda1993law-minsk@yandex.by

The article discusses the ways and possibilities of effective use of biometric information in criminology, as well as the possibilities and methods of searching for the desired data in forensic databases of biometric information.

Keywords: biometric information; data coordination; databases; search capabilities; criminally significant information.

Значительная роль в криминалистике отводится как вопросам получения ориентирующей и доказательственной криминалистически значимой информации, так и процессу оптимизации их использования на электронных цифровых носителях. Потенциально доказательственные материалы могут быть видимыми (например, брызги крови на стене), невидимыми (например, микроскопические следы пороховых газов или взрывчатого вещества) или же иметь форму электронного изображения (например, снимки лиц, сделанные камерами наружного наблюдения). Обмен такими материалами или данными заинтересованных

сторон может происходить до совершения преступного деяния, в процессе его совершения или после него [1].

Некоторые подобные материалы содержат также биометрическую информацию, например, потожировые следы пальцев на стеклянной посуде, голос, записанный в ходе телефонного разговора, или профиль ДНК, выделенный из слюны, оставленной на ободке чашки. Подобная «криминалистически значимая биометрическая информация» выступает ключевым компонентом обеспечения процесса расследования, проводимого правоохранительными органами, и важнейшим элементом его объективизации, поскольку предоставляет возможности для идентификации людей.

Эта информация имеет огромное значение и для эффективного проведения успешных контртеррористических операций, поскольку позволяет: 1) подтвердить или опровергнуть причастность лица к правонарушению путем предоставления – как самостоятельно, так и в составе других доказательств – данных, либо подтверждающих вину, либо освобождающих от обвинения; 2) обеспечить проведение объективного судебного процесса; 3) дать ситуационную картину событий, происходивших на месте преступления и в связи с ним; 4) найти связь данного лица с деянием, событием, местом или другим лицом до инцидента, в его ходе или после него; 5) найти связь одного события с другим или с несколькими другими; 6) выявить данные, находящиеся в различных электронных или цифровых системах, и найти связь между ними [2].

Для реализации этих возможностей необходима координация данных, получаемых от других соответствующих направлений судебной науки и других областей специальной технической и научной экспертизы. Криминалистическое исследование всех материалов на месте преступления и в лабораторных условиях судебно-экспертных подразделений должно вестись в соответствии с международными стандартами и соответствующими системами обеспечения качества.

К числу основных современных направлений криминалистического судебно-экспертного обеспечения расследования относятся: 1) биологическая экспертиза – исследование дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), биологических жидкостей, волос, тканей и т.д.; 2) исследование следов пальцев и ладоней рук, следов, оставленных инструментами, следов обуви, следов транспорта и т.д.; 3) исследование огнестрельного оружия и его основных и дополнительных следов; 4) анализ микрообъектов и микрочастиц – исследование краски, стекла, волокон, взрывчатых веществ и т.д.; 5) цифровые и электронные доказательства — получение доступа к устройствам, загрузка данных, анализ, определение величины ущерба и т.д.; 6) исследование наркотиков – их установление и определение количества; 7) анализ документов; 8) анализ взрывчатых веществ [3].

Возможности данных направлений как расширяют доказательственную базу, так и углубляют качество расследования.

Используемые в криминалистике биометрические материалы применяются при расследовании дел для проведения идентификации (например, следов рук, полученных на месте преступления, с отпечатками пальцев подозреваемого), а также представляют собой один из трех основных типов баз данных, с которыми работают криминалисты [3]:

1) справочные базы данных по коллекциям натуральных и искусственных волокон используемых для установления аналогичных объектов, изъятых с мест преступления, их классификации и сопоставления;

2) поисковые базы данных биометрических материалов – коллекция биологических материалов и образцов, относящихся к человеку (например, ДНК) и следов рук;

3) поисковые базы данных небиометрических объектов – например, огнестрельного оружия и боеприпасов, следов обуви, орудий взлома, транспорта и т.п.

При работе с биометрическими образцами в рамках криминалистической экспертизы и следствия необходимо соблюдать базовые принципы работы с криминалистическими данными. В противном случае результаты, полученные при использовании системы поиска по биометрическим данным, окажутся бесполезными для любого последующего судебного разбирательства.

Именно поэтому при изъятии любого образца или предмета с места преступления следует последовательно соблюдать следующие процедуры: 1) фиксацию происхождения – письменное фиксирование и фотографирование места нахождения образца или предмета; 2) обеспечение сохранение – образец или предмет, направляемый на судебную криминалистическую экспертизу, должен быть изъят и упакован таким образом, чтобы не допустить его загрязнения, уничтожения, изменения, потери или разрушения; упаковка должна также защищать образец от повреждений при перевозке и не допускать, чтобы он получил загрязнение от других предметов или окружающего пространства; или сам стал источником их загрязнения; образец следует хранить при соответствующей температуре, чтобы обеспечить его сохранность и доставку в тестовом состоянии, оптимальном для проведения судебно-экспертного лабораторного анализа; 3) гарантирование целостности – упаковка должна быть прочной, ненарушенной и опломбированной, чтобы не допустить несанкционированного доступа или проникновения; нельзя допустить возможности внесения или удаления каких-либо материалов (в том числе в твердом, жидком или газообразном состоянии) сквозь упаковку; 4) отслеживание передвижения («Chain of Custody», англ.) (система охраны вещественных доказательств при их транспортировке и передаче) – следует вести учет всех лиц, имевших доступ к упакованному образцу или предмету, начиная с места преступления.

Судебно-экспертные подразделения и правоохранительные органы постоянно пользуются криминалистическими базами биометрических данных, известными также как базы оперативных криминалистических данных. Во многих странах эти базы данных уже свыше 100 лет играют существенную роль в проведении расследований преступлений, в частности по делам о терроризме. К числу наиболее широко используемых модальностей относятся следы пальцев рук, ДНК, черты лица и записи голоса. В каждой базе данных содержатся наборы данных как минимум двух различных типов [3].

Эталонные данные – собираются в контролируемых условиях у задержанных за совершенные преступления или подозреваемых в их совершении. К их числу относятся, например, следы всех пальцев рук, снятые электронным сканером или традиционным методом с использованием дактокраски и бумаги

(дактокарта); мазки, взятые с внутренней стороны щеки, образцы волос или крови, которые затем обрабатываются для получения полного ДНК-профиля; цифровые фотографии лица и т.п. Эталонные данные могут собираться также у сотрудников и лиц, правомерно присутствовавших на месте преступления до, во время или после его совершения. Эти данные необходимы для идентификации оставленных такими лицами криминалистических материалов и их исключения из материалов следствия.

Данные с места преступления – к ним относятся образцы и предметы, собранные на месте преступления. Качество биометрических данных с места преступления может различаться. Полученные криминалистические материалы могут по разным причинам оказаться поврежденными, загрязненными, недостаточно полными или четкими. В связи с этим процедура поиска и сопоставления дает гораздо более широкий спектр результатов, чем обычные ответы наподобие «соответствует» – «не соответствует», которые дают различные биометрические системы, не относящиеся к сфере криминалистической деятельности (например, приложения контроля доступа).

Некоторые страны используют также биометрические системы при оформлении удостоверений личности для регистрации граждан. Это обеспечивает как официальное подтверждение личности каждого гражданина, так и дает ему доступ к государственным услугам и другим видам социального и коммерческого обслуживания, таким, например, как социальное обеспечение, обеспечение жильем, страхование, банковское обслуживание и т.д.

Системы регистрации актов гражданского состояния – в этих системах у ряда стран используются такие модальности, как отпечатки пальцев, изображение лица, радужная оболочка глаза или комбинации нескольких модальностей. В таких базах данных, предназначенных прежде всего для поиска справочной информации, могут храниться, в зависимости от численности населения страны, миллионы, десятки или сотни миллионов биометрических образцов (справочных данных). Поэтому, если нормативно-правовая система страны позволяет правоохранительным органам вести поиск по этим базам данных в целях расследования преступления, круг поиска обычно ограничивается только справочными данными. Эти базы данных дают возможность определить по отпечаткам пальцев или изображению лица, был ли человек зарегистрирован в системе, однако попытка сличить отпечатки пальцев или изображение лица с места преступления в них не реализуема [4].

Объясняется это тем, что алгоритм сопоставления, применяемый в автоматизированных поисковых системах (далее - АИС) регистрации актов гражданского состояния, обычно не рассчитан на работу с данными с места преступления, в отличие от используемого в АИС поиска в ведомственных подразделениях криминалистического и судебно-экспертного направления, осуществляющих такого рода деятельность. Поэтому гражданские базы биометрических данных редко используются при проведении уголовных расследований, и даже если такой поиск проводится в случаях серьезных преступлений или террористических актов, результаты зачастую оказываются крайне низкими. Тем не менее, новые технологии и источники данных для некоторых модальностей, например, изображения лица, могут в будущем повысить эффективность поиска. Кроме того,

существует еще один вариант решения данной проблемы – встроить криминалистические системы распознания в программы, применяемые в системах регистрации актов гражданского состояния, или присоединить их в качестве приложений.

Существуют три основных варианта поиска, применяемых для обеспечения правоохранительной деятельности и при расследовании преступлений, и эти варианты осуществляются в трех конфигурациях [4].

1. **От эталонных данных к эталонным данным.** Цель такого поиска – определить, было ли лицо ранее внесено в базу данных. Для этого эталонные данные этого лица сопоставляются со всеми эталонными данными, внесенными ранее в базу. Такой метод чаще всего используется для того, чтобы установить, проходило ли данное лицо по делам оперативного учета правоохранительных органов, имело ли судимость и криминальное прошлое, особенно если этот человек представил ложные сведения о себе.

По традиции в этих целях проверяются следы пальцев рук. У задержанного лица берется – прокатывается – полный набор следов, т.е. следы всех десяти пальцев, которые потом сопоставляются по базе данных со следами пальцев зарегистрированных правонарушителей.

Этот метод очень надежен не только сам по себе, но и еще потому, что реализован на основе автоматизированного процесса с использованием современной высокоэффективной автоматизированной системы идентификации отпечатков пальцев (далее – AFIS), в базе данных которой содержатся только отпечатки пальцев с подтвержденным качеством, соответствующие стандартам и взятые опытными операторами в контролируемых условиях.

Эффективность данного поиска заключается в его автоматизированном формате при минимальном участии человека или вообще без его участия, кроме случая подтверждения конечного итога, когда требуется проверить факт установления совпадения законным субъектом судебно-экспертной деятельности. Это означает, что такой поиск осуществляется очень быстро. Современные мобильные устройства для сбора данных позволяют сотрудникам правоохранительных органов брать следы пальцев рук в рамках удаленного доступа и отправлять их на центральный сервер для использования в автоматизированную информационно-поисковую систему (далее – АИПС) для немедленной проверки. Результат, как правило, приходит через несколько минут или секунд. Некоторые мобильные устройства имеют автономные базы данных обеспечивающие локальный поиск на месте, не пересылая данные на удаленный сервер АИПС.

Естественно, существует также возможность поиска по идентификационным данным с использованием других биометрических модальностей, например, ДНК, изображения лица, радужной оболочки глаза и т.д. Такой поиск может быть проведен и для установления личности умерших или потерявших память лиц. Основное требование, предъявляемое к любым видам поиска по биометрическим данным, заключается в необходимости получить высококачественные и соответствующие стандартам эталонные данные, чтобы максимально эффективно провести все варианты поиска. Низкое качество эталонных материалов либо снижает эффективность и точность вариантов поиска, либо делает его невозможным.

2. **От эталонных данных к данным с места преступления (и наоборот)**. Протокол такого поиска предполагает двунаправленное взаимодействие: между базой эталонных данных и базой данных с места преступления, в которой содержатся криминалистические биометрические данные, полученные на месте преступления, например, следы ДНК (образцы, подлежащие изучению), следы пальцев и ладоней, изображения лица и т.д.

Новые собранные эталонные данные, еще не включенные в базу эталонных данных, проверяются по базе данных, полученных на месте преступления, и наоборот, новые данные с места преступления проверяются по базе эталонных данных. Точность такого рода поиска может быть существенно ниже, чем при поиске по идентификационным данным, вследствие возможного отличия эталонных данных от качества полученных на месте преступления.

3. **От данных с места преступления к данным с места преступления**. Этот вид поиска позволяет установить причинную связь между местами совершения различных преступлений или преступлений, расследуемых в рамках одного крупного дела или по различным делам, путем выявления и увязывания между собой материалов с разных мест преступления и предоставления следователям и оперативным сотрудникам соответствующей информации. Личность человека, оставившего биометрический материал на месте преступления, может быть неизвестна, но установление того факта, что один и тот же человек оставил свой биометрический материал в местах двух и более преступлений или происшествий, может оказать неоценимую помощь как следователям, так и сотрудникам оперативных подразделений правоохранительной системы. Результаты такого рода поиска могут иметь влияние на решение локальных и межгосударственных задач.

Успешность и точность такого вида поиска определяется качеством данных, собранных на месте происшествия, и наличием сопоставимого материала с мест преступлений. Некоторые модальности являются приоритетными при их использовании по определенным направлениям поиска; например, анализ ДНК особенно эффективен для выявления взаимосвязи между преступлениями и происшествиями при расследовании дел такого рода как террористических актов, убийств и случаев сексуального насилия.

Из вышеизложенного следует, что для повышения эффективности использования биометрических баз данных, следует придерживаться следующих рекомендаций:

1) углубленно разрабатывать, внедрять или более широко применять биометрические системы для идентификации личности отдельных лиц и попыток представлять ложные данные или выдавать себя за другое лицо;

2) настраивать биометрические системы исходя из конкретных служебных требований, предъявляемых к степени их точности, защищенности, количеству пользователей, производительности и эксплуатационной надежности. Следует тщательно изучать и определить ведомственные и межведомственные требования к таким системам, прежде чем финансировать новый биометрический проект;

3) учитывать тот факт, что эффективность процедур управления биометрическими идентификационными данными существенно выше при условии

сочетания этого вида поиска с поиском по иным видам криминалистических баз биометрических данных. Такое сочетание позволяет формировать не только эффективную общенациональную следственно-аналитическую систему для обеспечения следственных и оперативно-поисковых задач, но и на её основе реализовывать оперативно-поисковые задачи как по борьбе с преступностью в целом, так и по отдельным аспектам видов деятельности, связанных с ней;

4) применять необходимые международные стандарты при разработке и использовании методик проведения криминалистических судебно-экспертных исследований и на этой основе оценивать их результаты;

5) обучать всех сотрудников, работающих с АИПС, поиску по криминалистическим базам биометрических данных, пониманию как значимости этой информации, так и ограничений уровня её использования.

Библиографические ссылки

1. Платонова Н. И. Биометрические персональные данные: возможности и проблемы // Юрист. 2019. № 6. С. 63–67.

2. CTED Analytical Brief: Biometrics and Counter-Terrorism [Electronic resource]. URL: https://un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org.securitycouncil.ctc/files/files/documents/2021/Dec/cted_analytical_brief_biometrics_0.pdf (date of access: 02.06.2022).

3. Камалова Г. Г. Биометрические персональные данные: определение и сущность // Информационное право. 2016. № 3. С. 8–12.

4. Use of Biometrics Data to Identify Terrorists: Best Practice or Risky Business? [Electronic resource]. URL: https://ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Terrorism/Use-Biometric-Data-Report.pdf (date of access: 01.06.2022).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ»

О. Р. Кочерга

Государственное научное учреждение «Институт экономики НАН Беларуси»,
ул. Сурганова 1, корп. 2,
220072, г. Минск, Беларусь, olga.kocherga.94@mail.ru

Анализируются подходы к определению содержания материального признака деяния как основания административной деликтизации. Акцентируется внимание на проблематике выявления основания деликтизации в условиях усложнения общественных отношений, происходящего под влиянием научно-технического прогресса. Анализируются возможные направления трансформации содержания категории «общественная опасность» в административно-деликтном праве.

Ключевые слова: административная деликтизация; основание деликтизации; общественная опасность; угроза причинения вреда.

SOME ASPECTS OF THE CONTENT OF THE CATEGORY "PUBLIC DANGER"

O. R. Kocherga

State Scientific Institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", 1 Surganov Street, build 2, 220072, Minsk, Belarus, olga.kocherga.94@mail.ru

Approaches to determining the content of the material sign of an act as the basis for administrative delictization are analyzed. Attention is focused on the problem of identifying the basis of delictization in the context of the complication of social relations, which occurs under the influence of scientific and technological progress. Possible directions of transformation of the content of the category "public danger" in administrative law are analyzed.

Keywords: administrative delictization; basis of delictization; public danger; threat of harm.

Устойчивое инновационное развитие экономики в современных условиях ускоренного совершенствования технологий и усложнения общественных отношений требует от государства обеспечения своевременного правового регулирования и охраны, учитывающих специфику складывающихся общественных отношений и адекватных возникающим вызовам и угрозам. Появление новых групп общественных отношений, выступающих потенциальными объектами правовой охраны, актуализирует проблематику формирования публично-правовых запретов как средства упорядочения и охраны общественных отношений. Особое место в системе публично-правовых запретов занимает административно-деликтный запрет как «базовое» нормативное предписание, нарушение которого влечет за собой наступление административной ответственности – публично-правовой ответственности «первичного» уровня. В теории административно-деликтного права различные аспекты конструирования соответствующих отраслевых запретов обобщаются термином «административная деликтизация».

Как правило, первоочередным и основным этапом деликтизации выступает выявление ее основания, т.е. обстоятельства, с достоверностью свидетельствующего о наличии потребности в административно-правовой охране посредством установления запретов. Учитывая, что «запрет представляет собой средство, при помощи которого адресат отграничивается от поведения, которое признано обществом и государством вредным и запрещенным» [1], основание деликтизации своим источником имеет поведение, от которого необходимо «оградить» общественные отношения, т.е. те его характеристики, которые дают основания считать его неприемлемым для общества.

С учетом изложенного, основанием деликтизации можно считать такой признак запрещаемого деяния, как его способность причинять вред охраняемым общественным отношениям и/или создавать угрозу причинения такого вреда. Общепризнано, что только деяние, способное причинить вред общественным отношениям, может быть признано правонарушением. Данный признак деяния, по

сути, является единственным из признаков, не зависящим от воли законодателя и выражающим действительное основание для правовой охраны соответствующих общественных отношений, на которые подобное деяние посягает. Выявление материального признака деяния достоверно свидетельствует о потребности в правовой охране общественных отношений, что, в свою очередь, влечет за собой вывод о необходимости установления запрета.

В этой связи большинство существующих методик деликтизации направлены на выявление материального признака заданного типа поведения, формирующего деликтизируемое деяние. Иными словами, в рамках данного подхода движение процесса познания осуществляется от заданной модели поведения к возможным формам отражения вредных последствий такого деяния. Использование указанных моделей целесообразно, если соответствующие общественные отношения уже являются объектом административно-правовой охраны, а потребность в деликтизации возникает, как правило, в случае выявления какой-либо новой формы индивидуального поведения, дестабилизирующей общественные отношения, нарушающей их нормальное функционирование. В этом случае процесс деликтизации будет направлен на определение необходимости, возможности, допустимости и целесообразности соответствующего административно-деликтного запрета и на формирование его модели.

В свою очередь, если общественные отношения находятся на этапе формирования, а подходы к их правовому регулированию и охране – в стадии разработки, то конкретные формы антиобщественного поведения в охраняемой сфере не всегда очевидны, более того, не всегда очевидна потребность в административно-правовой охране, что требует более широкого подхода к определению объема исследований, проводимых субъектом, осуществляющим деликтизацию. Иными словами, констатации наличия у конкретной формы антиобщественного поведения материального признака как основания деликтизации должен предшествовать этап выявления таких форм поведенческих актов.

Возвращаясь к материальному признаку деяния как основанию его деликтизации, необходимо отметить, что в науке административного права уже несколько десятилетий ведется дискуссия относительно определения характера и даже наличия материального признака деяния, составляющего административное правонарушение. Так, некоторые исследователи вообще не выделяют материального признака административного правонарушения, признавая только его формально-юридические признаки: противоправность, виновность и наказуемость [2]. Представители иного направления полагают, что все правонарушения, как публично-правовые, так и частно-правовые, обладают признаком общественной опасности, которая свойственна всем им без исключения. В то же время отличие между ними заключается лишь в степени такой опасности, наибольшая из которых присуща преступлениям. В свою очередь, административным правонарушениям она не свойственна в такой же степени, и поскольку не достигает такого уровня, то и не требует применения мер уголовной ответственности [3, с. 16].

Еще одна позиция заключается в признании материальным признаком административного правонарушения не общественной опасности, а общественной вредности. По мнению представителей данной позиции, признание административных правонарушений общественно опасными приводит к тому, что исчезает качественное различие между преступлениями и другими правонарушениями и

все сводится к количественным показателям. Ряд исследователей предлагают не рассматривать общественную опасность и вредность в качестве альтернативных констант в дискуссии по установлению признаков административного правонарушения, а воспринимать их как генетически присущие правонарушению характеристики, основанные на использовании правовой онтологии (общественная вредность) и правовой гносеологии (общественная опасность) [4].

В то же время, учитывая необходимость обеспечения своевременной и комплексной административно-правовой охраны развивающихся общественных отношений, предлагается на начальных этапах деликтизации акцентировать внимание на выявлении конкретных форм антиобщественного поведения, подлежащих деликтизации, и рассматривать категорию «общественной вредности» как отражение материального признака деликтизируемого деяния, а категорию «общественной опасности» – как состояние общественных отношений, нуждающихся в административно-правовой охране.

Как уже было отмечено, административным правонарушением может считаться деяние, характеризующееся способностью причинять вред охраняемым общественным отношениям и/или создавать угрозу причинения такого вреда. При этом охраняемые общественные отношения при существовании потенциальной возможности причинения им вреда или создания условий для наступления вредных последствий находятся в состоянии опасности. Иными словами, возможность реализации соответствующего поведенческого акта выступает угрозой по отношению к охраняемым общественным отношениям. Такая угроза в семантическом и философском значении выступает выражением опасности. Данное понимание понятий «угроза» и «опасность», а также их соотношение воспринято в национальном законодательстве о безопасности. Так, рассматривая, например, государственные интересы в качестве объекта административно-правовой охраны, можно отметить, что Концепция национальной безопасности Республики Беларусь под угрозой национальной безопасности понимает потенциальную или реально существующую возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь. В свою очередь, состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз представляет собой национальную безопасность. Следовательно, противоположное состояние – состояние незащищенности от угроз как возможностей причинения ущерба национальным интересам – представляет собой состояние опасности. При этом источником угроз выступают факторы или их совокупность, способные при определенных условиях привести к их (угроз) возникновению.

Экстраполируя изложенное на способность общественно вредного деяния вызывать определенные негативные изменения в общественных отношениях, то есть причинять вред или создавать угрозу причинения вреда, можно сделать вывод, что общественно вредные деяния в качестве вышеупомянутых факторов при определенных условиях выступают источниками угроз, существование которых повергает охраняемый объект в состояние опасности. Отсюда следует, что в рамках предлагаемого подхода опасность выступает не столько свойством деяния, сколько состоянием общественных отношений, выражением которого является наличие определенных угроз. При этом такое состояние потенциального объекта охраны обусловлено наличием соответствующего риска как вероятности наступления состояния опасности. В данном контексте необходимо отметить, что

общественно вредное деяние можно условно рассматривать и как источник угрозы, т.е. фактор, способный привести к угрозе, например, если состав деяния не подразумевает причинение фактического вреда, и непосредственно как угрозу, если вред выступает в качестве признака объективной стороны. Независимо от этого наличие риска (определенной вероятности) совершения любого общественно вредного деяния повергает соответствующие общественные отношения в состояние опасности.

Отсюда следует, что с целью установления основания деликтизации содержательному анализу и оценке подлежат обстоятельства, свидетельствующие о наличии возможности причинения вреда объекту правовой охраны, то есть рисков, формирующих угрозы его безопасности.

Представляется, что использование предлагаемого подхода позволит сместить акцент с материального признака запрещаемых деяний, перечень и характер которых на этапе становления и развития новых общественных отношений еще не в полной мере очевидны, на специфику функционирования общественных отношений, выступающих потенциальным объектом административно-правовой охраны, и, следовательно, позволит наиболее комплексно обеспечить выявление потребности в их административно-правовой охране.

Библиографические ссылки

1. Рыбушкин Н. Н. Краснов А. В. Санкции запрещающих норм права: новое в пределах правового регулирования [Электронный ресурс] // Cyberleninka, 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-zapreschayuschih-norm-prava-novoe-v-predelah-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 10.09.2022).

2. Якуба О. М. Советское административное право. Общая часть: Учебник. Киев: Вища шк., 1975.

3. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. Административно-деликтное право / Л. М. Рябцев и др. ; под ред. Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. Минск : Вышэйшая школа, 2017. 327 с.

4. Колпаков В. К. Вредность и общественная опасность административного правонарушения // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 7–11.

К ВОПРОСУ О РАСТОРЖЕНИИ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Е. А. Реуцкая

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17,
220007, г. Минск, Беларусь, Reutskovich@bsu.by

Исследуются вопросы расторжения договора найма жилого помещения государственного и частного жилищных фондов, а также основания к такому расторжению договора найма жилого помещения.

Ключевые слова: жилищный фонд; договор найма жилого помещения; арендное жилье; общежитие; жилое помещение социального пользования; специальные жилые помещения; расторжение договора найма жилого помещения.

TO THE ISSUE OF TERMINATION OF THE CONTRACT OF RENTAL OF A DWELLING

E. A. Reutskaya

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Street,
220007, Minsk, Belarus, Reutskovich@bsu.by

The issues of termination of the rental of housing of state and private housing funds, the basis of such termination are investigated.

Keywords: housing fund; rental contract; rental housing; hostel; residential premises of social use; special living quarters; termination of the rental contract for dwelling.

Договор найма жилого помещения выполняет свои функции наилучшим образом, лишь в том случае, если он стабилен. Однако, стабильность договорных отношений найма жилого помещения не исключает возможности его расторжения. Причинами этого могут быть различные обстоятельства хорошие, и не совсем, например, смерть нанимателя или развод супругов, являющихся нанимателями жилого помещения. В связи с этим, постараемся проанализировать основания и порядок расторжения договора найма жилого помещения. На практике, большинство вопросов возникают с расторжением договоров найма жилого помещения и выселением граждан, проживающих в государственном жилищном фонде, следовательно, остановимся на видах договоров найма государственного жилищного фонда.

В ст. 10 Жилищного кодекса Республики Беларусь определен состав жилищного фонда Республики Беларусь, который делится, в зависимости от формы собственности, на государственный и частный (далее – ЖК). Государственный жилищный фонд состоит из республиканского жилищного фонда (часть жилищного фонда, находящегося в республиканской собственности (собственность Республики Беларусь) и коммунального жилищного фонда (часть жилищного фонда, находящуюся в коммунальной собственности (собственность административно-территориальных единиц).

Н.А. Кухарчик, указывает, что ЖК в зависимости от фонда и вида жилых помещений, предусматривает следующую систему договоров найма: государственного жилищного фонда: договор найма арендного жилья; договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии; договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда; договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда.

ЖК дает определение соответствующих жилых помещений, так, согласно п. 1 ст. 1 ЖК, под арендным жильем понимаются жилые помещения государственного жилищного фонда, предоставляемые гражданам на условиях договора найма арендного жилья.

Жилое помещение в общежитии – это жилое помещение либо его часть, предоставляемые гражданам на условиях договора найма жилого помещения в общежитии (п. 15 ст. 1 ЖК).

Под жилым помещением социального пользования понимается жилое помещение типовых потребительских качеств государственного жилищного фонда, предоставляемое гражданам на условиях договора найма жилого помещения социального пользования государственного (п. 17 ст. 1 ЖК).

Согласно п. 53 ст. 1 ЖК, специальное жилое помещение – это жилое помещение государственного жилищного фонда, предназначенное для постоянного или временного проживания отдельных категорий граждан при наличии у них оснований для проживания в специальном жилом помещении.

Рассматривая общие положения о расторжении договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда и руководствуясь ст. 420 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), расторжение возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК и иными актами законодательства или договором, либо в случае, одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законодательством или соглашением сторон, договор считается соответственно расторгнутым или измененным (п. 3 ст. 420 ГК).

Договор найма жилого помещения может быть расторгнут по соглашению сторон.

Порядок одностороннего расторжения договора найма нанимателем предусмотрен в п. 2 ст. 62 ЖК. Расторгнуть договор найма жилого помещения возможно в любое время с согласия проживающих совместно с ним совершеннолетних членов его семьи после исполнения своих обязанностей по этому договору. Так, наниматель жилого помещения вправе расторгнуть договор найма жилого помещения в любое время в соответствии с ЖК после исполнения своих обязательств перед наймодателем, предусмотренных договором найма жилого помещения, в добровольном порядке. Так, по мнению Н.А.Кухарчик, этот вариант предусматривает, исполнение нанимателем обязательств перед наймодателем, что можно рассматривает, как: сдачу жилого помещения наймодателю по акту о приеме-передаче; погашение обязательств по договору (оплата ЖКУ, плата за пользование жилым помещением, при необходимости – ремонтные работы, возмещение причиненного ущерба); снятие с регистрационного учета по месту жительства.

При выезде нанимателя жилого помещения и проживающих совместно с ним членов его семьи на место жительства в другое жилое помещение договор найма жилого помещения считается расторгнутым со дня их выезда. Практика показывает, что такое одностороннее расторжение договора нередко приводит к необходимости обращения в суд с требованиями наймодателя о признании нанимателя утратившим право владения и пользования жилым помещением.

Расторжение договора найма жилого помещения может являться последствием расторжения договора найма жилого помещения по соглашению сторон или по инициативе нанимателя жилого помещения, один из проживающих совместно с ним совершеннолетних членов его семьи с письменного согласия остальных проживающих совместно с нанимателем совершеннолетних членов его семьи вправе требовать признания его нанимателем по ранее заключенному договору найма жилого помещения вместо первоначального нанимателя жилого помещения.

Договор найма жилого помещения, может быть расторгнут при нарушении существенных условий договора найма жилого помещения согласно п. 3 ст. 62 ЖК. Говоря о существенных условиях договора найма жилого помещения, следует уточнить, что ст. 51 ЖК определены существенные условия договора найма жилого помещения которые возможно нарушить, таковыми являются: условия о предмете договора найма жилого помещения (порча или разрушение и др.), срок действия договора найма жилого помещения – для договоров найма жилых помещений, заключенных на определенный срок (проживание более установленного срока и др.), плата за пользование жилым помещением и срок ее внесения (неоплата за пользование жилым помещением и др.), внесение платы за жилищно-коммунальные услуги, возмещения расходов на электроэнергию – в случае, если в соответствии с законодательными актами или договором найма жилого помещения наниматель жилого помещения обязан вносить плату за жилищно-коммунальные услуги, возмещать расходы на электроэнергию (нарушение сроков оплаты или вообще неоплата).

Так, в силу п. 3 ст. 62 ЖК при нарушении существенных условий договор нанимателем жилого помещения с нанимателем и (или) проживающими совместно с ним членами его семьи может быть расторгнутым.

Договор найма жилого помещения может быть расторгнут и в случае, если наниматель жилого помещения и (или) проживающие совместно с ним члены его семьи в течение календарного года 3 раза и более привлекались к административной ответственности за нарушение правил пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений, выразившееся в разрушении или порче жилого помещения либо использовании его не по назначению, или если они систематически допускают нарушение требований ЖК, что делает невозможным для других проживание с ними в одной квартире или в одном жилом доме, если они были предупреждены собственником о возможности расторжения договора найма жилого помещения и в течение года после такого предупреждения привлекались к административной ответственности за аналогичные правонарушения.

Законодатель так же, предусматривает возможность требования члена семьи нанимателя, в случае, если члены семьи нанимателя жилого помещения, проживающие совместно с ним, не допускали нарушений, предусмотренных ЖК, один из проживающих совместно с ним совершеннолетних членов его семьи с письменного согласия других проживающих в жилом помещении совершеннолетних членов семьи нанимателя вправе требовать признания его нанимателем по договору найма жилого помещения вместо первоначального нанимателя.

По инициативе наймодателя жилого помещения, договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда может быть расторгнут, в том случае, если наймодатель предварительно за один месяц направил нанимателю соответствующее письменное предупреждение с указанием мотивов расторжения договора. При этом, требование о расторжении договора найма жилого помещения, может быть заявлено в суд только по истечении одного месяца, в случае отказа нанимателя от расторжения договора либо неполучения ответа нанимателя на письменное предупреждение.

Статьей 63 ЖК предусматривается расторжение договора найма жилого помещения при переходе права собственности на жилое помещение, занимаемое по договору найма жилого помещения, новым собственником, которым принимается такое решение. В случае принятия новым собственником жилого помещения решения о расторжении договора найма жилого помещения он предупреждает нанимателя жилого помещения о принятом решении в письменной форме за один месяц. В течение этого срока наниматель обязан освободить жилое помещение. По истечении указанного срока наниматель жилого помещения, не освободивший жилое помещение, подлежит выселению в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения. Указанный срок исчисляется со дня, следующего за днем получения нанимателем жилого помещения предупреждения, а в случае уклонения от получения предупреждения – по истечении пяти рабочих дней со дня его отправления.

Говоря о расторжении договора найма жилого помещения по отдельным видам жилых помещений государственного жилищного фонда, следует сказать об особенностях их расторжения. Так, согласно ст. 109 ЖК, в случае выезда нанимателя жилого помещения по договору найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда на место жительства в другое жилое помещение либо его смерти такой договор расторгается либо прекращается.

ЖК предусматривает обязанность государственных органов и других организаций, ходатайствовавших о предоставлении арендного жилья, информировать местные исполнительные и распорядительные органы, предоставившие, например, арендное жилье на период трудовых (служебных) отношений, о прекращении с работником (сотрудником), в отношении которого было выдано ходатайство, трудовых (служебных) отношений не позднее пяти рабочих дней со дня прекращения этих отношений. Об этой обязанности на практике государственные органы и другие организации порой забывают, следовательно, этот момент следует согласовывать организациям при предоставлении жилья. А наниматель арендного жилья, которому такое жилое помещение предоставлено в связи с характером трудовых (служебных) отношений, в соответствие со ст. 114 ЖК, в случае получения во владение и пользование (приобретения в собственность) жилого помещения им или членами его семьи в данном населенном пункте общей площадью пятнадцать квадратных метров и более на одного человека (для города Минска – десять квадратных метров и более в городе Минске либо пятнадцать квадратных метров и более в населенном пункте Минского района), соответствующего установленным для проживания санитарным и техническим требованиям, обязан сообщить государственным органам, другим

организациям, ходатайствовавшим о предоставлении жилого помещения о данном обстоятельстве, а те в свою очередь информировать местные исполнительные и распорядительные органы, предоставившие арендное жилье на период трудовых (служебных) отношений, что влечет расторжение договора найма арендного жилья. В случае получения во владение и пользование (приобретения в собственность) жилого помещения наниматель вносит плату за пользование арендным жильем в соответствии с ч. 3 п. 2 ст. 31 ЖК с даты получения во владение и пользование (приобретения в собственность) жилого помещения до даты фактического освобождения арендного жилья.

Работники, прекратившие трудовые (служебные) отношения с организацией, предоставившей жилое помещение государственного жилищного фонда в общежитии, в случае отказа освободить жилое помещение в общежитии подлежат выселению из него со всеми гражданами, проживающими совместно с ними, в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения. Следует обязывать государственные органы и организации, ходатайствующие о предоставлении свободных мест в общежитии государственного жилищного фонда (при их наличии) своим работникам, сообщать о фактах увольнения работников из государственных органов и организаций, что будет основанием для расторжения договора найма жилого помещения в общежитии в установленный срок.

Библиографические ссылки

1. Кухарчик Н. А. Комментарий к главе 8 Жилищного кодекса Республики Беларусь «Договор найма жилого помещения» // Консультант плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Н. А. Солянкина

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, ул. Берсона, 1а,
220030, г. Минск, Беларусь, na_solyankina@mail.ru

Нормативные дефиниции юридической ответственности отсутствуют, научные определения весьма разнообразны и противоречивы, а предложенные теории понимания ответственности в отраслевых юридических науках остаются дискуссионной темой. В статье исследованы различные подходы ученых-правоведов к определению ответственности в трудовом праве. Предложено определение термина «ответственность в трудовом праве».

Ключевые слова: трудовое право; трудовое правоотношение; юридическая ответственность.

RESPONSIBILITY IN LABOR LAW: APPROACHES TO UNDERSTANDING

N. A. Solyankina

The National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus,
1a Berson Street,
220030, Minsk, Belarus, na_solyankina@mail.ru

There are no normative definitions of legal liability, scientific definitions are very diverse and contradictory, and the proposed theories of understanding liability in the legal sciences remain a debatable topic. The article explores various approaches of legal scholars to the definition of liability in labor law. A definition of the term «responsibility in labor law» is proposed.

Keywords: labor law; labor relations; legal liability.

Трудовое право, как и любая отрасль права, наряду со специальной терминологией оперирует фундаментальными юридическими понятиями, среди которых особо стоит обозначить термин «ответственность». Ответственность является одной из основных фундаментальных и в то же время спорных правовых категорий в юриспруденции в связи со стремлением ученых-правоведов четко описать один из наиболее эффективных механизмов обеспечения правового поведения субъектов права.

Исследованию вопросов ответственности в трудовом праве было посвящено немало научных публикаций, однако комплексных исследований, посвященных теоретическим вопросам ответственности в трудовом праве, не проводилось. Отдельные виды ответственности в трудовом праве (дисциплинарной и материальной) освещались такими белорусскими учеными, как А. А. Греченков, С. Л. Жвиридовская, Е. А. Ковалева, И. А. Комоцкая, В. И. Кривой, О. Н. Людвикевич, Т. М. Петоченко, Н. И. Тарасевич, К. Л. Томашевский, Е. В. Чичина и другие.

На современном этапе науки теоретико-прикладные аспекты ответственности в трудовом праве нуждаются в переосмыслении и выработке предложений по совершенствованию национального законодательства в части ответственности участников трудовых правоотношений.

Формирование и развитие научных представлений и понятий юридической ответственности осуществляется по мере развития отраслевого законодательства и, как следствие, научной мысли в отношении данной правовой категории.

Трудно не согласиться с А. М. Куренным в том, что «юридическая ответственность является неотъемлемым элементом правовой системы, частью механизма реализации прав и обязанностей субъектов правовых отношений, одной из важнейших гарантий реализации этих прав и обязанностей» [4, с. 181].

Для определения ответственности в сфере трудового права в литературе, как правило, используются обобщающие понятия «ответственность за нарушения законодательства о труде», «ответственность в трудовом праве», «трудовая

ответственность», «трудоправовая ответственность», «ответственность в сфере трудовых отношений», при этом некоторые авторы называют ее «дисциплинарно-материальной ответственностью» [7, с. 194]. В 1990-х годах украинский ученый В. С. Венедиктов в своей работе «Теоретические проблемы юридической ответственности в трудовом праве» сформулировал определение термина «трудовая юридическая ответственность» [2], который ранее в юридической литературе не употреблялся. А. М. Лушников сформулировал концепцию трудоправовой ответственности [6, с. 31], согласно которой она понимается как «обобщающая отраслевая категория, объединяющая дисциплинарную, материальную и иные виды ответственности в сфере труда» [9, с. 1395].

А. В. Гребенщиков употребляет словосочетание «ответственность в трудовом праве», под которым понимает «обязанность лица – участника трудовых и связанных с ними отношений претерпеть неблагоприятные последствия личностного, организационного или имущественного характера за совершение действий или бездействий, причинившие вред другому субъекту данных отношений» [11, с. 518], Е. Б. Хохлов определяет «юридическую ответственность по трудовому праву» [8, с. 419] как обязанность субъекта трудового права, совершившего трудовое правонарушение, подвергнуться взысканию, предусмотренному санкцией соответствующей правовой нормы.

К. Л. Томашевский использует термин «трудоправовая ответственность (то есть ответственность по нормам трудового права)» [10, с. 373], а Е. В. Чичина, исследуя дисциплинарную ответственность, отмечает, что «долгое время в науке формировалось представление о дисциплинарной ответственности как о трудоправовой ответственности» [13, с. 40].

На наш взгляд, возникновение термина «трудоправовая ответственность» объясняется тем, что ответственность в трудовом праве возникает в области трудовых отношений в связи с нарушением прав и неисполнением обязанностей сторонами трудового договора и выражается в объединении дисциплинарной и материальной ответственности родовым понятием «трудоправовая ответственность». Все вышеперечисленные наименования ответственности являются синонимами (кроме ответственности за нарушение законодательства о труде, поскольку включает в себя все виды юридической ответственности), в связи с чем считаем целесообразным использовать термин «ответственность в трудовом праве» для единого обозначения дисциплинарной и материальной ответственности.

В последнее время наметились тенденции обособления отраслевых ответственностей (в качестве отдельных видов юридической ответственности), что в научных кругах часто встречается острой и обоснованной критикой. Такой критике поддаются и фрагментарные попытки ряда юристов обосновать подход к трудоправовой ответственности (ответственности в трудовом праве) как к отраслевой ответственности в трудовом праве [3, с. 38]. Ю. С. Черепанцева приходит к выводу, что идея существования самостоятельной трудоправовой ответственности разделяется немногочисленной группой представителей трудового права [12, с. 100], которые полагают целесообразным выделение в трудовом праве самостоятельной отраслевой категории ответственности, имеющей сложную юридическую природу и являющейся универсальной в данной отрасли права [9, с.

1396], и отмечают, что это «не самостоятельные виды ответственности (дисциплинарная и материальная – автор), а разновидности трудовой» [5, с. 25].

Считаем нецелесообразной и необоснованной возможность выделения автономной трудоправовой ответственности в отдельный вид юридической ответственности, поскольку трудоправовая ответственность (ответственность в трудовом праве) является собирательным термином по отношению к дисциплинарной и материальной ответственности, которые являются самостоятельными видами юридической ответственности.

Отсутствие единого понимания сущности и содержания термина «юридическая ответственность» обусловлена многоаспектностью данной правовой категории, которая проявляется именно в различных подходах ее применения и, соответственно, понимания. С. Н. Братусь, говоря о теоретических попытках сконструировать общее понятие юридической ответственности для всех отраслей права, отмечал, что это может привести к положительному результату «…лишь в том случае, если эта категория отразит то общее, что свойственно ответственности как реакции на любое правонарушение, независимо от того, в какую отрасль права входит нарушенное правоотношение» [1, с. 35].

Ответственность в трудовом праве следует рассматривать как обособленную систему правовых норм, направленную на решение социальной задачи законодательства о труде, то есть на защиту прав и законных интересов сторон трудового договора. На наш взгляд, ответственность в трудовом праве возникает как результат конкретного правоотношения, реализуется в рамках уже существующего трудового правоотношения или становится отношением, тесно связанным с трудовым. Обязанность возместить вред или претерпеть неблагоприятные последствия является дополнительной по отношению к обязанности надлежащим образом исполнять свои трудовые функции, соответственно обязанность возмещения или претерпевания неблагоприятных последствий является опосредованной, носит второстепенный характер. Полагаем, что под ответственностью в трудовом праве следует понимать юридическую обязанность лица, допустившего совершение трудового правонарушения, претерпеть неблагоприятные последствия личного, имущественного или организационного характера.

Исследовав разные позиции относительно природы и содержания юридической ответственности, мы приходим к выводу, что данная категория, являясь общей для всех отраслей права, приобретает специфические черты с учетом используемого метода правового регулирования, а также условий ее наступления.

Поддерживая позицию о нецелесообразности выделения ответственности в трудовом праве (трудоправовой ответственности) в самостоятельный вид юридической ответственности, предлагаем рассматривать ее в широком смысле, как обособленную систему правовых норм, направленную на решение социальной задачи законодательства о труде, то есть на установление и защиту взаимных прав и обязанностей сторон трудового договора с помощью применения дисциплинарной и материальной ответственности. В узком значении, под ответственностью в трудовом праве следует понимать применение к лицу, совершившему трудовое правонарушение, неблагоприятных последствий личного, имущественного или организационного характера в установленном законодательством порядке.

Правильное разрешение теоретических проблем юридической ответственности, включая уточнение понятийно-категориального аппарата, на основе исследования современных учений об ответственности, позволит глубже оценить ее сущность, внести весомый вклад в развитие науки трудового права, что, позитивно скажется на состоянии законности в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Братусь С. Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 27–35.

2. Венедиктов В. С. Теоретические проблемы юридической ответственности в трудовом праве. Харьков : Консум, 1996. 136 с.

3. Гладкий В. В. Проблемы универсального понимания термина «юридическая ответственность»: исторический контекст // Актуальные научные исследования в современном мире: сб. науч. трудов XXIV Междунар. научн. конф., (Переяслав-Хмельницкий, 26–27 апр. 2017 г.). / Переяслав-Хмельницкий. Вып. 4 (24), ч. 9. Переяслав-Хмельницкий, 2017. С. 37–52.

4. Куренной А. М. Трудовое право: на пути к рынку / А. М. Куренной. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Дело, 1997. 364 с.

5. Липинский Д. А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. 2004. № 12. С. 22–30.

6. Лушников А. М. Проблемы общей части российского трудового права: научное наследие, современное состояние и перспективы исследований : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.05. М., 2004. 39 с.

7. Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. Санкт-Петербург : Юридический центр пресс, 2006. 938 с.

8. Маврин С. П. Трудовое право России: учебник / С. П. Маврина, М. В. Филиппова, Е. Б. Хохлов. СПб. : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, изд-во юрид. факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 448 с.

9. Савин В. Т. Проблемы концепции трудоправовой ответственности сторон трудового договора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1395–1403.

10. Томашеский К. Л. Трудовое право: учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по юридическим специальностям / К. Л. Томашевский, Е. А. Волк. 4 изд., испр. и доп. Минск : Амалфея, 2022. 519 с.

11. Трудовое право Росии : учебник / под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. 2-е изд., перераб и доп. Москва : Норма, 2008. 656 с.

11. Трудовое право России : учебник / / под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. 2-е изд., перераб и доп. Москва : Норма, 2008. 656 с.

12. Черепанцева Ю. С. Концепция ответственности в трудовом праве и ее отражение в нормах российского и зарубежного трудового законодательства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2020. № 3. С. 99–102.

13. Чичина Е. В. Специальное правовое регулирование дисциплинарной ответственности отдельных категорий работников // Теоретико-прикладные аспекты ответственности в трудовом праве и праве социального обеспечения в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь / А. Г. Апенок и др.; под ред. И. А. Комоцкой, Т. М. Петоченко. Минск : ИВЦ Минфина, 2021. 343 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В. П. Сухопаров

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, viktar19sv@gmail.com

В статье актуализируется проблематика видов объектов информационных правоотношений в сети Интернет. Указанные объекты выявляются на основе анализа норм информационного законодательства Республики Беларусь, теоретических положений, а также учета инфраструктуры глобальной компьютерной сети. Подчеркивается влияние информационно-технологических сторон на вариативность видов объектов интернет-отношений.

Ключевые слова: объекты информационных правоотношений; Интернет; инфраструктура сети Интернет; правоотношения.

THE ISSUE OF OBJECTS OF INFORMATION LEGAL RELATIONS ON THE INTERNET

V. P. Sukhoparov

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, viktar19sv@gmail.com

The issue of kinds of information legal relations objects on Internet is studied in the present article. Such objects were revealed by the author due to analyses of rules of information law of the Republic of Belarus, theoretical provisions as well as to analyses of infrastructure of the worldwide network. Influence of IT aspects on kinds of internet relations objects and their terms (signs) was underlined.

Keywords: objects of information legal relations; Internet; infrastructure of Internet; legal relations.

Повсеместное использование глобальной компьютерной сети Интернет в информационных целях, размещение в данной сети информационных систем и ресурсов, глобальное распространение массовой информации в Интернете, содействие развитию правовых систем при помощи глобальной компьютерной сети, взаимодействие государственных органов с гражданами через данную сеть и другие формы использования сети Интернет в рамках информационно-правового взаимодействия обусловливают актуальность теоретико-правового и прикладного исследования информационных правоотношений в сети Интернет. Информационным правоотношениям в отечественной юридической литературе посвящены труды, в частности, ученых: члена-корреспондента НАН Беларуси, профессора Г. А. Василевича и М. С. Абламейко [1], Т. М. Киселёвой [5], Е. В.

Семашко [7], Т. З. Шалаевой [9] и др. Однако теоретические положения об информационных правоотношениях в сети Интернет, являющихся видом информационных правоотношений, нуждаются в развитии и конкретизации. На наш взгляд, на данную потребность, inter alia, оказывает существенное влияние уровень развития концепции интернет-права, которая в большей степени развита за рубежом.

Объектный элемент структуры информационного правоотношения в сети Интернет представляется важным (наряду с иными структурными элементами) для изучения в информационном праве, поскольку, во-первых, объекты информационных правоотношений в сети Интернет указывают на отраслевую принадлежность регулирования данных правоотношений. Во-вторых, рассматриваемые объекты подчеркивают возможность регулирования общественных отношений информационным правом (при их наличии в отношениях) и тем самым содействуют совершенствованию информационно-правовых норм. Также уточнение видов объектов информационных правоотношений и их специфики способствует пониманию пределов информационно-правового регулирования в общей системе регуляции общественных отношений, осложненных информационно-технологическим и техническим элементами.

Как писал известный белорусский правовед, профессор С. Г. Дробязко, правоотношения «реально возникают не только на основе норм, но и принципов права, его сущности»; правоотношения могут возникать на основе применения аналогии закона и аналогии права, следовательно, не все из них предусмотрены правовыми нормами [3, с. 3]. Исходя из данного тезиса следует, что объекты информационных правоотношений в сети Интернет могут быть выявлены на основе норм информационного права, однако виды и специфика объектов соответствующих отношений в сети Интернет могут быть шире, чем это предусмотрено информационно-правовыми нормами. На данное обстоятельство также оказывают влияние информационно-технологические стороны рассматриваемых правоотношений.

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 1) перечисляет такие объекты информационных правоотношений, как, в частности, информационная сеть, информационная система, информационная технология, информационная услуга, информационный ресурс, информация. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (ст. 1) определяет следующие правовые категории: интернет-ресурс, массовая информация, сетевое издание и др., которые могут быть отнесены к объектам информационных правоотношений. В п. 8 главы 3 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № I, определяются следующие правовые категории: информационная безопасность, информационная инфраструктура, информационный суверенитет, суверенитет данных, кибербезопасность и др. На наш взгляд, перечисленные объекты относятся к объектам информационных правоотношений в сети Интернет, поскольку:

– могут иметь в данной сети непосредственное выражение;

– на их реализацию либо защиту могут быть направлены интересы субъектов информационного права, реализуемые посредством Интернет;

– информационные правоотношения в сети Интернет могут возникать по поводу указанных объектов;

– а также данные объекты могут быть включены в структуру информационных правоотношений в сети Интернет либо обеспечивать их реализацию в пределах юрисдикции Республики Беларусь (к примеру, в случае распространения информационного суверенитета Республики Беларусь на соответствующее информационное правоотношение в сети Интернет).

Отнесение рассматриваемых объектов к объектам информационных правоотношений в сети Интернет подтверждается сущностью данных объектов, а также общими свойствами объектов правоотношений.

Как отмечал С. Г. Дробязко, «в правовых отношениях свобода личности представляет собой сознательный выбор обусловленного в конечном счете объективно необходимыми обстоятельствами варианта поведения в реализации определенного интереса, не противоречащего праву» [3, с. 4]. По сути, ученым велась речь о направленности правоотношений и интересов их участников на объекты правовых отношений и их достижение, что соответствует уточненным нами признакам объектов информационных правоотношений в сети Интернет.

Е. В. Семашко среди объектов информационных правоотношений выделяет следующие: информация, «имеющая самые различные виды и формы своего существования», технологии, процессы, средства массовой информации (однако правовая природа последних вызывает научные дискуссии) и др. [7, с. 292]. Помимо этого, ученый-юрист классифицирует объекты информационных правоотношений по следующим группам: материальные блага (технологии, информационные ресурсы и др.); нематериальные блага (персональные данные, тайна переписки и т.п.); «действия, включая поведение субъектов и результат этого поведения»; «состояния, которых субъекты желают достичь (создание объектов информатизации, информационных технологий, обеспечение доступа к информации, защита информации и др.)» [7, с. 295].

Приведенные виды объектов информационных правоотношений пересекаются с выявленными видами объектов информационных правоотношений в сети Интернет согласно законодательству Республики Беларусь и их отнесение к последним напрямую зависит от возможности выражения в Интернет. Вместе с тем предложенная Е. В. Семашко классификация объектов информационных правоотношений подтверждает отнесение к объектам информационных правоотношений в сети Интернет таких объектов, как информационная безопасность, информационный суверенитет, кибербезопасность, поскольку данные категории отражают состояния, а также действия уполномоченных субъектов и их результаты.

Российский профессор И. Ю. Никодимов непосредственно выделяет следующие объекты информационных отношений в Интернет: программно-технические комплексы, информационные системы, ИКТ, средства связи и телекоммуникаций по обеспечению информационных процессов, информация,

информационные ресурсы, информационные продукты, информационные услуги, доменные имена, информационные права и свободы, интересы личности, общества, государства в информационной сфере, информационная целостность, информационный суверенитет государства, информационная безопасность [6, с. 111]. Профессор подчеркивает, что информационные объекты в Интернете обладают отличительной особенностью: «представляются в виртуальной форме», – что отличает информационные правоотношения в сети Интернет от других информационных правоотношений, возникающих по поводу объектов «на материальных, жестких носителях» [6, с. 111].

Как видим, объекты информационных правоотношений в сети Интернет могут быть дополнены, в частности, доменными именами. Как отмечает Т. В. Семёнова, доменные имена или домены выражают «буквенный способ персонификации» владельцев информационных ресурсов сети Интернет [8, с. 188–189]. Доменные имена используются для поименованного обращения к интернет-ресурсу владельца домена [4]. Таким образом, доменное имя содействует реализации информационных прав и обязанностей в сети Интернет, а, значит, является объектом соответствующих информационных правоотношений.

С учетом информационно-технологической осложненности информационных правоотношений в сети Интернет их объекты могут быть выявлены не только на основе действующего законодательства, но и с учетом анализа инфраструктуры глобальной компьютерной сети.

J. Boyle, характеризуя общие начала и слои сети Интернет, пишет об отдельных процессах, проходящих в данной сети и указывающих на элементы ее инфраструктуры и объекты интернет-отношений [10, с. 36–38]. Как отмечает J. Boyle, общими в сети Интернет являются протоколы, при помощи которых и функционирует глобальная компьютерная сеть. Основное назначение TCP/IP протоколов заключается в подтверждении факта достижения отправленных символов и кодов надлежащего «места» в надлежащем порядке. Данные протоколы не подлежат контролю со стороны и не выступают объектом собственности, в том числе интеллектуальной [10, с. 37]. Ученый также подчеркивает, что операторы одного слоя не могут подвергать «дискриминации» интернет-ресурсы и контент одного ИТ-типа. «Видео- и аудиообъекты в потоках сети Интернет должны обрабатываться по-иному, нежели текстовые объекты», однако интернет-провайдер не может предоставлять приоритет одним интернет-ресурсам в противовес другим (к примеру, видео YouTube не могут отправляться интернет-пользователям вдвое быстрее видеозаписей компаний-конкурентов владельца YouTube) в силу нейтральности глобальной компьютерной сети [10, с. 37–38].

Ряд английских ученых и исследователей отмечают, что «основная инфраструктура Интернет преимущественно состоит из маршрутизаторов (компьютеры, предназначенные для приема и пересылки пакетов данных), хостингов (которые хранят программы и данные) и каналов (телекоммуникационные соединения, которые объединяют маршрутизаторов и хостинги вместе)» [11, с. 5].

Исходя из представленных положений об инфраструктурных элементах и процессах в глобальной компьютерной сети, перечень объектов

информационных правоотношений в сети Интернет может быть уточнен протоколами (TCP/IP), контентом интернет-ресурсов (видео-, аудиообъекты, информация и т.п.), услугами хостингов, телекоммуникационными соединениями. Однако уточненные категории подпадают под уже рассмотренные нами и отраженные в законодательстве и юридической доктрине объекты информационных правоотношений в сети Интернет. В широком понимании это такие объекты, как информация, информационные услуги, информационные технологии, объекты интеллектуальной собственности и т. п. Как видим, информационно-технологические стороны функционирования глобальной компьютерной сети более конкретно обозначают объекты информационных правоотношений в сети Интернет и их наименования могут отличаться от предусмотренных законодательством правовых категорий. В таких случаях должны учитываться признаки и сущность рассматриваемых объектов правоотношений в сети Интернет.

Проблематика объектов информационных правоотношений в сети Интернет заключается также в том, что помимо объектов, выражающихся в данной сети, в качестве объекта рассматриваемых правоотношений может выступать сеть Интернет. Это касается случаев, когда данные правоотношения возникают не по поводу какого-либо объекта в Интернете, а по поводу самой сети Интернет (к примеру, при подключении абонентов к Интернет, при ограничении доступа к сети). Данное обстоятельство связано с тем, что к субъектам информационных правоотношений в сети Интернет относится, в частности, интернет-провайдер, деятельность которого связана с подключением к Интернет, а не с взаимодействием в нем [2, с. 149–150]. Также некоторой спецификой обладают информационные правоотношения с участием хостинг-провайдеров по обеспечению размещения содержания веб-страниц на интернет-ресурсах. По сути, данное правоотношение в некотором смысле предшествует непосредственному распространению информации в сети Интернет, обеспечивает данное распространение. Как видим, информационно-технологические стороны обусловливают специфику реализации информационных правоотношений в сети Интернет и определения его объектов. Однако отметим, что, на наш взгляд, информационные правоотношения в сети Интернет либо по поводу нее не должны разграничиваться, тем более в рамках информационного права, поскольку сеть Интернет и широкий ряд выражаемых в ней объектов относятся к объектам информационно-правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. Абламейко М. С., Василевич Г. А. Подготовка и принятие Информационного кодекса Республики Беларусь – настоятельная потребность времени // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 3. 2012. № 2. С. 98–102.

2. Архипов В. В. Интернет-право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2016. 249 с.

3. Дробязко С. Г. Теоретические проблемы свободы личности и субъективных прав в правовых отношениях // Теория и практика реализации субъективных прав

физических и юридических лиц : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 6–7 дек. 2001 г.) / Белорус. гос. ун-т, И. Н. Колядко (отв. ред.). Минск, 2003. С. 3–5.

4. Инструкция о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ.Беларусь, 18 июня 2010 г., № 47 [Электронный ресурс] : в ред. приказа Оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь от 25.08.2021 г., № 138 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Киселёва Т. М. Конституционные обязанности государства и граждан в сфере информационных правоотношений. Минск : Право и экономика, 2017.

6. Никодимов И. Ю. Современные проблемы теории информационного права // Вестн. Москов. гос. лингв. ун-та. Образование и педагог. науки. 2016. Вып. 2 (766). С. 105–117.

7. Семашко Е. В. Средство массовой информации в структуре информационного правоотношения // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) и др. Минск, 2021. Вып. 16. С. 291–298.

8. Семёнова Т. В. Правовая природа и сущность отношений, связанных с использованием доменных имен // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. 2015. № 5. С. 187–191.

9. Шалаева Т. З. Информационно-правовые нормы и информационно-правовые отношения. Субъекты информационного права // Информационное право : учебник / Г. А. Василевич и др. ; под общ. ред. Г.А. Василевича, Д. А. Плетенёва. Минск, 2015. С. 85–123.

10. Boyle J. Is the Internet Over?! (Again?) // Duke Law & Technology Review. – 2019. – Vol. 18. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=dltr (date of access : 31.08.2022).

11. Internet Law and Regulation / G. J. H. Smith et al. 4th ed. London : Sweet & Maxwell, 2007. 1296 p.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИНЦИПА ИСЧЕРПАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. С. Занько

Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, zanko_evgeniy@mail.ru

Автором анализируется история развития законодательства Республики Беларусь об исчерпании исключительного права на товарный знак. Особое внимание уделяется принципам исчерпания исключительного права на товарный знак. Подчеркивается целесообразность применения международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в Республике Беларусь в отношении отдельных видов товаров.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; товарный знак; исключительные права; принципы исчерпания исключительных прав.

APPLICATION OF THE INTERNATIONAL PRINCIPLE OF EXHAUST OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E. S. Zanko

Belarusian State Economic University, Partizanski Av., 26, 220070, Minsk, Belarus, zanko_evgeniy@mail.ru

The author analyzes the history of the development of the legislation of the Republic of Belarus on the exhaustion of the exclusive right to a trademark. Particular attention is paid to the principles of exhaustion of the exclusive right to a trademark. The expediency of applying the international principle of exhaustion of the exclusive right to a trademark in the Republic of Belarus in relation to certain types of goods is emphasized.

Keywords: intellectual property; trademark; exclusive rights; principles of exhaustion of exclusive rights.

Доктрина исчерпания исключительных прав включает в себя три принципа исчерпания: национальный, региональный и международный. Все страны мира вправе самостоятельно определять принцип исчерпания исключительных прав, исходя из экономических, социальных и иных интересов.

Тем не менее в международной практике уже выработаны определенные тенденции по выбору государствами того или иного принципа исчерпания исключительных прав. Страны, ориентированные на увеличение инвестиционной привлекательности, поддержку и защиту отечественных производителей, уменьшение количества контрафакта на рынке, как правило, применяют национальный принцип исчерпания исключительных прав. Государства-члены международных организаций (союзов) в целях глубокой экономической интеграции, повышения конкурентоспособности национальных экономик, обеспечения дополнительной инвестиционной привлекательности рынка международной организации (союза), используют региональный принцип исчерпания. Международный принцип исчерпания исключительных прав законодательно закрепляют страны, которые ориентированы на разнообразие товаров и услуг внутри страны, а также снижение их стоимости; страны не препятствуют параллельному импорту.

В настоящее время одним из самых актуальных вопросов экономики Республики Беларусь является определение наиболее экономически эффективного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак.

В Республике Беларусь три раза вносились изменения в законодательство, регулирующее исчерпание исключительного права на товарный знак, и в разные периоды времени применялись различные принципы исчерпания.

Впервые положения об исчерпании исключительного права на товарный знак в законодательстве Республики Беларусь появилась с принятием в 1993 году Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках Беларуси), исходя из нормы п. 2 ст. 5 которого можно сделать вывод о том, что белорусский законодатель закрепил национальный

принцип исчерпания исключительного права на товарный знак [7]. Отметим, что новая редакция Закона о товарных знаках Беларуси (от 27.10.2000) сохранила национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак.

Изменения принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в Беларуси связаны с интеграционными процессами на постсоветском пространстве. В 2012 году Республика Беларусь привела национальное законодательство в соответствие с Соглашением о единых принципах регулирования в сфере защиты интеллектуальной собственности, подписанным правительствами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерацией в рамках Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза: в белорусском законодательстве закреплен региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак [8].

Следующее изменение законодательства Республики Беларусь, регулирующее исчерпание исключительного права на товарный знак, связано с подписанием 29 мая 2014 года Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), приложение 26 которого предусматривает норму о том, что на территориях государств-членов Союза действует региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак [5]. В связи с этим белорусский законодатель внес соответствующие изменения в Закон о товарных знаках Беларуси (региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак сохранен).

Нередко в рамках Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), а также на правительственном уровне обсуждается вопрос о переходе государств-членов ЕАЭС с регионального на международный принцип исчерпания исключительно права на товарный знак. В Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрена реализация комплекса мер, направленных на защиту прав параллельных импортеров при ввозе на территорию Российской Федерации оригинальной продукции, в виде содействия «введению в Российской Федерации и ЕАЭС международного принципа исчерпания прав на товарные знаки», а также формирования «правовых подходов по оценке недобросовестности правообладателей при реализации и защите интеллектуальных прав в отношении «параллельных импортеров» [9].

Вопрос об изменении принципа исчерпания исключительного права на товарный знак был рассмотрен ЕЭК в 2017 году. Распоряжением ЕЭК от 24 апреля 2017 года № 30 одобрен проект Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС, который предполагает внесение дополнений в п. 16 Протокола Договора о ЕАЭС, а именно: Евразийский межправительственный совет может временно устанавливать в отношении отдельных видов товаров применение международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза [6]. Первоначально это дополнение не получило поддержки большинства государств-членов ЕАЭС, однако уже в 2019 году государства-члены ЕАЭС, кроме Республики Беларусь, изменения согласовали [3]. Отметим, что на настоящее время рассматриваемые изменения так и не приняты.

Вопросы о применении международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак и о легализации параллельного импорта в

Республике Беларусь получили активное обсуждение после вступления в силу постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 года № 506, которое фактически установило действие международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак на территории Российской Федерации в отношении определенного перечня товаров (групп товаров), что позволило легализовать параллельный импорт в Российской Федерации. Так, в настоящее время в целях недопущения дефицита товаров импортного производства и насыщения потребительского рынка в Республике Беларусь разрабатывается проект законодательного акта, предусматривающего легализацию параллельного импорта [2]. Первый заместитель Премьер-министра Республики Беларусь Н. Г. Снопков, выступая 25 мая 2022 года на совместном заседание Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, сообщил парламентариям о том, что в настоящее время в Республике Беларусь действительно «отрабатываются вопросы параллельного импорта» в целях поиска альтернативных поставщиков [1]. Более того, легализация параллельного импорта предусмотрена программой действий по стабилизации цен, совершенствованию методологии ценообразования и контроля за соблюдением законодательства о ценообразовании на 2022 год [10].

Несомненно, легализация параллельного импорта в отношении отдельных видов товаров в Республике Беларусь будет способствовать насыщению внутреннего рынка товарами, позволит предприятиям избежать остановки производства, а населению – не остаться без привычной продукции. Так, за период действия (с мая по август 2022 года) механизмов параллельного импорта в Российской Федерации объем ввоза товаров в Россию составил 6,5 млрд долларов США и по оценкам Министерства промышленности и торговли Российской Федерации к концу 2022 года этот показатель может составить 16 млрд долларов США [4]. При этом, согласно результатам опроса аналитического центра университета «Синергия», проведенного в России в начале августа 2022 года, 27% опрошенных граждан заметили появление товаров, ввезенных в страну с помощью механизмов параллельного импорта, причем 11% из них уже приобрели такие товары [11].

Однако легализация параллельного импорта включает в себя и риски для Республики Беларусь, к которым можно отнести возможное увеличение контрафактной продукции, а также проблемы с гарантийным обслуживанием. Некоторые товары, ввезенные с помощью механизмов параллельного импорта, могут быть не предназначены для белорусского рынка (отсутствие специального программного обеспечения, необходимого интерфейса и утилит, отсутствие возможности поддержки SIM-карты соответствующего оператора и др.). Согласно статистике около 35% граждан России опасаются рисков, сопряженных с покупкой товаров, ввезенных с помощью механизмов параллельного импорта [11]. Кроме того, за счет дополнительных затрат, связанных с осуществлением механизмов параллельного импорта (логистика, посредники и др.), увеличится стоимость соответствующих товаров. Стоит учитывать и то, что ошибочные решения и неправильно выстроенные механизмы параллельного импорта могут поставить белорусских производителей в трудное финансовое положение, а также снизить инвестиционную привлекательность страны.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что каждый из основных принципов исчерпания исключительного права на товарный знак имеет свои положительные и отрицательные стороны. В свою очередь, проблема исчерпания исключительного права на товарный знак является непростой, что и подтверждается неопределенностью государств в выборе того или иного принципа исчерпания, а также противоречивым правовым регулированием и зачастую спорной судебной практикой. Считаем, что в настоящее время наиболее целесообразным для Республики Беларусь станет применение международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в отношении строго определенных видов товаров, импортозамещение которых невозможно или экономически затруднительно. Подчеркнем и то, что переходу к международному принципу исчерпания исключительного права на товарный знак должно предшествовать комплексное осмысление белорусским законодателем целей такого перехода, а также прогнозирование последствий для общества и государства.

Библиографические ссылки

1. 25 мая 2022 года состоялось совместное заседание Палаты представителей и Совета Республики для вопросов депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики и ответов Правительства Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: http://house.gov.by (дата обращения: 04.09.2022.

2. В Беларуси легализуют «параллельный импорт» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Белорусского телеграфного агентства. URL: https://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-legalizujut-parallelnyj-import-505975-2022 (дата обращения: 04.09.2022).

3. В ЕЭК продолжат рассмотрение вопроса «параллельного» импорта [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/pages/21-03-2019-2V.aspx (дата обращения: 22.01.2022).

4. Денис Мантуров: тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/interview/856544 (дата обращения: 04.09.2022).

5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

6. О проекте Протокола о внесении изменений в Договор о Евразийской экономическом союзе от 29 марта 2014 года [Электронный ресурс] : распоряжение Евразийской экономической комиссии, 24 апр. 2017 г., № 30 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://clck.ru/anb8a (дата обращения: 22.01.2022).

7. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-XII // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

8. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [заключено в г. Москве 09.12.2010 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

9. Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : протокол Президиума

ФАС России, 3 июля 2019 г., № 6 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

10. Утверждена программа по стабилизации цен и контролю за ценообразованием [Электронный ресурс] // Официальный сайт Белорусского телеграфного агентства. URL: https://www.belta.by/economics/view/utverzhdena-programma-po-stabilizatsii-tsen-i-kontrolju-za tsenoobrazovaniem-511888-2022 (дата обращения: 04.09.2022).

11. Фролова М. Набирая обороты: каждый десятый россиянин купил товары по схеме «параллельного импорта» [Электронный ресурс] // Официальный сайт газеты «Известия». URL: https://iz.ru/1378959/mariia-frolova/nabiraia-oboroty-kazhdyi-desiatyi-rossiianin-kupil-tovary-po-skheme-parallelnogo-importa (дата обращения: 04.09.2022).

СПЕЦИФИКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ УЧАСТИИ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ

М. О. Карпенко

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, ул. Аткарская, 68, 410005, г. Саратов, Российская Федерация, advokat.karpenko@rambler.ru

В настоящей статье поднимается проблема предоставления, исследования и оценки доказательств, предоставляемых сторонами и иными участниками судебного разбирательства, участвующими посредством системы веб-конференции, поскольку само участие подразумевает дистанционный характер отношений и исключает возможность суда «на месте» определить достоверность, допустимость, достаточность и относимость данных доказательств. Тем самым, от того, каким образом данные доказательства будут оформлены и в дальнейшем предоставлены, будет зависеть мнение суда о принятии либо об отказе в принятии доказательств, что существенно повлияет на итоговое решение по существу спора.

Ключевые слова: гражданский процесс; система веб-конференции; доказательство; цифровизация.

THE SPECIFICS OF PROVIDING, RESEARCHING AND EVALUATING EVIDENCE WHEN PARTICIPATING IN A COURT HEARING USING A WEB CONFERENCE SYSTEM

M. O. Karpenko

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, 68 Atkarskaya Street, 410005, Saratov, Russian Federation, advokat.karpenko@rambler.ru

This article raises the problem of providing, researching and evaluating the evidence provided by the parties and other participants in the proceedings participating through the web

conference system, since the participation itself implies the remote nature of the relationship and excludes the possibility of the court “on the spot” to determine the reliability, admissibility, sufficiency and relevance evidence data. Thus, the opinion of the court on accepting or refusing to accept evidence will depend on how this evidence is drawn up and subsequently provided, which will significantly affect the final decision on the merits of the dispute.

Keywords: civil process; web conference system; proof; digitalization.

Впервые о возможности применения технологии системы веб-конференции было упомянуто в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации (далее – РФ), Президиума Совета Судей РФ от 29.04.2020 №8221.

Данная система заключается в том, что участник судебного разбирательства имеет возможность принимать участие в заседании с использованием любых технических средств, позволяющих обеспечить доступ к процессу.

В п.5 постановлении Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета Судей РФ от 29.04.2020 №8221 указано, что для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

В соответствии со ст.55 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее ГПК РФ) доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей могут быть получены путем использования систем видеоконференцсвязи в порядке, установленном ст.155.1 ГПК РФ, либо путем использования системы веб-конференции в порядке, установленном ст.155.2 ГПК РФ. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда.

Согласно ч.1 ст.57 ГПК РФ доказательства представляются лицами, участвующими в деле. Копии документов, представленных в суд лицом, участвующим в деле, направляются или вручаются им другим лицам, участвующим в деле, если у них эти документы отсутствуют, в том числе в случае подачи в суд искового заявления и приложенных к нему документов в электронном виде.

В связи с чем, доказательствами при разрешении спора могут являться:

- объяснения сторон и третьих лиц;
- показания свидетелей;
- письменные и вещественные доказательства;
- аудио-, видеозаписи;
- заключение эксперта.

При этом следует обратить внимание, что процедура предоставления лишь нескольких видов доказательств (объяснение сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства) посредством системы веб-конференции нашла свое прямое закрепление в нормах гражданско-процессуального законодательства, а именно в ст.155.2 ГПК РФ.

Так, лица, участвующие в деле, и другие участники процесса допускаются к участию в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заранее заявленного ими ходатайства об этом и при наличии в суде технической возможности осуществления веб-конференции.

Установление личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, осуществляется с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия (например, посредством идентификации на портале ГАС «Правосудие» через учетную запись на портале «Госуслуги»).

О допуске к участию вышеперечисленных лиц в судебном заседании путем использования системы веб-конференции суд выносит соответствующее определение, в котором указывается время проведения судебного заседания. Указанным лицам заблаговременно направляется информация в электронном виде, необходимая для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции. Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса, участвующие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, вправе в ходе судебного заседания подавать в суд заявления, ходатайства и прилагаемые к ним документы в электронном виде. Суд, рассматривающий дело, берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение, которая представляется в суд в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Как указано в ст.178 ГПК РФ, свидетель при даче показаний может пользоваться письменными материалами в случаях, если показания связаны с какими-либо цифровыми или другими данными, которые трудно удержать в памяти. Эти материалы предъявляются суду, лицам, участвующим в деле, и могут быть приобщены к делу на основании определения суда. При этом, свидетелю, участвующему посредством системы веб-конференции, во исполнение положений ст.155.2 ГПК РФ необходимо заранее направить суду и участникам процесса письменные материалы, которыми он будет пользоваться во время судебного заседания с целью ознакомления с их содержанием. Если не соблюсти данную процедуру, то сведения, сообщенные, опираясь на данные письменные материалы, свидетелем не будут соответствовать тем требованиям, предъявляемым к доказательствам в соответствии со ст.55 ГПК РФ.

Однако, возникает вопрос, каким образом тогда предоставлять для исследования и оценки вещественные доказательства, аудио-, видеозаписи участникам судебного разбирательства посредством системы веб-конференции.

На мой взгляд, так же необходимо нормативное регламентирование данной процедуры, дополнив ст.155.2 ГПК РФ соответствующими положениями.

Так, в соответствии со ст.183 ГПК РФ вещественные доказательства осматриваются судом и предъявляются лицам, участвующим в деле, их представителям, а в необходимых случаях свидетелям, экспертам, специалистам. Лица, которым предъявлены вещественные доказательства, могут обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с осмотром. Эти заявления заносятся в протокол судебного заседания.

Согласно ч.2 ст.185 ГПК РФ воспроизведение аудио- или видеозаписи осуществляется в зале заседания или ином специально оборудованном для этой цели помещении с указанием в протоколе судебного заседания признаков воспроизводящих источников, доказательств и времени воспроизведения. После этого суд заслушивает объяснения лиц, участвующих в деле. При необходимости воспроизведение аудио- или видеозаписи может быть повторено полностью либо в какой-либо части.

В связи с этим у участника судебного разбирательства, находящегося в процессе с применением системы веб-конференции, должны быть идентифицированы системы аудио-, видеовоспроизведения, данные о которых необходимо внести в протокол судебного заседания.

В случае предполагаемого воспроизведения аудио-, видеофайла в судебном заседании для его участников было бы соответствующим нормам законодательства поведение инициатора такого воспроизведения, заключающееся в заранее направлении данных файлов, возможно с дублированием стенограммы, иным участникам с целью ознакомления с их содержанием и последующим выражении мнений уже в ходе самого судебного заседания.

В случае предоставления в судебное заседание вещественных доказательств стороне, инициировавшей такое предоставление необходимо максимально идентифицировать и описать данное доказательство. После чего данное описание направить посредством электронного документооборота иным участникам судебного разбирательства и в суд с целью последующего приобщения к материалам дела.

На основании вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что применение судами и участниками судебного разбирательства системы веб-конференции позитивно сказывается на соблюдении всех основополагающих принципов гражданского судопроизводства, в том числе таких как равноправие, состязательность и объективность.

Детальное регламентирование в законодательстве процедуры предоставления, оценки и исследования всех без исключения видов доказательств в рамках применения системы веб-конференции позволит участникам судебного разбирательства соблюсти все вышеперечисленные принципы, а суду принять объективно и законное решение. При этом будет исключен фактор ущемления каких-либо прав участников судебного разбирательства, в том числе находящихся за пределами места судопроизводства.

Библиографические ссылки

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

2. О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 №821 [Электронный ресурс] : постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации, 29 апр. 2020 г., №822 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

ВЛИЯНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

М. Г. Тхарёва

Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Беларусь, tharevamarina@gmail.com

В статье проводится краткий анализ становления законодательства о государственно-частном партнерстве. Исследуется понятие государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Предлагается дополнение в законодательство о выделении направления государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: государственная политика; государственно-частное партнерство.

IMPACT OF STATE POLICY IN THE FIELD OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

M. G. Tkhareva

Belarusian State University, 8 Leningradskaya Street, 220030, Minsk, Belarus, tharevamarina@gmail.com

The article provides a brief analysis of the formation of legislation on public-private partnership. The concept of state policy in the field of physical culture and sports is being studied. An addition to the legislation on the allocation of the direction of state policy in the field of physical culture and sports is proposed.

Keywords: public policy; public-private partnership.

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) – это сотрудничество государственного и частного секторов с целью реализации проекта или услуги, традиционно предоставляемой стороной государства. Преимущество ГЧП заключается в том, что наилучшее использование операционной эффективности частного сектора может повысить качество обслуживания населения и ускорить развитие инфраструктуры. Реализация масштабных проектов в разных секторах экономики нуждается в значительных инвестиционных ресурсах, мощным источником которых может стать частный бизнес.

Одним из первых кодифицированных нормативных правовых актов, содержащих нормы правового регулирования государственной поддержки инвестиционной деятельности, особенности осуществления инвестиционной деятельности на основе концессий, деятельность иностранных инвесторов и коммерческих организаций с иностранными инвестициями на территории Республики Беларусь, был Инвестиционный кодекс Республики Беларусь (далее – Инвестиционный кодекс), вступивший в силу в 2001 году. Основными направлениями Инвестиционного кодекса являлись стимулирование и поддержка инвестиционной деятельности, включая привлечение в Республику Беларусь иностранных инвесторов для развития и укрепления международного сотрудничества с гарантией защиты прав инвесторов на ее территории. Инвестиционные договоры заключались между сторонами в целях оказания государственной поддержки инвесторами при реализации экономически значимых инвестиционных проектов. Инвестиционное законодательство было направлено на стимулирование инвестиционной деятельности, в связи с чем национальные и иностранные инвесторы имели существенную государственную поддержку и гарантии от государства.

В настоящее время основным законодательным актом, содержащим положения по поводу правового регулирования взаимодействия государства и частных партнеров, является Закон Республики Беларусь от 30.12.2015г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон о ГЧП), который определяет правовые условия ГЧП и порядок заключения соглашений о ГЧП, а также направлен на привлечение в Республику Беларусь инвестиций. С принятием данного закона начали наиболее интенсивно развиваться инвестиционные отношения, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве между сторонами, поскольку данные правоотношения были более четко регламентированы законодательством.

Анализ указанного законодательства показывает наличие социальной направленности государства в сфере инвестиционной деятельности и в целом в отношениях ГЧП, что выражается в определении социальных условий инвестиционной деятельности и создании наиболее комфортных условий для инвесторов, в том числе иностранных, с целью социально-экономического развития нашей страны.

Согласно Закону о ГЧП под ГЧП понимается юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров в целях объединения ресурсов и распределения рисков, отвечающее целям, задачам и принципам, определенным Законом о ГЧП, осуществляемое в форме соглашения о ГЧП (абз. 4 ч. 1 ст. 1 Закона о ГЧП). Таким образом,

можно отметить, что правоотношения между государством и частными партнерами должны быть направлены на реализацию целей и задач ГЧП, среди которых отмечаются создание условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, повышение уровня жизни населения, развитие объектов инфраструктуры и др. (ч. 2 ст. 2 Закона о ГЧП). Обязательным является также и осуществление принципов ГЧП как руководящих положений, определяющих содержание норм Закона о ГЧП, включающих социальную направленность регулирования экономической деятельности, приоритет общественных интересов, эффективность проектов ГЧП. Указанные цели, задачи и принципы в полной мере отражают социальную направленность ГЧП.

Отдельные авторы отмечают, что социальная направленность ГЧП выражается в реализации частными партнерами социальной функции государства, отвечающей за формирование социальных институтов и в целом развития социальной сферы для обеспечения стабильности общества. Однако зачастую социальная направленность ГЧП ошибочно рассматривается в узком ее направлении и назначении, например, только как получение выгоды от создания инфраструктурного объекта, чаще в социальной сфере и (или) сфере удовлетворения социальных потребностей населения посредством предоставления государственных услуг и повышения их качества. Хотя рассматривать социальную направленность ГЧП следует в ином понимании, более широком, где при ее реализации повышается качество социальных, экологических и личных условий жизни граждан. В таком случае, как отмечает С. В. Маслова, потенциальные результаты ГЧП, обеспечивающие в том числе социальную ценность ГЧП, оцениваются намного скромнее, чем это имеет место в реальности [2, с. 954].

Новая редакция Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), вступившая в силу 15.03.2022 г., содержит внесенные нововведения, касающиеся ГЧП. Так, абз. 5 ст. 107 Конституции предусматривает в качестве одного из полномочий Правительства Республики Беларусь – обеспечение проведения единой экономической, финансовой, кредитной и денежной политики, государственной политики в области науки и инноваций, культуры, образования, здравоохранения, экологии, социального обеспечения и оплаты труда, государственно-частного партнерства.

На наш взгляд, предложение об определении в Конституции полномочий Правительства Республики Беларусь по обеспечению государственной политики в области ГЧП положительно повлияет на совершенствование его социальной направленности, ввиду чего со стороны государства будет разработано и направлено большее количество предложений по созданию и реализации социальных проектов во всех направлениях развития инфраструктуры с применением механизма ГЧП, включая физическую культуру и спорт. Указанное нововведение, полагаем, будет стимулировать частных партнеров к взаимному сотрудничеству с государством, поскольку на развитие ГЧП направлены внимание и контроль со стороны Правительства Республики Беларусь.

Государственная политика по своему содержанию представляет комплекс целей, задач, приоритетов, принципов, стратегических программ и плановых

мероприятий, разрабатываемых и реализуемых органами государственной власти с привлечением общественных объединений и организаций. Целенаправленная деятельность органов государственной власти является инструментом, с помощью которого государством достигаются конкретные цели в той или иной сфере, при использовании правовых, экономических, административных или иных методов и средств воздействия, при наличии имеющихся у него в распоряжении ресурсов [1, с. 6].

Одним из основополагающих направлений популяризации физической культуры и спорта среди населения в рамках реализации государственной политики является исполнение Государственной программы «Физическая культура и спорт», разрабатываемой на пять лет. Ее общей целью можно назвать интенсивное развитие сферы физической культуры и спорта с учетом приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь.

В настоящее время с 2021 года постепенно реализовываются мероприятия, запланированные Государственной программой «Физическая культура и спорт» на 2021 – 2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.01.2021 г. № 54 (далее – Программа). Она включает в себя нововведения по физкультурно-оздоровительной работе с населением. Исходя из целей и задач Программы планируется увеличение количества лиц, регулярно занимающихся спортом и физическими упражнениями, в общей численности населения (к 2025 году – не менее 26,8%); существенное обновление спортивной, физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой инфраструктуры (строительство, модернизация и реконструкция спортивных объектов); укрепление материально-технической базы государственных спортивных учреждений, проведение спортивно-массовых мероприятий, акций, конкурсов и др.

Для внедрения стратегических принципов развития ГЧП должно быть соответствующее законодательство и нормативное правовое обеспечение, что подтверждается действующим Законом о ГЧП. Последний, в свою очередь, в самой первой его редакции уже включал физическую культуру и спорт в качестве объектов инфраструктуры. В ст. 9 Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» (далее – Закон о спорте) дан широкий перечень направлений государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

В связи с положениями ст. 107 Конституции, заключающимся во включении в компетенцию Правительства Республики Беларусь обеспечения ГЧП, целесообразно дополнить перечень направлений государственной политики в сфере физической культуры и спорта.

Предлагаем в статье 9 Закона о спорте «Государственная политика в сфере физической культуры и спорта» дополнить часть 3 абзацем 13 следующего содержания: «реализация проектов государственно-частного партнерства в сфере физической культуры и спорта». Предложенное дополнение будет способствовать повышению роли физической культуры и спорта в формировании здорового образа жизни граждан, а также расширению возможностей для развития физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы.

Библиографические ссылки

1. Государственные процессы и институты в Республике Беларусь и современном мире: отчет о НИР (заключ.) / Бел. гос. ун-т ; рук. С. В. Решетников. Минск, 2015. 173 с. № ГР 20112192.

2. Маслова С. В. Развитие концепции государственно-частного партнерства в международно-правовой среде // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11, Вып. 4. С. 950–971.

НЕВИНОВНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА КАК УСЛОВИЕ ОПРОВЕРЖЕНИЯ ПРЕЗУМПЦИИ ЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Д. А. Зубрик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, dianazubrik@mail.ru

В данной статье рассматривается правовая природа невиновного причинения вреда как условие опровержения презумпции знания уголовного закона. Определяются случаи, при которых следует применять невиновное причинение вреда. Приводятся выводы относительно нормативного закрепления в уголовном законодательстве опровержения презумпции знания закона.

Ключевые слова: невиновное причинение вреда; презумпция знания закона; опровержение; уголовное законодательство; ответственность.

INNOCENT CAUSING HARM AS CONDITION OF REBUTTAL OF THE PRESUMPTION OF KNOWLEDGE OF THE CRIMINAL LAW

D. A. Zubrik

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko Street, 230023, Grodno, Belarus, dianazubrik@mail.ru

This article is discussed the legal nature of the innocent causing harm as a condition of rebuttal of the presumption of knowledge of the criminal law. The cases in which innocent causing harm is applied are determined. Conclusions are given regarding the normative fixing in the criminal legislation of the rebuttal of the presumption of knowledge of the law.

Keywords: the innocent causing harm; the presumption of knowledge of the criminal law; rebuttal; criminal law; liability.

Презумпцию знания уголовного закона можно определить как осознание лицом противоправности совершенного деяния и неотвратимости уголовной

ответственности. Более того, сама презумпция знания закона определяет, что никто не может быть освобожден от ответственности вследствие незнания. Однако статьей 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) регламентировано невиновное причинение вреда (случай). То есть законодатель закрепил возможность опровержения презумпции знания уголовного закона, но при определенных условиях. Из этого следует вопрос: можем ли мы говорить о том, что презумпция знания уголовного закона опровергается, при условии, что лицо не могло и не должно было осознавать общественную опасность совершенного деяния?

Невиновное причинение вреда имеет место тогда, когда лицо, совершившее деяние, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть [4]. Данное определение закрепляет те же основания, по котором можно опровергнуть презумпцию знания закона: 1) не осознавало и не должно было осознавать; 2) не предвидело и не должно было предвидеть.

Необходимо отметить, что как опровержимость презумпции знания уголовного закона, так и невиновное причинение вреда следует рассматривать в каждом отдельном случае и в зависимости от конкретных обстоятельств. Это объясняется тем, что не могут возникнуть две идентичные ситуации. Они могут быть схожими, но со своими индивидуальными признаками. Из этого следует, что статья 26 УК не может распространять свое действие на все возникшие ситуации. Каждый случай необходимо рассматривать самостоятельно и, соответственно, принимать решение на основе всех возникших признаках.

В своей работе С. В. Рахманин определяет, что признавать в качестве смягчающего или устраняющего ответственность обстоятельства незнание или заблуждение лица не является верным. Автор поясняет, что, если лицо нарушает закон, значит оно сознательно допускает, что совершает общественно опасное деяние. Более того, для того, чтобы незнание приобрело юридический характер, лицу необходимо предпринять достаточные действия для ознакомления с юридическими предписаниями, и лицо могло в полной мере соразмерять свои поступки с изученными юридическими предписаниями [3, с. 44]. По нашему мнению, закрепление незнания закона или заблуждения лица в качестве условия освобождения от ответственности может иметь место. Однако необходимо понимать, что лицо, совершившее противоправное деяние, должно самостоятельно предоставить доказательства, подтверждающие, что оно не могло и не должно было осознавать общественную опасность. Более того, такие доказательства должны быть достаточно вескими для того, чтобы можно было опровергнуть презумпцию знания закона. Это можно объяснить тем, что сейчас законодательные акты общедоступны и проводятся различные мероприятия по правовой безграмотности населения. Соответственно, ссылаться на то, что лицо не знало закон или заблуждалось относительно противоправности совершенного деяния,

так как своевременно не ознакомилось с нормативными правовыми актами, не является условием для опровержения.

Следует указать, что в случае, если невозможно полностью исключить ответственность вследствие незнания или заблуждения лица, то при определения уголовной ответственности может приниматься во внимание юридическая ошибка. В теории уголовного права под юридической ошибкой следует понимать неверное представление лица относительно оценки содеянного со стороны уголовного закона [2, с. 169]. То есть, при совершении конкретных действий лицо полагает, что такое деяние не относится к уголовно-наказуемому деянию. Также юридическая ошибка распространяет свое действие на те случаи, когда лицо полагало, что совершает общественно опасное деяние, однако, действующим уголовным законодательством совершенное деяние не относится к преступлениям. То есть, лицо считает, что совершенное деяние подлежит ответственности, соответственно, лицо попадает под действие презумпции знания закона, однако лицо не несет ответственность за совершенное деяние, так как в УК не предусмотрен такой состав преступления.

Но можем ли мы говорить о том, что презумпция знания уголовного закона опровергается, если лицо хотя и предвидело наступление общественно опасных последствий, но не могло их предотвратить в силу психоэмоциональной перегрузки?

Необходимо указать, что в российском уголовном законодательстве также присутствует статья о невиновном причинении вреда, однако также была закреплена норма, которая регламентирует следующее: лицо не подлежит ответственности, при условии, что, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но не могло их предотвратить в силу своего психоэмоционального состояния или нервно-психических перегрузок [5].

В своей работе А. В. Шеслер определяет, что норма права о психоэмоциональном состоянии лица достаточно уязвима. Автор объясняет это тем, что в данном случае речь идет не просто о психическом отношении лица к совершенному деянию, а о специфических психоэмоциональных особенностей лица в экстремальных ситуациях. Также автор считает необходимым ввести понятия «специальной вменяемости» и «специальной невменяемости». Такое введение позволит установить наличие или отсутствие признаков субъекта преступления у лиц, причиняющих вред в экстремальных ситуациях [6, с. 259].

На наш взгляд, положение о том, что лицо не подлежит ответственности вследствие того, что оно, хотя и предвидело наступление общественно опасных последствий, но не могло предотвратить в силу своих психоэмоциональных особенностей, является верным. Поскольку в УК указано о том, что лицо не подлежит ответственности вследствие невменяемости. Но данная норма охватывает случаи, когда лицо не осознавало общественную опасность совершенного деяния и не могло руководить ими из-за психического расстройства. То есть не осознавало и не предвидело. Однако бывают случаи, когда лицо предвидело наступление общественно опасных последствий, но из-за того, что лицо находилось под воздействием сильного стресса, не могло их предотвратить. Такая норма может

иметь место, но при условии, что будет регламентировано, каким образом можно установить, что у лица была психоэмоциональная перегрузка.

С. В. Рахманин определяет, что необходимо закрепить, что невиновным причинением вреда является действия лица, которое явно не осознавало незаконность своих действий, если в норме соответствующей статьи Особенной части УК содержится прямое указание на необходимость заведомого знания о незаконном характере деяния. Более того, невиновное причинение вреда может иметь место при условии, что гражданин, кратковременно пребывающий в государстве, совершает деяние, которое не является преступлением в государстве его постоянного проживания, и не был предупрежден о преступности совершенного деяния [3, с. 44].

А. В. Грошев считает, что проблему привлечения иностранного лица к уголовной ответственности можно решить путем закрепления презумпции знания закона в качестве отдельной нормы в Уголовном кодексе [1, с. 152]. По нашему мнению, положение о том, что иностранный гражданин, совершивший такое противоправное деяние, которое не является преступлением в государстве его гражданства, попадает под действие нормы о невиновном причинении вреда, не является верным. Так как в УК предусмотрена отдельная норма, регламентирующая, что иностранные граждане подлежат уголовной ответственности наравне с гражданами Республики Беларусь, то отдельно закреплять презумпцию знания закона не требуется. Более того, пребывая в иностранное государство, гражданин должен осознавать, что законодательство может отличаться от законодательства государства его гражданства, соответственно, он обязан ознакомиться с основными правами и обязанностями, которые закреплены в государстве пребывания. Из этого следует, что полагать, что иностранный гражданин не мог и не должен был знать нормы права государства, в которое он пребывает, не является верным.

Таким образом, можно сделать вывод, что невиновное причинение вреда является нормативным способом опровержения презумпции знания уголовного закона. Как было сказано выше, применение статьи 26 УК требует рассмотрения каждой ситуации в соответствии со всеми особенности. Также необходимо отметить, что данная норма будет работать верно, если будет приведено официальное толкование.

Библиографические ссылки

1. Грошев А. В. Презумпции в уголовном праве и их роль в правоприменительной деятельности // Журнал «Юридическая техника». 2010. № 4. С. 145–153.

2. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Гаухман Л. Д. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. 448 с.

3. Рахманин С. В. Проблема опровержимости презумпции знания закона и юридическая ошибка в уголовном праве // Право и политика. 2019. № 3. С. 40–45.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 года г. : в ред.

Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 14.07.2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

6. Шеслер А. В. Виды уголовно-противоправных деяний // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 255 –260.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азаров Дмитрий Васильевич – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Брянского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Анциферова Эдита Юрьевна – аспирант УО «Академия управления при Президенте Республики Беларусь»

Бакун Анна Станиславовна – заместитель декана по учебно-воспитательной работе юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Балашов Олег Владимирович – аспирант кафедры теории и истории права и государства Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Бичун Вероника Мечиславовна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Бондаренко Мирослав Святославович – аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета

Бондаренко Наталья Леонидовна – заведующий кафедрой хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Валевко Андрей Викторович – старший преподаватель кафедры конституционного права и государственного управления юридического факультета УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси

Василевич Сергей Григорьевич – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Ватыль Виктор Николаевич – заведующий кафедрой политологии юридического факультета УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», доктор политических наук, профессор

Вербова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»

Вершок Ирина Леонидовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Вечорко Виталий Юрьевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Волков Владимир Александрович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права УО «Академия МВД Республики Беларусь»

Голубева Людмила Леонидовна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Горбачев Александр Николаевич – заведующий кафедрой земельного, трудового и экологического права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», кандидат юридических наук, доцент

Гринев Игорь Викторович – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Гришаева Ирина Владимировна – магистрант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Демидова Ирина Андреевна – заведующий кафедрой правовых дисциплин УО «Могилевский институт МВД», кандидат юридических наук, доцент

Демичев Дмитрий Михайлович – сопредседатель Научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Ермолович Виктор Иванович – доцент кафедры международного экономического права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук, доцент

Жолнерова Людмила Константиновна – начальник отдела по опеке и попечительству Департамента семьи, социальной и демографической политики Брянской области

Занько Евгений Сергеевич – аспирант кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета

Зубрик Диана Антоновна – преподаватель-стажер кафедры теории и истории государства и права юридического факультета УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»

Иванников Иван Андреевич – профессор кафедры теории и истории государства и права Сочинского филиала (института) РУДН, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор

Иванова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Калинин Сергей Артурович – заместитель декана по научно-образовательной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Карпенко Михаил Олегович – аспирант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ

Кожар Елена Валерьевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Колоша Ксения Николаевна – магистрант кафедры теории и истории права юридического факультета УО «БИП – Университет права и социально-информационных технологий»

Кондратович Наталья Михайловна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Коробова Анна Александровна – магистрант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Кочерга Ольга Руслановна – научный сотрудник ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»

Куницкая Ольга Михайловна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Кучугурный Денис Анатольевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Лагун Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Лазуткин Владимир Анатольевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Лузгин Иван Иванович – заведующий учебной лабораторией криминалистической техники и судебных экспертиз кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета

Макарова Тамара Ивановна – заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Маркевич Дарья Сергеевна – научный сотрудник ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»

Масловская Татьяна Станиславовна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Минич Светлана Александровна – младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Михайловский Вадим Сергеевич – заведующий кафедрой государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат политических наук, доцент

Михновец Юлия Ивановна – инспектор по работе с иностранными гражданами и лицами без гражданства отделения по гражданству и миграции ОВД Солигорского райисполкома, магистр юридических наук

Мороз Олег Васильевич – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Орловская Елена Ивановна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Павлов Вадим Иванович – докторант кафедры теории и истории государства и права УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Перепелица Елена Васильевна – старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Побережная Ольга Евгеньевна – заместитель декана по учебной работе юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат политических наук, доцент

Проневич Дмитрий Андреевич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Реуцкая Елена Александровна – старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права Института государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Седельник Валерия Валерьяновна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Середа Александр Евгеньевич – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета

Серёгин Андрей Викторович – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Ситдикова Роза Иосифовна – профессор кафедры предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор

Скитович Виктор Викторович – главный научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета по заочному обучению, кандидат юридических наук, доцент

Скороход Игорь Георгиевич – доцент кафедры теории и истории права факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент

Солянкина Надежда Алексеевна – старший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

Сороковик Иван Александрович – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Академия управления при Президенте Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент

Стабровский Егор Игоревич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права УО «Академия МВД Республики Беларусь»

Старостина Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук

Сухопаров Виктор Павлович – преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета

Сюбарева Ирина Федоровна – главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный центр образовательного законодательства», доктор педагогических наук, кандидат юридических наук

Тетерин Александр Викторович – доцент кафедры финансового права и правоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент

Тхарёва Марина Геннадьевна – аспирант кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета

Фиронов Анатолий Николаевич – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета

Хотько Ольга Александровна – доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Цветикова Татьяна Викторовна – аспирант ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского»

Шаршун Виктор Александрович – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Шидловский Андрей Викторович – декан юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Шупицкая Оксана Николаевна – доцент кафедры международного права УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Щербик Дмитрий Васильевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ВОСПОМИНАНИЯ 5

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ 8

Голубева Л. Л. Дробязко Степан Григорьевич (1922-2019) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь 8
Василевич Г. А. Расширение полномочий Конституционного Суда как отражение правового характера белорусского государства 14
Ватыль В. Н. Суверенитет белорусского государства: геополитические угрозы и цифровые вызовы 20
Макарова Т. И. Системность современного права: взгляд с позиции комплексности и междисциплинарности 24
Довнар Т. И. Научные школы кафедры теории и истории государства и права 28
Горбачев А. Н., *Жолнерова Л. К.* Развитие идей С.Г. Дробязко о правовом социальном государстве в современных условиях 35
Седельник В. В., *Скитович В. В.* Принцип стабильности правового регулирования: доктринальные и законодательные аспекты 39
Иванников И. А. Российский федерализм в оценке политиков и ученых 44
Бондаренко Н. Л. Хозяйственное право и его место в системе права 49
Демичев Д. М. Инновационное право: предмет, методы, принципы 53
Бибило В. Н. Нормы-принципы уголовно-процессуального права 59
Азаров Д. В. Понятие «судопроизводство» и его использование в отраслевом законодательстве 64
Калинин С. А. Об исходных детерминантах (презумпциях) при изучении закономерностей государства и права 71

РАЗДЕЛ I. ВКЛАД ПРОФЕССОРА С.Г. ДРОБЯЗКО В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ ПРАВА 76

Саракавік І. А. Першыя крокі ў навуку права 76
Ермолович В. И. Права и свободы личности в контексте развития социально-экономических процессов (по материалам средневековой Сербии и Беларуси) 79
Орловская Е. И. Генеральные сеймики 87
Щербик Д. В. Вопросы периодизации истории политической и правовой мысли Беларуси 90
Бичун В. М. Роль Королевства Польского в становлении моделей властеотношений в Великом Княжестве Литовском 94
Валеўка А. В. Ідэалагічныя перадумовы рэформ 1760-х гг. у Рэчы Паспалітай 99

Иванова Т. В. Степан Григорьевич Дробязко о закономерностях и детерминантах в праве 102
Праневіч Дз. А. Рэвалюцыйна-дэмакратычныя ідэі ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стст. 107
Міхнавец Ю. І. Жыццядзейнасць прафесара Драбязкі Сцяпана Рыгоравіча ўклад у развіццё навуковай школы тэорыі права 112
Гринев И. В. Исторический аспект формирования принципа суверенитета Государства над своим воздушным пространством 116
Кожар Е. В. Перадумовы аграрнай рэформы Жыгімонта Аўгуста 1557 года 121
Корабава Г. А. Савецкі вопыт прыцягнення грамадскасці да здзяйснення крымінальнага абвінавачвання (1917 – 1991 гг.) 125

РАЗДЕЛ II. СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 131

Бакун А. С. Аксиологическое значение свободы вероисповедания в цивилизационном контексте 131
Вершок И. Л. Вопросы системности права: традиции и новации 135
Демидова И. А. Принципы права как фактор правового культурного пространства 139
Михайловский В. С. Сущность государства в неомарксистской традиции 143
Куницкая О. М. Реализация экономического суверенитета государства в инвестиционном законодательстве 147
Лагун Д. А. Анализ иерархии национальной системы законодательства в контексте конституционной реформы Республики Беларусь 151
Павлов В. И. Особенности правопонимания в контексте антрополого-правовой методологии 155
Перепелица Е. В. Модификация социально-экономических прав в виртуальном пространстве 160
Серегин А. В. Политическая элита и государство 164
Скороход И. Г. Закон о гражданском обществе: быть или не быть? 169
Шаршун В. А. О некоторых вопросах формирования правовой культуры граждан в условиях цифровой трансформации 173
Шупицкая О. Н. Правовое государство как конституционный принцип 179
Вербова О. В. Понятие термина «теория» в современной юриспруденции 183
Вячорка В. Ю. Суб'ектыўнасць і аб'ектыўнасць сістэмы права 187
Волков В. А. Различные доктринальные подходы к классификации функций судебной власти 192
Кучугурный Д. А. Эволюция функций государства в XXI веке 196
Маркевич Д. С. К вопросу об эффективности законодательства, направленного на обеспечение цифровой трансформации экономики 198
Фиронов А. Н. Правда, совесть и добросовестность, как ценностно-правовые категории 202
Стабровский Е. И. Правовые ценности и их соотношение 206
Минич С. А. Правовое регулирование научной сферы в Республике Беларусь: направления совершенствования 210
Анциферова Э. Ю. «Информатизация» и ее правовое понимание 216

Балашов О. В. К вопросу о правовой культуре в современной России 219
Бондаренко М. С. Человеческий капитал как фактор национальной экономической безопасности 225
Цветикова Т. В. Реализация правовой культуры в условиях Союзного государства 228
Гришаева И. В. Философия права: проблемы поиска сущности права 233
Лазуткін У. А. Тэарэтычныя аспекты ўзаемадзеяння міжнароднага і нацыянальнага права ва ўмовах рэгіяналізацыі 236
Колоша К. Н. Законотворческая деятельность в Республике Беларусь: основные этапы, новации и перспективы совершенствования 240

РАЗДЕЛ III. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ОТРАСЛЕВЫХ НАУКАХ 245

Ситдикова Р. И., *Старостина Е. С.* Школа права интеллектуальной собственности в Казанском университете 245
Сюбарева И. Ф. Совершенствование правового регулирования отношений в сфере образования 249
Василевич С. Г. Правительство Республики Беларусь в новой системе сдержек и противовесов 254
Кондратович Н. М. К вопросу о конституционных принципах в избирательном законодательстве зарубежных стран 257
Масловская Т. С. Конституционный контроль за поправками в конституцию: Республика Беларусь и зарубежный опыт 261
Мороз О. В. Совершенствование правовых определений стратегической экологической оценки, оценки воздействия на окружающую среду, государственной экологической экспертизы с учетом фактора гармонизации законодательств Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации 268
Петрова О. В. Электронные доказательства в уголовном процессе: зарубежный опыт правовой регламентации 272
Побережная О. Е. «Социальное государство» в разрезе социальной функции государства 276
Скобелев В. П. Полномочия суда апелляционной инстанции и основания к отмене (изменению) судебных решений: о некоторых разъяснениях высшей судебной инстанции стран 279
Тетерин А. В. Институт инициативного бюджетирования в России: проблемы и перспективы развития 284
Шидловский А. В. Систематизация критериев установления границ уголовной наказуемости 288
Хотько О. А. Баланс интересов в контексте обеспечения экологической безопасности как основа совершенствования законодательства в области охраны окружающей среды 291
Лузгин И. И., Середа А. Е. Современные криминалистические базы биометрических данных: категории и поиск в процессе управления идентификационными данными 296

Кочерга О. Р. Некоторые аспекты содержания категории «общественная опасность» 302
Реуцкая Е. А. К вопросу о расторжении договора найма жилого помещения 306
Солянкина Н. А. Ответственность в трудовом праве: подходы к пониманию 311
Сухопаров В. П. К вопросу об объектах информационного правоотношения в сети Интернет 316
Занько Е. С. Применение международного принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в Республике Беларусь 321
Карпенко М. О. Специфика предоставления, исследования и оценки доказательств при участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции 326
Тхарёва М. Г. Влияние проведения государственной политики в области государственно-частного партнерства в сфере физической культуры и спорта 330
Зубрик Д. А. Невиновное причинение вреда как условие опровержения презумпции знания уголовного закона 334

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 339

Научное издание

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
заслуженного юриста Республики Беларусь,
доктора юридических наук, профессора
Степана Григорьевича Дробязко

Минск, 23–24 сентября 2022 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Л. Л. Голубева*

Подписано в печать 16.12.2022. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,64. Уч.-изд. л. 24,04.
Тираж экз. Заказ .

Белорусский государственный университет
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.